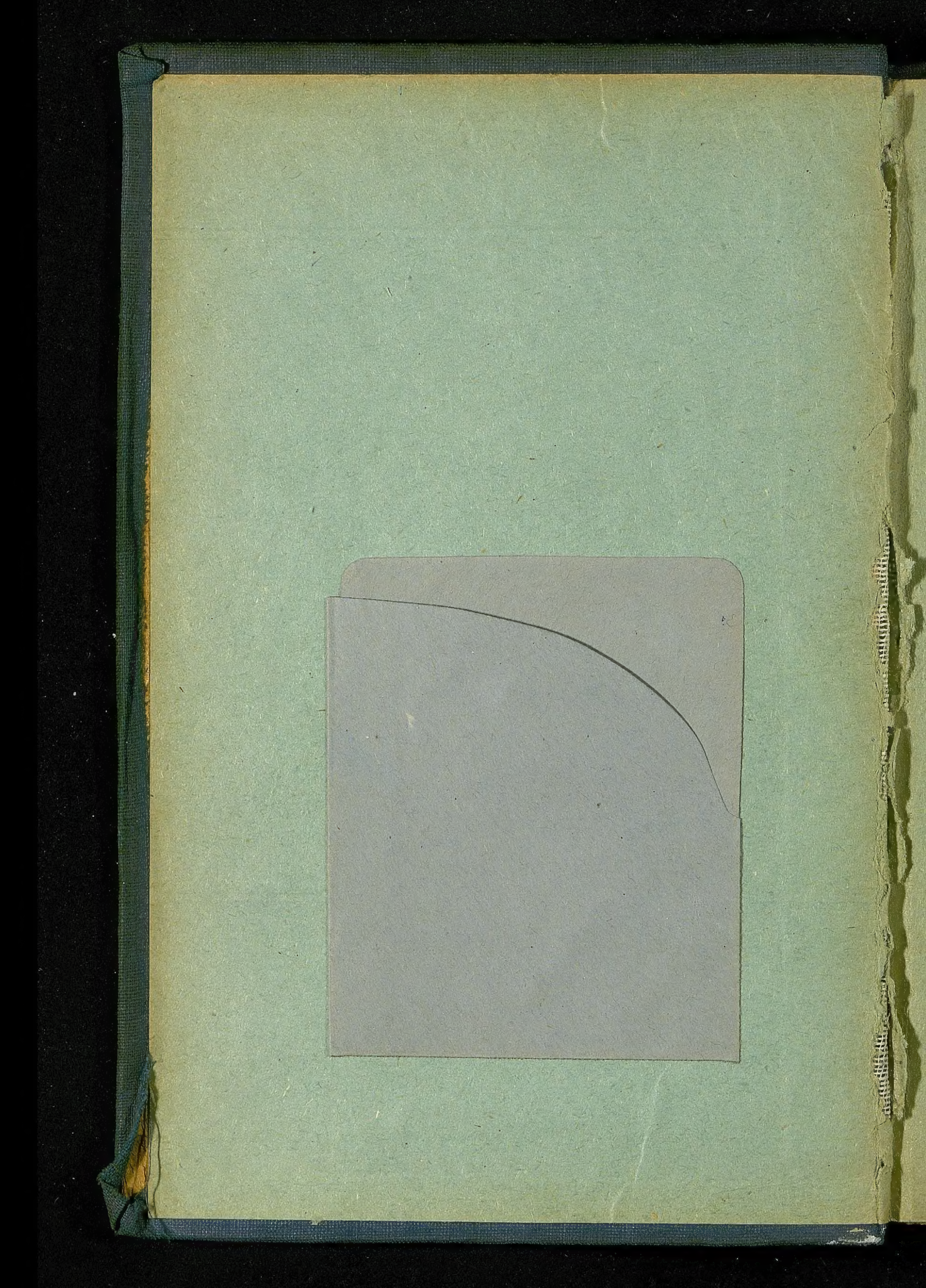
АРХИВ ПОЛКОВНИКА ХАУЗА

ТОМ III





АРХИВ
ПОЛКОВНИКА ХАУЗА

ПОДГОТОВЛЕН К ПЕЧАТИ
ПРОФЕССОРОМ ИСТОРИИ
ИЭЙЛСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ЧАРЛЗОМ СЕЙМУРОМ

ТОМ III

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО
В. В. ПРОКУНИНА



ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1939

В третьем томе архива полковника Хауза—советника бывшего президента США Вильсона—собраны материалы из дневника Хауза и его переписки с президентом Вильсоном и другими политическими деятелями за период с марта 1917 г. до июня 1918 г. Книга освещает участие США в мировой войне 1914—1918 гг., организацию иностранной интервенции против Советской России и роль США в подготовке Версальского договора.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАРЛЗ СЕЙМУР. АРХИВ ПОЛКОВНИКА ХАУЗА. Соцэкгиз 1939 г. Издан. пе
Отв. редактор Л. И. ЛАЗАРЕВСКИЙ. Технический редактор С. ТОП
Корректор Е. ЛИТКЕНС

Сдано в набор 9/III 1939 г. Подписано к печати 10/VI 1939 г. Серия: Мемуа
Уполномоченный Главлита А—5676. Тираж 5.000 экз. Объем 20,68 издательских ли
Объем 20 печ. л. Формат бумаги 60×92 1/16. Огиз № 2169. Зак. № 630. Цена кн
5 р 25 коп. Переплет 1 р. 25 коп.

16-я типография треста «Полиграфкнига», Москва, Трехпрудный, 9

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Том третий архива полковника Хауза является продолжением первых двух томов, изданных Соцэкгизом в 1937 г. Третий том содержит материалы из дневников Хауза и его переписки с бывшим президентом США Вильсоном и другими политическими деятелями в период с марта 1917 г. до июля 1918 г. Книга освещает участие США в мировой империалистической войне 1914—1918 гг., вопросы организации снабжения и финансирования союзников со стороны США, роль США в верховном военном совете. Участие Хауза в качестве представителя президента в лондонских переговорах союзников в конце 1917 г. придает его материалам особенный интерес.

В книге приведены материалы обсуждения в США тайных договоров союзников и показана роль США и других империалистических держав в подготовке Парижской мирной конференции и Версальского договора.

Из документов, приводимых Хаузом, подготовленных к печати и прокомментированных профессором истории Иэйлского универ- тета Чарлзом Сеймуром, видно, какую предательскую роль ал в период Брестского мира и иностранной интервенции в Рос- обер-бандит Троцкий. Союзники и США ориентировались на го в деле срыва ратификации Съездом Советов Брестского мира возлагали надежды на него в период интервенции в России (см. лаву XIII «Русская загадка»). Захватнические цели интервен- ов и стремление задушить социалистическую революцию в России объясняются в ряде приводимых документов попыткой воссоздать восточный фронт против Германии.

Последняя глава посвящена организации единого командования союзников в лице Фоша и вопросам пополнения союзных армий американскими солдатами.

Третий том Хауза—бывшего ближайшего советника Вильсона—приобретает ныне особую актуальность в связи с двадцатилетием Версальского договора и начавшейся второй империалистической войной.

ГЛАВА I

ВСТУПЛЕНИЕ В МИРОВУЮ ВОЙНУ

«Когда президент, отказавшись от своей мирной политики, решил принять участие в войне, он сделал это с той твердой целеустремленностью, которая всегда руководила его поступками...»

Из письма Хауза лорду Брайсу от 10 июня 1917 г.

1

«Настал день,—сказал президент Вильсон в своем обращении к конгрессу 2 апреля 1917 г.,—когда Америке дано почетное право пролить свою кровь и применить свою силу во имя принципов, которым она обязана и своим происхождением, и счастием, и миром, столь высоко ею ценимым. Да поможет ей бог, она не может поступить иначе». Этими словами президент как бы напутствовал Соединенные штаты на то, что он считал крестовым походом в защиту нового международного порядка, в защиту «стойкого, борющегося за мир концерта держав», который должен гарантировать «права великих и малых наций и возможность для всех людей выбирать свой государственный строй и государственную принадлежность». С такой же силой высказал он свое убеждение, что поставленная цель может быть достигнута только после поражения германского милитаризма. «Мы рады, что мы видим теперь действительность без лживой оболочки, ее окружающей, что мы можем сражаться за установление на земле вечного мира, за освобождение народов».

Глубокая и, кажется, непроходимая бездна отделяла того Вильсона, который в январе возвещал Хаузу: «войны не будет», от Вильсона, требующего в апреле согласия конгресса на объявление войны. Мост через эту бездну было не так-то легко перекинуть, и новый путь, возможно, не был бы проложен, если бы Вильсон не видел по другую сторону бездны не столько военный триумф и наказание врага, сколько неясные контуры новой международной структуры, при создании которой Соединенные штаты могли сыграть руководящую роль. Вожди Германии сами доказали ему открытием беспощадной подводной войны, что никакой другой политический курс и не был возможен. «Начиная с этого

времени,—писал германский посол,—он рассматривал императорское правительство, как морально осужденное»[1].

Президент Вильсон решил, раз мост уже переброшен, вести войну с крайней энергией. Благодаря свойственному ему темпераменту и убежденности, он был, вероятно, столь же упорен в решении довести войну до полного поражения Германии, как ранее был он медлителен в отказе от политики нейтралитета. «Когда президент, отказавшись от своей мирной политики,—писал полковник Хауз лорду Брайсу 10 июня 1917 г.,—решил принять участие в войне, он сделал это с той твердой целеустремленностью, которая всегда руководила его поступками». Эта решительность все укреплялась по мере того, как выяснялось, что надежды на скорую победу вряд ли осуществятся. Должно было пройти много месяцев напряженных усилий, прежде чем Соединенные штаты смогли оказать союзным державам активную военную помощь. За это время военное счастье перешло, казалось, на сторону Германии.

На западном фронте заботливо составленные планы, имевшие целью развитие наступления на Сомме, были расстроены сменой командования союзников, явившейся результатом поражения, понесенного в апреле генералом Нивеллем около Шмен де дам. Во Франции разразился кризис, вызванный военной усталостью. До конца года французская армия, подвергнутая моральной и материальной реорганизации под руководством генерала Петэна, была неспособна предпринять большое наступление. На востоке русская мартовская (февральская) революция привела к развалу как экономической, так и военной организации. Ее неизбежным следствием явилось разложение моральной стойкости и дисциплины во всех ее видах. Союзники не могли более рассчитывать на помощь восточного колосса, оказавшего им такую поддержку в 1914 и 1916 гг.

В то время как события на двух главных боевых фронтах спасли Германию от поражения, казавшегося после битвы на Сомме неизбежным, она пустила в ход свои подводные лодки, на атаки которых ее вожди смотрели, как на отчаянную ставку, могущую дать решительную победу. «Это была рискованная, но не необдуманная ставка...»[2].

Великобритания стала в то время главной опорой Антанты; ее войска должны были выдерживать напор врага в течение всего периода времени, нужного Петэну, чтобы вернуть французским армиям прежнюю мощь; амуниция, тоннаж, финансовый кредит Великобритании стали решающими факторами войны, выиграть которую должна была сторона, имеющая наибольшие резервы. Франция вынесла на себе главные удары великих германских атак 1914 и 1916 гг.; теперь настала очередь англичан. Это обстоя-

---

[1] *Bernstorff*, My Three Years in America, p. 385.
[2] *Salter*, Allied Shipping Control, p. 121.

тельство должно было поддержать надежды немцев на то, что если их подводные лодки смогут изолировать Англию и уничтожить ее торговый флот, то война кончится победой Германии. И хотя успех беспощадной подводной войны оказался по прошествии трех месяцев менее значительным, чем ожидалось, он был всетаки достаточным для того, чтобы привести Англию, а с нею и всю Антанту к весьма реальной опасности.

«Все военные успехи союзников оказались вскоре под внезапной угрозой катастрофы,—пишет глава комитета морского транспорта союзников,—и над всеми главными европейскими союзными странами нависла неизбежная опасность голода.

...Были поколеблены начальные успехи новой кампании. За первые три месяца подверглись уничтожению 470 судов океанского класса (если включить суда всех классов, то общее число дойдет до 1000). Только за две недели апреля были потоплены 122 океанских судна. Величина потерь, понесенных океанским флотом англичан в течение этих двух недель, была эквивалентна 25% среднего количества находившихся в пути судов; из каждых четырех судов, покинувших гавани Англии и Ирландии для заокеанского плавания, одно было потеряно до его возвращения. Дальнейшие потери в таком размере имели бы следствием бедственное положение на всех союзных фронтах и могли довести до безоговорочной сдачи»[1].

Почти столь же жизненным фактором успеха союзников, как английский флот, являлось и поддержание английского кредита, который за два предшествующих года обеспечивал в значительной степени покупку необходимых Антанте запасов снаряжения. Английское золото и английский кредит оплачивали ту массу пищевых продуктов, снаряжения и различных изделий промышленности, которую экспортировали Соединенные штаты в союзные страны; Великобритания не только финансировала свою собственную военную торговлю, но авансировала огромные военные кредиты Франции, Италии и более незначительным союзникам. Весна 1917 г. привела английские финансы на край бездны. Английские балансы в Соединенных штатах были близки к полному истощению. Кажется вполне определенным, что без прямой финансовой поддержки со стороны правительства Соединенных штатов торговля между Америкой и союзными странами была бы прекращена, военные нужды союзников остались бы неудовлетворенными, а кредит союзных стран был бы разрушен. Бальфур, на протяжении своей долгой карьеры всегда избегавший преувеличений, заявляет вполне определенно, что «бедствие было неизбежно».

2

Соединенные штаты вступали, таким образом, в войну в тот момент, когда военное, экономическое и политическое положение стран Антанты ухудшилось до степени, правильно оценить кото-

---

[1] *Salter*, op. cit., p. 77, 121.

рую могли только очень немногие посвященные лица в Соединенных штатах и не слишком большое число таких же лиц в Европе. Произнесенная 2 апреля президентом Вильсоном речь, возвещавшая объявление войны, была принята всюду в стране со своего рода спокойным удовлетворением; его долготерпение убедило почти всех, что участие в войне было нам насильственно навязано; нация постепенно проникалась желанием содействовать всеми возможными способами поражению Германии. Но у всех было такое впечатление, что Германия находится на исходе своих сил, лишь немногие подозревали, что шансы победы и поражения попрежнему уравновешены; трудно было предположить, что, если усилиям Америки суждено перевесить чашу весов, нужно довести эти усилия до огромного напряжения и приложить их немедленно.

Даже те американцы, которые обладали многочисленными и авторитетными источниками информации, только постепенно пришли к правильной оценке того, насколько серьезно было с точки зрения союзников сложившееся положение. Это не покажется нам удивительным, когда мы вспомним о том, что война приняла столь широкий размах, что ни один человек в Европе не обладал достаточно широким кругозором, охватывающим ее, как целое, что необходимы были самого различного вида известия о неудачах военных и политических, для того чтобы характер проблемы, стоявшей перед союзниками, стал вполне ясным.

В архиве полковника Хауза находится большое количество писем и донесений, полученных из Европы и отражающих постепенное возрастание потребности в помощи Америки. В февральские дни они отражают ликование Антанты по поводу вручения паспортов Бернсторфу и перспектив участия Америки в войне. Письмо лорда Брайса Хаузу от 16 февраля намекает, правда, что в случае вступления Америки в войну «небольшое количество» войск Соединенных штатов должно быть направлено на фронт; но Брайс, очевидно, имеет в виду скорее моральный, чем военный, эффект и говорит об «уже впавших в уныние немцах». В начале марта, однако, Хауз записывает разговор с одним другом, «который недавно вернулся из Англии и рассказывал печальную историю... Это важно, так как он один из самых близких друзей генерала лорда Френча и, вероятно, отражает взгляд самого Френча».

Сам Хауз после разрыва дипломатических отношений с Германией, но еще до нашего формального вмешательства в войну, очевидно, не являлся сторонником посылки на европейский континент больших экспедиционных сил. Он соглашался с настойчивостью Вильсона в отношении наиболее законченной промышленной организации, которая могла потребоваться, чтобы объединить всю мощь Соединенных штатов против Германии, но он опасался, что попытка создания полного военного механизма в нашей стране и наше желание непосредственно выступить на поле битвы отвлекут нашу энергию от менее видной, хотя более существенной, задачи: помощи союзникам наиболее желательным

для них способом. В письме к президенту, написанном за две недели до объявления войны, Хауз ясно высказывает свое мнение.

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 19 марта 1917 г.

«Дорогой начальник!

Капитан Герарди, наш морской атташе в Берлине, возвращаясь через Париж, сообщает мне, что французское адмиралтейство и офицеры французской армии поставили его в известность о том, что Франция очень нуждается в стальных болванках, каменном угле и другом сырье. Они говорили ему также, что настоящая война будет выиграна нациями, которые дольше сохранят нравственную стойкость.

По их оценке, моральная устойчивость французских войск после разрыва Соединенных штатов с Германией поднялась на 25%.

Напряжение, требуемое от англичан проблемой снабжения военными материалами России, Франции и Италии, столь велико, что они неспособны в дальнейшем укомплектовывать свою армию.

Все, с кем я ни разговаривал, чтобы связаться с английским и французским правительствами, говорят мне, что если мы предполагаем содействовать поражению Германии, мы должны безотлагательно начать снабжать союзников теми предметами, в которых они ощущают недостаток.

Мне кажется, мы должны образовать огромный запас, чтобы поставлять союзникам все, что им наиболее необходимо. Никто не относится с одобрением к шуму, поднятому у нас по поводу создания нами в настоящий момент большой армии. Мне думается, будет лучше, если мы позволим волонтерам вступать в армии союзников.

Мне кажется, мы не можем дольше закрывать глаза на тот факт, что мы уже начали войну и что, если мы будем видеть нашу цель в том, чтобы бросить все наши ресурсы против Германии, это быстро сломит ее дух и приведет к скорейшему окончанию войны.

Любящий вас *Э. М. Хауз*».

Мнение Хауза, что образование большой американской армии будет нецелесообразно, несомненно, разделялось многими американцами в то время[1]. Что это мнение было неправильным, выяснилось только после событий, разразившихся весной. Эти события показали полное банкротство французской насту-

[1] Это мнение разделялось многими на европейском континенте. Андре Тардье пишет («France and America», p. 218): «Каждый смотрел на США, как на огромный резервуар, который может питать Европу свежими силами и военными материалами. Никто не думал, что США способны создать новую армию, чтобы присоединить ее к армиям, уже находящимся на фронте. Каждый считал такую пробу опасной».

пательной кампании и крушение военной мощи России. Хауз сам переменил свое мнение, когда получены были известия об увеличении опасности. Наиболее убедительным в этом отношении было письмо, присланное Хаузу, с целью информировать президента, его другом Артуром Ог Фрэйзиром, советником американского посольства в Париже. Сообщения Фрэйзира основывались, по его словам, на «самой конфиденциальной информации... доставленной французским военным министерством». По его мнению, было «очевидно, что так называемая «информация» на эту тему, которая опубликовывается в газетах, очень неточна и вдобавок слишком оптимистична».

Французский меморандум изображал положение в мрачных красках, может быть, для того, чтобы выразить более эффективно необходимость немедленной помощи. Но и в этом случае нельзя было оставить без внимания ни статистических данных относительно численного соотношения французских и немецких войск, ни выводов французского военного министерства, говоривших о том, что и после тысячи дней войны Германия попрежнему обладает могущественным как в военном, так и в политическом отношении аппаратом, сильным не только своим людским составом и материальной оснащенностью, но и своей солидарностью.

«Можно, следовательно, сказать,—добавлял Фрэйзир,—что почти трехлетняя война довела своими превратностями союзников, по их собственному признанию, до некоторого, и притом долгого, периода инертности, действующей столь угнетающе. Французский народ, болезненно утомленный лишениями и потерями великой войны, видит впереди те же бесконечные месяцы страдания, без надежды, что—поскольку в войне участвует вся Европа—какое-либо ободряющее событие поможет ему выдержать испытания; неизбежно его мысли обратятся против внутренних затруднений. Момент, когда это случится, будет несомненно критическим. При подобном положении дел... французам кажется весьма важным, чтобы США послали немедленно значительную армию в Европу. Что касается немцев, которые обычно думают, что участие Америки в сухопутной войне ограничится посылкой денег и снабжения союзным державам, то прибытие американской армии на западный фронт может привести в уныние этот народ, уже начинающий несомненно страдать от усталости, обусловленной долгой войной»[1].

Позиция, занятая президентом Вильсоном в отношении американского сотрудничества, была такова, что во всех крупных вопросах США должны руководиться опытом, приобретенным союзниками в течение почти трех лет борьбы. Если союзники нуждаются в экспедиционном корпусе, чтобы поднять их дух или их

[1] 8 апреля Нормэн Хэпгуд дал Хаузу каблограмму, что Нивелль и Пенлевэ «настаивают частным образом на включении небольших американских отрядов в французскую армию. Сказанное было бы спасением».

материальные силы, то он предполагал, что США должны послать такой корпус. То, что американские войска стали столь же необходимыми для победы союзников, как и американская амуниция, являлось естественным следствием все более определенных и многочисленных сообщений о развале русского фронта. В середине мая Хауз получил донесение американского агента в Германии, пересланное ему Морисом Игэном, американским полномочным министром в Копенгагене.

Донесение о положении в Германии

«Россия рассматривается с военной точки зрения, как выбывшая на этот год из строя. Благодаря этому создается огромная (германская) резервная армия для Запада, наибольшая резервная армия, которую имела Германия в течение этой войны. Офицеры и солдаты с восточного фронта, с которыми я говорил, сообщили мне, что русские и германцы свободно братаются между линиями окопов. Затишье на Востоке позволило Германии сосредоточить все военные запасы на Западе.

Сильное уныние в Германии, замечавшееся два месяца назад, рассеяно успехами подводных лодок, поскольку о них сообщается в германских газетах.

Еще никогда в течение войны уверенность не была такой крепкой, как в настоящем году.

С питанием дело обстоит лучше, чем я предполагал. Ближайшие восемь недель покажут, не станет ли оно много хуже; но русский хаос, успехи подводных лодок, провал французского и английского наступления на Западе укрепили стойкость народного духа, и имеющееся недовольство значительно меньше, чем я думал.

Военные круги рассматривают выступление Америки как признание со стороны Англии, что она не смогла победить Германию и сняла с себя роль руководителя в войне против нее, что война ведется теперь фактически между Германией и Америкой...»

Чарлз Грэсти, репутация которого как журналиста гарантировалась его многочисленными личными связями и источниками информации, писал Хаузу из Лондона, что к моменту вступления США в войну французы были при последнем издыхании и трения между политическими и военными элементами попрежнему омрачали положение.

Месяцем позже Хауз рассматривал европейское положение с крайним беспокойством. Английское министерство иностранных дел как раз прислало ему тревожную каблограмму, дающую отчет об остром финансовом кризисе и выясняющую необходимость немедленной помощи. Он записал в своем дневнике в последний день июня: «Паническая каблограмма, полученная мной вчера, бьет тревогу. Я вижу признаки утомления воюющих сторон; разрушительный процесс принимает все бо́льшие размеры.

Мои письма из Франции показывают, что положение там приняло серьезный характер и еще вопрос, будет ли она способна выдержать войну в течение года. Я рассчитывал на помощь Великобритании, но если она потерпела финансовый крах, так как некоторые акции ее упали в цене, а некоторые долги не покрыты, то положение неуспокоительно».

3

Через несколько лет после окончания войны полковник Хауз писал: «Вне зависимости от того, насколько обескураживающим могло казаться положение в некоторые отдельные моменты, мое убеждение в конечном успехе никогда не колебалось благодаря, главным образом, моей полнейшей уверенности в способности Вильсона к роли руководителя народа». Качества президента никогда не проявлялись более эффективно, чем в самый момент нашего вступления в войну, когда он внушил нации мысль, что каждый гражданин был, в сущности говоря, солдатом; с помощью этого внушения он вызвал не только энтузиазм, но и готовность к организованной дисциплине, которой трудно было ожидать от народа, столь склонного к индивидуализму.

«В том смысле, в каком мы обыкновенно думали о военной службе,—говорил Вильсон,—военной службы в этой борьбе нет, имеются целые вооруженные нации... Нация нуждается во всех своих сынах, но она в них нуждается не только на поле сражения, что дало бы им наибольшее удовлетворение,—она старается, чтобы каждый из них наилучшим образом служил общему благу. Так, например, хотя искусному стрелку нравится управлять паровым молотом для поковки больших орудий, а искусный машинист желает маршировать за знаменем, нация сильна только тогда, когда искусный стрелок марширует, а машинист остается за своими рычагами. Вся нация должна быть командой, в которой каждый игрок ведет ту игру, для которой он лучше всего подходит».

Не наименьшей из побед США было то, что нация была приготовлена к тому, чтобы нести свою часть боевых усилий, и сотрудничала с энтузиазмом в организации национальных ресурсов. В Соединенных штатах, не имевших бюрократического аппарата, подобного бюрократическому аппарату Европы, в которой необходимая работа по координации национальной промышленности для снабжения армии могла начаться немедленно, процесс этот неизбежно носил случайный характер. Каждая фирма в каждой отрасли продукции состязалась в выработке существенных и несущественных продуктов, в транспортировании, в продаже и найме необходимой рабочей силы. Сама армия была децентрализована, не оформляла или не формулировала своих требований, как единый организм, а делала это через пять бюро по снабжению, которые действовали независимо и конкурировали друг с другом. Цены материалов различных бюро не были согласованы как между собой,

так и с ценами военного флота и союзников. Эффективная помощь США Европе могла начаться только после приведения этого хаоса в порядок, и, как вытекало из природы вещей, прошли многие месяцы, пока необходимая централизация была обеспечена генеральным штабом в чисто военной сфере или департаментом военной промышленности—в сфере промышленной.

Характерно, что президент избегал по возможности создания нового организационного аппарата. Он всегда верил в эволюцию больше, чем в революцию. Именно эта тенденция, а не только партийная принадлежность, побудила его отклонить требование о создании коалиционного кабинета, долженствовавшего включить в себя членов республиканской партии. Как знаток политики он никогда не имел доверия к продуктивности коалиционного правительства и предполагал, что требование основывалось на эгоистических мотивах.

С другой стороны, президент Вильсон решил не допускать проведения политики отдельных партий в деле организации войны. Он говорил Хаузу в феврале, что, поскольку дело касалось службы по ведомству иностранных дел, он не позволял партийным организациям оказывать влияние на выбор подходящих кандидатов и что нужно применять тот же принцип к военным назначениям. Полковник Хауз был совершенно того же мнения и делал все, что мог, чтобы ликвидировать разногласия между республиканцами и демократами. Он обсуждал организацию нижней палаты конгресса с Вилькоксом, председателем республиканского комитета. В марте он писал президенту по поводу сообщения британского посла о том, что сенатор Лодж «выразил желание сотрудничать с президентом в будущем»: «Сэр Сесиль полагает, что если вы пойдете навстречу Лоджу, то это можно осуществить. Если вы заполучите Лоджа, то, вероятно, с ним вместе присоединятся и другие республиканские сенаторы комиссии иностранных дел». Несколькими неделями позже Хауз писал: «Я доволен, что вы виделись с Рузвельтом. Надеюсь, что вы пошлете также за Лоджем. Создается впечатление, что вы можете рассчитывать на широкую поддержку республиканской партии, чтобы довести до конца ваши военные мероприятия. Читали ли вы великолепную речь, которую Рут произнес вчера вечером в республиканском клубе?»

Как оказалось, личное сотрудничество между членами правительства и лидерами республиканской партии никогда не было особенно сердечным, хотя разногласия, по общему соглашению, не проявлялись при дебатах в конгрессе. Но президент Вильсон, делая назначения на главные военные и гражданские посты новых военных департаментов, производил свой выбор, не обращая внимания на политические факторы и, вероятно, в общем не зная, каковы могут быть партийные связи назначаемых. Достаточно указать хотя бы на назначение таких людей, как Першинг, Симс, Гувер, Готэлс, Шваб, Дэвисон. Правда, ни полковнику Рузвельту ни генералу Вуду не были предоставлены командные посты во

Франции, но имеется множество доказательств, что в каждом данном случае решение было принято не президентом, а военными экспертами генерального штаба.

В этой новой военной организации полковник Хауз не занимал никакого официального положения и не выполнял никаких официальных функций. Президент предложил ему «с величайшей готовностью и немедленно» любое место, какое он сам пожелает. Но Хауз всегда предпочитал избегать службы. Однако благодаря своим личным отношениям с Вильсоном и согласно желанию президента, он был втянут в непрерывный ряд информационных совещаний, главное содержание которых, когда оно представляло важность, передавалось в Вашингтон, а если было неважно, откладывалось в сторону, чтобы не обременять и без того перегруженного служебного персонала. Хотя Хауз редко бывал в столице, он ежедневно разговаривал с членами правительства и президентом, пользуясь прямым телефонным проводом, соединявшим его рабочий кабинет с государственным департаментом. «Нужно только снять телефонную трубку, и я немедленно приближаюсь к конторке Полка... Это дает мне постоянный контакт с Вашингтоном». Когда Хауз покидал летом Нью-Йорк, телефонная линия протягивалась до Магнолии, так что его прямая связь со столицей не прерывалась.

Архив полковника Хауза увековечил целый калейдоскоп его личных связей. В его небольшой рабочий кабинет на Пятьдесят третьей авеню приходили люди разного рода и положений. Именно там обсуждал он с Падеревским планы о формировании польской армии, вопрос о сборе средств для помощи полякам, политический характер Польши, которая должна была воскреснуть на грядущем «конгрессе мира», и ее границы[1]. Туда приходили послы всех союзных наций и специальные уполномоченные по вопросам финансов и снабжения. Там или, если было лето, в его доме в Магнолии («все дороги ведут в конце концов в Магнолию»,—говорил Нортклиф в августе) полковник Хауз вел переговоры с неофициальными уполномоченными: с Анри Бергсоном относительно методов сотрудничества с Францией; с Т. П. О'Коннором, который описывал с общих чертах положение Ирландии. Рабочие лидеры, вроде Питера Брэди, социалисты, журналисты, вроде Герберта Кроули и Линкольна Колкорда, английские и американские генерал-майоры, банкиры, члены правительства и члены республиканской партии—со всеми Хауз разговаривал, чтобы иметь возможность вполне разобраться в каждом положении с разных точек зрения, как это представлялось необходимым для получения истинной картины, о которой можно было бы

[1] В речи, произнесенной в Варшаве 20 февраля 1919 г., премьер-министр новой польской республики Падеревский сказал: «Великие результаты, достигнутые в Америке, должны быть приписаны моему искреннему другу, другу всех поляков... полковнику Эдуарду Хаузу».

довести до сведения президента. «Это утомительное занятие, но я держусь за него».

К Хаузу приходили также люди, особенно заинтересованные благодаря их положению или знанию проблем, касавшихся торгового флота, питания, воздушного флота, каменного угля и Красного креста. Члены консультационной комиссии совета национальной обороны высказывали свои заботы и представляли на рассмотрение свои предложения по координации правительственных закупок и фиксированию цен. Его дни проходили в непрерывной суете: телефонные вызовы, телеграммы, письма, личные встречи занимали все его время с утра до ночи. Хауз ободрял своих гостей, иногда давал им советы и создавал им контакт с официальной властью.

Если посетители полковника Хауза насчитывались сотнями, то письма, написанные ему за этот период, когда он играл роль слухового нерва правительства, могут исчисляться тысячами. Обложки его «дел» заполнены проектами правительственных предположений, исходящими от председателей и профессоров университетов, от руководителей больших промышленных корпораций, артистов, журналистов (некоторые из них стали с тех пор заметными людьми), профессиональных организаторов. Один довольно известный политик намекает, что он примет министерский пост или будет рад принять участие в будущей мирной делегации. Имеется несметное число меморандумов, подлежавших дальнейшей передаче компетентному лицу: «Не будете ли вы столь добры сообщить мне, не сможете ли вы предложить какой-либо способ для получения от военного департамента быстрого разрешения этого важного вопроса?» Имеются благодарственные письма, правда, не слишком многочисленные: «Я знаю, что я обязан вам этой честью, а вы знаете, как я вам благодарен за нее».

Те, что планировали мобилизацию научных и промышленных сил, посылали ему свои меморандумы для критики; промышленники писали ему о собственном методе регулировки добычи каменного угля или о железнодорожной проблеме; финансисты просили обратить внимание на выработанный секретарем финансового департамента план налогов; морские эксперты—на политику секретаря Дэниэлса; журналисты—на неудовлетворительные отношения между правительством и прессой, «которые невыносимо запутались... Если немного привести их в порядок, то это будет иметь огромное влияние на ведение войны». Пацифисты посылали Хаузу планы идеального регулирования мировых отношений; эксперты или псевдоэксперты писали относительно обезвоживания пищевых продуктов, уничтожения на корню урожая Германии посредством соли, разбросанной с аэропланов, введения системы передвижных кино, чтобы усилить агитационные речи патриотических ораторов.

Если бы полковник Хауз передавал Вашингтону сотую часть просьб или информаций, которые таким образом поступали к нему,

то невероятно, чтобы он сохранил долго поддерживавшиеся дружественные отношения с правительством. То, что поступало через него в профильтрованном виде, очевидно, рассматривалось, как имеющее цену, так как письма президента дышали не только любовью, но и благодарностью. «Все это время я чувствую благодарность к вам... и прошу вас и впредь поступать все так же... Вы можете совершенно удовлетворительно отвечать на мои возражения... Не напишете ли вы мне снова?.. Ваш благодарный друг... Я поглощаю ваши письма и извлекаю из них пользу».

Президент Вильсон просил совета Хауза, как и в ранние дни своего правления, при производстве новых назначений и устройстве новых организаций, возникавших в результате нашего вмешательства в войну. Президент поручил ему развить предложение Клевлэнда Доджа о том, чтобы побудить Х. П. Дэвисона принять на себя военную организацию американского Красного креста. «Додж хочет видеть Дэвисона главой исполнительной власти Красного креста,—писал Хауз в апреле,—думая, что это решит спор между предложенными пятью миллионами и потребными пятьюдесятью миллионами». Дэвисон развернул огромную работу, которую Хауз позднее описал, как «может быть, наиболее чистый образец административного руководства за все время войны». Благодаря личным встречам и письмам Хауз был хорошо осведомлен о первоначальных затруднениях, встреченных Дэвисоном.

Президент Вильсон точно так же просил Хауза сойтись с Гувером, свершившим чудо помощи бельгийцам, относительно условий, на которых он принял бы на себя руководство продовольственным делом. 6 апреля Ог Джибсон, который в качестве секретаря американской миссии в Брюсселе имел тесные отношения с Гувером, написал Хаузу, что «он (Гувер) явно и страстно желает взяться за работу»; Джибсон приложил каблограмму Гувера: «Помощь будет вполне организована в течение десяти дней, и я освобожусь для другой подходящей службы, если понадоблюсь». 18 апреля Нормэн Хэпгуд писал Хаузу, что Гувер отплыл в США. «Он до некоторой степени обеспокоен: он не желает браться за работу, если она не гарантирует ему достаточной независимости, позволяющей сделать ее удачно, т. е. он не хотел бы работать, подчиняясь какому-либо департаменту. Я написал это несколько более тактично президенту и секретарю Хаустону, но вам я могу говорить прямо».

Гувер высадился в Нью-Йорке 3 мая и попал к Хаузу после полудня. «Он имеет хорошо продуманный и широкий план,—записал в свой дневник Хауз,—при условии, что только он будет приводить его в исполнение... Гувер знаком с продовольственным вопросом, как никто другой, он имеет энергию и движущую силу».

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 4 мая 1917 г.

«Дорогой начальник!

Гувер, как вам известно, вернулся. Я надеюсь, вы увидитесь с ним... У него есть факты, которые вы должны знать. Он может рассказать вам целую историю приблизительно за сорок минут, которые я уделил ему.

Я надеюсь, что Хаустон даст ему полную власть в отношении проблемы регулирования питания. Он знаком с этой проблемой лучше кого-либо другого в мире и внушает доверие и в Европе, и у нас. Если Хаустон не даст ему полной власти, то я боюсь, что он не захочет служить, потому что при его характере дела у него идут хорошо только тогда, когда он имеет полную власть.

Любящий вас *Э. М. Хауз*».

Гувер был сразу назначен уполномоченным по вопросам продовольствия. Августовским законом (Lever Act) президент был уполномочен на создание продовольственной администрации, во главе которой он поставил Гувера с почти диктаторской властью. Гувер выполнял свои обязанности с тактом и энтузиазмом, которые обусловили полное сотрудничество всей страны. Без продовольственных карточек или статутов, имея свою опору только в общественном мнении и добровольном самопожертвовании, продовольственное управление добилось экономии и добавочной продукции, необходимых, чтобы пережить голод, угрожавший нашим европейским сотоварищам по войне.

Полковник Хауз был также уполномочен президентом на переговоры с генералом Готзэлсом, конструктором Панамского канала, только что поставленным во главе чрезвычайного флотского комитета, имевшего целью создание необходимых условий для производства новых судов в количестве, достаточном для возмещения потерь от подводных лодок.

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 6 мая 1917 г.

«Дорогой начальник!

Генерал Готзэлс завтракал сегодня со мной. Он очень волнуется относительно задержки в получении программы намечаемого судостроения. Уже две недели, как он ждет ее. Это означает потерю 200 тыс. *т*, если, правда, строительство судов может быть доведено в течение шести месяцев до тоннажа 400 тыс. *т* в месяц, как он надеется...

Готзэлс по моей просьбе составил краткий меморандум, чтобы показать, что́, по его мнению, необходимо сделать немедленно. Если он сможет узнать завтра или во вторник, что вы одобряете предложения меморандума, он будет в состоянии немедленно пустить дело в ход.

Необходимый тоннаж не может быть создан целиком из леса, так как в стране не имеется достаточного количества выдержанного дерева, чтобы хотя бы приблизительно удовлетворить потребности, и, кроме того, деревянные суда не могут быть построены так быстро, как стальные, да и не могут быть столь эффективными.

Готзэлс исчерпывающе изучил суть дела, и он заявляет, что другого пути для разрешения вопроса не имеется. Есть бесконечное число фирм, предлагающих строить деревянные суда, но Готзэлс говорит, что после проверки он установил, что если контракты с этими фирмами будут заключены, то они никогда их не выполнят. Флорида, например, предлагает поставить известное число деревянных судов, но после обследования Готзэлс установил, что различные компании рассчитывали главным образом на тот же самый материал и на ту же самую рабочую силу и что они не будут в состоянии построить более одной десятой части тех судов, постройка которых оговаривается контрактом.

Прошу извинить, что я обращаю ваше внимание на это дело, но оно кажется мне столь важным не только для нашего успеха на войне, но и для вашего собственного успеха, что я должен так поступить.

Если Россия может быть удержана в строю, если судостроительная программа может быть выполнена, а продовольственное положение улучшено, то война должна быть проиграна Германией.

Я знаю, вы согласитесь со мной, что для проведения такой программы необходимо передать это дело почти целиком в руки одного человека, так как никогда не будет возможности совершить его при посредстве департаментов, где ответственность ложится на многих.

Любящий вас *Э. М. Хауз*».

Меморандум генерала Готзэлса

«1. Исполнительная власть предписывает передачу всех верфей в распоряжение департамента морской торговли или, лучше, в распоряжение чрезвычайного флотского комитета департамента морской торговли США.

2. Президент дает полномочие строить стальные суда в дополнение к деревянным.

3. Употребление 500 млн. долларов для постройки судов на 3 млн. *т*.

4. Употребление 250 млн. долларов для немедленной покупки судов на ходу, если это будет признано желательным».

Президент Вильсон немедленно ответил на это письмо, что он фактически посвятил весь свой день проблеме судостроения, привлек к обсуждению вопроса Денмэна, председателя управления торгового флота, объясняя нужды, возникшие в результате сложившегося положения, «людям, на которых мы сможем рассчитывать», и что он устроил целый ряд совещаний. Было бы невозможно сле-

довать программе генерала Готзэлса «во всем ее объеме», но президент мог обещать использовать, насколько возможно, все свое влияние в этом деле первостепенной важности. «Генерал Готзэлс может быть уверен, что я делаю, что могу, и что путь будет расчищен по возможности скоро, для чего я осуществляю немедленно все необходимые мероприятия». Он добавил, что германские суда уже переданы в ремонт и будут ремонтироваться со всей возможной для мастерских быстротой, а также что два интернированных германских судна будут названы «Штейбен» и «Де Кальб».

К несчастью для судостроительной программы, отношения между департаментом морской торговли и чрезвычайной флотской комиссией не стали гармоническими; происходили конфликты по поводу власти и политики, и после целых месяцев зря затраченных усилий стала необходима полнейшая реорганизация. Только после прихода к руководству С. М. Шваба американские верфи начали спускать суда на воду с необходимой быстротой.

4

Особый интерес находил полковник Хауз в совещаниях с уполномоченными иностранных держав. Президент Вильсон просил его поддерживать подобные отношения, предполагая, что, благодаря их вполне неофициальному характеру, они могут допускать откровенность высказывания, которая была бы менее вероятна, если бы вместо Хауза был официальный представитель США. Благородное отношение и сотрудничество государственного секретаря делали такие совещания возможными и полезными. По отношению к Лансингу Хауз проявлял любовь и восхищение. Десятью годами позже он писал:

«Страна никогда не оценивала Лансинга, как он этого заслуживал. Еще ни одному государственному секретарю не приходилось работать в столь трудных условиях. Годы нейтралитета, предшествовавшие нашему вступлению в войну, создали немало щекотливых и запутанных положений, каждый неверный шаг мог оказаться гибельным. Лансинг не сделал ни одного такого шага.

Я всегда буду помнить с благодарностью позицию, занятую им по отношению ко мне. Мое положение было необыкновенно и не имело прецедентов; было бы естественно, если бы он противился моим рискованным предприятиям, затрагивавшим сферу его деятельности. Он никогда не делал этого. Он был готов помочь мне любым путем, который президент признает наилучшим.

Страна многим обязана Лансингу, и я надеюсь, что его услуги в течение опасных дней великой войны найдут когда-нибудь справедливую оценку».

Нижеследующие отрывки из дневника Хауза бросают свет на характер совещаний, которые он имел с послами:

«*2 мая 1917 г.* Сегодня завтракал со мной японский посол, и мы беседовали с ним более двух часов. Мы говорили наедине. Я очень рад войти в контакт с восточной дипломатией. Сато способный человек и хорошо поддерживает свое положение. Я получил некоторое представление о японском правительстве и о конституционных условиях, при которых оно работает.

Наиболее важный момент разговора наступил, когда он спросил меня, является ли сейчас момент подходящим для его правительства, чтобы поднять перед вашингтонским правительством вопросы, не разрешенные между ними. Он сказал, что, когда кончится война, должны быть устранены все причины, могущие вызвать трения между США и Японией. Это, заявил он, соответствует, насколько он понимает, и желанию президента. Я предложил ему высказать точнее, что́ он имеет в виду. Он указал на закон о земельной собственности и на наши законы об иммиграции, как на факты, задевающие национальную чувствительность Японии больше каких-либо других фактов. Он думает, тем не менее, что если между обеими странами может быть заключено соглашение, по которому западные штаты США откажутся от издания новых чрезвычайных законов против японской иммиграции, то Япония может быть удовлетворена этим.

Он понимает затруднения, которые возникают перед нашим правительством благодаря праву отдельных штатов издавать законы, вступающие иногда в противоречие с общенациональной политикой и международными договорами.

Я посоветовал Сато не поднимать этого вопроса в настоящее время официально, так как это может создать впечатление, словно японское правительство намеренно старается форсировать решение вопроса как раз в то время, когда США начали войну против центральных держав. Я посоветовал ему дать мне меморандум, выражающий взгляды его правительства, так чтобы вопрос мог быть рассмотрен неофициально. Сато понял суть дела и согласился поступить согласно моему совету. Он представит мне меморандум после возвращения в Вашингтон. Он колебался, однако, относительно того, должен ли он изложить свои высказывания письменно, говоря, что его правительство не уполномочило его поднимать вопрос официально».

Письмо Сато Хаузу

Вашингтон, 7 мая 1917 г.

«Дорогой полковник Хауз!

Прошу вас принять мою горячую и искреннюю благодарность за ваш добрый прием и откровенную сердечную беседу, доставившие мне такое удовольствие во время моего пребывания в Нью-Йорке. Следуя вашему совету, я подготовил с тех пор меморандум, кратко излагающий вопрос, который составлял часть нашего раз-

говора, и я беру на себя смелость послать его вам с тем, чтобы вы использовали его, как найдете нужным...

С глубоким уважением и сердечными пожеланиями я прошу вас, дорогой полковник Хауз, доверять мне, весьма искренне вам преданному

Аимаро Сато»[1].

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 11 мая 1917 г.

«Дорогой начальник!

На прошлой неделе со мной завтракал японский посол. Перед концом нашего разговора он пожелал узнать, не считаю ли я, что настало подходящее время, чтобы начать переговоры о несогласиях, существующих между двумя нашими правительствами...

Я прилагаю копию его письма, меморандум и мой ответ. Когда у вас будет свободное время, не дадите ли вы мне совет относительно всего этого? Если Россия качнется назад, к самодержавному правительству, то я думаю, что тесное сближение между Германией, Японией и Россией несомненно.

Уолтер Роджерс только что вернулся с Дальнего Востока... Он настоятельно советует лучше обслуживать информацией Японию, Китай и Россию. Я не хочу вдаваться в детали, но, судя по тому, что я узнал не только от Роджерса, но и от других, это является одной из неотложных нужд данного момента.

Общественное мнение как Японии, так и Китая считает, что мы почти так же не хотим сражаться, как сам Китай, и до народов этих стран не дошло никаких сведений ни о наших военных приготовлениях, ни о ваших посланиях конгрессу.

Это все может быть изменено ценой незначительных расходов.

Любящий вас *Э. М. Хауз*».

Следующее письмо, хотя и более поздней даты, показывает интерес Хауза к японской проблеме, несомненно отражая его мнение, высказанное двумя годами позже на мирной конференции при рассмотрении шаньдунского вопроса.

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 18 сентября 1917 г.

«Дорогой начальник!

Я имел сегодня разговор с Ролэндом Моррисом[2]. Я надеюсь, вы поговорите с ним десять или пятнадцать минут до его отъезда в Японию (в ближайший вторник), чтобы изложить ему вашу точку зрения на дальневосточные проблемы. Мне кажется, что он сам имеет правильный взгляд на вещи и, если вы согласны с этим взглядом, поймет, в каком направлении нужно действовать.

[1] См. приложение к этой главе.

[2] Вновь назначенный посол США в Японии.

Мы не можем удовлетворить желаний Японии как в отношении земельного вопроса, так и в отношении иммиграции, и если мы не сделаем некоторых уступок, касающихся японской сферы влияния на Востоке, то раздор с Японией рано или поздно неизбежен. Япония отстранена от какого-либо участия в эксплоатации отставших в своем развитии стран, и если ее влияние на Востоке не будет признано в столь же высокой степени, как влияние западных держав, то она отомстит за это.

Может быть формулирована политика, оставляющая в силе принцип открытых дверей, восстанавливающая в правах Китай и удовлетворяющая Японию. Моррис ясно видит это, но нуждается в вашей санкции, если, правда, такая политика имеет вашу санкцию.

Любящий вас *Э. М. Хауз*».

С новым русским послом Временного правительства полковник Хауз также поддерживал тесные отношения. Не раз в течение лета русский уполномоченный посещал его, очевидно думая, что через полковника он может непосредственно представить президенту Вильсону сведения о все возрастающей нужде России во внешней помощи, которая одна только и могла ее спасти от полного развала. Хауз поддерживал его мольбы о помощи.

«Я не представляю себе, что мы можем оказывать слишком много внимания положению в России,—пишет он президенту,— так как если она изменит нам, то наши бедствия будут велики и многочисленны».

Отношения Хауза с французским и английским послами были совершенно другого характера, так как они основывались на искренней личной дружбе. Он преодолевал вместе с ними затруднительные проблемы дней американского нейтралитета, когда интересы США часто непосредственно сталкивались с интересами союзных держав. Эти разногласия, конечно, не поколебали уверенности послов в Хаузе и, несомненно, не затронули чувства уважения и любви, которые Хауз питал к послам. «Жюссеран знает Америку,—пишет Хауз,—так же хорошо, как он знает Европу. Его близость к личности и взглядам президента, объясняемые его долгим пребыванием в Вашингтоне, были ценны во многих опасных положениях. Жюссеран был долгое время наиболее тесной связью между Францией и США, и он заслужил уважение и хвалу обеих стран».

Принимая во внимание дружбу Хауза с послами Франции и Англии, так же как и его европейский опыт и его контакт с политическими руководителями союзных держав, президент Вильсон оказывал особое доверие мнению полковника по поводу всех вопросов внешней политики: «Вы лучше осведомлены,—писал он ему в начале лета,—о том, что говорят и думают по ту сторону океана, чем мы здесь».

Поэтому не было ничего неестественного в том, что Вильсон должен был призвать Хауза к активному участию в первой важ-

ной конференции с представителями союзников, которая имела место вскоре после нашего вмешательства в войну.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Меморандум посла Сато

Вопрос о взаимоотношениях Японии и Америки, нуждающийся в немедленном согласовании, является по существу вопросом об отношении к японским резидентам в США. Япония не желает ничего большего, чем пользование правами наиболее благоприятствуемой нации. Это желание может быть достигнуто, по моему личному мнению, посредством следующих мероприятий:

1. Посредством договора

а) Заключением самостоятельного договора, взаимно гарантирующего гражданам и подданным права наиболее благоприятствуемой нации в отношении собственности и других прав, касающихся занятий промышленностью и ремеслами, аренды и т. д. Переговоры в этом направлении уже велись некоторое время назад между государственным секретарем Брайаном и послом Чинда, но были приостановлены по причинам, о которых я не вижу нужды упоминать.

b) Пересмотром существующего между нашими двумя странами торгового договора, так чтобы согласовать его в отношении его условий с подобными же обязательствами, заключенными Японией с различными европейскими державами и гарантирующими в принципе права наиболее благоприятствуемой нации в пользовании собственностью и во всем, относящемся к занятию промыслами, профессиями и изучению наук.

2. Посредством законодательных мероприятий США

Хотя данная тема не подходит для международного обсуждения, но можно упомянуть, что изменение конституции, препятствующее какому-либо из штатов вводить и проводить какой-либо закон, дискриминирующий иностранцев в отношении права собственности или других гражданских прав, окажется далеко идущим средством. Собственно говоря, резолюция, высказывающая такую точку зрения, была, как я слышал, внесена недавно в конгресс.

В связи с этим я могу установить тот факт, что положения, предусматривающие расовое различие в существующем законе о натурализации, были в некоторых случаях использованы с целью лишения японских подданных прав и привилегий гражданского характера. Хотя разумность закона представляет сама по себе предмет национального, а не международного интереса, но то несчастное обстоятельство, что определенные положения этого закона дают предлог для умаления гражданских прав иностран-

цев, должно, я позволю себе сделать это замечание, составить подходящий предмет для внимания законодателей.

Сравнительные достоинства каждого из средств должны быть изучены обоими правительствами в отношении их пригодности и возможности.

Будет ли достаточно какого-либо одного мероприятия для решения всей проблемы,—это вопрос, окончательный ответ на который не позволяет мне дать уже сейчас моя осторожность, но я твердо убежден, что каждое мероприятие пройдет длительный путь, прежде чем оно приведет к полному решению вопроса.

В заключение я хочу коснуться проблемы иммиграции. Вопрос о том, должны ли японские рабочие допускаться в США или нет, будет всецело разрешаться путем постоянного и честного соблюдения Японией так называемого джентльменского соглашения. Поскольку дело касается японского правительства, проблема эта не принадлежит более к области жизненных вопросов, и, по-моему, мы лучше послужим интересам обеих наций, если оставим дело, как оно есть.

ГЛАВА II

МИССИЯ БАЛЬФУРА

«Мне понравилось, что Бальфур отнесся с энтузиазмом к предложению, чтобы Великобритания и США вместе стояли за справедливый мир...»

Из дневника Хауза, 22 апреля 1917 г.

1

Президент Вильсон добился того, чтобы новая военная организация США развивалась не по абстрактным принципам, а непосредственно приноравливалась к особым нуждам союзников. Эта проблема не могла столь быстро приобрести свое значение для войны как проблема снабжения союзников тем, в чем они испытывали постоянную нужду, т. е. людьми, кораблями, кредитами. Вступление США в войну резко повысило потенциальные ресурсы антигерманской группы, но оно имело бы незначительную практическую ценность, если бы дало только изолированное усилие, а не реальное сотрудничество. Германия считала вероятным, что усилие Америки, предпринятое без соответствующей подготовки, не окажет влияния на исход войны, которая будет решена действиями подводных лодок. Игра Германии могла быть выиграна, если бы между потребностями союзников и возможностью для США удовлетворить эти потребности не была сразу установлена тесная взаимосвязь. Сэр Уильям Уайзмэн писал Хаузу в сентябре 1917 г.: «Наибольший актив Германии—это три тысячи миль, которые отделяют Вашингтон от Лондона».

Бесполезность изолированного американского усилия была остро осознана президентом и его советниками, и то обстоятельство, что полное сотрудничество было в конце концов достигнуто, явилось главным образом результатом американской настойчивости, особенно настойчивости секретаря Мак-Аду и руководителей военных департаментов. Процесс протекал по необходимости медленно, так как американское общественное мнение должно было воспитываться и нуждой и благоприятным случаем. Имелась, как и всегда будет иметься, известная очень малая часть общественного мнения, утверждавшая, что США были вовлечены в войну коварством заинтересованных лиц с целью таскать для Антанты кашта-

ны из огня. Сам президент Вильсон всегда заботливо старался охранить США от строго определенного военного союза и ввел выражение «присоединившаяся держава», чтобы ясно определить положение своей страны относительно союзных держав Европы.

Союзные державы были хорошо информированы о существовании в США различных условий, оказывавших влияние на проблему американского сотрудничества. Через посредство английского и французского послов, имевших много друзей в республиканских кругах, они внимательно следили за общим направлением неофициального мнения.

Они полагались также на сообщения начальника английской осведомительной службы сэра Уильяма Уайзмэна, который благодаря своей тесной связи с полковником Хаузом рассматривался как авторитетный разъяснитель политики президента Вильсона. Заботливо составленный Уайзмэном меморандум, прочтенный президентом Вильсоном до отправки британскому правительству и получивший благоприятную оценку президента, назвавшего его «правильно составленным», объясняет как затруднительность, так и важность проблемы американского сотрудничества с союзнической точки зрения.

Меморандум об американском сотрудничестве

[1917 г.

«Мнение страны резко настроено против того, чтобы США связали себя формальным договором с союзниками. Не вполне сознавая это, они (т. е. американцы) чувствуют себя скорее третейскими судьями, чем союзниками. С другой стороны, народ искренен в своем решении раздавить прусское самодержавие и в своем сильном желании достигнуть такого порядка вещей, который сделает будущие войны невозможными.

Весьма важно ясно понять, что американский народ не предполагает, будто ему грозит какая-либо опасность со стороны центральных держав. Правда, многие из государственных людей Америки предвидят опасность германской победы, но большинство народа все еще весьма далеко от войны. Это большинство думает, что оно сражается ради дела демократии, а не ради своего спасения.

До сих пор сохранилось недоверие к Великобритании, унаследованное со времен войны за независимость и поддерживаемое нелепыми историческими книгами, применяемыми тем не менее в народных школах. С другой стороны, имеется историческая симпатия к Франции, и раздоры могут гораздо скорее возникнуть между англичанами и американцами, чем между нами и кем-либо еще из наших союзников. Германская пропаганда, несомненно, придерживается этой линии и направлена почти всецело против Англии.

Союзные правительства могут сделать какое-либо заявление, которое поможет президенту, убедить американский народ, что его усилия и жертвы принесут ему бескорыстную награду, на которую он надеется. Подобное заявление будет лестно для американского народа и в итоге будет способствовать еще более искреннему отношению Америки к задаче, взятой ею на себя. Чем более удалена какая-либо нация от опасностей войны, тем более необходимо ей иметь перед собой некий символ или определенную цель, чтобы постоянно держаться их. Американцы привыкли следовать за каким-либо боевым кличем или простой формулой. Президент вполне ясно понимал это, когда он дал им лозунг: «Америка воюет, чтобы сохранить миру демократию»; но пришло время, когда требуется нечто более конкретное.

Задача нашей дипломатии состоит в том, чтобы получать из США громадные количества припасов, несмотря на то, что мы не имеем возможности оказывать с этой целью давление на США. Мы должны добывать громадные займы, обеспечить тоннаж, амуницию, военные припасы, пищевые продукты, нефть и другое сырье. Заказы, которые мы делали, пока ничтожны по сравнению с производительностью других воюющих сторон и очень далеки от тех представлений, которые имеются сейчас у американской общественности. Правительство готово способствовать нам в отношении максимального использования ресурсов США, но необходимо приучить конгресс и нацию к высокой оценке действительного назначения этих гигантских цифр. Недостаточно для нас уверить их, что без их снабжения война будет проиграна. Чтобы быть понятыми общественностью, мы должны перевести язык долларов и тонн на язык усилий и подвигов армий и флотов. Мы должны внушить им понимание боевой ценности их богатств.

Правительство слишком далеко от войны и недостаточно информировано, чтобы судить о справедливости наших требований. Союзники должны проявить терпение, ловкость и сердечность и тем помочь американским властям притти к разрешению серьезного затруднения, которое может быть выражено в немногих словах: «Координация нужд союзников».

Союзники страстно желали поддерживать тесное дипломатическое сотрудничество с США, с тех пор как наше вступление в войну стало казаться вероятным.

Непосредственно после речи президента, требовавшей объявления войны, британское правительство рассмотрело уместность посылки в США специальной миссии, очевидной целью которой должна была быть передача в распоряжение нашего правительства опыта, накопленного Великобританией почти за три года войны, и которая могла также поставить англичан в более тесный контакт с положением, сложившимся в Америке. Важность миссии подчеркивалась уже тем, что главой ее был выбран Бальфур, министр иностранных дел.

Каблограмма Друммонда Хаузу

Лондон, 5 апреля 1917 г.

«Выражаю вам мои сердечнейшие поздравления по поводу великолепной речи президента. Мы все были глубоко тронуты ее содержанием и тоном. Когда конгресс откликнулся на великие идеалы, высказанные в ней, мы решили рассмотреть инструкции, которые будут даны комиссии технических экспертов, посылаемой отсюда в распоряжение правительства США, с целью передать весь опыт, приобретенный нашей страной в течение войны.

Предложено, чтобы на короткое время, для координирования ее деятельности и для более широкого обсуждения запутанных вопросов, подобную комиссию возглавил г. Артур Бальфур.

Не найдете ли вы возможным высказать ваше личное мнение об этом вопросе? Ваша телеграмма не будет, конечно, использована для ускорения приведения в действие какого-либо предложения, которое не встретило бы горячего одобрения президента и вашего народа; особенно когда отсутствие министра иностранных дел в течение почти пяти недель создает значительные неудобства.

Эрик Друммонд».

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 5 апреля 1917 г.

«Дорогой начальник!

Я вкладываю в письмо каблограмму, которую я только что получил от Эрика Друммонда, секретаря Бальфура, пользующегося его доверием. Конечно, фактически, это слова Бальфура.

Не посоветуете ли вы мне, что я должен ответитъ? Я не представляю, каким образом вы сможете, соблюдая приличия, отклонить эту просьбу.

Было бы хорошо, если бы в то же время прибыл француз, занимающий столь же высокое положение.

Бальфур—самый либеральный из членов настоящего британского кабинета, и было бы очень полезно для взаимоотношений обеих стран увидеть его здесь и вести с ним личные переговоры.

Любящий вас *Э. М. Хауз*».

«*6 апреля 1917 г.* Полк сообщил мне по телефону, что президент прочел каблограмму сегодня на заседании кабинета и они обсуждали вопрос о посылке мной благоприятного ответа...

Французское правительство предложило прислать к нам Жоффра и Вивиани... Единственное возражение против их прибытия, которое я могу найти, заключается в том, что оно может вызвать неблагоприятное настроение в стране. Могут говорить, что мы деремся скорее за союзников, а не за великие принципы, изложенные президентом в его второй апрельской речи».

Что бы Хауз ни думал относительно действия, которое окажет на известную часть общественного мнения приезд миссий, его убеждение в практической ценности этого приезда было столь твердо, что он написал президенту следующее письмо, показывающее его истинное мнение, не высказанное им в первом письме, возможно, из опасения, как бы президенту не показалось, что он, Хауз, настаивает по личному убеждению.

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 6 апреля 1917 г.

«Дорогой начальник!

Чем больше я думаю о предложении Бальфура приехать в Америку, тем лучшим оно мне кажется. Этот приезд даст вам личный контакт с одним из наиболее влиятельных государственных деятелей империи и чрезвычайно увеличит ваш престиж на мирной конференции. Я хотел бы, чтобы Бальфур знал вас и уехал с впечатлениями, воспринятыми с менее пристрастной точки зрения, чем моя. Если его будет сопровождать какой-либо француз столь же высокого положения, то это будет полезно в том же отношении...

Любящий вас *Э. М. Хауз*».

16 апреля президент Вильсон ответил на первое письмо Хауза, что предложенная миссия встретит, конечно, радушный прием, хотя он сам отчетливо видит определенные опасности от действия, которое окажет этот приезд на общественное мнение, и боится, что некоторые американцы могут составить себе неправильные представления о наших отношениях с союзными державами. Очень многие, прибавил он, посмотрят на миссию, как на своего рода покушение прибрать нас к рукам, сделать из нас помощника Великобритании. Но президент думал, тем не менее, что приезд миссии послужит многим полезным целям и, возможно, позволит выиграть много времени благодаря более дружной совместной деятельности. Через три дня он известил Хауза об ожидаемом приезде французской миссии («очевидно, только для приветствия»), возглавляемой Вивиани и Жоффром.

Каблограмма Хауза Друммонду

Нью-Йорк, 9 апреля 1917 г.

«Очень благодарен за ваше благоприятное сообщение. Мой друг всегда придерживался таких убеждений, но до тех пор, пока Россия не присоединилась к демократическим нациям, он не думал, что она может присоединить к ним свой голос.

Он весьма доволен, что мистер Бальфур хочет приехать в США, и, конечно, я тоже приведен этим в восторг. Результатом этого приезда должно бы быть решение многих проблем, с которыми мы

столкнулись, и моя страна высоко оценит оказываемую ей честь. Я надеюсь, что Бальфур сможет приехать немедленно.

Я хотел бы предложить, чтобы миссия была названа скорее дипломатической, чем военной, и чтобы ее военные и морские участники не принадлежали к высшему командному составу: лучше не слишком подчеркивать это обстоятельство.

Э. М. Хауз».

Таким образом, в тот самый день, когда благодаря официальному голосованию конгресса США вступили в войну, было решено радушно принять уполномоченных союзных держав. Не прошло и недели, как миссия Бальфура уже была на водах Атлантики, а 21 апреля она высадилась в Галифаксе, откуда отправилась по железной дороге через Нью-Йорк в Вашингтон. Несколькими днями позже прибыла французская миссия, руководимая Вивиани и Жоффром, а за нею вскоре последовали итальянская и бельгийская миссии.

Каков бы ни был исход последовавшей затем конференции, отправка этих миссий являлась сама по себе символическим жестом дружных усилий, благодаря которым Германия только и могла быть побеждена.

2

Утром 22 апреля миссия Бальфура, по дороге в Вашингтон, проехала через Нью-Йорк. Кроме министра иностранных дел и сэра Эрика Друммонда, к миссии принадлежали представители армии, флота и финансов: генерал Бридж, адмирал де Чер, лорд Кэнлифф. В 9 часов утра полковник Хауз, по приглашению британского посольства, приехал на Пенсильванский вокзал Нью-Йорка, чтобы встретить Бальфура, который, едва прибыв, покинул город, направляясь дальше. Разговор с Бальфуром затронул только общие темы, но сообщение Хауза Вильсону интересно тем, что показывает боязнь Хауза, как бы на конференции в Вашингтоне не были задеты жизненные, но опасные вопросы о целях войны. Сам Хауз считал, что в эту минуту таких тем следует избегать. По его мнению, данный момент подходил скорее для демонстрации необходимости объединенного усилия, а не для подчеркивания разногласий между Америкой и союзными державами относительно конечных целей войны; эти последние, как он думал, могли быть определены только после того, как поражение Германии будет обеспечено.

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 22 апреля 1917 г.

«Дорогой начальник!

По предложению сэра Уильяма Уайзмэна, который, как я предполагаю, говорил от лица сэра Сесиля, я встречал Бальфура при его проезде сегодня утром и имел с ним интересный разговор...

Я сказал Бальфуру, что если вы не будете возражать, то, я думаю, было бы хорошо довести до минимума значительность факта его поездки сюда, с тем чтобы иметь возможность отрицать, что она была предпринята с целью образования известного рода соглашения с союзниками. Мне кажется, чувствуется, что наша страна близка к тому, чтобы заключить сама тайный союз с ними.

Такие люди, как X и У (крайние либералы), приходили повидаться со мною, и я не мог доказать им, что англичане и французы приезжают к нам не с этой целью.

Я надеюсь, вы согласитесь со мной, что наилучшей политикой сейчас является та, которая будет избегать дискуссии об установлении условий мира. Бальфур разделяет мой взгляд. Если союзники начнут спорить об условиях мира сами между собой, они скоро возненавидят друг друга еще больше, чем они ненавидят Германию, и положение будет сходно с тем, какое получилось в балканских государствах после их войны с Турцией. Мне кажется, что единственный вопрос, подлежащий обсуждению в настоящее время,—это каким образом победить Германию возможно скорее.

Я высказал Бальфуру мою надежду на согласие Англии с тем, что мир, который будет наилучшим для всех народов земли, будет наилучшим и для Англии. Он принял мои слова с энтузиазмом.

Если вы молчаливо согласитесь с ним не обсуждать условий мира с другими союзными державами, то позднее наша страна и Англия окажутся в состоянии диктовать широкие и великодушные условия, имеющие в виду постоянный мир.

Любящий вас *Э. М. Хауз*».

Как мы скоро увидим, оказалось невозможным не обсуждать цели войны отчасти, но не главным образом, потому, что Бальфур, как и следовало ожидать, предполагал, что Вильсон пожелает ознакомиться с тайными договорами, посредством которых союзные державы гарантировали одна другой полное осуществление своих целей. Бальфур прибыл вполне подготовленным к переговорам с правительством США по поводу этих договоров. При своем первом разговоре, однако, Хауз затрагивал критическую тему только постольку, поскольку ему нужно было проверить, что британский министр иностранных дел стоял, по крайней мере в принципе, за тот вид соглашения, которого требовал Вильсон в своей речи от 2 апреля. Это видно из отрывка дневника Хауза, дополняющего его письмо к президенту.

«*22 апреля 1917 г.* Я посоветовал Бальфуру быть вполне откровенным в его заявлениях президенту относительно затруднений, встречаемых союзниками при их борьбе против Германии...

Я уговаривал его не поднимать разговора об условиях мира и убедить президента не обсуждать этих условий с кем-либо другим из союзников.

Если бы он это сделал, то наверно при этом выявились бы разногласия, а задачей сейчас является победа над Германией, а не обсуждение условий мира. Бальфур вполне согласен с этим и сказал, что не будет говорить с президентом об условиях мира, разве только если президент начнет разговор сам.

Бальфур спросил меня, что я думаю относительно переговоров о сепаратном мире с Австрией, Турцией и Болгарией[1].

Меня порадовало, что Бальфур отнесся с энтузиазмом к предложению, чтобы Великобритания и США стояли вместе за справедливый мир, за мир для всех народов земли, малых и великих. Великобритания и США, по-моему, достаточно сильны, чтобы стать выше всех мелочных соображений. Я думаю, что то, что хорошо для менее значительных наций, будет впоследствии хорошо и для Великобритании и США. Этот мир легко может стать одним из величайших событий истории, и, если мы хотим заслужить себе оправдание перед самими собой, мы не должны быть мелочными и эгоистичными при его установлении.

Говоря о войне, Бальфур сказал, что быть может это и величайшее событие истории, но оно выше его понимания; он не в силах охватить ее деталей и, вероятно, никогда не будет способен сделать это; грядущие поколения найдут возможность рассматривать ее, как реально существовавшую, но мы этого не можем...»

Первые дни, проведенные миссией в Вашингтоне, были посвящены официальным приемам. Бальфур проявил такт и приветливость, необходимые, чтобы пробудить беспредельный энтузиазм к делу союзников. Этот энтузиазм еще более увеличился, когда 24 апреля прибыла французская миссия. Если и существовали некоторые опасения, что США близки к тому, чтобы попасться в сети европейской дипломатии, то эти опасения потерялись в громе аплодисментов, приветствовавших союзные миссии. Столичные церемонии никак нельзя было считать зря потраченным временем, так как они сделали многое для внушения стране ясного сознания того факта, что война является предприятием, требующим сотрудничества.

В течение первых дней по прибытии миссии Бальфура полковник Хауз оставался в Нью-Йорке. По просьбе Вильсона он приехал в Вашингтон провести там конец недели. 26 апреля он завтракал с президентом.

«Мой разговор с Бальфуром,—сказал Вильсон,—был неудовлетворительным. Как бы пригласить его на семейный обед, на котором вы также будете, а потом устроить совещание?»

Президент был очевидно обеспокоен тем, как будет разрешен между союзниками и США вопрос о целях войны. В пользу выяснения этой проблемы в самый момент вступления США в войну можно было сказать многое. С другой стороны, как указывал

[1] США в то время не были в состоянии войны ни с одной из этих стран.

Хауз в своем письме к Вильсону от 22 апреля, задевать этот вопрос было бы опасно.

Согласно речи Вильсона от 2 апреля, мы подняли оружие против Германии как потому, что Германия уже начала с нами войну при помощи своих подводных лодок, так и потому, что мы желали добиться постоянного и справедливого соглашения. Мы молчаливо приняли на себя обязательство добиваться поражения Германии. Если бы мы не пришли к соглашению с союзниками в отношении условий мира, приняв в то же время на себя борьбу за этот мир, то возникла бы опасность, что мы будем биться за военные цели союзников, возможно, фиксированные в тайных договорах. С другой стороны, если бы после ознакомления с тайными договорами мы отказались их одобрить, то что тогда? Мы могли лишь с трудом заявить, что мы не будем продолжать борьбу с Германией, так как мы имели с ней наши собственные счеты. Было бы бесполезно заявлять, что, так как мы не одобряем целей союзников, мы будем вести войну за свой страх. Если бы мы заявили, что будем драться рядом с союзниками, но оставим за собой право оспаривать впоследствии применение тайных договоров, то единственным результатом этого было бы раздражение и вред, нанесенный возможности действенного сотрудничества в борьбе против общего врага.

Полковник Хауз был осведомлен о тайных договорах. Он говорил президенту о Лондонском договоре, заключенном перед вступлением Италии в войну; Грэй сообщал ему о требованиях Румынии, так что он мог предполагать условия, на которых она вступила в войну. Он вскоре познакомился с договорами еще лучше. Но он надеялся, что президент не захочет создавать из них спорный вопрос в данный момент, и он опасался результатов американского требования к союзникам об отказе от тайных договоров. Могло настать время, когда США были бы в состоянии настоять на подобном требовании, как на необходимом условии прочного мира. Но Америка, вступившая в войну последней и еще не понесшая материальных убытков для достижения победы, не могла занять такой позиции.

Впоследствии президента Вильсона критиковали за то, что ему не удалось урегулировать полностью вопрос о целях войны в тот момент, когда мы в нее вступали. Если эта критика справедлива, то полковник Хауз, очевидно, должен разделить с президентом долю ответственности. Как видно, ни президент, ни полковник Хауз не чувствовали возможности поставить под удар согласие с союзниками, поднимая протест против тайных договоров.

«*26 апреля 1917 г.* [Запись совещания с президентом Вильсоном.] Я приводил доводы против обсуждения условий мира с союзниками, те же самые доводы, которые я использовал при моем первом разговоре с Бальфуром и в моем письме президенту. Президент думает, что было бы жалко позволить Бальфуру возвратиться в Англию без обсуждения этого вопроса. Мне кажется, что обсуждение тайных договоров президентом и Бальфуром не принесет

вреда, если точно уразуметь и даже оговорить, что это будет неофициальное обсуждение вопроса, а также если оба правительства обязуются не обсуждать условий мира с кем-либо другим из союзников[1]. Было решено, что так и следует поступить».

Президент поручил Хаузу передать Бальфуру приглашение на обед, чтобы создать таким образом желательную атмосферу неофициальности; затем было решено, что Хауз должен при этом случае, т. е. до обеда у президента, обсудить с министром общую проблему целей войны и осведомиться у него относительно тайных договоров.

С точки зрения последующей полемики, старавшейся установить, знали ли американцы о тайных договорах, имеет величайшее историческое значение нижеследующий разговор с Бальфуром, записанный полковником Хаузом. Запись неудовлетворительна только в том отношении, что Хауз диктовал свои заметки о разговоре с неизбежной поспешностью, очевидно обычной. Если не принимать этого обстоятельства во внимание, то заметки создают впечатление поверхностности. Необходимо также помнить, что этот разговор, как и следующий за ним, был посвящен не обсуждению достоинств самих тайных договоров, а скорее их отношению к американской политике и взаимоотношениям между Америкой и союзниками.

«*28 апреля 1917 г.* Наиболее важный разговор за сегодняшний день был у меня с Бальфуром. Мы беседовали целых полтора часа без какой-либо помехи. Я вспомнил о том, что накануне сэр Эрик спросил меня, не было ли бы удобнее для Бальфура оставаться гостем правительства, не отправляясь в английское посольство, как предполагалось... Мы просим Друммонда, так же как и Бальфура, свободно высказывать свои мнения, как это бывает между друзьями, так, чтобы дела могли итти без трений. Они обещали так сделать.

Бальфур пожелал знать, с чего мы начнем переговоры: должны ли мы сначала поднять вопрос об условиях мира, которые будут предложены в случае решительного поражения Германии, или мы начнем обсуждать вопрос на основе «пата», частичного поражения. Я высказал мысль, что лучше начать обсуждение с первого предположения.

У нас была большая карта Европы и Малой Азии, и мы начали эту весьма важную и интересную дискуссию, согласившись, что, когда мы с ним обсудим до конца первый вопрос, я доложу о наших выводах президенту до того, как мы трое сойдемся для совещания в понедельник[2].

[1] Неясно, каким образом англичане, имевшие договоры с другими союзниками, могли не обсуждать этих договоров при случае.

[2] Хауз писал позднее, что на эту карту были нанесены границы, обусловленные тайными договорами, и что Бальфур предоставил ее в распоряжение полковника. Она не смогла быть найдена в архиве Хауза и была несомненно передана для осведомления, а потом переслана в государственный департамент.

Он считал гарантированным, что Эльзас и Лотарингия должны перейти к Франции и что Франция, Бельгия и Сербия будут восстановлены в прежнем состоянии.

Он сначала обменялся мнениями о Польше и описал в общих чертах, каковы должны быть ее границы. Конечно, камнем преткновения был выход к морю. Таким выходом может быть только Данциг... Это создало бы новые Эльзас и Лотарингию, т. е. новый предлог для мучений, раздражений и беспокойств. Бальфур полагает, что возможно превратить Данциг в открытый порт и таким путем удовлетворить Польшу. В данный момент я не смотрю на это с одобрением, особенно по той причине, что немцы и поляки стали бы врагами и были бы готовы при малейшем раздражении жаловаться друг на друга. Тем не менее я горячо защищал восстановленную и обновленную Польшу, достаточно большую и достаточно мощную, чтобы служить буферным государством между Германией и Россией.

Потом перешли к Сербии и согласились, что Австрия должна возвратить Боснию и Герцеговину, но Сербия с своей стороны вернет Болгарии ту часть Македонии, которая предназначалась болгарам по первому балканскому соглашению.

Румыния, по нашему мнению, должна приобрести небольшой кусок России, населенной румынами, и по той же причине часть Венгрии[1].

Мы думаем, что Австрия должна состоять из трех государств: Богемии, Венгрии и собственно Австрии.

Мы не пришли ни к какому заключению относительно Триеста. Нельзя считать хорошим или желательным исходом, если Австрия будет отрезана от Адриатики. Бальфур доказывал, что Италия претендует на обладание Далмацией для обеспечения защиты своего восточного побережья. Она не имеет ни одного морского порта от Венеции до Бриндизи и заявляет, что противолежащее побережье необходимо ей для самозащиты».

Упоминание о домогательствах Италии дало Хаузу удобный случай, которого он ждал, позволив ему поставить вопрос о тайных обязательствах, взаимно принятых на себя союзниками с тем, чтобы добиться полного осуществления их целей войны.

«Это позволило мне спросить,—продолжает Хауз,—какие договоры существуют между союзниками в отношении раздела добычи после войны. Бальфур ответил, что имелись взаимные договоры, а когда Италия вступила в войну, с ней также заключили договор, в котором обещали ей довольно многое из того, что она запрашивала.

Бальфу говорил с сожалением о зрелище, которое предста-

---

[1] Очевидно, имеются в виду Бессарабия, Трансильвания и Банат. Они могли казаться маленькими на карте Бальфура, но территории, обещанные Румынии по тайному Бухарестскому договору, подписанному 17 августа 1916 г., должны были почти удвоить площадь Румынии. Принадлежавшая России Бессарабия не входила в территории, обещанные Румынии.

вляют собой великие державы, собравшиеся для раздела военной добычи, или, как он выразился, «делящие шкуру неубитого медведя». Я спросил его, не думает ли он, что союзникам следует дать копии этих договоров президенту для конфиденциальной информации. Он счел такую просьбу вполне разумной и сказал, что у него должны быть копии, сделанные для этой цели. Он не был уверен, взял ли он их с собой, но если и не взял, то он хотел послать за ними.

Я спросил его, не полагает ли он, что было бы разумнее для нас внести ясность в отношении этих договорных обещаний, чтобы на мирной конференции мы имели возможность оказать влияние, выступая против неправильного и обусловленного алчностью распределения территорий. Я сказал ему то же, что я однажды сказал Грэю, а именно, что если мы хотим оправдать наше участие в войне, то мы должны быть сами совершенно свободны от мелочности, от эгоистичных мыслей и смотреть на вещи широко, с точки зрения интересов всего мира. Бальфур с энтузиазмом согласился со мною.

Затем мы перешли к Константинополю. Мы согласились, что его нужно интернационализировать[1].

Перемахнув через Босфор, мы прибыли в Анатолию[2]. Именно здесь тайные договоры между союзниками выступили наиболее выпукло. Они соглашались дать России сферу влияния в Армении и северной части Малой Азии. Англичане получают Месопотамию и область, смежную с Египтом. Франция и Италия[3] имеют каждая свою сферу, охватывающую часть Анатолии до проливов.

Все это плохо, так я и сказал Бальфуру. Они вспахали почву для новой войны. Я осведомился, что подразумевается под словами «сфера влияния». Бальфур весьма смутно коснулся этого. Слова подразумевают постоянную оккупацию или предполагают, что каждая нация обладает исключительным правом развития всех ресурсов в пределах своей сферы; он выражался отнюдь не ясно.

Мы не затрагивали вопроса о германских колониях, не говорили мы также о Японии, Китае и восточном вопросе вообще[4].

Мы вернулись к Польше. Возражения Бальфура против польского государства, отделяющего Россиию от Германии, были вы-

---

[1] Это не соответствует обещаниям, данным со стороны Великобритании и Франции России в марте 1915 г. Согласно этим обещаниям, Константинополь должен был принадлежать России, но быть в то же время открытым портом для товаров, не ввозимых в Россию. Хауз, вероятно, не понял Бальфура, истолковывая слова «открытый порт» в значении «свободный город».

[2] Подразумевается, очевидно, азиатская Турция.

[3] Требования Италии были включены в общий свод Лондонского договора; они были зафиксированы более точно около того времени, когда происходило совещание Хауза и Бальфура 19 апреля 1917 г. в Сен-Жан де Мориенн.

[4] Как раз перед вступлением США в войну Франция, Великобритания, Италия и Россия согласились одобрить требования Японии относительно перехода к ней прав, принадлежавших Германии в Шаньдуне и на германских островах к северу от экватора.

званы опасением нанести Франции больший вред, чем Германии, по той причине, что Россия не сможет притти на помощь Франции, подвергшейся германскому нападению. Я думаю, мы должны скорее считаться с Россией, какой она была пятьдесят лет назад, чем с Россией сегодняшнего дня. Пока мы еще можем надеяться, что она превратится из агрессивной страны в демократическую, но если произойдет обратное, то не Германия, а Россия станет угрозой Европы. Я просил его не смотреть на Германию, как на постоянного врага. Если мы сделаем это, то мы спутаем все наши рассуждения и ошибки станут неизбежными. Однако Бальфур продолжал оставаться под впечатлением большей угрозы со стороны Германии, не боясь возможной русской опасности».

3

Хауз не вынуждал Бальфура познакомить его с подробностями тайных договоров. Будучи частным лицом, он не считал возможным потребовать копии их текста. Представляется ясным, что над Хаузом всегда довлела боязнь довести переговоры до некоторой точки, фиксирующей наличие разногласий между американской целью войны и союзными целями. На следующий день полковник обедал с президентом Вильсоном и, если можно полагаться на заметки его дневника, за обедом не упоминалось ни о разговоре Хауза с Бальфуром, ни о предстоящем совещании Вильсона с Бальфуром. Президент как будто старался убежать от текущей политики.

30 апреля состоялось в Белом доме интимное совещание между Вильсоном и Бальфуром. Перед совещанием был семейный обед, на котором президент настаивал и который оказался своего рода введением к лишенной всякой официальности дискуссии на тему о целях войны, как этого и желал Вильсон.

«Кроме президента, Бальфура и меня,—пишет Хауз,—а также миссис Вильсон и мисс Баунс, за обедом никто не присутствовал. Президент был разговорчив. Разговор носил общий характер и касался главным образом науки, истории и архитектуры. Президент рассказал несколько историй о Линкольне, выслушанных Бальфуром с интересом. Президент сказал, что Линкольн не был подготовлен к президентству, когда его избирали, что по тому времени он был недостаточно образован и неопытен в общественной работе. Он говорил о затруднениях, которые встретил Линкольн в своих стремлениях приобрести знания, и о способах, примененных им для расширения своего образования. Оба, и президент и Бальфур, считают почти чудом, что Линкольн, если учесть его предшествующую жизнь и ограниченные возможности, смог проявить отличный литературный вкус.

Говоря об образовании, президент выразил свое несогласие с общей, свойственной нашему времени антиклассической тенденцией. Он думает, что мир выиграл так же много благодаря истори-

ческой лжи, как и благодаря правде. Он не предполагает, что гуманизм должен придерживаться только фактов и материальных предметов. Он указывал на теперешнюю войну с Германией. Немцы думают, что языком машин и газов они выражают самих себя.

Мы пили кофе в овальной гостиной, а затем перешли в кабинет президента, где и состоялось совещание, важность которого не может быть переоценена. Президент продолжал вести разговор. Я видел, что он взвинчен этим совещанием: он даже отдыхал после полудня, не занимаясь своими обычными делами...

Тема нашего совещания была та же, которую Бальфур обсуждал со мной в субботу. Я старался направить разговор так, чтобы охватить все, что было обсуждено мной и Бальфуром и о чем мы условились с президентом на первом из описанных выше совещаний.

Когда мы коснулись вопроса об интернационализации Константинополя, я высказал мнение, что этот вопрос может привести к раздору. Только с трудом я смог их убедить в моем полном согласии с общей идеей и указать им, что мое возражение вызвано только опасением возможности покушения на интернационализацию проливов между Скандинавским полуостровом и континентом Европы, а также Суэцкого и Панамского каналов. Они не хотели согласиться со мной, что оба эти вопроса имеют много общего.

Беседа продолжалась от восьми часов до половины одиннадцатого, когда президент должен был отправиться на прием, даваемый государственным секретарем членам конгресса с целью устроить им встречу с британской и французской миссиями.

Я снова напомнил Бальфуру о межсоюзных договорах и о желательности передачи копий с них президенту. Он снова согласился это сделать.

Когда совещание закончилось, я прошел с Бальфуром в нижний этаж и спросил его, не чувствует ли он, что его мысли и мысли президента соприкасаются во всех точках. Он был полон энтузиазма и сказал, что никогда не имел более интересной встречи. Он говорит, что президент представляет удивительное сочетание гуманистической философии и политического ума.

Президент и Бальфур отправились вместе на прием, а я пошел в свою комнату готовиться к отъезду. Президент вернулся до моего отъезда, и мы поговорили с ним еще несколько минут. Он был восхищен комментариями Бальфура и, казалось, был доволен делом сегодняшнего дня».

Запись этой беседы, сделанная полковником Хаузом, интересна не только благодаря установлению факта, что существование тайных договоров было предметом дискуссии, но также и тем, что президент не придавал этим договорам в то время столь важного значения, чтобы сделать их исходной темой разговора.

Совещание, вполне сходное с совещанием, бывшим на два дня раньше у Хауза с Бальфуром, базировалось не на договорах, а скорее на возможности наиболее удовлетворительного соглаше-

ния, которое могло быть создано для обеспечения мира. Хауз уже говорил Бальфуру, что он рассматривает планы союзников, нашедшие свое выражение в договорах, как «плохие» планы, а Вильсон, много говоривший, имел возможность высказать свои взгляды.

Несколькими месяцами позже, при выработке своих «четырнадцати пунктов», президент Вильсон выразил опасения в отношении обязательств, содержащихся в тайных договорах, особенно в Лондонском договоре. Осведомленный об опасениях президента, сэр Уильям Уайзмэн информировал о них Бальфура, написавшего президенту более подробно про взаимные обязательства союзников.

Письмо Бальфура президенту

Лондон, 30 января 1918 г.

«Дорогой господин президент!

Из сообщения, присланного Уайзмэном, я сделал вывод, что вы хотите знать мои мысли относительно итальянских территориальных претензий, входящих в Лондонский договор, заключенный в 1915 г.

Договор (заключенный, конечно, задолго до того, как я стал министром иностранных дел) носит на себе печать заботы союзников втянуть Италию в войну, а также и того, как использовали уполномоченные Италии эти заботы на пользу своей страны. Однако договор есть договор, и мы—я имею в виду Англию и Францию (о России я ничего не знаю)—обязаны поддерживать его по форме и по духу. Возражений против него найдется и в самом деле достаточно: он предназначает Италии территории на побережье Адриатического моря, население которых состоит не из итальянцев, а из славян; соглашение оправдано не национальными, а стратегическими мотивами.

Я не высказываюсь в данный момент за то, что мы должны исключать подобные аргументы с педантичной последовательностью. Надежные границы—залог мира, и хотя во имя «стратегической необходимости» совершались великие преступления против принципа национальности, однако если специальная граница увеличивает стабильность международных отношений и если население, о котором идет вопрос, незначительно по числу, то я не отверг бы такую «стратегическую границу» в угоду какому-либо отвлеченному принципу. Каждый случай должен рассматриваться в соответствии с его значительностью.

Тем не менее я лично сомневаюсь, была ли бы Италия действительно усилена осуществлением всех ее адриатических требований, и мне во всяком случае не кажется вероятным, что она попытается продолжить войну для получения требуемого. Из трех западноевропейских участников войны она, конечно, наиболее истощена войной, и если она сможет обеспечить себе мир и «Italia Irredenta», она будет, по-моему, неплохо обеспечена...

Весьма искренне ваш *Артур Джемс Бальфур.*

...Я всегда буду рад ответить с полной откровенностью на любой вопрос, который вы пожелаете задать мне. Но это, я думаю, вы уже знаете».

Таким образом является вполне установленным фактом, что президент был информирован о характере тайных договоров и полностью осведомлен о различии между его собственной программой мира и программой союзников. Во времена миссии Бальфура он мог надеяться, что американское влияние на мирной конференции будет в конце концов достаточным, чтобы избавиться от договоров как практического фактора соглашения. Несколькими неделями позже президент Вильсон в письме к полковнику Хаузу намекнул достаточно ясно, что экономическая мощь американцев будет столь велика, что союзники должны будут по необходимости уступить американскому давлению и принять американскую программу мира. «Англия и Франция,—писал он,—не имеют тех же самых взглядов на мир, которые свойственны по известной причине нам. Когда война кончится, мы сможем заставить их думать по-нашему».

Если президент Вильсон считал, что тайные договоры имеют в конечном итоге лишь небольшое значение, то неудивительно, что в момент нашего вступления в войну он отказался от соответствующих выводов из них[1].

4

До своего возвращения в Нью-Йорк полковник Хауз нашел немало удобных случаев, которые позволили ему войти в контакт с большинством членов миссий как французской, так и британской.

«*29 апреля 1917г.* В час дня Фрэнк Полк, мисс Баунс, мисс Бреннон и я отправились в Нейви Йад, на борт яхты «Мэйфлауэр», которой секретарь Дэниэлс поручил отвезти французскую и английскую миссии в Маунт Вернон. Кроме членов миссии на яхте находились члены кабинета. Я провел все время от посадки на борт до возвращения в разговорах с самыми различными людьми.

Наиболее интересной личностью на борту был маршал Жоффр...»

«*30 апреля 1917г.* Сегодняшний день прошел в важных делах... Служащие государственного департамента, члены кабинета и т. д., и т. д. Разговоры с французской и британской миссиями.

Я завтракал во французском посольстве. Моими сотрапезниками были, не считая посла и мадам Жюссеран, маршал Жоффр, Вивиани, Генри Уайт, Фрэнк Полк и другие.

Моя следующая встреча была с сэром Эриком Друммондом. Со времени нашего последнего разговора он раздумывал о виконте Грэе оф Фаллодон, как о специальном уполномоченном в США, остающемся там на неопределенное время. Я счел это великолепным предложением. Сэр Эрик желал знать, согласится ли Грэй на

[1] См. приложение к этой главе.

это... Мне кажется, что они хотят иметь здесь представителя британского правительства, с которым президент говорил бы так же свободно, как с членом нашего собственного правительства...

Мы условились поддерживать постоянную связь, и я убеждал его извещать нас о каждом могущем возникнуть недоразумении, а также о любой помехе, как бы маловажна она ни была, которая может возникнуть и остаться неизвестной нам, если он не сообщит о ней открыто.

Затем я встретился с Эмилем Овелаком из французской миссии. Овелак рассказывал, насколько серьезно положение во Франции и насколько необходимо послать туда наши войска. Союзники находятся, кажется, почти на исходе своих сил, и остается только надеяться, что Германия истощена в такой же степени.

Я отправился затем в дом Генри Уайта, где поместилась французская миссия, и вошел в помещение маршала, где и состоялось наше совещание. Жоффр начал с того, что он страстно желал объяснить положение Франции и сказать о необходимости немедленно переправить туда американских солдат. Он думает, что он может подготовить их к отправке на фронт через пять недель после прибытия, при условии, что они знакомы с зачатками военной тактики. Он требует от них только дисциплины и умения обращаться с оружием.

По-моему, Жоффр по внешности скорее германского, чем французского типа. В молодости он был, вероятно, блондином. Его волосы так подернуты теперь сединой, что трудно угадать их природный цвет. Глаза составляют его особую и, по-моему, наиболее удивительную внешнюю черту. Он обладает как будто весьма методичным умом и представляет собой тип генерала, вполне подходящего для французов в эпоху напряжения, выдержанного ими под его верховным командованием. Я все время сравнивал его в уме с генералом Грантом. Я сказал ему об этом, и он, кажется, не был недоволен сравнением.

Я вижу все более и более ясно опасности трений между союзниками. Недоверие заложено не очень глубоко, и небольшое несогласие между ними выведет его на поверхность. Этой опасности недостаточно остерегаются. Японцы, русские и итальянцы выкинуты из английских, французских и американских расчетов. Насколько можно видеть, они не показываются при каких-либо официальных случаях в Вашингтоне, за исключением самых значительных, и там заметно отсутствие русских, японских и итальянских флагов, которое может легко задеть чувствительные сердца».

Вечером 30 апреля полковник Хауз вернулся в Нью-Йорк, но по предложению Вильсона были осуществлены мероприятия, давшие ему возможность дальнейших бесед с членами союзных миссий. Президент желал главным образом согласованности в отношении тона публичного заявления, которое могло быть издано с целью воздействия на общественное мнение Германии. Столь же важно было обсудить общий смысл возражений, которые могли

быть сделаны в ответ на будущие мирные предложения. Он не предполагал связывать себя одобрением политики союзников, но он желал знать мнение англичан и французов. Он вполне соглашался, конечно, с решением союзников воевать до «окончательного поражения Германии», но он хотел точно знать, что скрывалось за этой фразой. Что означали слова «гарантия против германской агрессии»? Следует ли довести войну до разрушения Габсбургской и Оттоманской империй? Он заботился о том, чтобы возбуждение союзников не затемнило их здравого смысла, и хотел спокойно взвесить относительные преимущества минимальных и максимальных военных целей с точки зрения той цены, которая должна была быть уплачена человеческими жизнями и материальными богатствами.

Согласие между президентом и Хаузом по всем этим вопросам было столь полно, что, по мнению Вильсона, полковник Хауз мог вполне отчетливо выразить Бальфуру его собственную, вильсоновскую, точку зрения. Кроме того, предполагаемое совещание имело бы преимущество совершенной неофициальности.

«*8 мая 1917 г.* Обычные телефонные вызовы,—пишет Хауз,— были из Вашингтона и из других мест. Уайзмэн сообщил из Вашингтона, что Бальфур будет обедать с нами в воскресенье. Я устроил также обед с британским посланником в субботу и буду пить чай, тоже в воскресенье, с сэром Эриком Друммондом. Это даст возможность удовлетворительных совещаний со всеми ними...

Разговоры с французами не приносят большого удовлетворения, поскольку французы не облечены какими-либо полномочиями и находятся здесь больше для осведомления о нуждах Франции и для выражения чувств уважения по поводу нашего вступления в войну. С Бальфуром дело обстоит иначе. Он министр иностранных дел наиболее мощного из наших союзных государств, и возможно, что он будет играть большую роль на будущей мирной конференции».

«*13 мая 1917 г.* Главным событием сегодняшнего дня была моя конференция с Бальфуром. Он пришел перед завтраком и оставался до четырех часов, предоставив нам достаточно времени для обсуждения международного положения. За завтраком мы говорили о невозможности для выдающихся посетителей нашей страны ознакомиться с истинным настроением или духом американцев как вследствие того, что они встречаются только с определенным общественным слоем, так и вследствие того, что они посещают ограниченную часть страны. Я говорил о Юге и Западе, об их стойком и молчаливом патриотизме, о том, как спокойно они будут готовиться к борьбе, в которую мы впутались...

За столом не было никого, кроме Бальфура и меня. После завтрака мы перешли в мой кабинет. Мы решили, что должны договориться относительно наших обоюдных намерений на случай открытия мирных переговоров. В один прекрасный день Германия может сделать пробное предложение...»

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 13 мая 1917 г.

«Дорогой начальник!

Сегодня со мной завтракал Бальфур, и мы имели очень интересный разговор.

Я высказал мнение, что было бы хорошо использовать его влияние для ограничения до минимума числа членов будущей мирной конференции, и выразил надежду, что вы согласились бы прибыть на конференцию в качестве единственного нашего представителя. Он разделил ваш мудрый взгляд, согласившись, что немногочисленный состав конференци избавит ее от опасности сделаться слишком громоздкой.

Я спросил его, какого мнения он стал бы держаться, если бы Германия сделала пробное предложение мира на основе status quo ante. Он думает, что ответ зависел бы главным образом от того, в каком положении находилась бы подводная война, а также от положения России, Франции и Италии.

Я высказал мнение, что мы не должны позволить нашим желаниям восторжествовать над нашими суждениями, раз дело касается заключения мира. Например, если бы Турция и Австрия были согласны разорвать с Германией или принудить ее к заключению мира, то я думаю, что некоторые уступки должны бы быть им сделаны, причем эти уступки должны отличаться от тех уступок, которые мы сделали бы, если бы имели нашу полную волю. Он согласился с этим.

Он согласился также с предложением, что не надо настаивать на наказании виновников войны, как на предварительном условии всяких переговоров о соглашении.

Он просил меня выразить вам величайшее свое уважение по поводу вашего предложения прибыть на мирный конгресс, чтобы услыхать его речь. Он понимает, какой это беспримерный комплимент, и чувствует себя глубоко тронутым им.

Он очень доволен своим визитом и рассматривает его, как большой успех со всех точек зрения.

Некоторое время назад я получил письмо от Пэйджа, предлагающего нам начать пропаганду в Англии с целью улучшить отношение к нам. Я сказал об этом Бальфуру и прибавил, что было бы лучше, если бы это было сделано самими англичанами. Он согласился поднять этот вопрос перед своим правительством и наблюдать за тем, чтобы дело было сделано как следует[1].

Любящий вас *Э. М. Хауз*».

Англичане, очевидно, сознавали, что вопрос об искренности германских мирных предложений не имеет практической ценности. Гораздо быстрее реагировали они на американское предло-

[1] Президент ответил на это письмо по телефону, одобрив его общий смысл.

жение относительно того, что необходимо совместными усилиями непрестанно расшатывать моральное состояние Германии.

Хауз считал, что сломить дух в тылу воюющей стороны так же важно, как нанести поражение ее армиям. По его мнению, этого результата можно было достигнуть постоянным повторением той основной ноты, которая впервые прозвучала в военной речи Вильсона от 2 апреля. В этой речи Вильсон сказал, что Антанта и США ведут войну ради освобождения народов, в том числе и германского народа, и что союзники не питают вражды к германскому народу, не добиваются расчленения Германии, но никогда не захотят иметь дело с германской военной автократией. 20 мая Хауз обсуждал эту политику с сэром Эриком Друммондом, который обещал набросать меморандум, воплощающий эти принципы, поскольку они отражают взгляды министерства иностранных дел.

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 20 мая 1917 г.

«Дорогой начальник!

Сэр Эрик Друммонд провел здесь два дня. Мы рассматривали положение центральных держав, и он ознакомил меня со взглядами своего министерства иностранных дел в отношении многих вопросов.

Я убедил Друммонда, что наиболее эффективным мероприятием, которое мы смогли бы предпринять в настоящее время, явилась бы помощь германским либералам в их борьбе против теперешнего германского правительства.

Идея заключается в том, чтобы вы высказали в подходящее время и при подходящем случае, что союзники готовы в любой момент вступить в переговоры с германским народом, но что они не склонны к переговорам с военной автократией, которую они считают ответственной за беды, потрясающие сейчас мир. Не пристало народам России, Великобритании, Франции, Италии и США вступать в переговоры с военной кастой, которая ни в коем случае не представляет народа Германии.

Как Друммонд, так и я думаем, что было бы осторожнее не включать кайзера в эту военную клику. Он имеет в Германии много личных приверженцев, и, если лишить его самодержавной мощи... он станет безобидным. Тем, что мы сохраним престол кайзеру, мы усилим либералов, так как они являются тем элементом в Германии, который хочет видеть демократическую Германию под властью ограниченного монарха. Положение, создавшееся в России, подтверждает, что лучше не проделывать слишком стремительно переход от автократии к республике[1].

Любящий вас *Э. М. Хауз*».

---

[1] На это письмо президент тоже ответил по телефону в тоне общего одобрения.

Набросок политического заявления, выработанный сэром Эриком и полковником Хаузом и одобренный, согласно заметке полковника Хауза от 23 мая, Бальфуром, начинался декларацией о том, что США и союзники решили продолжать борьбу до тех пор, пока цели, установленные президентом Вильсоном, не будут обеспечены. Америка не пожалеет для этого ни сокровищ, ни жизней, ни материалов, как бы долго война ни продолжалась. В 1918 г. на западном фронте будет полтора миллиона американских солдат[1]. Однако, хотя союзники никогда не откажутся от принципов демократии и цивилизации, а Германия никогда не сможет надеяться, что силой оружия она добьется счастливого для себя решения, союзники все же готовы заявить, как заявляли ранее, что они не питают вражды к германскому народу, не добиваются расчленения Германии.

Пункты, намеченные в общих чертах в меморандуме Хауза—Друммонда, заслуживают внимательной оценки, так как они образовали основу для публичных высказываний президента Вильсона в течение всего последующего периода войны: мир германскому народу, война до конца против германского милитаризма. Не может вызывать сомнения, что попытка противопоставления германского народа его правительству, сколь бесполезной она ни казалась в то время, способствовала в конечном итоге ослаблению моральной стойкости германцев, крушение которой, согласно Людендорфу, объясняет катастрофический характер конечной сдачи. Возможности этой политики были осознаны лордом Нортклифом, который следующей весной организовал в Крю-хаузе наиболее эффективную схему пропаганды, известную новейшей истории. Он непрерывно распространял в Германии идею, что если народ не отречется от старого режима, то его собственная гибель будет связана с гибелью Гогенцоллернов. Эта идея действовала, как утонченное разъедающее вещество, которое в конце концов и съело, точно ржавчина, германскую «волю к победе».

Миссия Бальфура незаметно выехала из Нью-Йорка через канадскую границу и вернулась в Англию. Французская и итальянская миссии вскоре последовали за ней. Осталось еще рассмотреть, была ли развернута непосредственная практическая деятельность, способная направить усилия Америки на путь наиболее необходимой для союзников помощи. Миссии являлись первой попыткой укрепления согласованности между США и союзниками, и вполне естественно, что цель немедленного установления эффективного сотрудничества не была ими достигнута: задача принадлежала к числу таких, которые требуют для своего разрешения опыта долгих месяцев.

Миссии тем не менее пошли далеко в деле создания атмосферы искренности, существенно необходимой для чистосердечного со-

[1] Важно отметить, что в тех же числах мая 1917 г., как здесь указано, президент Вильсон решил отправить в Европу большие американские экспедиционные силы.

трудничества. Важнее всего, возможно, было то, что они создали почву для свободного обмена личными мнениями, облегчившего согласование многих деликатных вопросов, как бы предназначенных для того, чтобы смущать официальные отношения даже наиболее дружественных правительств. Миссия Бальфура, в частности, установила тесную связь между англичанами и американцами, сохранившуюся до конца войны.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Вопрос относительно того, в какой степени были осведомлены официальные представители США о существовании и содержании тайных договоров, всегда оставался спорным. Президент Вильсон в своем показании перед комиссией иностранных дел сената 19 августа 1919 г. заявил, что он ничего не знал о тайных договорах, как о чем-то цельном, до своего прибытия в Париж. «В первые же дни моего пребывания там меня поставили в известность о целом ряде соглашений». В дальнейшем он заявил, что он не был информирован о Лондонском договоре. Сенатор Джонсон перечислил список всевозможных договоров, включая Лондонский договор, соглашение с Румынией, различные договоры, относящиеся к Малой Азии, и спросил: «Знали ли вы о них что-либо до мирной конференции?» Президент ответил: «Нет, сэр, поскольку это касается меня, я могу уверенно ответить вам: нет».

Трудно примирить это заявление с другими данными, вполне доказанными. 4 марта 1918 г. Бальфур, отвечая в палате общин на вопрос, посланы ли президенту копии тайных договоров, сказал, что «президент Вильсон полностью информирован союзниками». 16 мая 1918 г. Бальфур заявил в палате общин: «У меня нет тайн от президента Вильсона. Каждое намерение, которое я имею в отношении дипломатии, связанной с войной, открыто президенту Вильсону». Кроме того, в частном письме, написанном полковнику Хаузу 17 июля 1922 г., на опубликование которого теперь получено разрешение, он заявляет, касаясь обсуждения вопроса о тайных договорах Р. С. Бэйкером: «Он [Бэйкер], конечно, неправ в своем утверждении, что президент Вильсон не был осведомлен мной о тайных договорах, это ошибка, которую я чувствую очень остро, потому что она является клеветой, уже опровергнутой мной публично, если память мне не изменяет». Наиболее очевидное доказательство откровенности Бальфура с президентом Вильсоном можно найти в письме Бальфура президенту от 30 января 1918 г., приведенном выше; это письмо показывает, что по получении от сэра Уильяма Уайзмэна извещения о том, что президент Вильсон был обеспокоен содержанием Лондонского договора, Бальфур немедленно написал ему относительно этого.

Архив полковника Хауза подтверждает эти данные, показывая, что Бальфур и полковник Хауз обсуждали тайные договоры и что на совещании с президентом Вильсоном, которое затем по-

следовало, «были затронуты те же самые вопросы». Вопрос о Дальнем Востоке не поднимался, и ничто не показывает, что полковник Хауз или президент знали что-либо о соглашении между союзниками и Японией относительно Шаньдуна. Секретарь Лансинг заявил перед сенатской комиссией иностранных дел, что он ознакомился в 1917 г. с предполагаемым разделом германских островов на Тихом океане, но ничего не знал о Шаньдуне.

Хотя кажется ясным, что президент Вильсон знал о договоре в 1917 г.[1], но возможно, что после прибытия в Париж, двумя годами позже, и последующей сутолоки на конференции президент мог спутать дату своего ознакомления с Лондонским договором с датой своего осведомления о соглашении с Японией относительно Шаньдуна. Все эти соглашения были неправильно смешаны в кучу под общим названием «тайные договоры». Президент никогда не придавал этим договорам серьезного значения, так как мир был установлен фактически соотношением сил в Париже, а не тайными договорами, которые в каждом данном случае были основательно изменены. Возможно, что Вильсон был ранее осведомлен о существовании соглашения с Японией, но забыл об этом факте, вытесненном из его памяти наплывом ошеломляющего количества подробностей, благодаря чему и ошибся в установлении даты, когда несколькими годами позже он был без подготовки спрошен об этом предмете комиссией иностранных дел. Такая ошибка памяти при сложившихся обстоятельствах может считаться достаточным основанием для его заявления в комиссии, что он ничего не знал о Лондонском договоре до своего прибытия в Париж[2]. Нижеследующий вывод принадлежит полковнику Хаузу[3]:

«Я не согласен с критикой по адресу президента Вильсона как в отношении его заявления перед комиссией сената по вопросу о том, когда он впервые узнал о тайных договорах, так и в отношении его кажущейся недооценки их важности.

Сомнительно, знал ли он о договоре с Японией до того, как он прибыл в Париж. Я не могу вспомнить, чтобы я знал о нем, и мой архив не дает никаких данных, показывающих, что президент или я знали о договоре. Президент мог иметь в виду именно этот договор, когда он отвечал на вопрос в комиссии сената; могло случиться и так, что он забыл дату, когда информация впервые дошла до него. Ложное заявление не могло принести никакой выгоды, и мне ясно, что президент говорил так из убеждения.

В то время не было человека, который имел бы более разнообразную и порой ложную информацию, доходившую до него, чем президент Вильсон. Как мог он без подготовки ответить, когда он впервые услышал о том или этом?

---

[1] В 1918 г. Лондонский договор, опубликованный большевиками и перепечатанный «Манчестер гардиен», был доступен всем.

[2] Показание Вильсона было дано только за месяц до резкого упадка его физических и умственных сил.

[3] В письме к Чарлзу Сеймуру от 9 апреля 1928 г.

Есть люди, которые предполагают, что президент придавал слишком мало значения договорам и что он должен был добиться соглашения о них с союзниками, прежде чем он подвергнул США риску войны. Это было неосуществимо. Мы имели свои собственные счеты с Германией, и если бы Вильсон ждал, пока он достигнет удовлетворительного соглашения относительно тайных договоров, война была бы кончена, прежде чем мы вступили бы в строй. Англия и Франция могли притти к скорому решению, но неизбежно они должны были сначала достигнуть соглашения с Японией, Италией и Россией. Могло ли быть достигнуто удовлетворительное соглашение с этими последними? Я сомневаюсь в этом. Тем временем Германия топила бы наши суда, а мы стояли бы сложа руки и ожидали окончания переговоров, имевших предметом тайные договоры.

Фактически США вступили в войну быстро и эффективно, но в качестве «присоединившейся» державы, не имея касательства к каким-либо соглашениям, заключенным между союзниками. Наши руки остались не связанными, и мы были свободны, как мы и хотели, до того момента, когда мы сели за стол мирной конференции. Если и можно что-нибудь подвергать критике, то нужно ли критиковать нас за наши ошибки на конференции, а не за наши ошибки до нашего вступления в войну?»

ГЛАВА III

ТАРДЬЕ И НОРТКЛИФ

«Этот народ глубоко втянулся в войну и очень решителен...»

Из письма Нортклифа Ротермиру из Нью-Йорка, 7 сентября 1917 г.

1

Трудности успешного ведения войны для всякой коалиции могут быть изучены на любом историческом примере. Невозможно обеспечить абсолютное единство политической и военной деятельности, а даже недостаточная, сомнительного качества координация между правительством и армиями союзных держав требует самых разнообразных жертв, на которые лишь немногие соглашаются с охотой, за исключением тех случаев, когда вынуждаются к этому опасностью. Подобные трудности испытывались и европейскими союзниками в их борьбе против центральных держав и никогда не преодолевались полностью. Еще более трудно было достигнуть координации деятельности с США, которые отказывались принять на себя ответственность, возлагаемую союзным договором, и настаивали на сохранении за собой неограниченной свободы решения.

Миссии Бальфура и Вивиани не установили, да фактически и не пытались установить, самый механизм координации. Они создали, однако, атмосферу взаимного понимания, имевшую политическое значение, в первую очередь для англо-американских отношений. Со свойственной ему проницательностью президент Вильсон обнаружил необходимость в свободном обмене мнениями и был особенно удовлетворен прямотой Бальфура во время переговоров как с ним, президентом, так и с Хаузом. Было естественно, что президент попросил полковника Хауза развить его личные отношения с англичанами, чтобы дать этим последним возможность неофициально высказываться и обмениваться истинами и мнениями со свободой, не всегда возможной между официальными представителями власти даже наиболее дружественных наций. Сэр Уильям Уайзмэн высказал в следующих словах суть мероприятий, ставших необходимыми:

«Полковник Хауз предвидел серьезные задержки, которые должны были бы встретиться, если бы связь поддерживалась обыч-

ными дипломатическими путями, и ясно понимал чрезвычайные трудности успешного сотрудничества президента Вильсона с союзниками на расстоянии более чем в три тысячи миль, особенно вследствие невозможности иметь в Европе кого-либо, кто мог бы авторитетно представлять американское правительство, не оглядываясь поминутно на Вашингтон. Бальфур также опасался задержек, которые неизбежно должны были встретиться. При обсуждении этого важного для успеха общего дела вопроса полковник Хауз сделал предложение, осуществленное с одобрения президента Вильсона, чтобы Бальфур посылал каблограммы специальным кодом британского правительства непосредственно мне [Уайзмэну] в Нью-Йорк; я же должен был сделать своей главной обязанностью дешифровку и немедленную доставку полученных каблограмм полковнику Хаузу, который имел возможность телефонировать их по своему прямому проводу государственному департаменту или президенту Вильсону. Этим путем Бальфур, представлявший британское правительство, мог получить в случае необходимости ответ президента Вильсона через несколько часов. Такая скорость была бы абсолютно невозможна, если бы связь осуществлялась обычными дипломатическими путями».

Ярким примером свободы обмена мнений являются переговоры, начатые полковником Хаузом во время пребывания миссии Бальфура и продолженные после ее возвращения в Великобританию. Они касались такой деликатной темы, как относительная мощь британского и американского флотов. С исторической точки зрения главный интерес этих переговоров не в том, что они оказали влияние на течение войны, а скорее в том, что они освещают последующие переговоры, которые приобрели первостепенную важность после перемирия и окончания правления Вильсона.

Проект закона о флоте, принятый конгрессом в 1916 г., должен был при его осуществлении поставить флот США на второе место после великобританского; фактически, по мнению различных экспертов, усиленный американский флот должен был приблизительно сравняться с британским своей общей мощью[1]. Непосредственная ценность этого увеличения американских морских сил уменьшалась, однако, тем обстоятельством, что закон о флоте обращал главное внимание на строительство крупных судов (сверхдредноутов), в то время как для борьбы против германских подводных лодок требовались главным образом небольшие суда с большой скоростью. Союзники просили поэтому, чтобы США отложили строительство крупных судов с целью сосредоточить все усилия на строительстве истребителей.

Так как США желали прежде всего оказать эффективную помощь союзникам в борьбе против подводных лодок, то они были весьма озабочены удовлетворением этой просьбы. Но США должны были также учесть, как отразится на их послевоенной мор-

[1] Это мнение было выдвинуто на Парижской мирной конференции.

ской мощи перерыв в постройке крупных боевых судов. Являлось ли возможным заключить с Великобританией соглашение, позволяющее США сконцентрировать в данный момент все усилия на строительстве истребителей, и, несмотря на это, обеспечить американский флот от опасности, возникающей вследствие уменьшения числа крупных боевых судов, образующих, по мнению многих экспертов, оплот морской мощи? Хауз откровенно поставил этот вопрос перед Бальфуром и Друммондом. 13 мая он записал в свой дневник:

«В разговоре с Друммондом я обратил его внимание на требования союзников, чтобы мы строили истребители подводных лодок на средства, ассигнованные для выполнения нашей основной программы строительства линкоров. Поступить подобным образом—значит оставить нас в конце войны в том же положении, в каком мы находимся сейчас: в случае новых осложнений... мы окажемся более или менее беспомощными на море. Я думаю, что если бы Великобритания согласилась дать нам несколько своих крупных боевых судов взамен наших непостроенных в случае возможных осложнений... мы подвинулись бы вперед к решению вопроса о наших истребителях, не боясь дальнейших случайностей.

Друммонд ответил, что германский флот может остаться в результате войны нетронутым и Великобритании в возможной будущей войне с Германией понадобится тогда весь флот. Я предложил, что на этот случай мы дадим Великобритании обязательство вернуть ей для войны с Германией взятые линкоры и дать ей добавочно на выбор некоторые из наших самых крупных боевых судов. Друммонд обсудит этот вопрос с Бальфуром и известит меня о результате разговора».

Письмо Друммонда Хаузу

Вашингтон, 14 мая 1917 г.

«Дорогой полковник Хауз!

Я переговорил с мистером Бальфуром о предмете нашего вчерашнего разговора, и он лично приветствует ваше предложение. Вопрос, однако, является столь важным, что, по мнению мистера Бальфура, будет более правильным запросить телеграммой премьер-министра, чтобы до продолжения переговоров заручиться его одобрением. Я надеюсь, что мы получим ответ через день или два, и в таком случае, я думаю, мистер Бальфур предложит мне приехать в ближайшем будущем в Нью-Йорк, чтобы обсудить с вами, какие дальнейшие шаги лучше всего предпринять нам в этом вопросе. Во всяком случае, я надеюсь снова быть в Нью-Йорке в конце этой недели и, конечно, извещу вас, как только у меня составится какой-либо окончательный план.

Весьма искренне ваш *Эрик Друммонд*».

До отъезда миссии Бальфура британское правительство не дало никакого ответа. Только в июле Хауз получил каблограмму Бальфура, которая анализировала проблему в свете непосредственной опасности от подводных лодок так же хорошо, как и будущие отношения с США.

Каблограмма Бальфура сообщала, что возможность морского соглашения, ставящего своей целью позволить США с полным спокойствием сосредоточить все силы на строительстве истребителей и мелких судов взамен предположенных крупных судов, была внимательно рассмотрена военным кабинетом. По мнению британского адмиралтейства, постройка максимально возможного числа истребителей является делом чрезвычайной важности. Если правительство США считает, что его флоту грозит опасность потерять необходимую пропорциональность в отношении крупных боевых судов, то британский кабинет готов рассмотреть с правительством США любой вид служащего оборонительным целям соглашения, чтобы предупредить эту опасность. Предложение полковника Хауза о том, чтобы англичане согласились обеспечить определенную помощь флотом для компенсации отмены предположенного строительства крупных судов, вызвало бы, несомненно, опасные в международном отношении последствия. Бальфур предлагал поэтому придать оборонительному соглашению более общий характер и привлечь к нему все шесть великих держав, воюющих против Германии. Эти державы должны были заключить морское соглашение, предусматривающее взаимную помощь против морского нападения в течение четырех лет после окончания настоящей войны.

Полковник Хауз не делал подобного предложения. Его собственный план предусматривал передачу англичанами США некоторого определенного количества крупных британских судов для использования их в случае будущих осложнений. Возможно, что Хауз опасался, как бы оборонительное соглашение не развилось в нечто похожее на формальный союз, что могло бы вызвать оппозицию американского общественного мнения. План Бальфура можно рассматривать как зародыш морского соглашения 1922 г., заключенного впоследствии правительством Гардинга.

Письмо Хауза президенту

Магнолия, Массачузетс, 8 июля 1917 г.

«Дорогой начальник!

Прилагаю каблограмму, которую я только что получил от Бальфура. Я посылаю ее вам в двух экземплярах, чтобы у вас была копия для государственного департамента. Об этих переговорах не знает никто, кроме Лансинга и Полка.

Брекинридж Лонг, который сегодня находится здесь, возьмет это письмо.

Я не вижу, чтобы разрешение вопроса, предлагаемое Бальфуром, принесло нам большую пользу, разве только, что оно помешает Японии попасть в руки Германии и образовать союз против нас. В случае столкновения между Японией и нашей страной или между другими участниками соглашения Германия в первом случае, а во втором и Япония были бы вынуждены сохранять нейтралитет. То же самое можно сказать и про каждую другую из подписавших соглашение держав в случае войны между любыми другими двумя державами, подписавшими соглашение.

Это совсем не то, что мы имели в виду. Я не вижу никакого основания, почему наше первое предложение не должно быть принято, не вижу также, почему оно должно настроить против нас Японию или какую-либо другую державу, если они о нем узнают. Мое предложение состояло в том, чтобы ввиду изменения правительственной программы судостроения, согласно желанию союзников, и перехода наших верфей со строительства крупных линкоров на строительство судов, пригодных для борьбы с подводными лодками, а также и на строительство торгового флота, необходимого для непрерывного снабжения союзников материалами, необходимыми для продолжения войны, Великобритания должна согласиться передать нам взамен непостроенных равноценные линкоры и таким образом устранить ущерб, возникший благодаря нашему желанию помочь союзникам.

Это было бы направлено против Японии не больше, чем, скажем, против Франции, Италии, России или даже самой Англии.

Сэр Уильям Уайзмэн предполагает в конце этой недели вернуться в Англию, и перед отъездом он проведет здесь день со мной. Не сообщите ли вы мне о ваших выводах, чтобы я мог обсудить с ним это дело и позволить ему поднять вопрос перед английским правительством?

Если англичане боятся Германии, то, мне кажется, было бы разумно включить в соглашение оговорку, согласно которой в случае войны между Германией и Англией англичане вправе потребовать от нас возвращения этих крупных линкоров.

Любящий вас *Э. М. Хауз*».

13 июля президент Вильсон пригласил Уайзмэна обсудить с ним перед отъездом в Англию некоторые существенные вопросы; во время разговора они коснулись морских предложений Бальфура и Хауза. Вильсон не проявлял энтузиазма в отношении того или другого плана. Ему не нравилась мысль, хоть сколько-нибудь похожая на союз с великими европейскими державами и Японией, даже если дело шло об ограниченном по своим целям, чисто оборонительном морском соглашении. Он не соглашался также с Хаузом, что вопрос о крупных боевых судах имеет столь большую важность. Затруднительное положение, вызванное подводной войной, поведет, как он предполагал, к значительному расширению программы строительства истребителей за счет строительства

крупных судов. Вильсон казался вполне убежденным, что эффективность американского флота после войны не будет затронута уменьшением числа линкоров. Сэр Уильям сделал относительно этой части беседы следующие заметки:

Меморандум Уайзмэна о его переговорах с президентом

13 июля 1917 г.

«Вильсон представил мне меморандум Хауза относительно предположенного изменения строительной программы США. Вильсон сказал, что он не был знаком с этим предложением и поэтому обсуждает его до некоторой степени вслепую. По собственным словам Вильсона, «он размышлял вслух передо мною». Его замечания были приблизительно таковы:

По мнению Вильсона, война доказала, что крупные боевые суда не имеют большой цены, и, принимая это во внимание, он не считает вопрос о замедленном строительстве крупных боевых судов в США очень важным со стратегической точки зрения. Он разъяснил мне, однако, что когда конгресс вотировал средства для осуществления морской программы, то была составлена специальная смета, предусматривавшая строительство определенного числа судов каждого класса, и средства были ассигнованы согласно этой смете. Было бы, следовательно, незаконным с его стороны изменить программу и переменить число подлежащих строительству судов каждого класса. Единственный способ, которым можно законно добиться такого изменения, состоит в представлении всего имеющегося материала на рассмотрение конгресса.

Когда я спросил о том, как предположено разрешить проблему защиты против подводных лодок, Вильсон заявил, что он всегда был противником того, чтобы торговым судам позволяли пересекать Атлантический океан без конвоя, и что он вполне одобряет меры, которые заставили бы торговые суда плавать целыми флотилиями, соответственно охраняемыми легкими морскими силами. Он предполагает, что некоторые из подобных мероприятий могут быть теперь же пущены в ход: когда, например, торговые суда будут доходить до известных пунктов, расположенных вблизи британских берегов, то они должны входить в специально образованные, зорко охраняемые истребителями проходы, и только по прохождении этих проходов, находясь совсем вблизи берега, они будут иметь право направляться в свои порты. Вильсон сказал, что если какая-нибудь из таких оборонительных схем, могущая быть названной американской схемой, будет принята, то она несомненно потребует большего количества истребителей, чем то, которым располагают США в данное время, и тогда он сможет обратиться с этой схемой к конгрессу и выступать за ассигнование специальных средств для данной цели. Он сказал, что, поскольку дело касается обеспечения строительства этих судов, не предста-

вит трудностей приостановить, если необходимо, строительство крупных судов, чтобы очистить место для закладки истребителей.

Относительно предложения Бальфура о компенсации невыполненной программы морского судостроения посредством своего рода оборонительного союза Вильсон сказал, что, по его мнению, союзники приняли на себя в течение войны различные взаимные обязательства, выполнить которые, когда война кончится, будет очень трудно, если не невозможно, и что он не желает прибавлять еще новые трудности. Сверх того, он указал, что, несмотря на то, что США оказались в данный момент склонными занять свое место в качестве мировой державы, страна имеет твердое желание держать себя независимо и не входить в какие-либо союзы с другими державами. Относительно Японии Вильсон сказал, что, по его мнению, удачное нападение на побережье Тихого океана является абсурдом вследствие большой отдаленности японских баз и трудностей, которые создались бы при попытке получения подходящей базы на тихоокеанском побережье. Возможность японского нападения на Филиппинские острова или на какие-нибудь удаленные от центра владения относится, по его мнению, к совершенно другому вопросу и представляет собой одну из тех возможностей, которые не могут не быть учтены».

Полковник Хауз не соглашался с тем, что время крупных боевых судов прошло. Он считал, что, до тех пор пока уменьшение ценности линкоров не установлено морскими авторитетами, долг правительства предусмотреть полное обеспечение обороны США. «Возможно, что в будущем дело будет обстоять и иначе,—отметил он 14 июля в своем дневнике,—но в настоящее время успешная блокада Германии, осуществляемая Великобританией, поддерживается только благодаря тому, что она опирается на численное превосходство в крупных линкорах».

Письмо Хауза президенту

Магнолия, Массачузетс, 17 июля 1917 г.

«Дорогой начальник!

...Я чувствую, что он [Уайзмэн] не понял вас [относительно ценности крупных линкоров]. Вполне достоверно, что осуществляемое в настоящее время Великобританией господство на море обусловлено численным превосходством ее линейного флота. Никакое количество более мелких судов не помогло бы ей достигнуть этого преобладания. Хотя линейные силы еще недостаточно действенны в борьбе с подводными лодками, подводные лодки являются все же, что легко заметить, лишь одной из ступеней развития морской войны, как воздушные силы в войне сухопутной. Война не поколебала верности той истины, что нация, имеющая наиболее мощный линейный флот, как в отношении его величины, так и в отношении скорости, является нацией, которая будет господствовать на морях.

Я надеюсь, что вы будете настаивать на таком соглашении с Англией, согласно которому наша страна сможет получить в конце войны, если мы этого пожелаем, несколько английских линкоров. Такое соглашение обеспечивало бы нас, так как при нежелании мы могли бы и не брать линкоров. Я основательно обсуждал этот вопрос с лордом Фишером и другими британскими морскими деятелями, и, насколько я могу вспомнить, они не были несогласны со мной.

Любящий вас *Э. М. Хауз*».

Президент не дал особого ответа на это письмо, и обсуждение вопроса в течение лета не возобновлялось. Позднее, в августе, в ответ на запрос сэра Уильяма Уайзмэна, находившегося тогда в Англии, Хауз послал каблограмму, что «разрешение вопроса о линейных кораблях задержано из-за не терпящих отлагательства дел». Но когда Вильсон в сентябре посетил Хауза, вопрос был снова поднят: Хауз настаивал на необходимости и боевой ценности линейных кораблей, президент же в одно и то же время и относился скептически к их боевой ценности и доказывал невозможность удовлетворительного соглашения с англичанами[1]. Полковник Хауз записал спор с Вильсоном 9 сентября в свой дневник следующим образом:

«После того как я привел доводы в защиту линейного флота, он отказался от дальнейшего обсуждения вопроса, заявляя, что дело не в том, кто из нас прав: он или я, а в том, что соглашение с Великобританией, ставящее своей целью получение от нее по окончании войны нескольких линейных кораблей в возмещение тех линкоров, от постройки которых мы сейчас откажемся ради постройки истребителей подводных лодок, в настоящее время невозможно. Он считает, что единственная вещь, которая смогла бы связать Великобританию,—это договор, а договор неизбежно направляется на утверждение сената. Он не думает, что наша страна подготовлена к договору такого рода, как этот договор с Великобританией, и считает, что нечто меньшее, чем договор, не имеет, как он думает, никакой почвы под собой, так как наше и британское правительства могут смениться, а чего мы можем требовать от устного договора, перешедшего по наследству к новым правительствам? Я доказывал, что возможно соглашение, которое получит одобрение нашего народа. Он возразил, что если британское правительство действительно нуждается в заключении соглашения после войны, оно добьется его каким угодно путем, а если оно в соглашении не нуждается, то мы не имеем в нашем распоряжении средств для скорого заключения договора...»

[1] Мнение британских морских экспертов подкрепляло скорее доводы Вильсона, а не Хауза, поскольку эксперты заявляли, что американский флот был уже относительно силен линкорами (за исключением линейных крейсеров) и слаб по категориям легких крейсеров и истребителей.

В связи с неизбежной опасностью от подводных лодок и представлениями союзников американские морские авторитеты использовали свободу действий, предоставленную им конгрессом, чтобы направить всю свою энергию на строительство легких судов. Только два линкора: «Миссисипи» и «Нью-Мексико» были закончены и сданы за время участия США в войне. Два других линкора: «Мэрилэнд» и «Теннесси» были заложены перед перемирием. «Строительство крупных судов программы 1916 г.» согласно докладу морского департамента было фактически отложено на весь период войны с целью сосредоточить все средства испытанных судостроительных установок на выполнении программы строительства истребителей и судов иных типов, необходимых для решения проблемы борьбы с подводными лодками.

Когда война кончилась, из 10 линкоров, предположенных программой 1916 г., были готовы только два, не было дано заказов ни на один из 6 линейных крейсеров, утвержденных этой программой. Очевидно, вопрос о том, насколько ослабленным оставался американский флот за период времени, протекший до заключения Вашингтонского договора 1922 г., является объектом предположений или мнения экспертов.

2

Несогласия между президентом и полковником Хаузом по вопросу о линейных кораблях, несомненно, не поколебали доверия президента к суждениям Хауза, так как именно в этот период Вильсон открыл Хаузу все источники официальной информации, поступающей в Вашингтон, и поощрял его развивать личные отношения с выдающимися деятелями в Европе, способными правильно выражать неофициальное общественное мнение. Хауз получал длинные письма от нашего посла в Риме Нельсона Пэйджа, от министра Эгана в Копенгагене и советника Фрэйзира в Париже. Ему посылались копии каблограмм наших европейских посольств и миссий, поступившие в государственный департамент. Он получал также сообщения о личных впечатлениях Анри Бергсона во Франции, сэра Хорэса Планкетта в Ирландии, а также и таких американских журналистов, как Грэсти и Аккерман.

Среди переписки, находящейся в архиве Хауза, особенно интересна его переписка с великим ирландцем Хорэсом Планкеттом. Оба были очень дружны в годы, предшествовавшие войне. И тот и другой глубоко интересовались аграрной политикой и сходились во взглядах на нее. Во время поездок Хауза в Европу в 1915—1916 гг. знакомство Планкетта с США, его дружба с Бальфуром, его, вызванное сочувствием, понимание общественного мнения на обоих берегах Атлантики—дали Хаузу возможность проанализировать некоторые черты положения в Европе в выражениях, наиболее понятных для американцев. В дни американского нейтралитета Планкетт пылко стремился и неутомимо ста-

рался сгладить англо-американские отношения при помощи своих либеральных взглядов на ирландский вопрос.

Одним из самых опасных источников англо-американских разногласий являлся всегда ирландский вопрос, и кризисы в истории ирландской борьбы за самоуправление неизменно отражались на американской политике. Мятеж 1916 г. и его подавление сопровождались проявлением антибританских чувств в США, отразившихся отчасти даже на дебатах в сенате. Если бы в США проявились общие симпатии к движению синфейнеров, быстро разраставшемуся после казней 1916 г., и если бы эти симпатии возбудили резкие антибританские чувства в США, то трудности англо-американского сотрудничества в войне против Германии выросли бы в ужасающей степени. При таких обстоятельствах было счастьем, что полковник Хауз поддерживал самые тесные отношения с единственным ирландцем умеренных взглядов, больше всех других способным объяснить положение президенту Вильсону. Особенным счастьем было то, что летом 1917 г. сэр Хорэс Планкетт стал председателем ирландского конвента, созванного с целью изыскания разумного способа разрешения ирландского вопроса и заседавшего все лето и осень. С одобрения британского правительства сэру Хорэсу было позволено послать полковнику Хаузу, для информации президента Вильсона, секретные донесения, написанные сэром Хорэсом по поводу работы конвента.

Президент Вильсон был вполне точно информирован о развитии ирландского кризиса и о попытках урегулировать его. Опираясь на эту информацию, он мог противостоять давлению, оказываемому на него с целью вызвать протест против британской политики в Ирландии, хотя этот протест, несомненно, повлек бы за собой полный крах англо-американского военного сотрудничества. Президент мог также указывать, что хотя Америке официально нет дела до ирландского вопроса, но симпатии к ирландским стремлениям столь сильны, что англо-американские отношения не станут вполне хорошими до тех пор, пока эти стремления не будут удовлетворены. Временами положение становилось весьма критическим. Но все время президент имел авторитетную информацию, которая позволяла ему избегать подводных камней, окружающих наши отношения с Великобританией.

3

Когда вскоре после вступления США в войну правительства Франции и Великобритании решили послать за океан специальные «миссии координации», возглавляемые Тардье и Нортклифом, то было вполне естественно, что эти миссии должны были вступить в тесный контакт с полковником Хаузом. У него была репутация человека, наиболее близкого ко всемогущему президенту, а его совещания с членами союзных правительств во время его поездок

в Европу показали его влияние. Официально он не имел ничего общего ни с планами удовлетворения требований союзников к США, ни с мероприятиями, необходимыми для финансирования этих планов. И тем не менее, его архив бросает свет на различные проблемы подобного рода, так как уполномоченные союзников излагали перед Хаузом свои затруднения и всегда информировали его об успехах переговоров, приведших в окончательном результате к действенному межсоюзному сотрудничеству. Первой прибыла миссия Тардье, руководимая выдающимся журналистом и историком, лишь недавно вернувшимся с фронта и только что начавшим карьеру администратора-организатора, которая достигла своей кульминационной точки в день его назначения делегатом Франции на мирной конференции и подготовила его ко вступлению девятью годами позже в «министерство всех талантов», образованное Пуанкарэ.

«16 апреля 1917 г., через десять дней после того, как Америка объявила войну,—пишет Тардье,—на меня пал жребий направлять на пользу Франции наши общие усилия. Действующее лицо и зритель на протяжении тридцати одного месяца, я имел возможность десятью годами позднее изумляться чудесным результатам, достигнутым двумя странами. Навсегда памятны дни, когда дважды война казалась проигранной; дни, чреватые победой; дни, в течение которых первоначальное напряжение 1917 г., столь слабое и колеблющееся, выросло под влиянием опасности, выросло благодаря развитию взаимного согласия... Поразительны результаты сделанных усилий и взаимно оказанной помощи... Менее чем в восемь месяцев США вооружились до зубов. Почти немыслимый подвиг, если вспомнить прошлое страны, существующие условия (материальные и моральные), отсутствие военных приготовлений, полное игнорирование европейских дел. В течение всего этого времени Франция и Великобритания держали фронт, ожидая прибытия американских подкреплений, одни подготовляли транспорт, другие—оружие для армии США. Великолепие этого подвига заставило народы думать, что он был самопроизвольным. Нет, было много трудностей»[1].

«Проблема сотрудничества,—продолжает Тардье,—состояла в том, как перейти от множественности к организованности, от производства к вооружению, от неопытности к действительности; а в каждом из перечисленных факторов—в том, как примирить противоположные потребности. Задача, с учетом всех возможностей, могла оказаться вне предела человеческих сил. Когда я принял на себя ответственность за нее, я знал, что даже те, во имя которых я действовал, не верили в ее успех. Мое правительство, суля мне удачу, сказало: «Сделайте наилучшее, что вы сможете сделать»[2].

---

[1] *Tardieu*, France and America, p. 215.
[2] Ibid., p. 217.

В течение следующих месяцев Тардье, осаждаемый требованиями своего правительства, стремился разрешить проблему обеспечения снабжения французской армии в момент, когда США прилагали усилия, чтобы создать собственную армию в масштабе, не имевшем прецедентов[1]. Тардье пишет:

«Какой-либо дефект в согласованности усилий, какой-либо недостаток в механизме снабжения мог оставить наших солдат без средств борьбы... День за днем приходили распоряжения... Чтение их списка похоже на кошмар... Каким образом удовлетворить все эти требования?» В результате все возраставшей интенсивности подводной войны англичане были вынуждены отозвать транспортные суда, обслуживающие Францию. «В портах Америки 600 тыс. *т* грузов для Франции ожидали погрузки. Это была нехватка 490 тыс. *т* в месяц. Имеется в виду нехватка всего того, что было существенно для продовольственного и военного снабжения, всего того, что было необходимо, чтобы есть и драться. А я получал каблограммы: «Просите США»[2].

Миссия Тардье прибыла в Вашингтон 17 мая, и восемью днями позже он навестил полковника Хауза, который следующими словами отметил начало отношений, превратившихся в большую дружбу:

«*25 мая 1917 г.* Андре Тардье, верховный уполномоченный Франции, посетил меня сегодня после полудня. Он принес рекомендательные письма от французского посла и от нашего посольства в Париже. Я сказал ему, что он не нуждается в рекомендациях, с тех пор как получил известность в качестве автора замечательной статьи об агадирском инциденте, статьи, потрясшей все столицы Европы. Он хотел объяснить нужды Франции как

---

[1] Тардье («France and America», p. 224—225) приводит следующие примеры переданных по кабелю приказов, посланных из Парижа французской верховной комиссией в Вашингтон:

«27 мая, от министра продовольствия: «Хлебный запас под угрозой. Ускорьте сколь возможно погрузку на суда».

28 мая, от министра путей сообщения: «Безотлагательно отправьте 1 000 ж.-д. платформ».

29 мая, от министра снабжения: «Необходимо немедленно обеспечить тоннаж под 30 тыс. *т* пищевых запасов для опустошенных областей».

3 июня, от министра снабжения: «Увеличьте погрузку меди до 10 тыс. *т* в месяц».

5 июня, от министра земледелия: «Пришлите возможно скорей 400 сноповязалок».

6 июня, от морского министра: «Пришлите 12 тыс. *т* газолина для торгового флота и 24 тыс. *т* для военного».

11 июня, от министра снабжения: «Увеличьте погрузку нитратов до 46 тыс. *т* в месяц вместо 15 тыс. Важно для успеха национальной обороны. Вы должны устроить это в дополнение к программе».

13 июня, от министра снабжения: «Присылайте 2 тыс. *т* свинца в месяц».

16 июня, от министра снабжения: «Пришлите 6 500 малых грузовиков».

16 июня, от министра продовольствия: «Примите меры отгрузки 80 тыс. *т* пшеницы сверх программы. Очень серьезное положение. Неисполнение или задержка грозят опасностью».

[2] *Tardieu*, op. cit., 224.

с военной, так и с экономической точки зрения. Я предложил ему написать письмо, затрагивающее предмет нашего разговора. Он должен написать это письмо президенту, а копию прислать мне. Он кажется чрезвычайно способным человеком, и я не сомневаюсь, что он будет хорошо служить интересам своей родины».

Письмо Тардье Хаузу

Вашингтон, 13 июня 1917 г.

«Дорогой полковник!

Я очень огорчен тем, что не смог вас повидать снова в Нью-Йорке на прошлой неделе и не мог также дать вам дальнейшую информацию относительно нашей работы здесь.

Двумя существеннейшими вопросами являются до сих пор вопрос о тоннаже, относительно которого Денмэн говорит, что он не может установить какого-либо общего плана ранее, чем через одну или две недели, и вопрос об организации военной промышленности, по поводу которого можно только высказать пожелание, чтобы окончательное его решение, все еще задерживающееся, было наконец вынесено.

Из-за подобных задержек на американском рынке создается состояние неизвестности, и цены на заказы, которые мы делаем, конечно, чрезвычайно высоки. С другой стороны, я не в состоянии задерживать эти заказы, так как наши нужды не терпят задержки.

Я понимаю причины задержки решений вашего правительства. Тем не менее, мне кажется абсолютно необходимым, чтобы подобные решения принимались скорее. Удовлетворительное распределение заказов и регулирование отправок являются неизбежным дополнением этих решений.

Вопрос представляет не меньшую важность с точки зрения цен. Вы говорили мне, что, по вашему мнению, армии союзников должны платить те же цены, какие платит американская армия. Мистер Мак-Аду, когда я видел его в последний раз в Вашингтоне, сказал мне, что он согласен с этим принципом, но что общий закон о реквизициях для нужд армии тем не менее невозможен. Он надеется, что с помощью дружественных переговоров равенство условий может быть достигнуто.

В отношении тоннажа я хотел бы, чтобы американское правительство обещало сдать нам в наем определенную часть германских судов, захваченных в Бразилии. Я не хочу начинать в Рио де Жанейро переговоры, которые могут помешать переговорам, ведущимся правительством США, но мне кажется, что если этим делом займетесь в Рио только вы, американцы, то вы сможете обеспечить что-нибудь существенное, что имело бы большую ценность для наших погрузок в течение ближайших месяцев. Я хотел бы знать ваше личное мнение по этому вопросу.

Что касается военных дел, то я считаю существенными два пункта, все еще не выясненные. В настоящей войне есть только одно средство изучить военную практику, это средство—драться самому. Все школьные методы были опрокинуты фактами, и бой является единственной школой, имеющей некоторую цену. Я понял это ясно на себе самом за два года, проведенные на фронте.

Поэтому я считаю делом величайшей важности, чтобы некоторое количество американских офицеров (не исключая офицеров штаба генерала Першинга) провело месяца три во Франции, по возможности в ближайшее время, при наших воюющих соединениях (при пехотных дивизиях или бригадах или при артиллерийских штабах) для подготовки таким образом для американских войск, в США или во Франции, инструкторов, обученных и тренированных военной действительностью.

Мистер Бэйкер возражает на это, что у вас незначительное число офицеров, хотя их на самом деле достаточно. При командировке офицеров в наши части на фронте вы сможете за несколько месяцев выиграть сто процентов времени, необходимого для обучения.

Более того, вы сможете послать к нам вскоре молодых людей из американских университетов, находящихся сейчас в учебных лагерях; это также сберегло бы время. Два месяца, проведенные на фронте, имеют большее значение, чем шесть месяцев учебного лагеря. Вы должны всегда помнить, что с 1914 г. мы сделали офицерами 85 тыс. штатских и что из них вышли превосходные офицеры.

Это именно тот метод, который должен применяться в национальной и демократической армии. Мы сами колебались долгое время, прежде чем приняли его, вследствие старых рутинных традиций, являвшихся в общем германскими доктринами. Я хочу, чтобы вы извлекли пользу из наших собственных ошибок.

Я предвкушаю, дорогой полковник, ваш близкий приезд в Вашингтон и прошу вас известить меня о нем.

Я получил такое большое удовольствие от нашего разговора на прошлой неделе, что был бы рад встретиться с вами снова. Вы можете сделать многое, чтобы привести нас к общей нашей победе.

Искренне уважающий вас и преданный *Андре Тардье*».

4

Вскоре после прибытия Тардье Хауз узнал от сэра Сесиля Спринг-Райса, что британское правительство также решило послать в США военную миссию для согласования британской и американской военной деятельности. Главой миссии был выбран не кто иной, как сам лорд Нортклиф, подходивший для предстоящей трудной деятельности как благодаря своей чрезвычайной энергии, так и благодаря свойственному ему убеждению, что ре-

сурсы Америки необходимы для того, чтобы перетянуть чашу весов войны на сторону союзников. Его обязанности были охарактеризованы меморандумом, переданным Хаузу Уайзмэном 31 мая.

Меморандум о предполагаемой деятельности военной миссии

«Военный кабинет счел желательным иметь некоторую общую систему наблюдения за деятельностью представителей различных британских министерств в США и для координации этой деятельности. Вышеупомянутые представители министерств занимались делами, связанными с судоходством, продовольственным и военным снабжением, а также делами военного и морского министерств. Если не создать подобной координации, то представители министерств будут тратить зря много дорогого времени и сил и, в особенности, благодаря взаимной конкуренции будут служить друг другу помехой.

Учитывая эти обстоятельства и заложенную в них опасность, которую приходится считать достаточно серьезной, военный кабинет признает существенным для пользы дела, чтобы в США находился энергичный и влиятельный представитель кабинета с большим деловым размахом и большими познаниями, целью которого и будет общее наблюдение и координация. Миссия Бальфура сделала превосходное дело, но чувствуется, что и сейчас еще остается сделать многое, особенно в отношении осведомления правительства США о настоящем военном положении, а также и в отношении необходимости немедленного, деятельного и энергичного сотрудничества в военных делах с наименьшей потерей времени.

Поэтому военный кабинет постановил, что он должен отныне иметь в США своего представителя, которому будет вменено в обязанность обеспечить с помощью всех его способностей все возможные мероприятия для того, чтобы использовать ресурсы Америки наиболее эффективным способом и с наименьшей потерей времени.

Этот представитель не будет нести дипломатических обязанностей. Дипломатические отношения останутся в тех же руках, в которых они были до сих пор, и представитель военного кабинета будет обращаться в британское посольство за дипломатической поддержкой, если она понадобится для доведения до конца какого-либо дела, связанного с его миссией.

По мнению военного кабинета, человеком, наиболее подходящим для подобного назначения, является лорд Нортклиф, и кабинет предлагает правительству США согласиться на назначение лорда Нортклифа уполномоченным с обязанностями, перечисленными выше...»

Нортклиф приехал в начале июня и оставался в США до ноября, в течение, возможно, самого мрачного и, конечно, самого беспорядочного и обескураживающего с точки зрения военных усилий

Америки периода войны. Посланные им британскому военному кабинету каблограммы, копии которых он передавал полковнику Хаузу, отражают те же трудности, с которыми столкнулся Тардье.

Нация, не привыкшая, подобно США, к централизованному управлению и не подготовленная к случайностям войны, не могла по самой природе вещей, внезапно вступив в ряды сражающихся, занять в этих рядах одинаковое с другими воюющими сторонами положение без возникновения известного беспорядка. Обязанности союзных уполномоченных в США именно в том и состояли, чтобы побудить Америку к увеличению производства, которое ими же самими было доведено до большого расстройства. Они должны были также приобретать для удовлетворения нужд своих стран всевозможные припасы и в то же время убеждать казначейство США ссужать им средства для оплаты этого снабжения. Они конкурировали друг с другом, так как требования союзников были до сих пор очень схожи, и часто конкурировали с правительством США, реквизировавшим суда, сырье и готовые изделия, на которые рассчитывали агенты союзников. Они имели в перспективе все возрастающие цены, так как централизованное управление американской промышленностью еще не было осуществлено. Они должны были избегать каких-либо трений, так как они всецело зависели от доброго расположения духа американского казначейства. С другой стороны, американское казначейство не имело пока твердых указаний ни в отношении того, какие займы являлись наиболее существенными, ни в отношении того, каким путем должен был определяться приоритет.

Нортклиф был вполне убежден в том, что для выигрыша войны чрезвычайно важно довести мощь США до полного напряжения; он постоянно убеждал британский военный кабинет в необходимости установления теснейшего сотрудничества с Америкой.

Каблограмма Нортклифа Уинстону Черчиллю

Нью-Йорк, 27 июля 1917 г.

«Я долго размышлял о том, что война может быть выиграна только отсюда. Положение — весьма затруднительное и вместе с тем щекотливое. Сэр Уильям Уайзмэн, начальник нашей здешней военной разведки, должен приехать в Англию через несколько дней. Он единственный человек из англичан или американцев, имеющий доступ к Вильсону и Хаузу во всякое время. Он провел на прошлой неделе полтора часа с Вильсоном и день с Хаузом. Министерство всецело управляется этими двумя людьми. Власть Вильсона абсолютна, а Хауз его мудрый помощник. Оба англофилы.

Нортклиф».

Хауз и Нортклиф встретились вскоре после приезда последнего, и эта встреча послужила началом личной дружбы, продолжавшейся до самой смерти Нортклифа. При своих посещениях Англии Хауз случайно встречал знаменитого журналиста, но, очевидно, неправильно оценил его истинное значение. Он вскоре сам признал ошибочность своей первоначальной оценки.

«Нортклиф никогда не пользовался тем уважением, которого он заслуживал благодаря своей выдающейся деятельности в деле организации победы, — писал Хауз после мирной конференции. — Он был неутомим в своих стараниях возбудить мужество и энергию союзников, и он преуспевал в осуществлении этой величайшей из задач, когда-либо стоявших перед ним. Он был одним из первых, понявших значение обличительных речей Вильсона, направленных против германской автократии, и значение различия, установленного Вильсоном между германским юнкерством и германским народом. Он добился того, что эти высказывания американского президента распространились в Германии в огромном количестве, и сделал больше, чем кто-либо другой, кроме самого Вильсона, для того чтобы сломить нравственную стойкость германского тыла».

Лорд Нортклиф, со своей стороны, очевидно питал к Хаузу полное доверие и считал уместным добиваться его совета и помощи. 26 августа он послал Уайзмэну каблограмму по одному вопросу, требовавшему скорого разрешения: «Я делаю все через Хауза, который действует замечательно быстро. Вчера, например, покидая в четыре часа Вашингтон, я послал ему сообщение через Миллера, а при моем прибытии в Нью-Йорк в девять часов я нашел уже ожидающий меня ответ». Сэр Кэмпбелл Стюарт, военный секретарь британской миссии, который своим тактом и проницательной оценкой всех элементов какого-либо трудного положения в значительной степени содействовал успеху миссии, писал следующее:

«Лорд Нортклиф работал в тесном контакте с полковником Хаузом. Он говорил мне, что он считает полковника одним из мудрейших людей, с которыми он когда-либо встречался. Через Хауза лорд Нортклиф поддерживал связь с министерством. В добавление к этому он получал большую помощь от сэра Уильяма Уайзмэна, главы британской разведки (Интелидженс сервис) в США»[1].

Нортклиф доставлял Хаузу копии многих из своих наиболее важных донесений, тем самым уясняя Хаузу трудности совместной деятельности; он доставлял также сведения, которые должны были немедленно передаваться президенту Вильсону, но могли задержаться, если бы шли обычным путем. Это верно хотя бы в отношении важного анализа августовского положения на фронте

[1] Рукописный меморандум, предоставленный сэром Стюартом в распоряжение Чарлза Сеймура.

подводной войны и острого кризиса, наступившего, когда США, начав принимать продукцию судостроительных верфей, реквизировали тоннаж, уже законтрактованный союзниками.

Письма Нортклифа Хаузу

Нью-Йорк, 3 августа 1917 г.

«Дорогой полковник Хауз!

Я получил каблограмму от сэра У., извещающую, что мое правительство, наконец, подготовило анализ, дающий данные о потерях, причиненных подводными лодками, повидимому, для представления президенту.

Не будете ли вы так добры дать мне ваш совет относительно того, должен ли я представить этот анализ на ваше рассмотрение для дальнейшей передачи президенту или направить его лично непосредственно президенту[1].

Передайте привет миссис Хауз.

Искренне ваш *Нортклиф*».

Нью-Йорк, 25 августа 1917 г.

«Дорогой полковник Хауз!

Наш народ, кажется, весьма взволнован крайне деликатным и трудным вопросом относительно английских судов, строящихся здесь в данный момент. Цензура оказалась достаточно мудрой, чтобы приостановить обсуждение этого вопроса в английских газетах, но вполне очевидно, что он будет поднят в парламенте. Что это произведет весьма плохое впечатление в Европе, это тоже очевидно. Нельзя ли найти какой-нибудь компромисс?

Данные мне инструкции показывают, что мое правительство крайне остро почувствует весьма серьезный удар, который будет нанесен Англии, если эти суда будут приняты вашим правительством.

Будучи убежден, что эти суда никому не будут переданы, первый министр сделал публичное заявление, в котором включил эти суда в общий подсчет британского тоннажа.

Принимая во внимание потери, уже понесенные нами, а также незначительное отношение тоннажа, непосредственно обслуживающего военные нужды, ко всему нашему тоннажу и полную подчиненность нашей торговли нуждам войны, мы не можем заместить эти реквизированные суда из наших собственных источников, и потеря их должна затруднить нашу военную и морскую деятельность.

Важно, чтобы правительство США вполне ясно представило себе, что мы сделали заказы на постройку судов до того, как США

[1] Меморандум был направлен лично президенту, и копия послана Хаузу.

вступили в войну, и что мы прямо-таки становимся втупик, почему подобные покупки могли вызвать затруднения в США[1]. Мое правительство всецело передает вопрос в руки президента...

Искренне ваш *Нортклиф*».

Столь же затруднительны были проблемы, возникшие вследствие конкуренции с другими союзниками из-за получения американского снабжения. Они не предъявляли своих требований в виде некоего координированного целого, и достигнутое часто казалось им доставшимся случайно. Нортклиф, ветеран журналистики, абсолютно веривший в значение печати, думал, что англичане находятся в незавидном положении, потому что они недостаточно подчеркивали важность военных усилий Великобритании. Выдержки из его каблограмм показывают тесную зависимость, существовавшую, по его мнению, между безупречной постановкой дела осведомления печати о войне и американским снабжением.

«*15 августа 1917 г.* X и У,—пишет Нортклиф,—конечно работают сами по себе. Они посещают Хауза раз в месяц. Мы не имеем британского военного представителя, все повидавшего на войне. Американские солдаты во Франции пишут домой исключительно о французской армии. О нашем флоте совсем ничего не слышно. Хауз уверял меня, что президент совершенно не был осведомлен о большом участии, принятом нами в войне.

Хауз говорит: «Вы должны прислать в Вашингтон настоящего английского командира, хорошо известного и с большим военным опытом. Мы не нуждаемся в военной миссии, но было бы помощью для нас, если бы вы прислали такого офицера и если бы он был впоследствии подкреплен офицерами различных родов оружия с техническим опытом, приобретенным на настоящей войне»[2].

---

[1] Реквизиция этих судов, естественно, создала серьезное и неприятное положение и вызвала горячие протесты, особенно со стороны австралийцев. Она подняла вопрос о престиже, осложняя проблему сотрудничества. Так, например, предложение США сдать Австралии реквизированные суда в аренду при условии, чтобы они несли на себе американский флаг и команду, было неудовлетворительно, так как, по мнению австралийского премьера Хьюга, это было бы «ударом по морскому первенству Британской империи». Большое непосредственное значение имело опасение, как бы подобные реквизиции не стали прецедентом.

«Во влиятельных кругах Вашингтона,—гласила каблограмма Нортклифа Уайзмэну от 26 августа,—господствует мнение, что, не приняв никаких мер в военном отношении, правительство США сможет использовать выгоду от различных контрактов, которые у нас здесь имеются, чтобы снабдить свою армию и флот тем, в чем они нуждаются. Я думаю, что ни президенту, ни Хаузу подобные вещи не нравятся, и я надеюсь достигнуть какого-либо компромисса в отношении судов, так что создание прецедента конфискаций будет избегнуто».

Энергичными протестами союзники добились того, что часть реквизированного тоннажа была возвращена.

[2] Сэр Генри Вильсон, который стал впоследствии начальником британского имперского генерального штаба, был выбран британским военным комитетом главой такой миссии. «Я наотрез отказался ехать»,—пишет фельдмаршал Вильсон в своем дневнике.

Все это имеет прямое отношение к денежному положению и к позиции Мак-Аду перед конгрессом».

«*21 августа 1917 г.* Наши дела в Вашингтоне идут неважно. Джеффри Бэтлер полагает, а я соглашаюсь, что мы нуждаемся в приезде какого-нибудь весьма выдающегося военного. Я послал Смэтсу каблограмму, которую он покажет вам, если вы это пожелаете. Самые высшие здешние авторитеты не могут понять, почему мы не стараемся получше разъяснить наше положение. Уайзмэн... сообщит вам, что некоторые из выдающихся политиков на нашей стороне, а если бы этого не было, французы получали бы все. Я хочу, чтобы вы приложили все усилия, чтобы добиться приезда сюда недель на шесть Смэтса. Он легко может говорить вещи, которые трудно было бы сказать англичанину»[1].

«*1 сентября 1917 г.* Образцом проблем, с которыми приходится сталкиваться каждый день, может служить следующая, преподнесенная мне военным департаментом в Вашингтоне: «Мы были бы довольны, если бы вы посылали нам для нашей информации любой материал, который вы можете получить и который разъясняет положение на фронтах, а также материалы, имеющие общий интерес. И то, и другое нужно нам для конфиденциальной информации начальника нашего генерального штаба и секретаря военного департамента». Это дело, за которое, очевидно, нужно было взяться... немедленно после вступления США в войну. Результатом подобной небрежности с нашей стороны является то обстоятельство, что правительство США не имеет никакого представления о том, что мы сделали для победы. Газеты создают такое впечатление, точно война ведется Францией и Канадой. В качестве весьма популярного зрелища демонстрируется здесь каждый вечер картина, показывающая канадские войска, возвращающиеся с поля битвы прямо на обед, сваренный для них английскими солдатами. Это неведение косвенно влияет на все наши финансовые усилия в Вашингтоне. Было бы хорошо, если бы вы поговорили с генералом Морисом. Он опубликовал вчера сообщение, помещенное только в очень немногих газетах и показывающее соотношение английских и канадских войск на фронте. Такие сообщения не оказывают воздействия, так как они заглушаются ежедневными рассказами о геройстве храбрых манитобцев и монреальцев, а также, о чудесных подвигах французских летчиков и огромном количестве пленных, взятых итальянцами».

«*8 сентября 1917 г.* Германцы не ведут здесь антифранцузской пропаганды. Вся ирландская и германская пропаганда стремится создать впечатление, что мы получаем все денежки, а дела делаем мало. Мы принимаем все меры, чтобы противодействовать этому впечатлению с помощью моего личного влияния на друзей из аме-

---

[1] Генерал Смэтс был по происхождению южный африканец (бур).— *Прим. перев.*

риканской прессы, но нам придется много постараться, пока мы поставим себя здесь на один уровень с французами, и, чтобы сделать это, мы должны быть по крайней мере столь же хорошо вооружены научно и в других отношениях, как они».

Нортклиф не только использовал свое влияние на друзей из американской прессы, но старался всевозможными путями сам войти в тесный контакт с видными руководителями промышленности, чтобы ускорить и упростить доставку снабжения англичанам. Когда возникло недоразумение относительно предложения Генри Форда послать за плату 6 тыс. тракторов английскому министерству земледелия, Нортклиф сам привел дело в порядок и неожиданно открыл в великом американском промышленнике личность, возбудившую его интерес и уважение.

«*17 октября 1917 г.* Я провел вчерашний день с Фордом,— пишет Нортклиф.—Строительство тракторов подвигается вперед с огромной энергией. Форд не гонится в тракторном деле за деньгами; он думает, что тракторы революционизируют жизнь Англии, к которой он питает привязанность. Прибытие тракторов в Англию надо обставить по-американски, и, если возможно, премьер-министр должен сняться для кино вместе с ними... Я видел немало тракторов, но, по моему личному мнению, трактор Форда является такой же великой революцией в области дешевой продукции, как и фордовский автомобиль. Форд, который смахивает на лондонского епископа, антимилитарист, аскет, и не нужно его третировать как коммерческого человека...

Форду нужен экземпляр «Сельских прогулок» Коббетта и «Письма» Теннисона, изданные несколько лет назад его сыном. Будьте добры выслать эти книги непосредственно ему в Детройт, сопроводив их моими лучшими пожеланиями. Если я и буду находиться в это время на пути домой, книги все же попадут в его руки».

Нортклифу суждено было с удовлетворением увидеть, как все более и более возрастали американские усилия за время пребывания его миссии в США. «Этот народ глубоко втянулся в войну,— писал он в каблограмме своему брату,—и очень решителен. Дела идут теперь более гладко». Он получал также удовлетворение, видя, что британский военный кабинет все более определенно подчеркивает необходимость тесного сотрудничества с США. Сэр Уильям Уайзмэн прислал ему в августе телеграмму следующего содержания:

«Правительство с каждым днем все более полно и ясно понимает значение США и приходит к той точке зрения, которой, как я знаю, придерживаетесь и вы, а именно, что Америка должна рассматриваться как наиболее важный наш союзник. Тем не менее необходимо, чтобы эта истина постоянно повторялась кабинету, потому что Америка далека от нас, а члены правительства лично только в весьма слабой степени знакомы с вашингтонскими делами. Мне кажется, я убедил правительство в том, какое жизненное значение имеет полное и откровенное осведомление президента

обо всем, а также в том, насколько необходимы срочные ответы на ваши телеграммы».

Лорд Нортклиф не только реализовал материальные ресурсы США, но с самого начала утверждал, что если бы был создан соответствующий механизм сотрудничества, то американское снабжение появилось бы во-время; он утверждал также, что если союзники не будут представлять своих финансовых и снабженческих требований согласованно, то беспорядок, который возникнет в результате попыток ускорить американское участие, может привести к бедствию. Это был вывод, вполне соответствующий выводу Тардье, с которым, по сообщению сэра Кэмпбелла Стюарта, «лорд Нортклиф во все время пребывания в США работал рука об руку». Необходимость подобного согласования требований союзников стала особенно очевидна в отношении финансовых проблем лета 1917 г., на которые архив полковника Хауза проливает некоторый свет.

ГЛАВА IV

ФИНАНСЫ И СНАБЖЕНИЕ

«Еще раньше американских солдат американские доллары придали событиям новое направление...»

Андре Тардье, Франция и Америка.

1

Когда ученый перелистывает объемистые манускрипты, освещающие интересы и деятельность полковника Хауза во время войны, он может удивляться, видя количество и объем сообщений, посвященных финансовым вопросам. Хауз уже давно перестал интересоваться денежными делами, надоевшими ему, по его признанию, и отдавал все свое внимание правительственным проблемам. Он, конечно, не считался знатоком финансовых дел; прошло так много времени с тех пор, как он бывал на Уолл-стрит или даже на Двадцать третьей авеню, что он не мог вспомнить, когда он посещал финансовый центр США и посещал ли его вообще. Тем не менее, в его архиве находятся пачки бумаг, свидетельствующих о долгих совещаниях с финансовыми представителями союзных держав, а также многочисленные, подробные и чисто технические меморандумы, которыми он обменивался с лордом Нортклифом, или с британским послом, или с мистером Бальфуром.

Большая часть военных вопросов, касавшихся финансов и снабжения, несомненно могла быть сравнительно легко разрешена профессиональными экспертами каждой страны, если бы этим экспертам была предоставлена свобода действий, т. е. если бы в их деятельность не вторгались политические факторы. Но этого на самом деле не было: международные затруднения и недоверие создавали положения, нарушавшие покой государственных деятелей, чувствовавших, справедливо или нет, необходимость вмешательства. Полковник Хауз, намеревавшийся содействовать летом 1917 г. президенту Вильсону в развитии дипломатического наступления против моральной стойкости Германии, почувствовал себя вовлеченным в разрешение различных финансовых вопросов, казавшихся весьма простыми финансистам, но несомненно приносивших тяжелые мучения политикам.

Эта глава отнюдь не ставит себе целью беглый очерк истории финансовых отношений Америки с союзниками, для которого архив полковника Хауза несомненно не дал бы достаточных данных. Важно, однако, отметить связь Хауза с этими вопросами, так как летние финансовые затруднения имели прямым своим следствием осеннюю американскую военную миссию, главой которой был избран Хауз.

Основные факты финансовой истории 1917 г. были просты: союзникам пришлось просить у США заем такого размера, что американское финансовое управление испугалось. Даже если бы кредиты были открыты, то американский плательщик налогов вряд ли оправдал подобный заем. Война пожирала денежные суммы совершенно непостижимые для среднего гражданина, и союзники уже начали добираться до дна своих денежных мешков. Если бы США не вывели союзников из этого затруднения, последние не смогли бы дольше держать фронт. Как телеграфировал в конце лета лорд Нортклиф, американское правительство было «испугано величиной предпринятой финансовой работы. Американцы являются полными хозяевами положения как в отношении нас, англичан, так и в отношении Канады, Франции, Италии и России. Наш заем встречает резкую оппозицию конгресса. Если провалится заем, то провалится и война»[1].

Весьма вероятно, что требования союзников были вполне оправданы размерами их расходов на цели войны, но американскому народу эти требования были непонятны. С другой стороны, союзники были слишком заняты сношениями по различным важным для успеха и часто критическим вопросам на театре военных действий и у них не было времени на бесконечно повторяющиеся объяснения сложившегося положения. Английские финансовые представители в США были людьми выдающихся способностей. Сэр Хардмэн Левер состоял раньше финансовым секретарем английского казначейства и был хорошо знаком с американскими экономическими условиями; сэр Ричард Крауфорд обладал большим опытом в качестве ревизора таможен и советника турецкого министерства финансов. Они составляли вместе прекрасную пару. Но проблема включала в себя и политические факторы, которые могли быть только с трудом улажены официальными лицами, имевшими чисто финансовые полномочия. Нортклиф не имел специального мандата в отношении финансовых дел, и он говаривал Хаузу, что не считает себя достаточно пригодным для наблюдения за финансовыми отношениями. Необходимо было, поскольку мы можем судить на основании архива полковника Хауза, чтобы человек с политическим опытом, поддерживаемый соответственным военным, морским и техническим штабом, мог объяснить президенту Вильсону и другим ответственным членам правительства экономическую и военную стратегию союзников и перевести

[1] *H. Wickham Steed*, Through Thirty Years, v. II, p. 143.

политику союзников на язык денег и снабжения, чтобы американское правительство знало не только планы союзников, но и то, почему их усилия должны обойтись столь дорого, а также чего можно ожидать от громадных предполагаемых расходов.

Вашингтонское правительство было, кроме того, смущено недостаточной организованностью союзных требований кредита и снабжения. Департамент закупок был создан только в августе. До вступления США в войну в качестве закупочного и финансового агента британского и французского правительств действовала с большим успехом фирма «Д. П. Морган и К°». Э. Р. Стеттиниус принял на себя заботу о координации и закупке снабжения раздельно от чисто финансовых вопросов и создал за короткое время организацию столь эффективную, что, по утверждению Людендорфа, Стеттиниус один заменял союзникам целый армейский корпус.

Со времени вступления США в войну выступление частной фирмы в качестве закупочного агента союзников стало по понятным причинам невозможным. 3 апреля фирма «Д. П. Морган и К°» предложила англичанам поднять вопрос о получении снабжения и производстве закупок через посредство правительства США; было ясно, что дела британского правительства должны вестись его непосредственными представителями, работающими в тесном сотрудничестве с различными правительственными департаментами США, с целью добиться преимущества более низких цен и выгодных сроков платежа, чего можно было достигнуть только правительственным контролем. Банкиры предлагали облегчить передачу закупок какой-либо организации, специально образованной для этой цели, и по крайней мере трижды настаивали на создании штаба для приемки всего дела, которым занимался Морган, однако англичане не сочли это возможным, чтобы избегнуть задержек, так что с апреля до конца августа вся их закупочная система была большей частью шагом на месте.

Забота союзников получить от США гарантию регулярных ежемесячных кредитов была наиболее сильна именно в этот период. Союзники столкнулись со все возрастающими военными расходами; они имели также в перспективе ликвидацию их займа у фирмы «Д. П. Морган и К°», достигавшего почти 400 млн. долларов и олицетворявшего собой различные суммы, уплаченные в разное время американским промышленникам и купцам за счет британского правительства, без отправок золота и выручек от продаж американских обеспечений и английских банкнот. Хотя заем было принято называть «займом Моргана», он распределялся фактически между весьма многими банками и банковскими учреждениями, 26 из которых находились в Нью-Йорке, а 14 в Филадельфии. Больше чем половина займа была в то время распределена между банками, не входящими в систему Моргана. Заем был обеспечен американскими ценными бумагами твердой стоимости. Ликвидацию займа предполагалось произвести при участии банковских учреждений около 1 июля; англичане соглашались, чтобы заем

считался первым выпуском займа, которого они добивались у казначейства США.

Мак-Аду старался помочь союзникам кредитами возможно скорее. От 1 апреля до 14 июля США авансировали Великобритании около 140 млн. фунтов стерлингов, а другим союзникам 90 млн. фунтов, а в общем много больше миллиарда долларов. Но Мак-Аду не был в состоянии обещать регулярные ежемесячные кредиты в размерах, требуемых союзниками. Не мог он согласиться и с тем, чтобы задолженность британского правительства за время, предшествовавшее вступлению США в войну, была ликвидирована посредством займов у правительства США; с целью добиться согласия конгресса он связал себя обещанием, что кредиты, вотированные конгрессом, не будут использованы для подобной финансовой операции. Это было осторожно сообщено британской военной миссии в июле. «Хауз говорит,—сообщал Нортклиф Ллойд Джорджу,—что вся ближайшая зима будет посвящена конгрессом спорам по финансовым вопросам; ввиду этого Мак-Аду должен быть в состоянии доказать вполне ясно, что деньги народа США не были использованы на благо... Уоллстрита и денежных мешков, чему демократия так упорно противится».

Положение казалось финансовым экспертам менее безнадежным, чем политическим деятелям, предполагавшим, что запасы будут истощены ранее того времени, когда кредиты смогут быть использованы. Так, например, 6 октября лорд Рединг послал в Англию каблограмму, в которой говорилось: «Казначейство США, как в свое время наше, будет спасено фактическим отсутствием товаров, подлежащих покупке. Количество товаров будет недостаточно, чтобы поглотить огромные кредиты, открытые департаментам и союзникам». Несмотря на такой взгляд, над политическими руководителями в Европе, как и над Нортклифом в США, постоянно висел кошмар, что в займах будет отказано. «Если провалится заем, провалится и война». Отсюда проистекали и частые «взывания» к Хаузу, просящие его помощи для разъяснения союзных нужд министерству.

2

Одно из самых интересных «взываний» поступило в конце июня.

Каблограмма Бальфура Хаузу

Лондон, 29 июня 1917 г.

«По причинам, объясненным полностью Пэйджу здесь и Спринг-Райсу в Вашингтоне, мы, повидимому, находимся на границе финансовой катастрофы, которая будет хуже, чем поражение на фронте. Если мы не сможем сохранить наши реальные обеспе-

чения, то ни мы, ни наши союзники не сможем платить наши долги в долларах. Мы будем вынуждены пустить в ход наш золотой запас, и закупки в США неизбежно прекратятся, а кредит союзников будет расшатан. Последствия этого были бы неизмеримы, а они обрушатся на нас в ближайший понедельник, если до тех пор не будут приняты необходимые меры. Вы знаете, что я не принадлежу к числу людей, поддающихся панике, но это в самом деле серьезно. Я надеюсь, что вы сделаете все возможное в соответствующих инстанциях, чтобы предотвратить бедствие.

Бальфур».

«Я провел несколько часов не отходя от телефона,—пишет Хауз в своем дневнике,—говоря сначала с государственным департаментом, потом с Нью-Йорком, пробуя на все лады распутать клубок».

Каблограмма Уайзмэна Друммонду для Бальфура

Нью-Йорк, 29 июня 1917 г.

«...Я связался с Хаузом, находящимся вблизи Бостона, по секретной правительственной телефонной линии, ведущей в его дом, которой мне разрешено пользоваться.

Я воспользовался подобным же проводом, ведущим в Вашингтон, и обсудил положение с Полком.

По получении вашего обращения Хауз немедленно телефонировал в Вашингтон. Он думает, что дело может быть улажено, и поручил мне передать вам его заверения, что он посвятит этому все свое время, пока кризис не будет предотвращен.

Уайзмэн».

Письмо Хауза президенту

Магнолия, Массачусетс, 29 июня 1917 г.

«Дорогой начальник!

Дела в британском посольстве начали останавливаться вчера после полудня. Спринг-Райс находится в Вудс Хоул, а Мак-Аду в Буэна Виста, и машина застопорила. Как обычно, сэр Уильям взялся за дело и пытается сегодня разобраться в том, чего можно добиться.

Нортклиф получил поручение от Ллойд Джорджа приехать сюда посоветоваться со мной, прежде чем двигаться дальше. Он был готов сесть на десятичасовой поезд сегодня утром, когда я получил через сэра Уильяма каблограмму Бальфура, которую я передал вам через Лансинга. После этой каблограммы я посоветовал Нортклифу ехать в Вашингтон немедленно, не заезжая сюда, что он и сделал.

Им нужны 35 млн. долларов в понедельник, 100 млн. долларов в четверг и по 185 млн. долларов в месяц в течение двух месяцев, начинающихся через 10 дней после ближайшего четверга.

Это потрясающая сумма, и она показывает, какую огромную тяжесть взвалила на себя Великобритания ради своих союзников. Мне кажется, что мы должны заключить окончательное соглашение с Англией относительно того, сколько денег понадобится ей в будущем и насколько она сможет надеяться в этом отношении на нас.

Кажется абсурдным давать ей относительно незначительные суммы, частое оповещение о которых может произвести плохое впечатление на наш народ. Разве он не перенес бы бóльшую сумму спокойнее, чем эти меньшие суммы, постоянно доводимые до его сведения?

Любящий вас *Э. М. Хауз*».

5 июля английское министерство иностранных дел прислало каблограмму: «Бальфур чрезвычайно благодарен Хаузу за его вмешательство. Результаты уже сказываются». Но в общем положение оставалось совершенно неудовлетворительным для той и другой стороны. Возбуждение министерства иностранных дел могло быть вполне простительным и основываться на подлинной опасности, угрожавшей британскому кредиту, как думали политические руководители, или оно могло быть пустым беспокойством, возникшим в результате недоразумения, как думали финансисты. Во всяком случае, было важно организовать союзные заявки о кредитах таким образом, чтобы сделать всякие недоразумения невозможными. Полковник Хауз настаивал на желательности посылки Англией финансиста, занимающего в то же время высокое политическое положение.

Письмо Хауза президенту

Магнолия, Массачузетс, 11 июля 1917 г.

«Дорогой начальник!

Со времени каблограммы Бальфура я продолжаю глубоко интересоваться финансовыми разногласиями между британским правительством и нашим департаментом финансов и обрадован возможностью сказать вам, что все находится, как будто, на пути к дружественному согласованию...

Я свел Мак-Аду и Уайзмэна, и, так как сэр Уильям сочувствует точке зрения Мак-Аду, я думаю, что другой подобный кризис может быть избегнут в будущем. Англичане должны будут, однако, прислать другого финансиста.

Любящий вас *Э. М. Хауз*».

Через несколько дней после отправки этого письма лорд Нортклиф посетил Хауза в Магнолии. Глава британской военной миссии представил полковнику статистические данные о британских расходах со времени вступления США в войну и изложил свои соображения в отношении чрезвычайной необходимости регулярной финансовой помощи со стороны США. Он сделал также обзор помощи, до сих пор оказанной и достигшей за почти четырнадцать недель суммы, превышавшей миллиард долларов, для разных союзников (229 млн. фунтов стерлингов). За этот же период Великобритания авансировала союзникам 193 млн. фунтов[1]. США ограничивали свою помощь расходами, производимыми союзниками в пределах страны. Великобритания, бессильная оказать подобную поддержку, несла бремя союзных расходов в других частях мира. Без такой помощи союзники были бы неспособны добывать продовольственное и военное снабжение, необходимое для продолжения войны. Великобритания попрежнему финансировала русские закупки в США. Общие расходы англичан со времени вступления США в войну превышали 800 млн. фунтов, и, кроме того, они получили от американского правительства немного менее 140 млн. фунтов в виде займов. В годы, предшествовавшие вмешательству США, англичане израсходовали свыше $4^1/_4$ млрд. фунтов, что составляет в итоге более 5 млрд. фунтов стерлингов расходов до середины июля 1917 г.

«Только после того как Великобритания в течение трех лет выдерживала расходы в таком объеме,—говорил Нортклиф полковнику Хаузу,—она решается апеллировать к США, прося о сочувственном рассмотрении спорных финансовых вопросов, причем чрезмерная настоятельность ее нужд и ненадежность ее положения могут до известной степени сообщить ее просьбе о помощи некоторый оттенок настойчивости, которого не было бы при обычных условиях.

Наши ресурсы, пригодные для платежей Америке, исчерпаны. Если правительство США не сможет полностью покрыть наши издержки в Америке, включая долговые обязательства, то все финансовое сооружение Антанты рухнет. Подобная развязка будет делом не месяцев, а дней.

Вопрос принадлежит к числу таких, которые требуют широкого подхода. Если дела останутся в том же положении, в каком они были в течение нескольких последних недель, то огромная финансовая катастрофа неизбежна. В течение августа враг получит

[1] Английская ссуда союзникам (с 1/IV по 14/VII 1917 г.): 193 849 тыс. фунтов стерлингов.

Ссуда США союзникам (с 1/IV по 14/VII 1917 г.): 90 млн. фунтов стерлингов.

Ссуда США англичанам (с 1/IV по 14/VII 1917 г.): 139 245 тыс. фунтов стерлингов.

Таким образом, чистая ссуда Великобритании составила около 54 млн. фунтов, Соединенных штатов—около 229 млн. фунтов.

ободрение, в котором он так нуждается, и притом в тот момент войны, когда оно нужнее всего».

В то же самое время Бальфур снова телеграфировал полковнику Хаузу, прося его убедить президента в чрезвычайной важности их просьбы, которой союзники придают большое значение. Они нуждались в том, чтобы быть уверенными в немедленном займе, достаточном для покрытия их августовских расходов, и в согласии предоставлять с этого времени программные, регулярные займы.

Письмо Хауза президенту

Магнолия, Массачузетс, 20 июля 1917 г.

«Дорогой начальник!

Я только что получил от Бальфура следующую каблограмму:

«Представление наивеличайшей важности и настоятельности, касающееся финансового положения, было сегодня сделано послу США вместе с просьбой, чтобы он телеграфировал его in extenso [дословно] государственному департаменту. Я был бы очень вам благодарен, если бы вы смогли обеспечить этому представлению личное внимание президента, и столь же благодарен за любое содействие, которое вы сможете оказать, так как дело действительно важное. Я уверен, что отсутствие скорой и полной помощи, о которой мы просим, неизбежно приведет к катастрофе».

Я ответил, что немедленно обращу ваше внимание на неотложность дела.

Мак-Аду собирался приехать сюда в четверг, но задержался. Он надеется вырваться на следующей неделе.

Любящий вас *Э. М. Хауз*».

3

Колебание, проявленное финансовым управлением США в деле немедленного и полного удовлетворения союзных просьб, было вполне естественно. Мак-Аду был ответственен перед американскими налогоплательщиками, и он должен был доказать, что все авансированные фонды являются существенными расходами, без которых возникла бы опасность проигрыша войны. Беспорядок в требованиях союзников был так велик, что придавал этим требованиям характер свалки из-за преимущества в очередности получения фондов и снабжения. Прежде чем согласиться впутаться в политику, которая привела бы к займам в размерах, не имеющих прецедентов, финансовое управление настаивало на том, чтобы союзные требования денег и материалов были согласованы.

Мак-Аду просил, таким образом, о создании некоторого рода межсоюзного финансового совета или закупочного управления,

которое ручалось бы ему за абсолютную необходимость того, что испрашивалось, и в то же время определяло бы первоочередность нужд.

Положение было хорошо выяснено в меморандуме, набросанном сэром Уильямом Уайзмэном и полковником Хаузом, причем содержание этого меморандума было одобрено лордом Нортклифом.

Меморандум Уайзмэна относительно финансов и снабжения

«Требования денежных средств, грузов и сырых материалов поступают от союзников раздельно, без взаимной увязки. Каждый настаивает на том, что его собственная частная нужда является самой важной из всех нужд, и ни один человек в Америке не может сказать, откуда придет следующее требование и как велико оно будет. Вашингтонское правительство слишком далеко от войны и не имеет достаточной информации, чтобы судить, насколько эти требования заслуживают внимания.

В настоящее время смятение царствует не только в правительственных департаментах, но и в общественном мнении. С одной стороны, имеется подозрение, что некоторые денежные средства и материалы нужны не только для определенных военных целей, а с другой стороны, ощущается настоящая тревога, что даже ресурсы США недостаточны, чтобы выдержать напряжение. Германские агенты, работающие в США, ухватились за эти обстоятельства и используют их полностью. Деятельность этих агентов направлена к тому, чтобы вызвать беспорядок, разногласия и задержки как раз в то время, когда все влияние и мощь Америки могут быть использованы на войне. Они поощряют идею, что было бы лучше сохранить американские ресурсы для защиты Америки, чем рассеивать их в европейских распрях».

Необходимость согласования требований союзников с помощью межсоюзного финансового совета серьезно выдвигалась президентом Вильсоном. Сэр Уильям был приглашен для переговоров с президентом, который обратил особое внимание на важность согласования союзных требований и указал на свое сочувствие плану, предложенному Мак-Аду.

«Вильсон,—сообщал Уайзмэн Хаузу и Нортклифу,—твердо настаивает на том, что правительство США должно получать больше информации как о непосредственных финансовых нуждах, так и об общей политике союзников. Он указывает, что в требованиях различных союзников было много путаницы, а отчасти конкуренции. Особенно, поскольку дело касалось англичан, он указывал на то, что не было никого, кто мог бы представлять их с достаточным финансовым авторитетом, чтобы полностью обсудить как финансовое, так и политическое положение с секретарем финансового управления. Все подобные недостатки должны быть исправлены возможно скорее.

Он вполне одобрял план, предложенный Мак-Аду и предусматривающий создание совета в Париже. Этот совет, составленный из представителей союзников, должен определять, что требуется от Америки в отношении снабжения и денежных средств. Он должен также определять настоятельность каждого требования и устанавливать соответствующую очередность его. Я предложил, чтобы подобный совет был составлен из военных и морских командиров или их представителей и чтобы США были в нем представлены. Вильсон, казалось, не имел каких-либо возражений, но высказал мнение, что для США нет необходимости иметь представителя в этом совете до тех пор, пока они не имеют собственного участка фронта, о котором они могли бы заботиться, и не имеют значительных сил в Европе»[1].

Отказ союзных правительств принять предложение Мак-Аду относительно межсоюзного совета и действовать согласно этому предложению несомненно был отчасти обусловлен опасением, что финансовая независимость Лондона и Парижа может быть принесена в жертву. Отказ был также обусловлен и положением дел в Европе, оставлявшим мало времени для изучения важных факторов, лежавших в основе американских отношений с союзниками. И Нортклиф и Тардье старались убедить свои правительства в необходимости пойти навстречу американским требованиям в отношении системы согласования дел, касавшихся финансов и снабжения, но без немедленных результатов.

Тардье и уполномоченный по франко-американским делам де Билли приезжали неоднократно в Магнолию, чтобы обсуждать с Хаузом пути и средства для создания совершенной межсоюзной организации. Они ясно понимали неблагоприятный эффект, вызванный задержкой англичанами образования закупочной организации, долженствовавшей продолжать дело фирмы «Д. П. Морган и К°», а также непрекращавшимся беспорядком в американской промышленности, являвшимся результатом вступления США в войну, с вытекающей отсюда опасностью возрастания цен. Они учитывали и то, что от системы генерального согласования союзники должны были выиграть больше, чем США.

Меморандум Тардье относительно финансов и снабжения

«Старая организация исчезла, а новая до сих пор еще не создана. Отсюда проистекает общее состояние неопределенности о ценах и сроках поставок.

Снабжая союзников значительными денежными суммами, США должны соответственно осведомляться, чтобы быть уверенными, что выданные ими денежные средства фактически и полностью пошли на нужды войны.

[1] По другим указаниям, в июле 1917 г. президент Вильсон уже надеялся увидеть большие американские экспедиционные силы в Европе.

Союзники, работающие в сотрудничестве с США, должны быть также соответственно осведомлены о сделках по их заказам; эти последние должны защищаться от преувеличенных цен, требуемых производителями.

Американское правительство должно быть обеспечено гарантиями союзников, что их заказы не загромоздят отрасли промышленности, необходимые для США.

Союзники должны получить гарантии, что выполнение их заказов не встретит препятствий или задержек, обусловленных распоряжениями американского правительства».

Предложение Тардье допускало использование существующих межсоюзных бюро, которые должны были развернуться таким образом, чтобы давать американскому правительству полную информацию относительно существенных требований союзников. Перед американским правительством вставала необходимость организации полного контроля над американской промышленностью. Межсоюзная конференция «снабдит правительство США базой для промышленного и финансового контроля всех заказов, размещенных в США... США должны будут добиться глубокой и детальной осведомленности о нуждах и спецификациях союзников, и, как только их собственная организация будет готова, они будут в состоянии взять на себя полностью управление американской военной промышленностью и смогут заменить союзническую организацию своей без разрушения прежнего закупочного аппарата союзников...»[1]

К концу июля, будучи уверен в поддержке Тардье и Нортклифа, Мак-Аду обратился к союзным уполномоченным с формальным меморандумом, в котором он высказывался за необходимость избавиться от существующего беспорядка путем создания организации, которая будет устанавливать правильное соотношение требований к США и давать некоторое основание для установления очередности потребностей. Должностные лица США, сообщал Мак-Аду, были вынуждены разрешать вопросы, о которых они были непосредственно очень мало осведомлены. Союзники должны прежде всего выработать сообща программу, устанавливающую частные нужды каждого, и представить ее, как нечто целое, нашему правительству. Благодаря этому отпадет необходимость для каждой страны предъявлять постоянные заявки на сравнительно незначительные количества потребного и наше правительство будет избавлено от необходимости решать, какое требование в каждом данном случае является наиболее существенным.

---

[1] Общие принципы плана Тардье, приноровленные к потребностям проблемы, приняли в конце концов следующий вид: контроль над американской промышленностью был окончательно установлен президентом и осуществлялся через управление военной промышленностью. Межсоюзные советы были учреждены с целью устанавливать потребности союзников и классифицировать очередность их требований.

Конференция представителей союзников собралась в Париже, чтобы обсудить меморандум Мак-Аду, и выработала план, соответствовавший в своих главных чертах пожеланиям США. Но от ратификации этого плана союзные правительства в тот момент отказались, главным образом вследствие их неодобрительного отношения к объему полномочий, которые должны были быть предоставлены членам совета. Создание межсоюзного совета по финансовым вопросам и закупкам было, таким образом, отложено.

4

Эта задержка в ратификации плана Мак-Аду, естественно, внесла элемент неуверенности в переговоры о регулярном авансировании американских фондов союзникам. Озабоченность последних была велика. Благодаря своим связям с секретарем финансового управления, с одной стороны, и с уполномоченными союзников—с другой, полковник Хауз постоянно привлекался для разъяснения союзной точки зрения правительству. 23 июля он писал Нортклифу: «Я делаю все, что могу, чтобы помочь разрешить эту трудную проблему, и я надеюсь, что соглашение может быть вскоре достигнуто». Он убеждал Мак-Аду, что, ожидая создания межсоюзной согласованности, нельзя отказывать союзникам в немедленных авансах. 24 июля Нортклиф с явным удовлетворением телеграфировал Бонар Лоу, что Мак-Аду поехал в Магнолию повидать полковника и что имеется вероятность, что в августе авансы будут даны. Так именно и случилось, и на момент кризис удалось преодолеть. В то же самое время, по предложению Хауза, Уайзмэн был отправлен в Лондон для объяснения необходимости более тесного сотрудничества. Президент Вильсон и Нортклиф поручили ему настаивать на посылке в США финансиста, занимающего высокое политическое положение, а также настоятельно указывать на необходимость межсоюзного финансового и закупочного совета.

Каблограмма Уайзмэна Хаузу

Лондон, 3 августа 1917 г.

«Я только что долго совещался с Бальфуром. Он говорит о вашей помощи вообще и, в частности, о вашей помощи при недавних затруднениях, как о факторе, спасшем нас от весьма реальной катастрофы. Он чрезвычайно вам благодарен и очень желает использовать все свое влияние для улучшения и упрощения отношений между нашими двумя правительствами.

Я объяснил необходимость полнейшей информации и искреннейшего обмена взглядами.

Уильям Уайзмэн».

Письмо Хауза президенту

Магнолия, Массачуветс, 10 августа 1917 г.

«Дорогой начальник!

Я обсуждал финансовое положение с Мак-Аду, когда он был здесь во вторник. Я думаю, что оно может быть удовлетворительно упорядочено. Нортклиф приедет на завтрашний день и на воскресенье, и я смогу разобраться, насколько близко английская точка зрения совпадает с точкой зрения Мак-Аду...

Я предупредил Мак-Аду, чтобы он давал, когда есть что давать, щедрой рукой, потому что если он не будет так поступать, мы потеряем и деньги и доброжелательность. Пока у нас есть деньги, чтобы ссужать, подобное желание занимать будет нам приятно, но когда наши денежные запасы будут исчерпаны, дело примет другой оборот. Теперь их черед радоваться, потом придет наш черед: мы начнем собирать долги.

Я помню, во время одной биржевой паники доброго старого времени мой друг спросил одного весьма богатого человека, очень ли он беспокоится. Тот отвечал: «Нет, я нисколько не обеспокоен, обеспокоены банки, в которых находятся мои деньги...»

Любящий вас *Э. М. Хауз*».

Желание полковника Хауза, чтобы финансовые авансы США были щедрыми, не должно создавать мнения, что он интересовался только помощью союзникам. Он не упускал случая подчеркнуть абсолютную необходимость создания межсоюзного совета и согласования союзнических требований, как того требовал план Мак-Аду, если только союзники рассчитывали на достаточную американскую помощь. Ради удовлетворения пожеланий Лондона и Парижа детали плана могли быть изменены, но его принципы были существенны для американской финансовой помощи.

Каблограмма Нортклифа Уайзмэну

Нью-Йорк, 16 августа 1917 г.

«Вопрос о ежемесячной денежной помощи, кажется, потерял остроту, но в отношении финансов зима будет беспокойной. Мак-Аду обвиняется некоторыми газетами в том, что он тратит деньги нации, подобно пьяному матросу. На последней неделе он провел пять часов с Хаузом. Когда дело касалось межсоюзной конференции, Хауз становился весьма настойчивым. Он прибавил, что совершенно необходимо, чтобы Мак-Аду имел индоссамент экспертов в отношении денег, назначенных союзникам.

Нортклиф».

Французский уполномоченный Тардье оценивал финансовую проблему как весьма затруднительную. Он писал о ней позже:

«Лишившись возможности расплачиваться долларами... союзники были бы разбиты до конца 1917 г. Вступление Америки в войну спасло их. Еще раньше американских солдат американские доллары придали событиям новое направление... Что за поток золота хлынул в Европу! Но его приближения дожидались целые толпы. Банкир своих союзников с 1914 г.—Англия пришла первой. Франция, пострадавшая больше Англии, столь же нуждалась в деньгах. Тут же толпились и другие союзники, впавшие в затруднение позже, шумная толпа, пугавшая своими огромными требованиями чиновников финансового управления.

...Присоединившиеся, но не заключившие союзного договора, США уполномочили секретаря своего финансового управления выдавать авансы Европе, но не уполномочивали его вступать в окончательные соглашения. Здесь не было ни двусторонних сделок, ни общих соглашений, ни взаимных условий. США играли в финансовых делах роль распределителя и посредника. Это была их финансовая политика.

Такая независимая политика была оправдана и укреплена разнузданной конкуренцией заемщиков, их всегда протянутыми за деньгами руками, хитростями их все возрастающих требований. Американское недоверие еще больше увеличилось, когда... как Лондон, так и Париж, на основании своей финансовой независимости, упорно сопротивлялись американскому предложению о создании межсоюзного финансового управления.

Каждый день я получал требования моего правительства добиваться регулярного соглашения, которое оно считало необходимым. Каждый день вашингтонское финансовое управление заявляло мне, как и моим коллегам, что оно не намеревается вступать в какие-либо связывающие его соглашения. Американский конгресс установил предмет, объем и форму финансовой помощи. Никто не мог жаловаться, что эта помощь не была готова проявить себя. Но никто не имел права рассчитывать на нее»[1].

5

Чтобы смягчить последствия от задержки в образовании межсоюзного экономического совета, лорд Нортклиф настаивал на назначении британского представителя, занимающего высокое политическое положение, в качестве уполномоченного, способного урегулировать с американским правительством вопрос о фондах, которые смогут авансироваться через определенные промежутки. В начале лета он обсуждал возможность такого назначения с полковником Хаузом и пришел к выводу, что виконт Рединг, лорд верховный судья, явился бы идеальным кандидатом. Лорд

---

[1] *Tardieu*, France and America, p. 227—229.

Рединг был близким другом Ллойд Джорджа и знатоком финансов, произведшим наилучшее впечатление в Вашингтоне осенью 1915 г. Он занимал высокое политическое положение и имел возможность говорить с полным авторитетом[1]. «Мы условились,— писал Хауз,—что до приглашения Рединга я повидаюсь с Мак-Аду, и мы обсудим с ним этот вопрос».

Секретарь финансового управления, как и Вильсон, всегда настаивал, чтобы в Вашингтон был прислан финансовый уполномоченный, и он искренне одобрил выбор Рединга. Вопрос состоял только в том, поймет ли британское правительство необходимость назначения столь высокого официального лица: отлучка Рединга из Лондона могла создать затруднения. Лорд Нортклиф уполномочил Уайзмэна, находившегося в то время в Лондоне, внушить военному кабинету мысль, что положение в США носит критический характер.

«Имеется настоятельнейшая нужда,—докладывал Уайзмэн, имея в виду американское положение,—чтобы в Вашингтон отправилось официальное лицо, занимающее высокий пост, для обсуждения финансовых проблем с мистером Мак-Аду. Это должен быть человек, который не только может взяться за определенные финансовые проблемы, но который поймет также политическое положение в Америке и сможет обсудить с секретарем финансового управления политические вопросы, играющие большую роль в шуме, поднятом по поводу огромных займов в США. Ошибкой прошлого была посылка чисто финансовых агентов, обладавших недостаточными знаниями или терпением для понимания серьезных политических затруднений, с которыми сталкивается вашингтонское правительство».

Каблограммы Уайзмэна Хаузу

Лондон, 12 августа 1917 г.

«Я только что повидал многих высокопоставленных лиц, включая короля, премьера, канцлера казначейства... Британское правительство сознает, хотя и неохотно делает эту уступку, более сильную позицию США. Британское правительство доверяет президенту и с готовностью даст ему всякую информацию, но, конечно, не понимает необходимости так же искренно сообщать ему о всех своих слабостях, как и о силе...

Уильям Уайзмэн».

Лондон, 20 августа 1917 г

«Кажется, что мне удалось внушить кабинету высокую оценку чрезвычайного значения США при сложившемся положении и сознание необходимости искреннего и сердечного сотрудни-

[1] Не далее как в феврале 1916 г. Хауз высказывался о лорде Рединге, как об идеальном британском уполномоченном.

чества между правительствами, но из-за огромной перегрузки правительства различными не терпящими отлагательства проблемами потребуется много времени, чтобы пустить дело в ход...

Уильям Уайзмэн».

Англичане оценили необходимость тесного сотрудничества с США, но колебались некоторое время, прежде чем решились послать туда своего представителя. Возможно, что они опасались, кроме того, как бы их организация в Америке не стала слишком сложной. Нортклиф прилагал всю свою способность убеждать и посылал частые каблограммы различным членам военного кабинета, настаивая на том, что положение требует назначения финансового уполномоченного, снабженного также широкими политическими полномочиями. «Я полуофициально информирован, что откладывание приезда лорда Рединга вызывает раздражение... Хауз настаивает, что должен приехать политик».

Телеграмма Нортклифа Хаузу

Вашингтон, 24 августа 1917 г.

«Правительство еще раз запрашивает меня, является ли приезд Рединга существенным для пользы дела. Могу ли я получить через Миллера ваше «да» или «нет»?

Нортклиф».

Телеграмма Хауза Нортклифу

Магнолия, Массачузетс, 24 августа 1917 г.

«Да, я считаю весьма важным иметь здесь лорда Рединга или кого-либо подобного ему.

Эдуард Хауз».

Каблограмма Уайзмэна Нортклифу

Лондон, 25 августа 1917 г.

«Сделал все, что мог, чтобы убедить правительство послать Рединга, и сегодня утром канцлер сообщил мне, что он просил Рединга принять на себя миссию. Я не знаю Рединга лично, но позволю себе высказать мнение, что его здравое беспристрастное суждение поможет разрешению общих вопросов, а не только финансового, и после возвращения он будет в состоянии дать кабинету благоразумный совет. Хорошо бы вам телеграфировать Редингу, настаивая на его согласии и советуя ему обсудить дело со мной. Я думаю, что его назначение будет следующим шагом

на пути к более совершенному сотрудничеству и сделает Вашингтон настоящим генеральным штабом. Кабинет фактически думает, что можно убедить Вильсона приехать сюда.

Уайзмэн».

Каблограмма Сесиля Хаузу

Лондон, 25 августа 1917 г.

«Бальфур в отпуске, и я замещаю его. Намечено просить лорда Рединга отправиться в Вашингтон в связи с финансовым положением. Я предполагаю, что вы одобряете это предложение, и само по себе оно кажется превосходным, но я опасаюсь, как бы не стало слишком громоздким наше представительство в США, если только поездка Рединга фактически не явится частью общей реорганизации.

Именно в этом пункте я в высшей степени оценил бы ваш совет. Полное взаимопонимание между нашими двумя странами имеет столь чрезвычайную важность не только для них самих, но и для всего мира, что я позволяю себе высказать надежду, что вы найдете возможным сообщить мне ваши мысли вполне искренне и полно.

Какие полномочия должны быть даны лорду Редингу и как их формулировать, чтобы они не затрагивали положения посла и Нортклифа, если он останется?

Я знаю, что я не имею права просить вас об этой услуге, но я знаю также, что независимо от того, считаете ли вы возможным оказать ее мне, или нет, вы простите мою просьбу, приняв во внимание громадную важность поставленных на карту интересов. Я вполне понимаю, что вы находили возможным выражать достаточно полно ваши взгляды на подобные предметы мистерам Бальфуру, Друммонду и Уайзмэну, но обстоятельства столь значительно изменились, что я отваживаюсь просить вас о новом выражении этих взглядов.

Сесиль».

Каблограмма Уайзмэна Хаузу

Лондон, 25 августа 1917 г.

«Мы дошли до кризиса в наших непосредственных отношениях с США... Ваше мнение будет рассмотрено военным кабинетом строго конфиденциально. Мне кажется, что нет необходимости настаивать перед вами на великой услуге, которую вы сможете совершить, сообщив каблограммой ваши взгляды Сесилю вполне полно и искренне, вне зависимости от того, каковы они.

Уильям Уайзмэн».

Каблограмма Хауза Сесилю

Магнолия, Массачузетс, 26 августа 1917 г.

«... По моему мнению, лучшим временным решением будет послать лорда Рединга или кого-либо равного ему, снабдив его как финансовыми, так и политическими полномочиями и передав ему полностью право разрешения финансовых вопросов, Нортклифу же предоставить попечение обо всех коммерческих делах. Когда Нортклиф почувствует, что он может вернуться, то сюда может быть прислан Грэй, а если он не будет в состоянии принять назначение, то не сможете ли вы приехать сами? Существенно необходимым является присутствие здесь кого-либо, могущего господствовать над положением и улаживать его, а также обладающего полным доверием президента... Сэр Уильям Уайзмэн понимает положение и может сообщить вам дальнейшие подробности.

Высказанное мнение всецело принадлежит мне и высказано без консультации с кем-либо.

Эдуард Хауз».

Этот примечательный обмен каблограммами иллюстрирует, как ничто другое, род услуг, выполнявшихся Хаузом в интересах президента Вильсона и союзников. Сэр Уильям Уайзмэн сделал об этих услугах следующие замечания:

«Положение и влияние полковника Хауза во время мировой войны может быть только с трудом определено историком и оценено читателем. Время от времени несколько слов в каблограмме или в письме или даже только их тон являются броском удивительных доказательств, бликом света на погруженной во мрак сцене. Каблограмма лорда Сесиля носит именно такой характер. В качестве постоянного государственного секретаря министерства иностранных дел он говорит непосредственно от имени британского правительства, когда он телеграфирует Хаузу, спрашивая: действительно ли Рединг должен быть послан в Вашингтон, должен ли Нортклиф вернуться и как определить обязанности обоих так, чтобы согласовать их с обязанностями посла Спринг-Райса. Истинно примечательной данью как мудрости, так и осторожности полковника Хауза является то обстоятельство, что иностранное правительство вынуждено было добиваться его совета в столь важном и деликатном вопросе. Но только тот, кто знает обычаи посольских канцелярий, может оценить полностью, чем было для британского министерства иностранных дел с его великими традициями это, так сказать, интимное обсуждение проблемы с неофициальным государственным деятелем другой страны. Необходимо прибавить, что министерство иностранных дел в данном примере, как и во многих других, приняло совет полковника Хауза и поступило согласно этому совету».

Британское правительство тотчас же попросило лорда Рединга принять на свою ответственность руководство миссией. Эта просьба была поддержана длинной каблограммой, посланной 26 августа Редингу Нортклифом, настаивавшим на необходимости принять предложение. Нортклиф снова подчеркивал, «(1) что американцы не имеют никакого понятия о наших жертвах людьми, судами и денежными средствами; (2) что они пока еще не привыкли к огромным цифрам военных финансов... Я очень боюсь, что мы получим твердый договор с правительством США, предусматривающий целевое распределение средств, в которых мы нуждаемся». Лорд Рединг согласился на поездку без какой-либо задержки.

Каблограмма Рединга Нортклифу

Лондон, 31 августа 1917 г.

Нахожусь под большим впечатлением от вашей телеграммы. Выезжаю на следующей неделе. Я все время получаю здесь информацию и обсужу положение с вами по прибытии. Видел Уайзмэна, который будет сопровождать меня в путешествии.

Рединг».

6

Почти в то же самое время, когда британское правительство решило послать за океан лорда Рединга с широкими полномочиями, необходимыми для разрешения проблем финансов и снабжения, в Вашингтоне было заключено соглашение, по которому необходимые закупки союзников должны были обслуживаться комиссией, созданной, чтобы принять на себя функции, выполнявшиеся прежде по поручению британского правительства фирмой «Д. П. Морган и К°». Официальное сообщение, выпущенное секретарем Мак-Аду 24 августа, сообщало следующее:

«Секретарем финансового управления, с одобрения президента, подписаны сегодня от имени США формальные соглашения с представителями Великобритании, Франции и России о создании комиссии с местонахождением в Вашингтоне, через которую будут осуществляться все закупки, производимые этими правительствами в США. Предусмотрено, что одинаковые соглашения будут заключены с представителями других союзных правительств в течение ближайших дней.

Соглашения называют в качестве членов комиссии Бернарда М. Баруха, Роберта С. Ловетта и Роберта С. Брукингса. Эти джентльмены являются также членами недавно созданного управления военной промышленности совета национальной обороны и будут благодаря этому вполне способны согласовать закупки правительства США с закупками союзных держав.

Предполагают, что следствием этих соглашений будет более эффективное использование объединенных ресурсов США и иностранных правительств в целях войны».

Нортклиф телеграфировал в Лондон 24 августа, делая замечания относительно удовлетворения американского правительства, которое, очевидно, было раздражено проволочками в создании соглашения о закупках: «Правительство в высшей степени довольно и вследствие этого выражает намерение помогать нам любым возможным способом». А на следующий день он телеграфировал канцлеру казначейства: «Вас, вероятно, удивит, если вы узнаете, что перья, которыми были подписаны соглашения, будут снабжены награвированной датой и сохранены».

Эта комиссия не имела, конечно, ничего общего с требованием Мак-Аду о создании межсоюзного совета для установления правильного соотношения союзных потребностей, но она в значительной степени удовлетворяла нужду в организации эффективного механизма для расплаты за снабжение, закупленное союзниками в США. Она добывала предложения по лучшим ходовым ценам, представляла их уполномоченным представителям союзников и, наконец, надзирала за производством закупленного и руководила этим производством.

Августовское соглашение о закупках было существенным улучшением механизма закупок, весьма облегчившим все закупочные операции союзников, и привело к несомненной экономии. Оно не затрагивало основных проблем межсоюзных финансов и снабжения, которые к концу лета попрежнему оставались нерешенными. Но процесс согласования находился по крайней мере на пути к разрешению.

Прибытие в начале сентября миссии Рединга ознаменовало собой шаг первостепенного значения на пути к общей согласованности союзных проблем. Хауз был явно обрадован. «Нет никого,—писал он,—кто был бы так хорошо подготовлен для предстоящего дела. Будучи выдающимся юристом, лорд Рединг обладает достаточными познаниями в области финансовых вопросов, которые в данный момент так необходимы для внесения порядка в существующий хаос. Он обладает также дипломатическим тактом, который избавит от нежелательных трений. Натянутые нервы многих взвинченных индивидуумов будут успокоены этим невозмутимым негоциантом. Он пользуется также, как, возможно, никто другой, доверием британского премьер-министра, и уже одно это является достаточным основанием для того, чтобы доверить ему подобную миссию».

Миссия Рединга проложила путь для создания межсоюзного финансового совета, столь настоятельно требуемого Мак-Аду. Она привела точно так же к решению отправить в Европу американскую военную миссию, целью которой являлось не только обеспечение работоспособной организации в экономической и военной областях, но также и соглашение об единой программе целей войны.

ГЛАВА V

ЦЕЛИ ВОЙНЫ И ПРОПАГАНДА

«...Моя мысль состоит в том, чтобы всеми возможными способами ободрять германских либералов...»

Из дневника Хауза, 19 мая 1917 г.

1

Не кто иной, как Бисмарк, утверждал, что наиболее важным в политике элементом, от которого может зависеть судьба целых империй, является «нечто невесомое». Эти слова оказались в высшей степени применимы и к мировой войне, в которой нравственные факторы в сочетании с факторами экономическими сломили дух народов центральных империй в тылу сражающихся фронтов. Эти факторы легко проследить, но они с трудом поддаются оценке; историки будут всегда делать различие в относительном влиянии военных, экономических и моральных факторов на конечный результат мировой войны, но несомненно, что, в то время как окончательная сдача центральных империй была прямым результатом поражения на поле сражения и разрушающего действия союзной блокады, она (сдача) была ускорена духом мятежа против старой императорской системы.

Сэр Уильям Уайзмэн по прошествии 10 лет сделал набросок следующего меморандума относительно военной политики Вильсона.

Меморандум Уайзмэна относительно военной политики Вильсона

1 февраля 1928 г.

«Читателю «Архива» может показаться, что президент Вильсон и полковник Хауз посвящали бо́льшую часть своего времени пропаганде, а не активному ведению войны. Это неверно. Естественно, что «Архив» останавливается на вопросах, имеющих длительный интерес, больше, чем на вопросах военного снабжения и организации, не представляющих теперь какого-либо особого интереса, кроме чисто технического, если не считать, что они демонстрируют гигантские размеры сделанных усилий.

Несомненно справедливо, что с самого начала великой войны и президент Вильсон и полковник Хауз интересовались больше причинами и целями войны, а также средствами для предупреждения второй подобной катастрофы, чем актуальными военными операциями. Это осталось справедливым и после вступления США в войну. Оба они поняли еще яснее необходимость энергичных и немедленных усилий со стороны нашей страны и посвятили себя несвойственной им задаче ведения войны со всей энергией духа и тела, которой они обладали. Вильсон чувствовал, что он не может позволить своим мыслям приковаться к очаровывавшей его проблеме Лиги наций до тех пор, пока он ответственен за военные усилия Америки, и он предусмотрительно исключил эту проблему из числа своих непосредственных намерений и посвятил себя тому, что он называл «сшибанием кайзера с его насеста», т. е. проводил, как он всегда это делал, хорошо обдуманное различие между войной с прусским милитаризмом и войной с самим германским народом, с которым, как он чувствовал, у него не было ссоры. Именно в это время он попросил полковника Хауза, способного, по его мнению, посвятить некоторую часть своего времени подобным вопросам, изучить проблему статута Лиги, а также развить пропаганду, ставящую себе целью показать правоту военных целей США и стран, к которым США присоединились, и, в особенности, ободрить либеральные элементы во всех странах, чтобы все ясно поняли, что эта война стала войной за освобождение; Хауз должен был также постараться найти средства довести эту мысль до германского народа.

Одной из величайших услуг, оказанных Вильсоном делу союзников, явился его призыв к либерально настроенному населению всех стран, несомненно чувствовавшему отвращение к ужасам войны. Вильсон дал почувствовать этим либеральным элементам, что война была необходимым, хотя и ужасным, предприятием и несомненно пришлось бы гораздо больше повозиться с так называемыми пацифистами, если бы они не находились под влиянием Вильсона. Чрезвычайный эффект его речей и пропаганды в Германии вполне признан германскими авторами и нашел свое высшее проявление в германской просьбе о перемирии на основе «четырнадцати пунктов».

С момента вступления США в войну президент Вильсон сделал своим принципом бесконечную вражду к императорскому режиму и дружелюбие по отношению к германскому народу. «У нас нет,— сказал он в своей речи 2 апреля 1917 г.,—ссоры с германским народом. Мы не питаем к нему других чувств, кроме симпатии и дружелюбия». Вильсон как будто стучал без конца по клавише рояля, выстукивая все ту же ноту, что война эта является войной за освобождение Германии и что германский народ сможет добиться мира, как только он откажется от своих «верховных властителей». Германские руководители объявили, что усилия Вильсона отделить германский народ от германского правительства так же

бесполезны, как «попытка раскусить гранит». В США и в странах Антанты попытка Вильсона оправдать германский народ была подвергнута жестокой критике. Будущий историк, несомненно, задаст вопрос о том, правилен ли тезис, что германский народ был против воли втянут своими руководителями на путь, к которому он чувствовал отвращение. Политическое оправдание Вильсона заключается в том факте, что, в конце концов, когда решительность германцев истощилась, они отреклись от своей старой политической системы и сдались на основе его требований.

Политика вколачивания клина между правительством и народом ни в коем случае не была новинкой. Союзники 1814 г. начали свое вторжение во Францию с провозглашения непримиримой войны Наполеону и мира французскому народу. Во время мировой войны сами немцы постоянно пробовали возбуждать в странах Антанты социалистические волнения против правительств; Стид из газеты «Таймс» и другие люди, понимавшие условия, сложившиеся в центральных империях, настаивали, что кратчайший путь к выигрышу войны ведет через действенное подстрекательство склонных к мятежу национальностей, подвластных Габсбургской империи. О возможности апеллирования к германской социал-демократии против прусского империализма говорили и в Великобритании и во Франции. В дни потопления «Лузитании» Хауз писал президенту, предлагая, чтобы в случае войны с Германией Вильсон в своих речах «снял бремя с большинства германских граждан, заявив, что мы будем воевать за их освобождение в такой же мере, как и за освобождение Европы».

Этой позиции Вильсон последовательно придерживался в течение всей войны, и в конце концов она дала результаты. Это не было рисовкой с его стороны. Он питал большое уважение к германским достижениям и культуре в прошлом; к мировоззрению и методам тех, кого он называл «военными властителями Германии», он не питал ничего, кроме ненависти. Чувства полковника Хауза были, очевидно, такими же. «Если бы вы могли слышать рассказы этих американцев, привезенные ими из оккупированных частей Франции и Бельгии,—писал он президенту 20 апреля,—вы почувствовали бы, что всякая жертва, принесенная Америкой, будет полноценной жертвой до тех пор, пока она будет направлена на сокрушение германского милитаризма». Как Вильсон, так и Хауз столько же желали победить милитаризм разумом, сколько пушкой, и упорствовали в убеждении, что глупо предполагать, будто германский народ естественно и неизбежно прикован к колеснице своих фактических властителей или что он служит им из предпочтения. «Германский простой народ, кажется, болеет душой,—прибавлял Хауз в своем письме к Вильсону,—и был бы рад освободить себя сам от этой язвы».

Эти замечания могут быть справедливы или несправедливы, но они были весьма логичны в своих доводах, что союзники, отказываясь от подчеркивания различия между народом и прави-

телями, меча громы по адресу Германии, потеряли удобный случай; больше того: некоторые речи государственных деятелей союзных держав, казалось, угрожали разрушением германской нации и тем самым не колебали, а скорее укрепляли лойяльность германцев в отношении их правителей. Политика превращения в союзника самого германского народа, провозглашенная Вильсоном в его речи 2 апреля, должна была постоянно подчеркиваться, хотя, возможно, и являлась подходящим поводом эмоциональной неохоты союзников итти сколько-нибудь навстречу германскому народу.

«*29 мая 1917 г.* Моим наиболее интересным гостем был сегодня Карл Аккерман. Он обещал доставить мне свою статью под заглавием: «То, что мешает заключению мира», широко раскритикованную в США, Южной Америке и Европе. Кажется необходимым, чтобы мир знал о замыслах германской военной клики, и о том, насколько невозможно в данный момент заключение мира».

Письмо Хауза Брайсу

Нью-Йорк, 10 июня 1917 г.

«Дорогой лорд Брайс!

... Ясно, что германская военная клика, которая довела нас до теперешней мировой трагедии, в настоящее время склонна к сплочению в одно целое всей Центральной Европы от Брюгге до Босфора. Если она окажется способной осуществить эту цель, то германский народ будет ее поддерживать, так как война покажется ему стоящей потраченного времени. Если же ей не удастся достигнуть поставленной цели, то германское правительство, вероятно, поднесет народу либеральную монархию ради спасения правящей династии.

Из получаемых нами сообщений видно, что либеральное движение в Германии сильно и постоянно получает новые, влиятельные пополнения. Либералы, однако, выражают недовольство той малой помощью, какую они получают извне. Каждое реакционное выступление ответственных государственных деятелей Англии или Франции цитируется в Германии и используется для доказательства справедливости правительственной концепции о том, что целью союзников является как политическое, так и экономическое уничтожение Германии.

С другой стороны, германское правительство заявляет, будто оно желает справедливого мира,—претензия, не имеющая ни малейшего основания. Президент пытается узнать правду о том, что происходит в Германии, ставя своей целью ведение войны против прусской автократии как извне, так и изнутри. Я надеюсь, что вы окажете ваше большое влияние в том же направлении...

Искренне ваш *Э. М. Хауз*».

В течение весны выяснилось, что для сохранения революционной России в рядах союзников желательна, а возможно и необходима, какая-то новая установка военных целей со стороны Антанты. Образовавшееся в марте Временное правительство, поддерживавшее попрежнему военные цели союзников, выраженные в тайных договорах, было обновлено, и у власти стал эсер Керенский. Он ненавидел Германию и был лойялен по отношению к старому союзу, но под давлением антивоенных групп России был вынужден отречься от империалистических целей войны. Новая политика была выражена в лозунге, заимствованном у германского социализма: «Мир без аннексий и контрибуций на основе права наций на самоопределение». Ответ держав Антанты, поскольку он был выражен в речах руководящих государственных деятелей, а также и в официальных нотах, посланных в Петроград, оказался уклончивым и не удовлетворил русских. Президенту Вильсону, руки которого не были связаны обещаниями территориальных присоединений, было легче согласиться с новой русской позицией. Ему представилась, таким образом, счастливая возможность выразить свои симпатии радикальному петроградскому правительству и в то же время забросить удочку германским либералам. 26 мая он обратился к русскому правительству со следующей нотой:

«Сначала следует исправить несправедливости, а потом необходимо создать гарантии, предупреждающие возможность совершения подобных несправедливостей в будущем... Но эти гарантии должны следовать известному принципу, и принцип этот ясен. Ни один народ не должен принуждаться с помощью насилия к нахождению под суверенитетом, под которым он не желает находиться. Ни одна территория не должна переходить в другие руки, разве только с целью обеспечить ее населению благоприятную возможность жизни и свободы. Не следует требовать никаких контрибуций, кроме тех, которые являются расплатой за явную несправедливость. Не должно быть никаких новых соглашений держав, за исключением таких, которые ставят своей целью обеспечение будущего мира всего мира и будущее благоденствие и счастье всех народов».

Тем временем президент Вильсон, внимание и досуг которого были, само собой разумеется, заняты проблемами, связанными с приведением страны на военное положение, уполномочил Хауза заняться специальным изучением положения Германии и известить его о моменте, подходящем для опубликования заявления, касающегося американской политики, а также и о той линии, какой следует придерживаться в этом заявлении. Хаузу посылались копии всех телеграмм, приходивших из Копенгагена и Берна — двух главных источников информации о Германии и Австрии.

В центральных державах проявлялись симптомы недовольства. Австрия была изнурена войной и уже начала тайные переговоры о мире; монархия Габсбургов натолкнулась на явно выра-

женное недовольство подвластных ей народов, которое грозило перейти от дебатов в недавно созванном рейхсрате к открытому мятежу. Министр иностранных дел Чернин тщательно исследовал наши возможные пути к миру и вел разговоры о либеральных реформах. В Германии он нашел союзника в лице неустанно деятельного Эрцбергера, одаренного, но нестойкого человека, подававшего надежды, что рейхстаг развернет знамя демократии и мира в революции, направленной против милитаристов и императорской бюрократии. Ни одной минуты этой последней не угрожала серьезная опасность потерять власть. Тем не менее, полковнику Хаузу, продолжавшему получать обширную информацию о либеральном брожении в Германии и обо все расширяющихся требованиях мира, казалось, что движение может быть хорошо поддержано помощью извне.

«*19 мая 1917 г.* Каблограммы, доходящие до меня через государственный департамент от нашего посла в Копенгагене и отчасти включенные в дневник, показывают, что широкие круги в Германии работают теперь для дела демократии. Если верить сообщениям, что во главе этого движения стоит Бернсторф, то я имею большие надежды на его успех, так как Бернсторф обладает большими способностями, чем канцлер или Циммерман, которые, повидимому, стоят поперек дороги. Бернсторф достаточно долго был вне Германии, чтобы попасть под влияние мирового общественного мнения, и он, вероятно, понимает, что на смену автократической Германии должна притти демократия; очевидно, он желает получить ее благословение и благосклонность.

Мне думается, что необходимо дать германским либералам любое возможное поощрение, чтобы они могли говорить германскому народу: «В этом ваш прямой шанс на мир, так как предложения исходят от ваших врагов, готовых вести с вами переговоры в любой момент, лишь только вы окажетесь в состоянии выразить ваше мнение через посредство ответственного правительства. С другой стороны, теперешнее правительство предлагает вам мир только после окончательной победы, которая по необходимости носит в себе все элементы случайности и на которую нельзя положиться».

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 30 мая 1917 г.

«Дорогой начальник!

Мне кажется ясным, что германская военная клика не собирается заключать мира на каком-либо другом основании, кроме права завоевателя.

Кайзер и его гражданское правительство делают ставку на счастье игрока. Если они окажутся способны удержать то, что захватили, то им можно не бояться германских либералов, так

как масса германского народа будет удовлетворена исходом войны.

Если, с другой стороны, пойдут военные неудачи, то кайзер и его министры склонятся на сторону либералов и дадут Германии правительство, ответственное перед народом. До той поры они не назовут своих условий, так как они надеются удержать захваченное, а если бы их намерения стали известны, то революция в Германии приблизилась бы, потому что большинство народа желает именно мира без завоеваний.

Пацифисты в нашей стране, в Англии и России требуют установления союзных условий мира без контрибуций или территориальных присоединений. Они думают и высказывались в том смысле, что Германия согласна на подобные мирные условия.

Мне представляется важным сделать всеобщим достоянием истинное положение, чтобы каждый и внутри и вне Германии мог узнать, какой получится из этого результат. Я надеюсь, что вы сочтете уместным, улучив, как и раньше, удобный случай, выступить в этом духе. Если вы не будете направлять либеральное мышление союзников и руководить им, то это вообще не будет сделано.

Публичные выступления, вроде недавних выступлений X и У (британский и французский государственные деятели), прямотаки играют наруку германским империалистам. Никак нельзя назвать этого разумным или согласованным направлением союзной политики. Императорская Германия должна податься под натиском как изнутри, так и извне. Германские либералы справедливо выражают недовольство, что им не только никто не помогает, но что вдобавок их делу постоянно наносится вред со стороны государственных деятелей и прессы союзных стран.

Любящий вас *Э. М. Хауз*».

Вильсон отвечал с энтузиазмом, утверждая, что письмо Хауза «чрезвычайно согласуется» с его собственными мыслями. «Я желал бы,—писал он,—вашей помощи в следующих пунктах». Когда должен он выступить с посланием? Как может он выразить точку зрения американского правительства таким образом, чтобы не показалось, что она противоречит высказываниям британских и французских государственных деятелей, не делающих различия между германским народом и его правительством? Он прибавлял, что он был бы рад сказать «в основном как раз то, что вы высказали в вашем письме... Вы находитесь в более тесном соприкосновении с тем, о чем вы пишете, чем мы здесь, и можете создать себе более верное и надежное суждение, чем я, о вещах, которые обязательно должны быть высказаны».

На это письмо полковник Хауз ответил, что, вспоминая свои различные разговоры с Друммондом и Бальфуром, он не опасается затруднений со стороны англичан. Что же касается времени произнесения речи, то он настаивает, чтобы она была произнесена тотчас же.

Письмо Хауза президенту

Магнолия, Массачузетс, 5 июня 1917 г.

«Дорогой начальник!

14 июня — день продажи флажков с благотворительной целью; мне кажется, что было бы хорошо, если бы вы приурочили ваше публичное выступление к этому дню. Я хотел бы, чтобы мир ждал вашего выступления, затаив дыхание, и чтобы, когда оно состоится, ваша речь была передана в неискаженном виде во все концы земли. Вы имеете возможность стать оратором демократии, тогда как кайзер фактически является оратором автократии. Тем не менее, я предостерег бы от упоминания его имени. Он почти так же не имеет значения, как и царь, перед тем как его лишили престола, — оба только представители системы.

Игнорирование кайзера ускорит в огромной степени развитие германского либерализма и позволит германскому народу самому сделать выводы.

Я посоветовал бы осторожность в фразеологии, чтобы ни Франция, ни Италия не смогли подумать, что их, принятые во внимание, надежды на Эльзас-Лотарингию и на Триент подвергаются опасности. Англия не будет обижена. Она заинтересована в том, чтобы германские надежды на подчинение прусскому контролю Центральной Европы были разбиты вдребезги. Я обсуждал это с Бальфуром.

Доброе слово для Австро-Венгрии, Болгарии и Турции было бы полезно.

Два пункта, которые я хотел бы выдвинуть на первый план, будут: 1) сделать явными завоевательные цели императорской Пруссии и 2) подчеркнуть нежелание демократии договариваться с военной автократией. Я также подчеркнул бы мысль, что весь мир поднял оружие не против германского народа, а против прусской олигархии.

Если бы вы предварительно послали мне копию обращения, то, мне кажется, я смог бы найти в нем слово или черточку, способные задеть чувствительность наших друзей. В случае вашего согласия, на это, я смогу попросить приехать сюда сэра Уильяма Уайзмэна, с тем чтобы он был в состоянии дать объяснения послам Англии, Франции и Италии.

Только для того, чтобы осведомить вас, позволяю себе сказать, что Бальфур оказал Уайзмэну доверие в необычайной степени и что они создали частный шифр, который может быть расшифрован только Друммондом и ими самими.

Любящий вас *Э. М. Хауз*».

Полковник Хауз не был знаком с речью президента до того, как она была произнесена, по его предложению, в день флажков. Вильсон писал ему 15 июня 1917 г., что он был вынужден очень долго откладывать составление речи и не смог показать ее раньше.

«Я не думаю,—прибавил он,—что она содержит что-либо, против чего наши соучастники по войне (так я буду их называть) могут возразить». Эта фраза важна, так как она содержит возможно впервые примененные Вильсоном слова, определяющие положение Америки, как «присоединившейся [не союзной] державы», а также и благодаря тому, что фраза показывает, сколь щекотливой считал президент тему о целях войны, принимая во внимание претензии Антанты.

Как в США, так и в странах Антанты речь, произнесенная президентом в день продажи флажков, вызвала огромный энтузиазм. Президент строго придерживался в ней двух идей, которые были выражены с его согласия в меморандуме Друммонда, а именно, что мы вели войну с существующим германским правительством и что, пока это правительство остается у власти, заключение мира невозможно. Как писал Вильсон Хаузу, он произнес речь «в сильный ливень, обращаясь к терпеливой аудитории, стоявшей с промокшими зонтами под дождем».

«Мы знаем теперь, как знали и раньше, до нашего вмешательства в войну,—говорил президент,—что мы не являемся врагами германского народа и что этот народ не является нашим врагом. Не он начал эту войну, не он желал ее, не он хотел втянуть нас в нее, и мы смутно сознаем, что мы боремся за его дело,—он увидит это когда-нибудь,—как и за свое собственное. Он сам находится в тисках того зловещего чудовища, которое ныне в последний раз выпустило свои безобразные когти и сосет из нас кровь».

Речь кончалась предупреждением, что прочный мир с кучкой милитаристов, управляющих Германией, а временно и Юго-восточной Европой, невозможен. Мирные предложения, идущие из подобного источника, не могут быть приняты всерьез. Отсюда следовал вывод, что с поражением этой группы может открыться возможность мира:

«Воинственные властители, под игом которых истекает кровью Германия, видят вполне ясно, до какой бездны довела их судьба. Если они отступят или вынуждены будут отступить хоть на дюйм, их власть как вне страны, так и в стране рухнет, точно карточный домик. Их власть в стране, как они сознают теперь, больше, чем их власть за пределами страны. Это власть, которая колеблется от каждого их шага; глубокий ужас охватил их сердца. Они имеют только одну возможность обеспечить свою воинственную власть, а с ней вместе и свое политическое влияние: если они смогут добиться теперь мира, сохранив те огромные преимущества, которые они как будто приобрели до сих пор, то они оправдают себя перед германским народом: они действительно выиграют насилием то, что и обещали приобрести насилием,—огромное увеличение германской мощи, огромное расширение германской промышленности и торговых возможностей. Их престиж будет обеспечен, а вместе с ним и их политическая власть. Если же они проиграют,

то германский народ оттолкнет их в сторону; правительство, ответственное перед самим народом, станет во главе Германии, как это осуществилось в Англии, в США, во Франции и во всех великих странах нашего времени за исключением Германии... Если властители Германии достигнут свой цели, Америка будет находиться под угрозой. Мы, как и весь остальной мир, должны будем оставаться вооруженными, так как Германия будет вооружаться; мы должны будем готовиться к тому, чтобы стать следующей ступенью ее агрессии. Если они проиграют, мир сможет объединиться в мирный союз, и Германия также найдет себе место в этом союзе».

Письмо Хауза президенту

Магнолия, Массачузетс, 14 июня 1917 г.

«Дорогой начальник!

Я не в состоянии выразить удовольствие, которое доставила мне ваша сегодняшняя речь. Я взволнован ею больше, чем какой-либо другой из ваших речей. Года два или более назад я желал, чтобы кто-либо из высших представителей союзных правительств привлек Германию к ответу, как она того заслуживает. Вы это сделали, и так хорошо, что она столетиями будет оправдываться от обвинений, вами брошенных.

Ваш преданный *Э. М. Хауз*».

«*14 июня 1917 г.* Сегодня, в день продажи флажков, президент произнес свою известную речь. В письме к нему я высказал свое мнение о ней. В действительности это письмо только отчасти выражает мои мысли, так как, по-моему, он сделал одну из необходимых вещей, которую еще никто не делал так хорошо... За это дело брались Ллойд Джордж, Грэй, Асквит, Бриан, Пуанкарэ, Вивиани, но никто из них не пошел дальше царапанья по поверхности. Президент выполнил дело должным образом, и то, что он сказал, оставит след, который переживет века.

Человек в положении президента имеет своей аудиторией весь мир, и если сказанное им ценно и сказано хорошо, то оно будет жить вечно».

Письмо Хауза президенту

Магнолия, Массачузетс, 15 июня 1917 г.

«Дорогой начальник!

Я надеюсь, что вы уже знаете о приеме, оказанном вашей речи. «Трэнскрипт» поместил в вечернем издании хвалебную передовую. Бостонский «Херэлд»... говорит в редакционной статье: «Каждый американец должен читать эту речь и, читая, радоваться,

что в эпоху подобного кризиса мы имеем во главе республики человека с превосходными способностями для ясного и убедительного выражения народной политики».

Пока вы, конечно, не будете ощущать особого желания произнести вторую подобную речь, но когда это снова потребуется, то что вы думаете о призыве к Германии открыто объявить об ее мирных условиях, подобно тому как это сделали другие нации? Этим можно ее прижать к стене, заставить выразить свою добрую волю и согласиться на мир на условиях, принятых США, Россией да в конце концов и Англией, или поставить себя в положение, при котором она будет продолжать войну только с целью завоеваний.

Любящий вас *Э. М. Хауз*».

В течение последующих недель Хауз, по предложению президента, вырабатывал план, который должен был заставить германское правительство заявить о своих военных целях и разрушить басню, будто оно готово согласиться на умеренные условия мира. Это казалось тогда президенту более важным, чем новое заявление о военных целях союзников вроде того, какое предлагали пацифисты России и Антанты.

«*28 июня 1917 г.* У меня новый запас иностранной почты. Бэклер пишет об английских условиях и прилагает письмо к президенту, подписанное Нормэном Эйнджеллом, Филиппом Сноуденом, Рамзаем Макдональдом, Э. Д. Морелом, Чарлзом Х. Бокстоном, Чарлзом Тревильяном и некоторыми другими. Я получил не так давно копию этого письма, но не послал ее президенту. Я пошлю оригинал, хотя я не вполне согласен с намерением побудить президента потребовать от союзников нового заявления относительно их условий мира и привести эти условия в соответствие с речью президента от 22 января, а также и с условиями мира, выдвинутыми русскими. По-моему, теперь необходимо вынудить Германию сказать свои условия».

2

Хауз переписывался также с американцами германского происхождения, и притом самых различных общественных положений, как с целью добиться осведомленности о политических условиях в Германии, так и для обсуждения методов воздействия на германских либералов указанием на грандиозные резервные силы США и на невозможность заключить мир до тех пор, пока Германия отказывается демократизировать свое правительство.

«Я подал Х,—писал Хауз 23 июля,—мысль, которую я уже подавал другим германо-американцам, а именно, мысль о глупости германских попыток заключить мир при теперешней форме их правления. Я сказал Х, что если бы я был лучшим другом Германии, я дал бы ей совет, направленный против подобного пра-

вительства». Бернгард Риддер принес Хаузу план помощи либеральному движению в Германии посредством давления со стороны германо-американцев и предложения о том, как лучше всего довести до сведения германской общественности данные о военных приготовлениях Америки. «Недавнее послание президента,—писал Риддер,—подчеркивающее его доверие к американцам германского происхождения, хорошо принято».

Письмо Хауза президенту

Магнолия, Массачузетс, 9 августа 1917 г.

«Дорогой начальник!

...Письмо от Бернгарда Риддера представляет интерес. Я думаю, что он прав, когда пишет: «В настоящее время в Германии нет достаточно ясного понимания грандиозных приготовлений, которые производятся в нашей стране».

Мне думается, кроме того, что союзники сделали промах, опубликовав недостаточное количество материалов в нейтральных странах и в центральных державах.

Нортклиф прислал мне вчера письмо Стэнли Вашберна[1], в котором Вашберн говорит, что Германия затратила в России миллионы подобным образом, а союзники фактически ничего не сделали в этом направлении.

Бертрон[2] пишет, что «единственным способом удержать Россию и эффективно использовать ее громадную потенциальную мощь является весьма полное и пространное осведомление. На этом мы твердо настаивали перед Вашингтоном, но вплоть до нашего отъезда ничего определенного не было сделано. Можно было бы избежать неудач, которые постигли русских, если бы мы могли взяться за дело немедленно по прибытии в Петроград, имея достаточное количество воспитательной литературы, способной дойти до армии и народа»...

Любящий вас *Э. М. Хауз*».

Лорд Нортклиф, занятый, как и раньше, проблемами согласования снабжения, нашел, тем не менее, время проявить весьма активный интерес к этим планам пропаганды и неоднократно обсуждал их с Хаузом. Он уже формулировал идеи относительно распространения с помощью аэропланов на фронте и в тылу германцев больших пакетов листовок, содержащих двойное воззвание: война германским империалистам, мир германским либералам, идеи, столь эффектно приведенные им в исполнение весной следующего года[3].

---

[1] Военный корреспондент, состоявший в течение 26 месяцев при русской армии, военный помощник и помощник секретаря миссии Рута в России.

[2] С. Р. Бертрон—видный нью-йоркский банкир, который был членом миссии Рута в России.

[3] *Campbell Stuart*, Secrets of Crewe House, Chapt. IV.

Во время разговора с лордом Нортклифом полковник Хауз выдвинул предложение о несколько дерзком в условиях войны эксперименте. Дело шло не более, не менее, как о публичных дебатах относительно конечных целей войны между нью-йоркской газетой «Уорлд» и какой-либо германской выдающейся газетой. Очевидно, было мало шансов на то, что германское правительство позволит германской газете принять вызов. Подобный отказ, как доказывал Хауз, помог бы сам по себе признанию Германии виновной стороной и охладил бы лойяльность германских либералов. Если же вызов был бы принят, то германское правительство могло бы быть вынуждено ясно заявить о своих военных целях.

Письмо Хауза Коббу

Магнолия, Массачузетс, 15 июля 1917 г.

«Дорогой мистер Кобб!

Несколько недель назад я просил сэра Уильяма Уайзмэна предложить вам сделать от лица «Уорлд» вызов «Берлинер тагеблатт» с предложением высказать в каждой из этих газет соответственные взгляды союзников и центральных держав. Иными словами «Уорлд» предоставит редакторский столбец, в котором германская полемизирующая сторона дважды в неделю сможет высказывать свои взгляды американскому народу, при условии, что «Тагеблатт» отведет в свою очередь такое же место на своих страницах, где американская сторона сможет выступать, осведомляя германский народ.

Обе газеты вместе превратились бы в своего рода мировое судилище, в котором все участники войны и нейтральные страны могли бы вынести своего рода приговор о том: 1) как возникла война и 2) кто был неправ.

Нортклиф, который находится здесь и которому я говорил о моем замысле, допускает возможность, что подобная дискуссия может привести к миру. Он предлагает оказать нам любую помощь, которой мы попросим от него.

Если план вам понравится, то я надеюсь, что вы приедете сюда, чтобы обсудить его со мной, так как многие его стороны нуждаются в обсуждении и не следует ничего начинать, пока он не продуман как следует. Германское правительство, вероятно, отказало бы в разрешении на подобную дискуссию, но отказ нанес бы вред германскому делу и помог бы делу союзников. Прежде чем начинать что-либо, нужно получить одобрение президента и обеспечить его потенциальную помощь.

Искренне ваш *Э. М. Хауз*».

Письмо Кобба Хаузу

Нью-Йорк, 18 июля 1917 г.

«Дорогой полковник Хауз!

«Уорлд» будет рад взяться за дело и, если окажется возможным, провести его. Я не могу сейчас уехать отсюда, чтобы повидать вас, но мы можем достигнуть некоторого рода согласования и письменно. Дело, конечно, не сможет продвинуться, если мы не имеем полной согласованности с правительствами как США, так и с германским.

Я не вполне ясно себе представляю, как лучше довести дело до «Тагеблатт»: непосредственно ли с ним связаться или посредством добрых услуг шведского посла? Каково ваше собственное мнение об этом? Мы можем подготовить формальное предложение «Тагеблатт» и попросить государственный департамент передать его по кабелю или иным способом. Если германское правительство согласится или даже только позволит «Тагеблатт» установить связь, то детали всегда могут быть выработаны.

Подобные дебаты должны бы в самом деле дойти в своем окончательном результате до прелиминарного обсуждения условий мира, и я не думаю, чтобы их значение могло быть переоценено, если только удастся их открыть. Надо, однако, сказать, что открытие дебатов принесло бы мало пользы, если бы Германия не дала гарантии, что наша сторона не будет подвергаться цензуре, хотя мы можем сами создать частное соглашение, органичивающее дебаты.

Не будете ли вы так добры сообщить мне ваше собственное мнение относительно того, как пустить дело в ход? Я согласен с вами вполне, что не нужно ничего предпринимать до тех пор, пока план не будет окончательно выработан и не получит общего одобрения.

С искренним уважением, как и всегда, ваш *Фрэнк И. Кобб*».

Письмо Хауза президенту

Магнолия, Массачузетс, 19 июля 1917 г.

«Дорогой начальник!

Прилагаю копию второго письма Кобба и мой ответ на него.

Я питаю только очень небольшую надежду, что германское правительство допустит подобную дискуссию, но если оно так поступит, то его отказ можно использовать таким образом, чтобы вызвать серьезные затруднения в самой Германии.

Важно, конечно, поскорее приняться за дело; я хотел бы иметь вашу оценку моего решения письмом или по проводу.

Я буду лично заботиться об этом деле и устрою так, чтобы без самого внимательного рассмотрения с нашей стороны ничего не опубликовывалось. Если встретится какой-либо вопрос, отно-

сительно которого возникнут сомнения, он будет представлен на ваше рассмотрение.

Мне кажется, что мы имеем здесь дело с идеей большой ценности, способной встряхнуть мир. Недоверие среднего человека к тайной дипломатии все возрастает, и при вашем согласии выступление, вроде предлагаемого, оказало бы большое и хорошее влияние.

Любящий вас *Э. М. Хауз.*

P. S. Я приглашаю участвовать Нортклифа ввиду влиятельности его статей в Англии и Тардье, одного из наиболее блестящих в мире писателей на международные темы...»

План публичных дебатов с молчаливого одобрения и с молчаливой поддержкой со стороны заинтересованных правительств являлся ошеломляющим по своей новизне. Президент Вильсон нашел, что вопрос имеет свои трудности. 21 июля он писал Хаузу: «Откровенно говоря, я вижу некоторые, и притом весьма серьезные и опасные осложнения». Даже допуская, что технические трудности, заключающиеся в обращении к врагу с просьбой о разрешении свободной дискуссии в газетах, могут быть преодолены, президент не видел возможности сохранить в тайне соучастие правительства. Дебаты довели бы дело до открытия переговоров о мире, а державы Антанты ни в коем случае не были бы согласны с США относительно принципов соглашения. «Наши фактические условия мира,—говорил Вильсон,—т. е. те условия, на которых мы, несомненно, будем настаивать, теперь неприемлемы ни для Франции, ни для Италии (Великобритания в данный момент остается в стороне)».

Президент просил написать ему снова. «Вы можете найти вполне удовлетворительные ответы на мои возражения, но я не могу найти их сам». Президент рассматривал вопрос «как весьма важный».

Письмо Хауза Коббу

Магнолия, Массачузетс, 24 июля 1917 г.

«Дорогой мистер Кобб!

Я рад слышать, что вы подвергаете самому тщательному рассмотрению общий план, охватывающий ваши теории о предположенных дебатах, и что вы пришлете мне его через несколько дней.

Мы обсудили вопрос с президентом. Он ясно понимает его огромную важность, он даже так подавлен важностью вопроса, что пугается ее. Он думает, что мы можем впутаться в дискуссию об условиях мира, что было бы чрезвычайно опасно и могло бы повести к разладу между союзниками.

Я понимаю это также, но думаю попрежнему, что опасности можно избегнуть.

Президент не в состоянии также вполне себе представить, каким образом вы сможете сделать вызов «Тагеблатт» так, чтобы не стало заметно, что это сделано с санкции нашего правительства, и притом таким способом, чтобы он не закрыл возможность дебатов.

Я поднял этот вопрос перед государственным департаментом, и там предложили мне попробовать изобрести способ. Я чувствую, что мы имеем дело с чем-то весьма ценным, если только это сможет быть использовано соответствующим образом, и мы должны найти пути такого использования.

Искренне ваш *Э. М. Хауз*».

Письмо Хауза президенту

Магнолия, Массачузетс, 9 августа 1917 г.

«Дорогой начальник!

Я направляю копию вызова Кобба, обращенного к «Тагеблатт». Несомненно, что не может быть возражений против постановки вопроса в столь умеренной форме. Не посоветуете ли вы, что мне ответить?

Раз дело будет пущено в ход, мы сможем легко познакомить Германию с нашими приготовлениями, как предлагает Риддер. Мы сможем также внушить немцам как целому чувство безопасности, которого они сейчас не имеют. Вся военная пропаганда в пределах центральных держав направлена на возбуждение страха перед расчленением Германии и ее экономическим разорением. Если бы германский народ мог быть приведен к ясному пониманию того, что его целостность будет лучше охранена тем миром, который мы имеем в виду, чем миром, принужденным постоянно опираться на огромные вооружения, то аргументы милитаристов были бы сломлены.

Если мы намереваемся выиграть эту войну, то мне кажется необходимым, чтобы мы делали все иначе, чем это делали союзники за последние три года.

Любящий вас *Э. М. Хауз*».

Несмотря на заманчивость проекта Хауза и Кобба, очевидные трудности, в нем заключенные, оказались слишком большими по сравнению с возможным его влиянием, и предположенный вызов никогда не был послан.

Разочарование Хауза из-за неосуществленного проекта было бы, несомненно, более значительно, если бы как раз в этот момент президенту Вильсону не был дан новый благоприятный случай для поднятия дискуссии о целях войны в форме предложения папы о мирных переговорах.

ГЛАВА VI

МИРНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПАПЫ

«...Мы не можем принять заверение теперешних правителей Германии в качестве гарантии, что обещанное будет выполнено...»

Из ответа Вильсона папе, 29 августа 1917 г.

1

В начале лета движение за мир, основанный на компромиссе, широко распространилось в Австрии и в некоторых германских кругах; оно было стимулировано русскими предложениями о мире без аннексий и контрибуций. Германские военные руководители относились враждебно к обсуждению вопроса о мире. «Людендорф,—писал Чернин, австрийский министр иностранных дел,—очень похож на государственных деятелей Франции и Англии: никто из них не хочет компромисса, они ищут только победы». Необходимость скорого мира для Австрии ясно понималась Черниным уже в то время. «Я, тем не менее, вполне убежден в абсолютной невозможности еще одной зимней кампании; другими словами, в конце лета или осенью войне должен быть положен конец, чего бы это ни стоило»[1].

Австрийский император уже начал тайные переговоры с Антантой через посредство принца Сикста Бурбонского, брата императрицы, офицера бельгийской армии. Но они затянулись и в конце концов потерпели неудачу, отчасти потому, что итальянцы не хотели слышать ни о каких уступках, достаточных, чтобы склонить Австрию к сепаратному миру, отчасти потому, что Чернин имел в виду использовать переговоры как средство к общему миру, включающему и Германию, а союзники не решались на компромисс с непобежденной Германией. В свою очередь, и германские милитаристы не хотели обсуждать условия мира, не основанного на увеличении территории; Людендорф открыто высказал, что он будет считать войну проигранной, если Германия в результате ее не увеличит своей мощи.

«Будущее покажет,—писал Чернин,—какие сверхчеловеческие усилия мы прилагали, чтобы побудить Германию уступить.

---

[1] *Czernin*, In the World War, p. 22, 164.

В том, что все эти усилия оказались бесплодными, не был виновен ни германский народ, ни даже, по-моему, германский император, а исключительно вожди германской военной партии, достигшие столь чрезвычайной власти в Германии. Все на Вильгельмштрассе, от Бетман-Гольвега до Кюльмана, желали мира, но они просто не могли достичь его, так как партия милитаристов отделывалась от каждого, кто осмеливался действовать иначе, чем они желали»[1].

Депутаты германского рейхстага начинали сомневаться в возможности полной победы. Маттиас Эрцбергер, лидер партии центра, который был связан с Черниным и осведомлен о меморандуме последнего относительно необходимости мира, сумел образовать нечто вроде «блока», стоявшего в оппозиции к власти милитаристов и выступавшего за компромиссный мир. 19 июля под его руководством большинство рейхстага приняло резолюцию, заявляющую, что «рейхстаг борется за мир, основанный на соглашении и постоянном примирении народов. Такому миру противоречат насильственные приобретения территорий, а также политические, экономические или финансовые ограничения». Резолюция была принята 212 голосами против 126.

Этот протест против влияния милитаристов оказался бесплодным, несмотря на надежды, пробужденные им за границей. Парламентский кризис сделал необходимой отставку канцлера Бетман-Гольвега, потерявшего доверие всех партий, но его преемник Михаэлис, способный администратор без парламентского опыта, отказался признать контроль рейхстага, а, поскольку дело касалось мира, основанного на компромиссе, занял почти столь же решительную позицию, как Людендорф, хотя и не менее двусмысленную. Парламентская революция потерпела фиаско, и резолюция рейхстага оказалась просто «благочестивым мнением»[2]. Положение сторонников компромиссного мира в Германии было ослаблено как этим обстоятельством, так и отказом Антанты рассматривать формальные предложения рейхстага в примирительном духе.

Тем не менее было очевидно, что сильное влияние в пользу мира быстро распространялось в Германии, хотя оно и не одерживало верха в господствующих кругах империи. В несомненной надежде усилить это течение, возможно по внушению Эрцбергера или Чернина, или обоих вместе, папа 1 августа выступил с нотой, обращенной ко всем участникам войны, предлагая в этой ноте мир, основанный на принципах полного восстановления оккупированных территорий, разоружения и международного арбитража.

Европейские союзники как будто до некоторой степени опасались, как бы президент не был принужден ответить на обращение папы в форме, могущей довести США до переговоров, к кото-

[1] *Czernin*, op. cit., p. 362.
[2] *Buchan*, A History of the Great War, v. IV, p. 14.

рым союзники не были подготовлены. Боялись они также, что ответ президента повлечет за собой падение духа в союзных странах. Их затруднял недостаток тесной согласованности с США, особенно ввиду того обстоятельства, что общественное мнение рассматривало Вильсона как своего глашатая, выступающего за союзное дело против Германии.

Каблограмма Уайзмэна Хаузу

Лондон, 11 августа 1917 г.

«Мистер Бальфур только что получил через британского представителя при Ватикане обращенный ко всем участвующим в войне правительствам призыв папы к заключению мира. Полный текст призыва еще не получен, но из общего смысла каблограммы видно, что этот призыв поднимет много трудных вопросов. Что касается ответа, если какой-либо ответ вообще должен быть сделан, то он нуждается в очень тщательном рассмотрении, и мистер Бальфур надеется, что президент будет склонен ознакомить его частным образом с тем, какие взгляды у него существуют по данному вопросу.

Уильям Уайзмэн».

Письмо Хауза президенту

Магнолия, Массачусетс, 13 августа 1917 г.

«Дорогой начальник!

...Прилагаю несколько каблограмм от сэра Уильяма. Бальфур, очевидно, весьма интересуется призывом папы, и я надеюсь, что вы найдете возможным сообщить ему ваше частное мнение, как он просит.

Любящий вас *Э. М. Хауз*».

Сам полковник Хауз был, несомненно, убежден, что категорический отказ от рассмотрения мирных предложений папы произвел бы неблагоприятное впечатление. Он мог обескуражить германских либералов, которые могли бы снова сказать, что Антанта замышляет не что иное, как политическое уничтожение Германии. Он ускорил бы крушение утомленной войной России. Хауз очень хотел, чтобы президент использовал этот удобный случай для заявления, что не Антанта закрывает путь к миру, а империалистические замыслы Германии, поскольку они представлены Людендорфом.

Таким образом, по политическим мотивам он хотел примирительного ответа. Сердце же его жаждало услышать любое мирное предложение, дающее шансы на скорое окончание войны и освобождающее человечество от его теперешних страданий.

Он был испуган ужасами войны. Кто мог гарантировать, что продолжение бойни до полного обеспечения максимальных военных целей союзников будет иметь следствием окончательное соглашение, достаточно совершенное, чтобы оправдать потерю жизней?

Письмо Хауза президенту

Магнолия, Массачузетс, 15 августа 1917 г.

«Дорогой начальник!

Я желал бы знать, какой ответ на мирные предложения папы был бы, по-вашему, наилучшим.

Мне кажется, что положение столько же чревато опасностью, сколько и надеждой. Франция может быть побеждена этой зимой. Россия настолько полна страстного желания заняться своими внутренними проблемами, что она, несомненно, готова настаивать на мире, приняв за его основу status quo ante.

По-моему, гораздо важнее, чтобы Россия стала окрепшей республикой, чем то, чтобы поставить на колени Германию. Если внутренний беспорядок дойдет в России до такой степени, что Германия сможет вмешаться, то можно допустить, что в будущем она будет господствовать над Россией как экономически, так и политически. В этом случае часовая стрелка прогресса действительно передвинется назад.

Имея под боком Россию, устойчиво демократизированную, германская автократия была бы вскоре вынуждена перейти к представительному образу правления.

На основе status quo ante Антанта сможет помочь Австрии в ее эмансипации из-под ига Пруссии. Турция может быть сохранена в качестве независимой нации при условии, что Константинополь и проливы будут до некоторой степени интернационализированы. Это урегулировало бы вопрос о разделе Малой Азии между Англией, Россией, Францией и Италией—вопрос, чреватый грядущими столкновениями. Турция склонилась бы сегодня же на сторону Антанты, если бы она не предпочитала стать лучше германской провинцией, чем быть разделенной, как это предположено союзниками...

Все это приводит меня к надежде, что вы ответите на предложение папы таким образом, чтобы оставить лазейку и свалить бремя отказа на Пруссию. Мне кажется, что этого можно достигнуть, если вы скажете, что мирные условия Америки хорошо известны, но что бесцельно обсуждать вопрос до тех пор, пока условия прусских милитаристов тоже не станут известны, и кроме того, что трудно требовать от народов союзных стран, чтобы они обсуждали мирные условия с военной автократией, не имеющей права представлять мнение народа, от имени которого она говорит. Если бы народы центральных держав имели голос при разрешении

вопроса, то, вероятно, нашлось бы подавляющее большинство, готовое согласиться на заключение мира, приемлемого для других народов земли, мира, основанного на международной дружбе и справедливости.

Я считаю, что вам представился сам собой случай сделать замечательное заявление, могущее привести к великим результатам.

Любящий вас *Э. М. Хауз*».

Президент был более воинственно настроен и менее склонен к какому-либо компромиссу, чем Хауз; он указывал, что он не может оказать никакого внимания предложению папы. Он стремился показать свое неодобрение даже попытке принять это предложение, о чем он сообщил Хаузу для дальнейшей передачи Бальфуру[1]:

Каблограмма Хауза Бальфуру

Магнолия, Массачузетс, 18 августа 1917 г.

«В ответ на ваш запрос президент поручил мне сказать:

«Я не предполагаю отвечать на предложения папы, но я рад довести до сведения мистера Бальфура, каким был бы мой ответ, если бы я, что возможно, был вынужден дать его.

Прежде всего, конечно, я выразил бы мою высокую оценку гуманной цели папы и всеобщее сочувствие его желанию добиться конца этой ужасной войны на условиях, почетных для всех ее участников, но сделал бы следующие возражения:

1. Нет никакого указания на то, что предложенные условия выражают взгляды кого-либо из участников войны, а поэтому их обсуждение было бы беспочвенной авантюрой.

2. Подобные условия не устанавливают нового положения, а являются только возвращением к status quo ante и поэтому оставили бы дела в том же положении, которое явилось основанием для войны.

3. Абсолютное неуважение, одинаковое по отношению ко всем формальным обязательствам договоров и ко всем общепринятым принципам международного права, проявленное в полной действенности господствующим в настоящее время в Германии автократическим режимом, сделало невозможным для других правительств принятие его гарантий относительно чего-либо и меньше всего его гарантий, относящихся к условиям, на которых мир должен быть заключен. Существующее в настоящее время в Германии императорское правительство является моральным банкротом: никто не захочет принять его торжественных обещаний или пове-

---

[1] Комментировано сэром Уильямом Уайзмэном в следующей каблограмме: «Необходимо подчеркнуть факт, что Вильсон ответил Бальфуру через Хауза относительно столь важного вопроса, как мирные предложения папы».

рить им. До тех пор, пока мир не сможет убедиться, что он имеет дело с ответственным германским правительством, все международные договоры, участником которых является Германия, окажутся созданными на сыпучем песке».

Я лично чувствую, что не надо резко хлопать дверью. Это дает преимущество прусским милитаристам, так как позволит им снова укрепить общественное настроение в Германии.

Эдуард Хауз».

Каблограмма Бальфура Хаузу

Лондон, 22 августа 1917 г.

«Я вполне сочувствую мыслям президента, выраженным в вашей каблограмме, полученной мной 20 августа.

Я телеграфно сообщил нашему британскому послу при Ватикане, что у нас не нашлось удобного случая для совещания с союзниками и в настоящее время мы не в состоянии сказать, что мы ответим папе, если мы вообще ответим. В то же время я сказал, что, по нашему мнению, настала очередь центральных держав сделать заявления об их политике. Подобное заявление уже было сделано державами Антанты. Следующий шаг в этом отношении принадлежит их врагам. Здешнему послу США передан по телеграфу полный текст. Я надеюсь, что это мероприятие встретит одобрение президента.

Согласно первым сведениям, русское правительство считает, что должен быть послан приемлемый ответ от имени всех союзников. Французское правительство считает, что в настоящее время нет необходимости посылать ответ. Я, с своей стороны, очень боюсь мысли о какой-либо общей попытке создания разработанного в деталях документа, касающегося сложных проблем, неминуемо рассматриваемых каждым участником войны под своим, до некоторой степени отличным от других, углом зрения. Уже одни трудности составления подобного документа делают как будто задачу неразрешимой.

А. Д. Б.»

2

Письма Хауза президенту

Магнолия, Массачусетс, 17 августа 1917 г.

«Дорогой начальник!

Серьезность положения производит на меня столь сильное впечатление, что я беспокою вас снова.

Мне кажется, что вам представляется удобный случай изъять мирные переговоры из рук папы и взять их в ваши собственные

руки. Правящая Германия ясно понимает, что никто, кроме вас, не способен вынудить определенных мирных условий. Союзники должны уступить вашим настояниям, да и Германия в этом отношении находится в не на много более лучшем положении. Как ни плохо идут дела союзников, но Германия находится в еще худших условиях. Сейчас происходит состязание на выносливость, жертвой которого Германия станет, вероятно, раньше, чем какая-либо из держав Антанты.

В Германии и Австрии волнуются массы недовольных. Русская революция показала народам их мощь и вложила страх божий в сердца империалистов.

Ваше заявление о целях США вызовет чуть не революцию в Германии, если существующее германское правительство отважится выступить против него. Нужно признать ошибкой, что в союзных странах все снова и снова делали и говорили вещи, которые лили воду на мельницу милитаристов. Германский народ говорит и думает, что союзники добиваются не только его расчленения, но собираются сделать экономически невозможным его существование после войны. Именно поэтому он и сплотился вместе с тылом в одну нерушимую стену.

Ваше заявление, излагающее действительно существующие спорные вопросы, произвело бы чрезвычайный эффект и вызвало бы в Германии желаемый нами сдвиг. Хотя подводная война даст им надежду, но эта надежда принадлежит к числу нескоро осуществимых, и правительство не менее, чем народ, боится того, что может случиться до ее осуществления. Мне кажется, что для того, чтобы народы центральных держав почувствовали себя в безопасности в ваших руках, необходим твердый тон, полный решимости, но все еще дышащий духом либерализма и справедливости. Вы можете снова сказать, что наш народ вступил в эту войну, имея определенную цель и одушевляемый высоким мужеством, и будет драться до тех пор, пока не будет осуществлен новый порядок свободы и справедливости для всех народов, пока не будут установлены какие-либо соглашения, благодаря которым вторая подобная война станет невозможной.

Вы можете заявить, что мы хотим не только уничтожения германской автократии, но готовы также помочь русским демократическим партиям превратить их страну в мощную республику.

Умоляю вас не пропустить этого великого благоприятного случая.

Любящий вас *Э. М. Хауз*».

Магнолия, Массачузетс, 19 августа 1917 г.

«Дорогой начальник!

Русский посол проводит сегодняшний день со мной. Он очень взволнован мирным предложением папы, а также и тем, как вы на него ответите.

Он полагает, что победа или поражение России может зависеть от вашего ответа. Его взгляд на положение сходится с моим, за исключением того, что он чувствует более остро важность воздействия ответа не только на Россию, но и на ее теперешнее правительство. Он думает, что если отнестись к сложившемуся положению поверхностно и не в либеральном духе, то это вызовет немедленный раскол в России и, вероятно, падение теперешнего министерства.

Я спросил его, почему он не высказал свой взгляд на вещи вам. Он ответил, что он не решался навязываться, раз вы его не приглашаете...

Его правительство считает, что союзники совершили ошибку, отказав в выдаче паспортов на Стокгольмскую конференцию. Если вдобавок они отклонят предложения папы, то он считает неизбежным, что это вызовет раскол не только в России, но, вероятно, и в других странах.

Он хотел бы, чтобы вы приняли на себя ведущую роль и позволили России следовать за нами. Он надеется на ваше заявление, что США готовы вести переговоры с германским народом в любое время; это даст немцам возможность назначить своих представителей. Он думает, что в этом и заключается трудность положения.

Прежде всего, по его мнению, надо начать разговор о кайзере. Я объяснил ему, почему это будет неосторожностью, и он согласился со мной. Тогда он предложил указать на германскую военную касту, как на ответственных преступников, и снова я предостерег его от этого. Германский народ больше столетия приучали верить, что его величайший долг перед «фатерландом» состоит в том, чтобы служить ему в рядах армии, и он не сможет сейчас понять, что мы понимаем под словом «милитаризм» и почему это слово прилагается к Германии, а не к Франции, России или другим странам. Зато он сможет понять и поймет, что мы имеем в виду, говоря об ответственном правительстве, которого он страстно желает.

Я указал бы той Германии, с которой я желаю сойтись, т. е. либеральной Германии, что наихудшей вещью, которая может с ней случиться, является мир на основе status quo ante с теперешней формой правления у власти[1]. Вся ненависть, вся горечь, порожденные войной, обрушились бы на эту форму правления, что нашло бы свое выражение и в торговой войне и во всевозможных явлениях социального и экономического порядка. Имея представительный образ правления, германцы смогут вернуться в братскую среду наций, заявляя, что вина лежала не на них, а на ре-

[1] Позднее президент Вильсон выразил ту же самую мысль в своем послании конгрессу от 4 декабря 1917 г.: «Наихудшее, что может случиться во вред германскому народу, это если он будет принужден и по окончании войны жить под властью честолюбивых и строящих козни господ, заинтересованных в том, чтобы нарушать всеобщий мир;..—может оказаться невозможным допустить их в содружество наций, которое должно впредь гарантировать всеобщий мир».

жиме. Таким путем они несколько загладят прошлое, а время принесет полное его забвение.

Я верю, что вы не страшитесь одного из величайших кризисов, когда-либо потрясавших мир, и я уверен, что вы встретите его с тем превосходным духом смелости и демократичности, который стал синонимом вашего имени.

Любящий вас *Э. М. Хауз*».

Для полковника Хауза ни в коем случае не было неожиданным противоположное мнение, утверждавшее, что предложение папы, инспирированное германцами и австрийцами, показывает, что они слабеют, и имеет в виду только их спасение от справедливых последствий войны, которую они начали и вели наиболее жестокими в истории способами. Посол Жюссеран писал весьма определенно, что любой мир, базирующийся на довоенных границах, означал бы неудачу всего того, за что боролись союзники. Он разделял с президентом Вильсоном подозрительное отношение к предложениям теперешних руководителей Германии.

Письмо Жюссерана Хаузу[1]

Вашингтон, 23 августа 1917 г.

«Дорогой полковник!

Я обычно радуюсь мысли, что Магнолия прохладное и приятное северное местечко, где вы укрепляете свое здоровье на благо вашей родины и на радость вашим друзьям. Когда происходит что-либо важное, мои мысли принимают совсем другой характер: я начинаю горевать о том, что прелестное местечко так далеко, а цепи, держащие меня здесь, так крепки.

Мне очень хочется поговорить с вами о ноте папы.

По-моему, это декабрьская германская нота в новом одеянии. Одеяние более разукрашено, но то, что под ним, не изменилось. Цель их состоит в том, чтобы создать некоторого рода status quo ante, а фактически даже и того меньше, так что преступники (которые только что подожгли собор в Сен-Кантене, дабы показать, что леопард еще не переменил своей шкуры) останутся безнаказанными, и их судьба будет не такова, какой она *должна* быть, если мир хочет добиться «безопасного места для демократии»: пример и в то же время предупреждение. Все другие вопросы, которые могут обеспокоить немцев, откладываются до другого дня, может быть, до дня страшного суда. Что касается status quo, то стоит только вспомнить о Бельгии и Франции, которые добьются возвращения своих опустошенных, залитых кровью, несчастных городов и территорий такими, какими они являются в настоящее

[1] «Это письмо,—пишет Жюссеран в 1928 г.,—конечно, не проникнуто духом Локарно; но то были предлокарнские дни».

время, тогда как немцы отправятся по домам, чтобы наслаждаться там, до ближайшего случая повоевать, «славой» своих деяний и огромной добычей, награбленной ими против всех законов.

Австро-германское внушение проявляется во многих отношениях. Тот факт, что Сербия даже не упоминается, очень характерен, так же как и настоятельное требование свободы морей и заявление, что «обеим сторонам обеспечивается почетное право носить оружие». Да не будет наше оружие никогда опозорено подобным «почетом», пожатым германскими войсками в Лувене, Реймсе и в других местах!

А чего стоит все сооружение, основанное на общем торжественном обещании! Ведь мы-то знаем и вы знаете (торжественные обещания, данные вам относительно подводных лодок), чего стоят германские обещания и как они рассеиваются, когда этого требует «необходимость», т. е. когда на карту поставлен существенный интерес.

Я не знаю, как смотрит на все это президент. В Европе многие думают, что нота является столь очевидным маневром врага, что можно оставить ее без какого-либо другого ответа, кроме «accusé de réception» («принятия к сведению»), что уже и сделали англичане. Или, если ответ нужно дать, то он должен быть весьма общим, со ссылкой на ответ, данный уже президенту относительно мира. Мы не можем иметь различные ответы для президента и для папы, мы не изменим наших суждений; а что касается принципов, на которых основывался наш ответ, то сам президент показал своим последующим обращением к конгрессу, что он согласился с ними.

Каково ваше собственное мнение об этой серьезной проблеме? Я был бы рад и горд, если бы оно до некоторой степени совпадало с моим мнением.

Желаю вам здоровья, дорогой полковник, и прошу верить моим лучшим чувствам.

Искренне ваш *Жюссеран*».

Письмо Хауза Жюссерану

Магнолия, Массачузетс, 26 августа 1917 г.

«Дорогой посол!

... Я тоже сожалею, что я не переношу жары и не могу бывать летом в Вашингтоне. Однако мое изгнание почти приходит к концу, и я надеюсь вскоре повидать вас.

Я думаю, вы правы в вашем предположении, что мирные предложения инспирированы Австрией. Я не столь уверен, что Германия тоже приложила к ним руку...

Искренне ваш *Э. М. Хауз*».

3

Президент Вильсон принял, наконец, решение формально ответить папе и базироваться в своем ответе, как и в речи в день продажи флажков, на доктрине, возвещающей мир германскому народу и войну германскому правительству. Он высказал в своей ноте главным образом ту точку зрения, что невозможно положиться на обещания теперешних правителей Германии. Само по себе это заявление могло поколебать доверие германцев к их руководителям. Президент сохранял уверенность, что союзники не стремятся к политическому и экономическому уничтожению Германии, и ясно намекал на возможность примирения с освобожденной Германией. Он определенно отрицал договоры, якобы заключенные некоторыми союзными правительствами с целью экономической войны против Германии после заключения мира, и в особенности давал гарантии своего несогласия «на контрибуции карательного характера, на расчленение империй, на устройство эгоистичных и исключающих Германию экономических лиг». Сущность ответа заключалась, следовательно, в отказе рассматривать мирные предложения, основанные на примирении интересов враждующих сторон, если договор о мире должен заключаться с теперешними правителями Германии, и в приглашении, обращенном к германским либералам, сотрудничать для новой и лучшей организации мира:

«Мы не можем принять обещание теперешних правителей Германии в качестве гарантии, придающей прочность договорам [если оно не будет так же определенно поддержано решающим доказательством воли и целеустремленности самого германского народа, как поддержаны обещания других народов мира, и этим не будет оправдано его принятие. Без таких гарантий договорам][1], заключенным с германским правительством о соглашении народов, о разоружении, об арбитраже, заменяющем применение силы, о территориальных соглашениях, о восстановлении прав малых народов на независимость,—ни один человек, ни одна нация не могут положиться на эти договоры.

Мы должны ждать каких-либо новых данных о целях великих народов центральных держав[2]. Дай бог, чтобы мы получили эти данные вскоре и чтобы они могли восстановить доверие всех народов, всюду и везде, к обязательствам наций и веру в возможность мира, основанного на договорах».

Президент Вильсон послал Хаузу первый набросок ноты, прося его о критических замечаниях. «Будьте добры точно сказать мне, что́ вы об этом думаете»,—писал он. И продолжал: «Я буду ждать ваших замечаний с глубочайшим интересом, так как много полезных предложений, из числа сделанных вами, было в моем

[1] Слов, заключенных в скобки, не было в наброске ответа, посланном Хаузу.

[2] В оригинале Вильсон написал «империй».

уме, когда я писал... Я думаю о вас каждый день с глубочайшей любовью».

За исключением замены полудюжины слабых выражений и двух коротких вставок, набросок ноты, посланный для просмотра Хаузу, был тот самый, который был в конце концов опубликован.

«*23 августа 1917 г.* Сегодня был один из самых деятельных и важных дней лета,—писал Хауз:—президент прислал мне свой ответ на мирные предложения папы... Я получил его не ранее полудня, и, хотя у меня были Джон Д. Спеджен, Коулкорд и Буллит из «Паблик леджер», мне удалось прочесть его, обдумать и ответить на него за время, остающееся до отхода почтового федерального экспресса. Несмотря на то, что Муррей[1] не знал содержания письма, он, казалось, чувствовал его важность, так как сказал, что если управляющий не гарантирует его доставки до завтрашнего утра, то он сам возьмет его в Вашингтон. Он положил письмо в специальную сумку и обещал немедленно по прибытии в Вашингтон доставить его в Белый дом президенту. Муррей находился бы под еще большим впечатлением, если бы он знал, что он обладает в данный момент наиболее интересным документом в мире».

Письма Хауза президенту

Магнолия, Массачузетс, 24 августа 1917 г.

«Дорогой начальник!

Вы снова написали декларацию человеческой свободы... Я уверен, что это мудрый, подходящий для государственного деятеля и правильный способ дать ответ на мирное посредничество папы. Англия и Франция ничего не будут иметь против. Замечательно, когда на странице третьей вы говорите: «Мир не может основываться на политических или экономических ограничениях, имеющих в виду благо одних наций и ослабление других, на карательном воздействии любого рода, или на любого вида мести, или на обдуманной несправедливости».

И снова, на странице четвертой, где вы говорите: «Карательные контрибуции, расчленение империй, создание эгоистических и экономических лиг мы считаем ребячеством, и т. д.». Только вы имеете право говорить так и вполне оправданы тем, что вы закладываете фундаменты новой, более величественной международной нравственности.

Америка не хочет и не должна сражаться за поддержание старого, ограниченного и эгоистического порядка вещей. Вы пролагаете новый путь, и мир должен или следовать за вами, или снова запутаться в сетях несправедливости и козней.

[1] Ранее член конгресса, тогда почтмейстер Бостона, находившийся в этот день у Хауза.

Я послал Бальфуру каблограмму, выражающую мою личную надежду, что Англия, Франция и Италия признают ваш ответ своим ответом.

Всегда любящий вас и преданный *Э. М. Хауз*».

Магнолия, Массачузетс, 25 августа 1917 г.

«Дорогой начальник!

Могу ли я предложить вам заменить каким-либо другим словом слово «ребячеством» в предложении, начинающемся: «Карательные контрибуции, расчленение империй и т. д.»[1]. Эта фраза может вызвать разлад, а применение слова «ребячество» к кучке, защищающей подобные мероприятия, подлило бы масла в огонь. Конечно, то, что вы говорите, справедливо, но правда иногда вредит больше, чем что-либо другое.

Любящий вас *Э. М. Хауз*».

«*5 сентября 1917 г.* Генеральный прокурор остановился у меня по дороге в Мэйн,—пишет Хауз,—и провел со мной день... Я спросил его, когда кабинет познакомился с ответом президента папе. Он ничего не знал до 28-го после полудня, когда собрался кабинет... Грегори говорит, что в отношении ответа разногласий не было... Первая редакция послания содержала слово «ребячеством», но, получив мое второе письмо по этому поводу, президент, очевидно, потребовал назад начальную редакцию и выкинул слово. Гордон сказал мне, что, по словам британского посла, Жюссеран доволен заменой».

Нота президента папе, опубликованная 29 августа, вызвала общие похвалы. «Я очень рад,—писал Вильсон Хаузу,—что вы считаете ответ таким, каким он должен быть, и что в общем он встретил хороший прием». В день опубликования ответа Грэй сказал о посланиях Вильсона: «Они становятся настоящей сутью дела и дают мне полное удовлетворение». Лорд Роберт Сесиль прислал Хаузу каблограмму, проникнутую таким же настроением: «Мы крайне восхищаемся нотой, принятой с большим удовлетворением и нашей прессой».

Американцы германского происхождения отмечали благоприятное влияние, оказанное ответом Вильсона на либеральные круги Германии. 19 сентября Хауз отметил: «Бернгард Риддер заходил сегодня утром поговорить о своих планах получить со стороны германо-американцев поддержку ответа президента папе».

Все время, пока обсуждался ответ папе, полковник Хауз поддерживал тесный контакт с британским правительством и выдвинул предложение о том, чтобы союзники согласились принять ноту президента в качестве собственного ответа папе. Это яви-

[1] В окончательном наброске президент заменил слово «ребячеством» словом «неуместным».

лось бы само по себе шагом вперед к дальнейшему согласованию целей войны и, возможно, показало бы некоторую тенденцию к ревизии более крайних территориальных домогательств союзников. «Я надеюсь от всего сердца,—писал ему президент Вильсон,—что союзные правительства... скажут нам то же».

Каблограмма Хауза Бальфуру

Магнолия, Массачуветс, 24 августа 1917 г.

«Президент составил ответ на мирные предложения папы и, вероятно, отправит его через несколько дней по назначению.

Ответ послужит, по моему мнению, сплочению России и увеличит смущение в Германии.

Если союзные правительства смогут признать его своим ответом папе, то это, как мне кажется, укрепит их дело во всем мире. В тот момент, когда США хотят пустить в ход максимум своих сил, они должны быть единым народом, и президент добивается своей нотой именно этой цели.

Э. М. Хауз».

Каблограмма Сесиля Хаузу

Лондон, 27 августа 1917 г.

«Я очень благодарен вам за информацию, содержащуюся в вашей телеграмме от 25 августа. По моему мнению, было бы весьма желательным как для британского, так и для других союзных правительств принять ответ президента в качестве их собственного ответа папе. Вопрос, однако, столь важен, что я должен посоветоваться со всем кабинетом, а также с нашими союзниками. Я предполагаю, что в этом ответе президент придерживается линий, им уже намеченных, но я буду очень благодарен, если возможно будет прислать его полностью, конечно, с согласия президента.

Роберт Сесиль».

Телеграмма Хауза президенту

Магнолия, Массачуветс, 28 августа 1917 г.

«... Для достижения сердечного сотрудничества было бы, кажется, осторожнее передать ваш ответ правительствам, чтобы они ознакомились с ним еще до его опубликования. Особенно это было бы желательно в отношении России.

Эдуард Хауз».

Оказалось, что слишком поздно знакомить союзников с копией ответа папе, так как уже были приняты меры для его опубликования 29 августа. Очевидно, президент сознавал некоторое расхождение между своей точкой зрения и точкой зрения союзников и опасался какой-либо попытки достигнуть соглашения. «Я уверен,—писал он Хаузу,—что они пожелали бы изменений, которых я не могу сделать... Разница в мнениях будет меньшей помехой сейчас, чем если бы я привлек их к предварительному обсуждению».

Эти расхождения несомненно объясняют крушение надежд Хауза на то, что союзники формально присоединятся к ноте президента и благодаря этому получится нечто вроде объединенной программы целей войны. Французы и итальянцы, вероятно, почувствовали, что такое присоединение завело бы их слишком далеко в направлении ревизии домогательств, нашедших свое выражение в тайных договорах.

4

Именно это острое сознание расхождения между его собственными военными целями и военными целями союзников и привело, вероятно, президента Вильсона в это время к плану окончательной формулировки американской программы мира. Еще не наступило время, когда детали такой программы могли быть обнародованы. В своем ответе папе, как писал президент Хаузу, он был вынужден к некоторой неясности, обусловленной его желанием щадить чувства союзников. «Я не считал, что разумно... быть более определенным, так как это могло вызвать разногласие с Францией и Италией, если бы я должен был... сказать, например, что их территориальные претензии нас не интересуют». Но все же время, когда американская программа должна была быть определена с полной ясностью, приближалось. Вильсон хотел быть готовым не только к точному формулированию американских целей войны, но также и к тому, чтобы быть в состоянии понять возражения на свою формулировку, которые могли последовать со стороны наших союзников [associates], и изучить средства привлечения их к своим идеалам.

«Я начинаю думать,—писал он Хаузу 2 сентября,—что мы должны систематически работать, чтобы установить так полно и точно, как это сейчас возможно, на чем отдельные участники этой войны с нашей стороны будут склонны настаивать при окончательных мероприятиях по заключению мира». Мы должны, продолжал он, подготовить нашу собственную позицию для защиты или для опровержения отдельных предложений и концентрировать влияния, которые мы хотим пустить в ход, или, по крайней мере, установить, какие влияния мы можем использовать; короче говоря, мы должны подготовить нашу позицию с полным знанием позиций всех тяжущихся сторон. Некоторые из правительств,

замечал президент, начали собирать материалы и «настраивать свои дудки... Что сказали бы вы о том, чтобы втихомолку создать при себе группу людей для оказания вам помощи в такой же подготовке?.. Под вашим руководством эти помощники смогут пересмотреть все полезные для поставленной цели материалы, а вы составите меморандум, которым мы будем руководствоваться».

Полковник Хауз ответил с энтузиазмом, что он готов принять на себя задачу, поставленную президентом. «Я пробовал делать втихомолку и не слишком эффективным способом то, что вы предлагаете мне делать, если я этого пожелаю, систематически и основательно»[1]. Вильсон обсудил затем в главных чертах план организации с государственным секретарем, причем было решено предоставить Хаузу полную свободу в этом отношении и поручить ему разработку проблемы охвата наиболее важных вопросов по его собственному усмотрению. «Лансинг не только согласен, чтобы вы приняли на себя подготовку данных для мирной конференции,—писал Вильсон Хаузу 19 сентября,—но высказал мнение, что вы являетесь единственным, кто это вообще может сделать».

Организация, таким образом созданная, стала известна под названием «Инкуайри» [«The Inquiry»—«исследование»]. Президент Мезес из нью-йоркского центрального колледжа был наименован директором, а Уолтер Липпман, принадлежавший тогда к редакции «Нью рипаблик»,—секретарем. Главная квартира была в Нью-Йорке, где Американское географическое общество предоставило в распоряжение «Инкуайри» свои архивы, библиотеку и средства для картографирования, а также бесценные услуги своего директора д-ра Исайи Боумэна. Большей частью работа «Инкуайри» была совершенно отделена от работы государственного департамента или разведочного отдела генерального штаба; она сосредоточивалась не на текущих проблемах, а предпочтительнее на тех проблемах, которые должны были подниматься на мирной конференции. Тем не менее, президент не раз просил у «Инкуайри» данных и совета по текущей политике, даже еще до того, как ее материалы пополнились, и, по крайней мере в одном случае, использовал информацию, таким образом заготовленную, для наиболее важного из своих заявлений по внешней политике[2]. Относительно работы «Инкуайри» сэр Уильям Уайзмэн писал позднее.

---

[1] Мистер Филлипс, первый помощник государственного секретаря, написал Хаузу в мае, что мы не снабжены соответствующей информацией для мирной конференции в отношении положения на Балканах и на Ближнем Востоке. Хауз принял меры для специального исследования вопроса при посредстве В. Х. Бэклера из нашего лондонского посольства, которого он предполагал привлечь к разрешению других проблем.

[2] См. ниже, гл. XI.

Меморандум Уайзмэна об «Инкуайри»

5 июня 1928 г.

«С первых же месяцев войны союзные министерства иностранных дел начали рассматривать условия мира и организационные вопросы мирной конференции, день которой должен был когда-либо настать. Они могли исходить из многочисленных прецедентов конференций больших и малых. Лорд Бальфур, например, был когда-то личным секретарем своего дяди лорда Солсбери на Берлинском конгрессе (1878 г.). Англичане и французы, несомненно и другие союзные державы, назначали служащих своих министерств иностранных дел, бывших дипломатов и других экспертов для подготовки мирной конференции.

Американцы, с другой стороны, имели слишком мало опыта и традиций, чтобы следовать в этом отношении за союзниками. Официальные документы государственного департамента, имевшиеся, конечно, в изобилии, не содержали большого количества сведений из первых рук о европейских мирных конференциях прошлого времени. Поэтому можно было бы предположить, что американская делегация прибыла в Париж плохо подготовленной и что Вильсон не имел преимущества научных исследований и квалифицированных советов, которыми пользовались другие руководители миссий. Но это неверно. Полковник Хауз весьма ясно предвидел необходимость подготовки и летом 1917 г. предложил Вильсону план, одновременно обращавшийся и к эрудиции и к методичности президента. Полковник Хауз предложил создать под управлением д-ра Мезеса организацию, названную «Инкуайри». Наиболее подходящие американские историки и специалисты с практическим опытом были приглашены присоединиться к этому штабу. Д-р Исайя Боумэн получил исполнительные функции и разработал план, предусматривавший, какие темы должны изучаться и как должно быть организовано их изучение. Профессор Д. Т. Шотуэлл взял на себя историческую географию, а после того, как «Инкуайри» переселилось в Париж, библиотеку. Дэвид Хэнтер Миллер, занимавшийся правовыми вопросами, впоследствии получил известность среди всех парижских делегаций, а вместе с известностью и уважение как один из способнейших юридических умов мирного конгресса. Уолтер Липпмэн, теперешний блестящий редактор нью-йоркского «Уорлд», был секретарем. У меня создалось впечатление, что Липпмэн являлся поставщиком абстрактных идей, которые находили свое место в доброй части меморандумов американской делегации и особенно в некоторых из публичных речей президента Вильсона. Нужно назвать еще нескольких других: Джорджа Луи Бира, который занимался колониальными вопросами; Чарлза Х. Хэскинса—вопросами Западной Европы; Клайва Дэй—балканскими проблемами; Дугласа Джонсона—вопросами, касавшимися границ; В. Л. Уэстермэна—проблемами Турецкой

империи, и А. Юнга, занимавшегося экономическими вопросами.

Эта ревностная и обладавшая эрудицией группа людей глубоко и беспристрастно изучала самые ужасные и запутанные проблемы, порожденные войной.

Члены «Инкуайри» свободно совещались со всяким американцем или иностранцем, бывшим в состоянии говорить авторитетно и с знанием о каком-либо соответствующем предмете. Факты, мнения, предрассудки—все терпеливо рассматривалось и тщательно анализировалось. Результаты работы, выводы, наилучшие советы суммировались и представлялись президенту полковником Хаузом вместе с его собственными мудрыми замечаниями.

Вильсон часто удивлял своих коллег в Париже глубоким знанием балканских дел, горьких политических распрей в Польше или щекотливых вопросов, касавшихся Адриатики. Если теории Вильсона казались европейским реалистам чуждыми и непрактичными, то эти реалисты не могли по крайней мере жаловаться на неточность его фактических материалов.

Среди многочисленных услуг, оказанных американской нацией миру в течение этого исторического кризиса, труды «Инкуайри» занимали не последнее место, и достижения «Инкуайри», столь мало известные широким кругам, остаются превосходным примером трудной работы, весьма скромно выполненной».

Человек, изучающий политику Вильсона, обратит главное внимание на то, что деятельность «Инкуайри» началась уже в то время. Это обстоятельство показывает, насколько ясно сознавал президент, что задача убедить наших европейских соучастников по войне принять его, президента, точку зрения потребовала бы заботливой подготовки и больших усилий. Президент чувствовал, что потребность в ревизии договоров, зафиксировавших империалистические вожделения Антанты, была велика, и притом не только потому, что эта ревизия была необходима для достижения конечного справедливого соглашения, но и потому, что она должна была обеспечить энтузиазм народов, необходимый для продолжения войны против Германии. Союзники должны были ясно выразить, что они решили сражаться ради установления постоянного мира, а не ради территориальных аннексий. Только таким образом можно было поддержать энтузиазм либеральных и пролетарских элементов. Положение, создавшееся в России, требовало иного, более определенного оправдания продолжения войны. Эффект речей Вильсона о германской лойяльности по отношению к группе милитаристов был бы вполне полноценным лишь в том случае, если бы принципы этих речей были формально и полностью подтверждены союзниками. Согласование целей войны между союзниками и США было в некоторых отношениях столь же важно, как согласование военных и экономических усилий.

ГЛАВА VII

АМЕРИКАНСКАЯ ВОЕННАЯ МИССИЯ

«Я считаю необходимым для дела союзников, чтобы представитель США, и притом первого ранга, официально и в возможно скором времени приехал в Европу...»

Из письма Ллойд Джорджа Хаузу, 4 сентября 1917 г.

1

Полковник Хауз, удерживаемый жарой вдали от Нью-Йорка, провел все лето 1917 г. в Магнолии, так что больше трех месяцев он не видел президента. «Я и рад, и жалею, что вы отправились на берега Массачузетса,—писал ему Вильсон,—рад я за вас, а печалюсь за нас, столь желающих быть поближе к вам». Разлука подала повод к обычным слухам о разрыве между обоими друзьями, нашедшим свое отражение в газетах от 6 сентября.

На самом же деле президент относился с особым доверием к Хаузу именно в течение этого лета и начала осени. Именно в этот период президент постоянно просит Хауза о совете и о критике его, президента, речей, посвященных вопросам внешней политики и нашим отношениям с союзниками; он просил его позаботиться о подборе данных для будущей мирной конференции, просил расследовать одно весьма щекотливое дело, заключающее в себе обвинения в шпионаже, просил высказать свое мнение относительно британской политики блокады, применяемой к европейским нейтральным странам; он поручал ему делать конфиденциальные сообщения руководителям союзных держав относительно внутрисоюзной согласованности, относительно британской политики в Палестине и относительно того, как поступить с предложениями мира, исходящими от Германии. Он избрал его, наконец, главой военной миссии, предназначенной для установления эффективного сотрудничества с союзниками, первой миссии такого рода, посланной США в Европу.

Первое личное совещание между президентом и Хаузом после летней разлуки осуществилось в результате неожиданного посещения Вильсоном Северного побережья 9 сентября. Он покинул Белый дом с заднего хода, избегнув огласки, пока не достиг

Нью-Йорка, где он сел на борт «Мэйфлауэр». Даже кабинет не знал о его поездке; известно было только, что он покинул Вашингтон.

«*9 сентября 1917 г.* Около семи часов портовое управление Бостона сообщило мне по телеграфу, что оно получило телеграмму о том, что «Мэйфлауэр» должен быть в гавани Глостера в два часа. Мы с Люли пошли встречать судно, сели на него, встретили президента и миссис Вильсон и плыли вдоль берега часа два или больше. Мы остановились только около нашего коттеджа, а затем отправились к дому миссис Т. Джефферсон Кулидж, чтобы посмотреть гравюры, фарфор и т. д., которые были унаследованы ею от Томаса Джефферсона.

Мы обедали на «Мэйфлауэр». Перед обедом мы с президентом задушевно беседовали, возможно с час, и часа полтора после обеда... Он рассказал мне о разговоре, бывшем у него с морскими офицерами, когда он делал смотр флоту на Хэмптонском рейде несколько времени назад; он обращался к ним ко всем, включая прапорщиков, и сказал приблизительно следующее: «Никто из вас не имеет опыта в современной войне, поэтому самый младший из вас знает так же много, как самый старший, и я хотел бы получить предложения от любого офицера флота, невзирая на его ранг, относительно способов ведения нашей морской войны. Эти предложения будут приниматься департаментом флота, а если вы находите, что там не обращают на них внимания, то направляйте их прямо ко мне».

Он послал в Англию комиссию, рекомендованную предложением Артура Поллена и других, и он говорил ее членам перед их отъездом, что он желает им найти за океаном способ разрушить осиные гнезда, а не пытаться убивать отдельных ос вне укрепленного района. Мы обсуждали вопрос о крупных судах.

После полудня мы говорили о Линкольне. Мы согласились, что Вашингтон останется в истории величайшим человеком. Я повторил слова Седжвика, когда мы завтракали с ним в субботу: он сказал, что один массачузетский историк утверждал, что Линкольн никогда не добился бы величия своими деяниями. На мир оказало влияние то, что он написал: именно написанное им позволило проникнуть в его мышление, понять его мысли, которые без этого никогда не были бы усвоены во всей полноте. Президент не был согласен с этим. Он считает, что деяния Линкольна дают ему такое же право на величие, как и написанное им. Президент думает, что окружение Линкольна было в значительной степени ограниченным и что благодаря недостатку более широкого образования он не имел перспектив, которые были бы открыты ему в противном случае. Он думает также, что его суждения оставались бы неизменными в любом положении».

«*10 сентября 1917 г.* Во время завтрака президент говорил о своем волнении при публичных выступлениях. Я думал, что он вполне свободен от него, а он прибавил, что когда ему приходится пробираться через набитые народом подмостки, имея

перед глазами аудиторию, он всегда думает о том, не упадет ли он прежде, чем доберется до ораторской трибуны.

Во время прогулки он говорил о себе, как о «демократе типа Джефферсона с аристократическими склонностями». Разумом, говорил он, он был всегда вполне демократичен, что, по его мнению, является его счастием, потому что разум руководит им там, где восстают его склонности».

2

Кажется несколько неожиданным, что чрезвычайно важная проблема межсоюзного сотрудничества была только еле-еле затронута Хаузом и Вильсоном во время посещения последним Северного побережья. Возможно, что оба избегали дискуссии, которая могла казаться утомительной для президента во время его каникул и которая носила бы в лучшем случае академический характер, так как лорд Рединг, новый британский уполномоченный, был все еще в пути. Двумя днями позже он высадился в Нью-Йорке, и вопрос о достижении лучшего сотрудничества немедленно выступил на первый план.

По своем возвращении в Нью-Йорк полковник скоро вступил с новым британским уполномоченным в отношения, пожалуй, столь же тесные, как те, которые он поддерживал с Нортклифом.

Рединг выходил из этого трудного положения с ловкостью и тактом. «Имеются серьезные неразрешенные финансовые проблемы,—доносил Уайзмэн британскому министерству иностранных дел,—но Рединг подходит к ним правильно и является весьма приемлемым лицом для всего правительства. Хауз, как обычно, очень полезен, и, я думаю, мы теперь закрепляем положение по-настоящему. Я не могу пока сказать, что в народе замечается какой-либо особый военный энтузиазм, но имеется твердое решение продолжать войну с помощью всех ресурсов страны до тех пор, пока германская военная мощь не будет сломлена. Президент продолжает занимать весьма твердую позицию. Отношение к англичанам улучшается...»

4 октября Уайзмэн доносил, что Рединг «произвел наилучшее впечатление на Мак-Аду и всех других заинтересованных лиц. Все согласны, что британское казначейство впервые представлено должным образом, и наши другие союзники уже поняли, что он стал доминирующей фигурой в области финансов». Нортклиф восторженно подтверждал это мнение.

Каблограмма Нортклифа Ллойд Джорджу

Нью-Йорк, 30 сентября 1917 г.

«Рединг неутомимо работает, сталкиваясь с огромными трудностями. Он оказался способным на то, чтобы добыть 50 млн. долларов за канадскую пшеницу, что в самом деле было поку-

шением на основной принцип, согласно которому каждый цент из денежных средств, авансированных союзникам, должен быть израсходован в США. Это достижение Рединга является, по моему мнению, чем-то таким, чего не смог бы добиться кто-либо другой, не обладающий ловкостью и обаянием Рединга, а также его тактом в обхождении с этими тяжелыми людьми...

Нортклиф».

Успех лорда Рединга был, однако, по необходимости ограниченным. Он преодолел критическое положение и обеспечил англичанам существенные для них кредиты. Но когда развилась военная организация США и в связи с этим возросли требования снабжения от различных американских департаментов, трудность обеспечения союзников снабжением значительно увеличилась. Распределение соответствующего снабжения между союзными армиями и вновь созданными американскими вооруженными силами стало щекотливой проблемой. «Я предвижу,—писал Уайзмэн,—что возможен опасный промежуток, быть может следующим летом, между тем периодом, когда мы истощим свой запас необходимого снабжения согласно американской программе, и временем, когда армия США окажется готовой занять обширный участок западного фронта».

Лорд Рединг не терял бодрого настроения, но настаивал на том, что должна быть найдена более полная система согласования. 29 октября он представил вместе с Хаузом меморандум, который, как он телеграфировал в Англию, суммирует общие впечатления, создавшиеся «после целого ряда разговоров с членами правительства и другими деятелями, включая президента, Лансинга, Мак-Аду и Хауза, и приведенные в порядок после долгого обсуждения, в котором участвовали, кроме него, представители Франции и Кросби, представитель финансового департамента США, и на котором последний пространно изложил подробности финансового положения США. «То, что я говорю о финансах,—прибавлял он,—должно быть истолковано в тесной связи с моими политическими впечатлениями». Все в общем имеет историческую ценность, так как дает картину американских условий, нарисованную человеком, близко с ними знакомым, но в то же время смотревшим на них со стороны.

Меморандум Рединга относительно снабжения

Октябрь 1917 г.

«Критика, естественно, исходит из двух противоположных лагерей. Имеется мнение, представленное Рузвельтом, которое состоит в том, что правительство плохо организовано для войны (в этом утверждении есть значительная доля правды) и что оно не вмешивается с достаточной энергией в дело подготовки (это

значительно менее верно). С другой стороны, имеется глухая подозрительность в другом лагере, касающаяся размеров реальных американских интересов, затронутых войной, а также целей и методов европейских союзников, подозрения не только в отношении конечных объектов войны, но также и того, не используют ли иногда союзники свои американские кредиты для других целей, а не на непосредственные нужды войны.

Эти два противоположные течения стремятся направить правительство к одной и той же цели, а именно, они стремятся подчеркнуть важность для американской стороны вступить в игру раньше, чем эта игра для союзной стороны будет уже сыграна, и стремятся продвигать американскую программу к возможной невыгоде для союзной программы. В этом пункте сходятся обе линии атаки. Он удовлетворяет партию более энергичного ведения войны и снимает с другой партии бремя мысли, что Америка становится орудием союзников.

Огромная программа военных приготовлений, развития авиации и судостроения прошла сейчас в конгрессе, и за последнюю неделю департаменты, которых она касается, принялись за ее точное проведение. Эта программа была построена каждым департаментом раздельно, причем все они старались обеспечить одобрение тому, что представлялось им особенно необходимым, без согласования или действенного контроля со стороны департамента финансов. Программа эта была составлена также без учета существующей программы союзников или учета тех данных, на основе которых военные приготовления могли стать эффективными, будучи объединены с программами союзников. Мистер Кросби не защищал это как нечто разумное или дальновидное, он просто отметил нам это как фактор, обеспечивший быстрое осуществление задачи. В результате принятия программы конгрессом действительные денежные издержки казначейства США доходят уже до нормы 600 млн. долларов в месяц, не считая сумм, авансируемых союзникам, и ожидается, что начиная с октября эти издержки достигнут 1 млрд. долларов в месяц. Кросби объяснил, что закон не разрешает департаментам совершать платежи авансом, но взамен этого они оплачивают подрядчикам сырье, как только оно закуплено, а также стоимость выполненной работы, поскольку она возрастает неделя за неделей. Эти денежные выдачи начинаются, как только размещены контракты, до начала сдачи готовой продукции. Авансы союзникам разрешены в среднем максимальном размере до 500 млн. долларов в месяц и должны быть прибавлены к суммам, указанным выше. Поступление в казначейство новых военных налогов не увеличится до начала нового года, а излишки против нормальных доходов равны в настоящее время только 50 млн. долларов в месяц.

Конечно, еще нельзя сказать, что невозможное не будет выполнено. Но тем не менее выясняется, что в течение ближайших

месяцев управлять сложившимся здесь положением будут, вероятно, следующие факторы:

А. Должностные лица финансового департамента США нервны и подавлены. Ожидая результатов выпускаемого «займа свободы», и даже после появления займа, они будут в сомнении, доверять ли самим себе. Я думаю, что пока мы будем все-таки всегда получать наши деньги, но это, вероятно, будет осуществляться ценой постоянных настояний и некоторого беспокойства. Не будет ничего ясно установленного, и каждый из союзников будет бороться сам за себя. Вероятно, настанет время, когда мы будем просить финансовый департамент взять на себя риск, который покажется ему не имеющим оправдания со строго финансовой точки зрения.

Б. Я сказал мистеру Кросби, что казначейство США, как в свое время наше, будет спасено фактическим отсутствием товаров, подлежащих покупке. Количество товаров будет недостаточно, чтобы поглотить огромные кредиты, открытые департаментам и союзникам. Это спасет финансовое положение. Но та же самая беда неожиданно обнаружится в другом виде. Министерство снабжения окажется, вероятно, более затрудненным недостаточностью американского снабжения, чем казначейство нехваткой долларов.

Короче говоря, единое рассмотрение политических и финансовых вопросов приводит к выводу, что Америка поставит свои собственные нужды на первое место и... что материальные ресурсы этого континента не смогут соответствовать новой программе, которую мы старались провести дополнительно к старой. Увеличивающийся недостаток согласованности между программой здешнего правительства и программой союзников является, вероятно, по любой причине важнейшим из вопросов, стоящих перед нами. Но я имею некоторое основание думать, что вопрос этот привлек внимание правительства, и я воспользуюсь в дальнейшем любым благоприятным случаем, чтобы подчеркнуть президенту риск того, как бы наспех изданные приказы военного департамента США не погубили наши действующие силы еще раньше, чем сами США будут готовы. Я обращаю особое внимание министра снабжения на опасность, что его приготовления могут оказаться построенными на песке, поскольку сам министр зависит от американского снабжения, и убеждаю его составлять свои планы, насколько это возможно, не слишком надеясь на ресурсы США.

Я увижу нашего друга [полковника Хауза] снова в течение ближайших дней и буду обсуждать с ним вопрос в полном объеме».

3

Этот важный документ со зловещей фразой «увеличивающийся недостаток согласованности» был послан британскому военному кабинету и несомненно повлиял на него в смысле осознания необходимости сильно действующих мероприятий для предотвращения

опасности. Должностные лица США должны были быть доведены до сознания того обстоятельства, что американская помощь была бы более эффективной, если бы она применялась к уже существующим армиям союзников, а программа союзников должна была стать достаточно определенной, чтобы позволить американцам осуществлять ее сознательно.

Приблизительно то же старался выразить и Уайзмэн в своем дополнительном сообщении.

«Отчасти, чтобы развить военный дух в стране,—писал он,— а отчасти совершенно искренне правительство заняло позицию, характеризуемую лозунгом «Америка—прежде всего», и раздуло национальную склонность преувеличивать роль, которую должна сыграть Америка. Это не должно быть понято в смысле недооценки союзников или недопонимания их роли, это не подразумевает и малейшей враждебности к ним. Собственные нужды Америки должны стоять на первом месте, но это не является основанием для страха, что американская программа столкнется с программой союзников к общему ущербу при условии, что мы также имеем ясно очерченную программу и можем ясно высказать американцам, каковы наши нужды».

Общий союзный совет, занимающийся вопросами военных закупок и финансов, образования которого требовал в начале лета Мак-Аду, способствовал бы в значительной степени созданию условий для эффективного американского экономического сотрудничества. Но образование этого совета все еще задерживалось. В ожидании его организации лорд Рединг предложил, чтобы США послали в Европу миссию, составленную из руководителей более важных департаментов или работающих на войну агентов, чтобы непосредственно на месте изучить главные проблемы европейских союзников. Ллойд Джордж просил Рединга и сэра Уильяма Уайзмэна представить предложения полковнику Хаузу для обсуждения их с президентом Вильсоном.

Письмо Уайзмэна Хаузу

Нью-Йорк, 26 сентября 1917 г.

«Дорогой мистер Хауз!

... Вы знаете, что я стараюсь защищать интересы США так же, как я защищаю интересы моей собственной страны, так как я думаю, что то, что хорошо для одной страны, хорошо и для другой. Зная это, вы не будете иметь возражений против того, что я дам Америке непрошенный совет...

Я думаю, что наибольший актив, который имеет сейчас Германия, это 3 тыс. миль, отделяющих Лондон от Вашингтона, и что наиболее настоятельная проблема, которую мы должны разрешить, состоит в том, каким образом оба наши правительства, расположенные на противоположных концах земли, могут осу-

ществить тесное сотрудничество, несомненно, необходимое для того, чтобы война была окончена быстро и успешно. Не рассмотрит ли президент целесообразность посылки полномочных представителей в Лондон и Париж для участия в ближайшем большом союзном совете, в который они принесут свои свежие мысли, касающиеся наших проблем, обсуждая их и высказывая свое суждение по некоторым из вопросов, которые я поднял? Не может ли он также создать—если это возможно—какой-либо механизм, чтобы перекинуть мост через все расстояние между Вашингтоном и театром войны?

Я позволю себе прибавить, что наши руководители говорили мне об их доверии к вам и об их уважении к вашему суждению. Именно поэтому мы прибегаем к вам за советом по вопросу, который был бы только с большим трудом разрешен обычным дипломатическим путем.

Весьма вам преданный *У. Уайзмэн*».

Ллойд Джордж желал посылки американской военной миссии в Европу не только для создания экономической согласованности, но также и по чисто военным соображениям. Премьер-министр был давно раздражен стратегией военных руководителей западного фронта, который, несмотря на то, что он подтачивал основную мощь Германии, ужасал тем, чего он стоил. Страшно растянутый процесс «guerre d'usure» (война на истощение) казался Ллойд Джорджу не обязательным и расточающим жизни и время. Вместо того чтобы бросать союзные силы непосредственно против сильнейшего врага—Германии, на сильнейшем участке ее обороны, он стремился нанести удар слабейшим участникам враждебной коалиции—«вышибить подпорки».

Он имел в виду создание новой межсоюзной военной организации, которая под единым управлением прекратила бы «долбление» на западном фронте и пустила в ход комбинированную атаку против слабейшей точки центрального союза. «Несомненно,—писал сэр Уильям Робертсон,—что если бы Ллойд Джордж достиг в этот период своей цели, то главные британские усилия были бы перенесены из Франции в Италию, точно так же, как в январе 1915 г. он хотел перенести их на Балканы»[1].

Начальник британского штаба и сэр Дуглас Хэйг относились к практической осуществимости подобного стратегического плана непоколебимо скептически, так как, по их утверждению, было невозможно эффективно ударить в «указанную сторону» без того, чтобы не подвергнуть опасности главный театр войны во Франции. «Генеральный штаб продолжал утверждать,—пишет Робертсон,—что главный путь к победе ведет прямо вперед, через Рейн, тогда как Ллойд Джордж настаивал на том, что этот путь слишком тяжел и что лучший путь лежит, если не через Италию,

[1] *William Robertson*, Soldiers and Statesmen, v. II, p. 254.

Триест и Вену, то через Средиземное море, Иерусалим и Константинополь. В течение 1917 г. эта мертвая тяжесть несогласий ужасно мешала организации различных кампаний, в которых мы принимали участие, увеличивая трудности согласованных действий между союзными армиями»[1].

Больше всего Ллойд Джордж настаивал на необходимости единого направления военной политики на всех театрах войны, и именно с этой целью он планировал межсоюзный штаб, главенствующий над главнокомандующими и начальниками штабов каждой частной армии. На этот план воодушевил его сэр Генри Вильсон, в заслугу которому можно поставить многое из того, что привело к достижению окончательного согласования военной деятельности союзников. Сэр Генри записал в своем дневнике разговор с Ллойд Джорджем, происходивший 23 августа, в котором он набросал главные линии организации, осуществленной позднее при создании верховного военного совета.

«Я тогда развернул перед ним мой план трех премьер-министров и трех военных, которые должны были стоять выше всех начальников генеральных штабов и составлять планы для всего театра военных действий от Ньюпорта до Багдада. Я сказал ему [Ллойд Джорджу], что имел этот план в голове в течение двух с половиной лет, и объяснил, что план не нацелен ни на Робертсона, ни на Хэйга, ни вообще на кого-либо. Я сказал ему, что если он сместит Робертсона *теперь* и назначит меня начальником генерального штаба, то я попрежнему буду настаивать на выполнении своего плана, так как он является единственным, который позволил бы нам действительно составить комбинированную схему операций.

Ллойд Джордж был явно заинтересован. Он охарактеризовал положение в следующих словах. Он доволен Хэйгом, но недоволен Робертсоном. По его мнению, совершенно ясно, что мы не выиграем войны с помощью наших теперешних планов и что мы никогда не сдвинемся с наших теперешних позиций, но что он не знает, как и что мы должны делать, а также не имеет средства контролировать или изменить планы Робертсона и Хэйга, хотя он знает, что эти планы слишком ограничены. Он сказал, что у него нет ни возможности, ни знаний, чтобы выработать другие планы и настоять на их принятии, так как всегда скажут, что он игнорирует военных специалистов. Только глубокое негодование заставило его подумать об образовании комитета из Джонни [лорд Френч], меня и других, но теперь он вполне согласен со мной, что это было бы пустым делом и что мой план несравненно лучше... В общем мои предложения его ободрили»[2].

Если бы премьер-министр имел успех в осуществлении своих планов, то поддержка со стороны США была бы для него весьма

---

[1] Ibid., p. 265.

[2] *Callwell*, Field-Marshall Sir Henry Wilson, v. II, p. 10—11.

существенна, особенно в отношении проблемы человеческих ресурсов. Ллойд Джордж уполномочил сэра Уильяма Уайзмэна уяснить полковнику Хаузу различные стороны положения. Англичане знали через полковника Хауза, что президент Вильсон поддержал бы любой план, который дал бы возможность достигнуть единства союзников, и Ллойд Джордж, может быть, надеялся получить со стороны американской миссии поддержку своей «восточной» стратегии. Хауз представил вопрос на рассмотрение президента, когда последний посетил Нью-Йорк на «Мэйфлауэр» в середине сентября.

Письмо Ллойд Джорджа Хаузу

Лондон, 4 сентября 1917 г.

«Дорогой полковник Хауз!

Я должен поблагодарить вас за письмо, посланное мне вами через сэра Уильяма Уайзмэна. Я обсудил с ним дела специально для того, чтобы он мог объяснить вам, что я думаю о настоящем положении. Он отправится по приезде прямо к вам. Вкратце скажу вам, что я считаю существенным для дела союзников, чтобы представитель США, и притом с широкими полномочиями, прибыл сюда официально, по возможности скоро, для принятия участия в обсуждении союзниками их дальнейших планов кампании. Излишне говорить, что мы получили бы величайшее удовлетворение, если бы этим представителем были вы. Сэр Уильям Уайзмэн сможет сообщить вам, почему я убежден в том, что представитель США мог бы оказать бесценные услуги делу союзников.

Искренне ваш *Д. Ллойд Джордж*».

«*16 сентября 1917 г.* Сегодня я завтракал с президентом на борту «Мэйфлауэр»,—записал полковник Хауз.—Перед завтраком мы с ним беседовали. Я сообщил ему о желании Ллойд Джорджа, чтобы представитель США присутствовал на межсоюзной конференции.

Президент думает, что он не может пойти навстречу желаниям Ллойд Джорджа в большей мере, как высказать свое мнение, что в отношении ведения войны должно быть сделано нечто иное, чем то, что делалось до сих пор, и что американский народ не склонен вести бесконечной окопной войны. Он думает, что было бы неосторожно принять на себя бо́льшие обязательства...»

Письмо Хауза Ллойд Джорджу

Нью-Йорк, 24 сентября 1917 г.

«Дорогой мистер Джордж!

Благодарю вас за сообщение и информацию, полученные мной через лорда верховного судью и сэра Уильяма Уайзмэна. Прези-

дент занят сейчас многими делами, и я надеюсь, что на этой неделе он придет к какому-либо решению.

Я ответил вам через сэра Уильяма относительно того, что я думаю о плане, вами поддерживаемом. Я благоприятно отношусь к нему уже около двух лет, и если условия не изменились настолько, чтобы сделать его невозможным, то он до сих пор заслуживает нашего серьезного рассмотрения.

Прибытие лорда верховного судьи уже принесло хорошие результаты. Лорд Нортклиф способствует успеху его миссии, и я уверен, что она себя оправдает.

Я сказал президенту, что я был бы согласен поехать за океан, если он согласится с планом, хотя у меня есть здесь работа первостепенной важности. Я предложил ему послать вместо меня секретарей Мак-Аду и Бэйкера. В некоторых отношениях это было бы лучше, так как они могли бы получить много информаций, что было бы полезно для их особых департаментов.

Искренне ваш *Э. М. Хауз*».

Нежелание Вильсона выразить какое-либо мнение о стратегических вопросах являлось следствием естественного чувства, что США не должны оказывать какое-либо влияние на военные совещания до тех пор, пока они не имеют армии на фронте. Но он вполне ясно понимал необходимость более совершенной экономической согласованности, и, если это могло быть лучше всего достигнуто посредством американской миссии, он был склонен одобрить ее посылку.

Наряду с финансами и снабжением вопросы морских перевозок и блокады тоже приобрели критический характер. В течение всего лета лорд Нортклиф настаивал на чрезвычайной важности проблеме об обеспечении тоннажа. Премьер-министр чувствует,— говорил он Хаузу 14 августа,—что быстрое сооружение транспортных судов безусловно является в настоящее время первостепенной военной нуждой. Военный кабинет решил 9 августа отдать на строительство судов все стальные плиты, которые могут быть использованы для этой цели, несмотря на то обстоятельство, что это повлечет за собой снижение производительности заводов, изготовляющих снаряды. Было также решено перебросить для этого столь-необходимого строительства рабочих снарядных заводов, а также служащих в армии наших союзников.

Вопрос о тоннаже стал, а в известном смысле и остался, в течение девяти месяцев центральной проблемой американского сотрудничества. Как писал Хаузу Медилл Мак-Кормик: «Нет смысла набирать огромные армии, если нет тоннажа для их перевозки и, что еще важнее, для удовлетворения потребностей гражданского населения и армий наших союзников».

Меморандум, присланный летом Хаузу англичанами, показывает, что за первые шесть месяцев беспощадная подводная война истребила союзный и нейтральный транспортный флот водоиз-

мещением более $2^1/_4$ млн. *т*. Принимая в расчет потопленные подводные лодки и вновь выстроенные, с излишком возместившие потери, было высчитано, что чистая потеря тоннажа, несмотря на наилучшие старания британских судостроителей, должна была составлять более 350 тыс. *т* в месяц. Когда прошла осень, опасения союзников еще более увеличились. Смогут ли американские верфи покрыть этот дефицит?

Каблограмма Бальфура Хаузу

Лондон, 11 октября 1917 г.

«Я буду благодарен, если вы позволите мне представить вам нижеследующие факты, касающиеся положения морского судоходства, вместе с просьбой посвятить им ваше заботливое внимание.

За первые два с половиной года войны общее снижение мирового тоннажа, обусловленное деятельностью врага, равнялось приблизительно 4,5 млн. *т*. Семь месяцев беспощадной подводной войны увеличили вышеуказанное снижение еще на $4^1/_4$ млн. *т*.

Если к числу потерь от насильственного разрушения торговых судов в течение интенсивной кампании прибавить уменьшение тоннажа, обусловленное, во-первых, непригодностью судов, которые были сильно повреждены, не будучи окончательно потоплены, и, во-вторых, обычными кораблекрушениями, то позволительно принять общее снижение мирового тоннажа за годы войны равным примерно 8 млн. *т*...

Чтобы покрыть это снижение, Англия, сократившая за последние годы судостроение приблизительно до 600 тыс. *т*, чтобы направить свою энергию на другие цели, теперь прилагает все усилия, чтобы построить в ближайшем году суда водоизмещением в 2,5 млн. *т*, хотя приходится опасаться, что окажется невозможным выполнить это намерение полностью.

Если уничтожение судов будет продолжаться в том же размере, то, прибавляя к остатку мирового транспортного флота (без Америки) вновь отстраиваемый Великобританией флот, мы все еще будем иметь годовой дефицит минимум в 5,5 млн. *т*.

Положение становится еще более серьезным вследствие того хорошо вам известного обстоятельства, что, даже без учета будущих потерь, имеющийся транспортный флот далеко не достаточен для обслуживания гражданских и военных нужд союзников.

Состояние тоннажа явится решающим фактором, определяющим развитие весенних операций на любом театре военных действий.

Англия считает в настоящее время важным установить, что она не видит возможности продолжать свое участие в войне на суше и на море, транспортируя гражданское и военное снабжение на британских судах и предоставляя своим союзникам значительное количество судов, как это происходило до настоящего времени.

Замечающийся уже сейчас большой недостаток угля и продовольствия во Франции и Италии станет еще более серьезным весной.

Британские суда не смогут также перевозить снабжение, которое может потребоваться России в навигацию будущего года, когда будет доступен порт в Архангельске.

В то же время Америка столкнется лицом к лицу с серьезными проблемами переброски через океан своих вооруженных сил и потребного для них снабжения.

Принимая во внимание все вышеуказанные обстоятельства, я предлагаю на ваше рассмотрение вопрос о возможности для США принять план, предусматривающий строительство транспортного флота, достаточного для покрытия потерь от нападений подводных лодок в том размере, в каком эти потери отмечаются в настоящее время. Это означает, что в среднем должно быть построено судов водоизмещением около 6 млн. *т* в год.

Усилие, которого потребует выполнение этой программы, чрезвычайно велико, но вспомните, что если Англия неспособна принять сейчас подобную программу, то это объясняется тем, что ее энергия была направлена в другую сторону, как и энергия ее союзников, в начальные дни войны, когда над нами довлела необходимость немедленных мероприятий по увеличению наших армий и флотов, так же как и производства потребного для них снаряжения. Меньшего усилия, чем приложенное нами тогда, было бы достаточно для построения большего количества судов, чем то, что уничтожали подводные лодки, даже если бы последние действовали более активно. Только в 1916 г. торговый флот приобрел столь же важное значение, как армия, военный флот и снабжение.

Америка, стоящая по своим промышленным ресурсам и механической вооруженности впереди любой другой страны, начала войну в последующей стадии. Затрата сил, необходимых для пополнения потерь торгового флота, даже если допустить, что она велика, все же относительно меньше сил, с успехом затраченных союзниками на преодоление других внезапных стечений обстоятельств, потребовавших решительных действий. Программа, описанная выше, имеет в виду употребление 3,5 млн. *т* стали, что составляет не свыше 10% продукции США, и труда полумиллиона людей, из которых только меньшая часть должна принадлежать к числу квалифицированных рабочих.

Даже до того, как какие-либо суда будут спущены, окончательное принятие и энергичное выполнение плана, подобного вышеприведенному, повлияло бы, по всей вероятности, на вражеские надежды, а следовательно, и на выносливость врага в совершенно несравнимой степени. Подобная программа не дала бы, конечно, необходимого количества судов к будущей весне, но самый факт постройки судов позволил бы свободнее использовать наличные суда и оказал бы бесценную помощь в деле преодоления критического периода, который настанет перед сбором урожая 1918 г.

Хотя за последние недели потери в тоннаже значительно уменьшились, но еще нельзя сказать с уверенностью, что это уменьшение носит постоянный характер, и, следовательно, было бы весьма неблагоразумно принять это улучшение в расчет как фактор, говорящий в пользу сохранения прежней политики. Я не могу поэтому не обратить величайшего внимания на серьезную возможность того, что самые мощные усилия, приложенные союзниками в различных других направлениях, могут быть сведены к нулю, если не будут приняты необходимые меры для пополнения потерь в транспортном флоте.

Чрезвычайно важно, чтобы были приняты соответствующие меры для обеспечения перевозки подготовляемой Америкой мощной армии, и притом без уменьшения количества судов, предназначенных для перевозки снабжения союзных сил, уже принимающих участие в войне, так как подобное снижение тоннажа ослабило бы эти силы ровно настолько, насколько их усилит прибытие американской армии.

Бальфур».

Другая проблема, которая могла быть разрешена только с помощью полного сотрудничества, сама собой встала перед президентом Вильсоном. Это была проблема политики эмбарго, поскольку она относилась к нейтральным державам. Ограничения, налагаемые союзниками на нейтральную торговлю, имели следствием наиболее острое недовольство и наиболее энергичные протесты со стороны США до их вмешательства в войну. После вступления в борьбу против Германии американское правительство, конечно, изменило свою точку зрения, и его старания предупредить проникновение товаров в Германию, пожалуй, превзошли даже мероприятия союзников. Отношения с Голландией и странами Скандинавии стали напряженными, и одно время казалось возможным, что Швеция может быть вынуждена принять участие в войне.

15 сентября Бальфур прислал Хаузу каблограмму, подчеркивающую важность создания в Лондоне союзного совета по делам блокады и желательность включения в него американских представителей, которые могут авторитетно высказывать точку зрения правительства США. Союзники хотели установить и согласовать свою политику в отношении эмбарго на импорт в граничащие с центральными империями государства, а щекотливость запутанных вопросов делала невозможным их удовлетворительное разрешение по телеграфу.

Вильсон настаивал на более подробной информации, особенно о том, чего ожидают от США. Англичане ответили, что необходимо, во-первых, организовать аппарат для координации системы экспортных лицензий всех наций, воюющих против Германии. Во-вторых, необходимо принять решения по вопросам высшей политики, изучить полезную информацию, имеющуюся

в Лондоне и касающуюся возможного эффекта сурового ограничения экспорта в нейтральные страны, и вообще оценить опасность или безопасность политики эмбарго в связи с продолжением войны. Согласно сообщению, присланному Вильсону, ни один из британских представителей в Вашингтоне не подходил для разрешения острых вопросов, общей политики, которые могли подняться.

Даже одно только разрешение этих трудностей являлось достаточным оправданием необходимости немедленной конференции в Лондоне с участием полномочных представителей США.

4

Согласно свидетельству сэра Уильяма Уайзмэна, полковник Хауз спокойно работал в пользу положительного разрешения вопроса о посылке американской военной миссии в Европу. В одном более позднем меморандуме Уайзмэн писал: «Хауз ясно разбирался в путанице, которая создавалась вследствие противоречивых требований сырья и снабжения. Связанные с ней вопросы не могли быть должным образом согласованы в Вашингтоне, столь далеком от театра военных действий. С другой стороны, в Европе не было никого, кто мог бы говорить с полной ответственностью от лица правительства США. Хауз выдвинул идею американской миссии, представляющей все главные департаменты правительства, имеющие отношение к ведению войны; по его мнению, эта миссия должна была заседать в совете вместе с представителями союзников в Париже и выработать план координации, а затем представители миссии должны были остаться в Европе, чтобы видеть, что работа доведена должным образом до конца».

Имеющиеся данные ясно показывают, что, хотя Хауз настаивал на посылке миссии, он сам не хотел участвовать в ней. Он как раз начал организацию «Инкуайри» и интересовался гораздо больше окончательным установлением мира, чем административными проблемами, связанными с войной. Неофициальная помощь, оказываемая им союзникам в США, была, вероятно, больше, чем та, которую он мог оказать своей официальной миссией. Он видел каблограмму Друммонда, сообщавшего, что Бальфур «думает, что хотя приезд Хауза был бы очень желателен и полезен, но нам выгоднее его постоянное пребывание в США, где его помощь неоценима». Полковник предложил Вильсону, чтобы он образовал миссию, поставив во главе ее руководителей двух наиболее важных и заинтересованных в ней департаментов. «Что бы вы подумали относительно Мак-Аду и Бэйкера?»—спрашивал он Вильсона.

С другой стороны, британские и французские руководители, исключая Бальфура, ясно показывали свое убеждение, что намечавшаяся миссия должна возглавляться полковником Хаузом. Британский военный кабинет известил Уайзмэна, что, по его

мнению, «для успеха предполагаемой международной конференции было бы весьма важно, чтобы человек, пользующийся полным доверием президента, посетил Западную Европу с целью получения информации, исходящей из первых рук, относительно положения союзников, и что полковник Хауз кажется единственным подходящим для этого лицом».

Подобные же послания приходили непосредственно из Франции, и из них особенно типично следующее, посланное через посла Жюссерана: «Соблаговолите сообщить полковнику Хаузу, что абсолютно необходимо, чтобы он прибыл сюда, хотя бы даже на неделю, на борту военного корабля для избежания задержек. Он должен ознакомиться со всеми деталями положения, прежде чем планы будут приняты».

Письмо Фрэйзира Хаузу

Париж, 12 октября 1917 г.

«Дорогой мистер Хауз!

Два дня назад лицо, заслуживающее доверия, сообщило мне, что м-сье Пенлевэ, премьер-министр и военный министр, выразил самую серьезную надежду, что вы сможете прибыть во Францию в ближайшем будущем.

На четвертом году войны, которая с каждым годом все увеличивает общее утомление, я должен отметить, что налицо как будто больше признаков отсутствия согласованности между союзниками, чем когда-либо раньше. Так как мы являемся наиболее незаинтересованной нацией из числа участвующих и так как мы пользуемся бо́льшим доверием всех союзников, чем какая-либо другая страна, то мне думается, что логика подсказывает нам роль силы, объединяющей союзников в совместной деятельности и оказывающей общее согласующее влияние. Вы гораздо более, чем я, способны судить о том, уместен ли ваш приезд в Европу в настоящее время, но я уверен, что если бы вы решились приехать сейчас, то вы были бы весьма тепло встречены во Франции.

Уважающий вас *Артур Ог Фрэйзир*».

В начале октября президент Вильсон решил окончательно, что предположенная американская миссия необходима и что он назначит ее главой полковника Хауза. Сэр Уильям Уайзмэн передал это известие каблограммой в министерство иностранных дел.

Письмо Уайзмэна Друммонду

Нью-Йорк, 13 октября 1917 г.

«С того времени как Рединг и я прибыли в Соединенные штаты, мы настаивали, что правительство США должно послать снаб-

женных широкими полномочиями представителей в Лондон или Париж, чтобы договориться с союзными представительствами в первую очередь о наиболее настоятельных вопросах, требующих сотрудничества.

Рединг виделся с президентом по этому поводу вскоре после приезда и обсуждал вопрос при различных случаях с другими членами правительства, в то время как я часто обсуждал его с Хаузом, находившимся в Нью-Йорке. Тем временем приглашения и предложения поступили от французского и итальянского правительств и от различных министерств нашего правительства, через посольство и Нортклифа, причем все они просили правительство США послать представителей по различным вопросам, в частности по снабжению...

После долгих переговоров между президентом и Хаузом и после вчерашней встречи с Редингом президент сказал, что его политика заключалась в том, чтобы не посылать американских представителей для участия в совете союзников, так как он чувствовал, что США не имеют достаточного военного опыта, но что после сведений, нами представленных, он изменил свое мнение и пришел к выводу, что для США необходимо иметь своих представителей в совете... Он сообщил Хаузу вполне определенно, что он не пошлет никого другого, если Хауз откажется ехать, и просил его отправиться в Европу возможно скорее и остаться там в качестве особого американского уполномоченного до конца войны.

Хауз долго не соглашался ехать, больше всего потому, что посвятил всю свою энергию предмету, наиболее его интересующему, а именно разработке условий мира и положения Америки на мирной конференции... Как я уже сообщал в моих предшествующих каблограммах, он пробовал убедить президента послать Бэйкера или Лансинга или обоих вместе. В конце концов он согласился принять на себя миссию при условии, что будет ясно оговорено, что миссия посылается только для присутствия на межсоюзном военном совете и сможет вернуться в штаты немедленно по его окончании.

Уайзмэн».

Каблограмма Бальфура Хаузу

Лондон, 14 октября 1917 г.

«Я уполномочен французским и британским кабинетами обратиться к вам с весьма сердечным приглашением принять участие в переговорах и конференциях по всем вопросам войны и мира. Сообщение о том, что это приглашение, вероятно, не будет напрасным, доставило упомянутым правительствам большое удовольствие. Я не могу говорить официально от имени итальянцев

и русских, но вы можете с уверенностью принять за истину, что они разделяют наши интересы.

Бальфур».

Письмо Рединга президенту

Вашингтон, 15 октября 1917 г.

«Я сообщил сущность нашего недавнего разговора моему правительству и получил сегодня ответ, который я считаю необходимым немедленно довести до вашего сведения.

Я уполномочен сейчас французским и британским правительствами выразить их серьезную надежду, что ваше правительство найдет возможным послать в Европу своего представителя для обсуждения важных военных и других вопросов, представляющих интерес для объединенных участников войны. Мое правительство узнало с величайшим удовлетворением, что приглашение, вероятно, встретит ваше благосклонное согласие.

Британский посол и я посетили сегодня утром государственного секретаря и передали ему это послание. Я слышал, что французский посол в качестве старейшины дипломатического корпуса хочет немедленно передать формальное приглашение государственному секретарю.

Мое правительство также чрезвычайно радо узнать, что оно может надеяться на неоценимое присутствие полковника Хауза в качестве представителя США.

Остаюсь, дорогой президент, искренне ваш *Рединг*».

Эти документы имеют некоторый исторический интерес, так как они дают ответ на критику, позднее высказанную в некоторых американских кругах и направленную против президента за то, что он избрал главой первой американской военной миссии штатское лицо. Выбор не был продиктован личным фаворитизмом, а был сделан после выраженного одобрения тех, кто понимал европейское положение и проблемы, с которыми должна была столкнуться американская военная миссия.

5

Во время обсуждения вопроса о том, какой характер должно носить американское представительство в союзном совете, Хауз просил Уайзмэна составить для президента меморандум, обрисовывающий пожелания союзников. Предполагались три совета, в которых США должны были быть представлены. Сэр Уильям составил для Вильсона и Хауза следующий меморандум.

Меморандум Уайзмэна относительно межсоюзного сотрудничества

Нью-Йорк, 10 октября 1917 г.

1. Союзный военный совет[1]

Этот совет образуется из представителей союзных правительств, включая военных и морских представителей. Он собирался ранее и будет собираться в дальнейшем каждый раз, как это будет признано необходимым. Члены совета снабжены своими правительствами высшими полномочиями, позволяющими им обсуждать политические цели союзников и различные военные предположения, которые могут помочь реализации этих целей. Ближайшее заседание этого совета назначено на 15 октября в Париже, а наиболее важным предметом, подлежащим обсуждению на этом заседании, будет вопрос о стратегических мероприятиях, которые должны быть применены союзниками в следующем году, так как в современной войне, имеющей несравненно более обширные масштабы, чем прошлые войны, необходимо определять военную стратегию и вырабатывать планы по крайней мере за шесть месяцев до приведения их в исполнение.

Поэтому необходимо для союзников согласовать и установить в течение ближайших недель военные планы, которые они предполагают счастливо выполнить ближайшей весной и летом. Это тот совет, который упоминался в письме, полученном президентом. Для американских представителей было бы, конечно, возможно присутствовать на этом совете и вернуться в Вашингтон, когда совет закончит свою сессию. Заседание, назначенное на 15 октября, не может быть отложено, но было бы вполне возможно для совета объявить перерыв до более поздней даты, чтобы дождаться прибытия американских представителей.

2. Межсоюзный совет

Этот совет еще не образован, но его образование обсуждалось в течение нескольких месяцев и было впервые предложено мистером Мак-Аду. Объектом деятельности этого совета должно быть регулирование распределения снабжения между союзниками. Все заявки, сделанные в интересах какого-либо из союзных правительств на денежные средства, военные припасы, пищевые продукты, суда, уголь и т. д., должны проходить через этот совет. Целью его было бы определение, какие из заявок должны иметь приоритет с точки зрения их полезности для общего дела. Пред-

[1] Выражение сэра Уильяма «военный совет» в применении к общим конференциям союзников не должно быть понимаемо в том смысле, что имелась какая-либо действительная организация сотрудничества. Именно ввиду отсутствия подобной организации был создан 7 ноября в Рапалло верховный военный совет.

ложено, чтобы совет имел свое местопребывание в Лондоне, но его секция, имеющая дело с финансами, должна находиться в Париже. Этот совет заседал бы, конечно, непрерывно до конца войны.

3. Объединенный совет по делам эмбарго и блокады

Этот совет еще не существует, но имеется намерение обеспечить создание эффективного аппарата для доведения до конца общих переговоров с нейтральными странами. Экспортное управление в Вашингтоне уже работает неофициально вместе с английскими и французскими экспертами. Предположенный совет должен позаботиться, чтобы британские блокадные мероприятия не сталкивались с политикой американского правительства. Наиболее важным делом совета было бы урегулирование снабжения нейтральных стран. Совет будет также заседать постоянно до конца войны, но будет иметь свою главную квартиру в Лондоне».

Уайзмэн настаивал, а Хауз соглашался с ним, что последний должен объяснить, что его приезд имеет временный характер и что он не возьмет на себя непосредственных забот по координации проблем, касающихся финансов, снабжения, торгового флота и эмбарго, которые должны быть возложены на руководителей различных военных управлений. Его функции состояли бы в представительстве США при обсуждении общей политики в главном совете и в создании механизма для разрешения технических вопросов. Уайзмэн писал Хаузу определенно с этой точки зрения, так как сначала Вильсон склонялся, кажется, к тому, чтобы доверить Хаузу непосредственно все дело координации и даже назначить постоянную американскую комиссию в Европе.

Письмо Уайзмэна Хаузу

Нью-Йорк, 10 октября 1917 г.

«Дорогой мистер Хауз!

...Должно быть вполне ясно, что три совета являются совершенно отдельными и ни в коем случае не дополняют друг друга... Британское правительство—я вполне уверен, что французы и итальянцы согласны с нами,—хочет, чтобы вы присутствовали на совете номер первый в качестве американского представителя. Мы также желаем видеть американских представителей на советах номер второй и третий, но я убежден, что вы не должны иметь отношение к номерам второму и третьему. Когда мы впервые предложили вам приехать в Европу, чтобы присутствовать на совете номер первый, мы, естественно, предполагали, что ваш приезд будет временным, так как этот совет, конечно, должен заседать не дольше недели или вроде этого...

Я думаю, что если вы... останетесь в Европе до конца войны, то вы не сможете избежать того, что будете иметь дело со всеми проблемами, которые возникают после достижения ими известной степени важности. Мне казалось бы лучшим встретить положение с самого начала лицом к лицу и ясно понять, что ваше правительство делает очень важный шаг (строя планы постоянной американской миссии в Европе). По моему мнению, это не что иное, как перенесение центра тяжести войны из Вашингтона в Лондон и Париж...

С точки зрения наиболее эффективного ведения войны, я не сомневаюсь, что лучше было бы послать постоянную американскую комиссию с определенными функциями и в Лондон и в Париж. Комиссия должна иметь как морских, так и военных представителей во всех трех советах, о которых мы упоминали. Это, помоему, единственный практичный и эффективный способ для достижения сотрудничества, но и здесь остаются два препятствия, которые нужно преодолеть. Во-первых, вы должны иметь в виду, что придется делегировать в комиссию значительную часть американского правительства, а во-вторых, вы должны учесть, будет ли для вас возможно—если вы будете главой этой комиссии—не потерять соприкосновения со многими весьма важными проблемами, ежедневно возникающими в отношении сотрудничества союзников, и посвящать достаточное время тем проблемам, которые действительно весьма важны и которые вы сделали предметом вашего особого изучения.

Верьте мне, весьма преданному вам *У. Уайзмэну.*

«Перенесение центра тяжести войны из Вашингтона в Лондон и Париж» было полной противоположностью намерению Вильсона сохранить американскую независимость в действиях и политике. Он решил поэтому, что постоянной американской комиссии в Европе не должно быть, но что Хауз должен взять с собой представителей различных управлений по снабжению, а также представителей армии и флота, чтобы обсудить с их «противниками» в Англии и Франции технику координации. С другой стороны, как только союзники узнали о решении послать Хауза, они решили отложить заседания главнейшего из советов до его прибытия в Европу.

Президент Вильсон написал Хаузу 8 октября, чтобы он был готов «поднять важные вопросы, которые мы должны обсуждать. Назначьте время на этой неделе, когда вам будет удобно приехать сюда, и позвольте надеяться, что это случится скоро. С наилучшими пожеланиями...» Полковник Хауз выехал в Вашингтон на следующий день.

«*13 октября 1917 г.* Я пережил три или четыре напряженных дня. Нас ждал автомобиль из Белого дома... Президент был в правительственных учреждениях, только что проведя заседание кабинета.

Мы с президентом не имели разговоров за завтраком или обедом, но после обеда мы отправились заниматься делами до десяти часов. Мы всесторонне обсудили вопрос о моей поездке за границу в качестве представителя США на военном совете союзников... Уайзмэн указал на опасность перенесения центра тяжести из нашей страны в Европу. Он считает, что это неизбежно, если я останусь за границей столько времени, сколько предполагает президент, и возьму с собою военный, морской и экономический штаб.

Это взволновало президента, так как он не намеревался ослабить свое положение...

В полдень пришел Рединг и провел с нами час. ...Рединг знает, чтó президент намеревался предложить, а президент знает, чтó Рединг предполагал. Он, кажется, был удовлетворен приемом президента. Я вышел из двери вместе с ним, и он просил меня встретиться с ним в пять часов в британском посольстве для дальнейшей беседы...

Я выяснил и британскому и французскому правительствам, что наш приезд должен быть обставлен насколько возможно просто. Не должно быть ни банкетов, ни приемов, а только одни совещания, чтобы вести дела быстро, насколько это возможно.

На нашем совещании во вторник вечером президент уполномочил меня повидать Бэйкера и Дэниэлса и сообщить им относительно наших планов, а также предложить им выбрать подходящих сухопутных и морских офицеров, которые должны будут сопровождать меня. Президент думает, что генерал Блисс, начальник штаба, был бы подходящим человеком, чтобы представлять нашу армию, с чем Бэйкер позднее охотно согласился. Бэйкер вызвал Блисса, пока я находился в военном департаменте, и мы втроем обсудили вопрос. Когда я посетил морской департамент, Дэниэлс предложил адмирала Бенсона...»

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 16 октября 1917 г.

«Дорогой начальник!

... Я надеюсь, что вы пошлете со мной Вэнси Мак-Кормика[1], чтобы ознакомиться с британскими методами эмбарго. Его приезд был бы им приятен, и, кроме того, нет смысла для нас разрабатывать эту проблему, сидя здесь.

Любящий вас *Э. М. Хауз*».

«*19 октября 1917 г.* Французский посол прибыл внезапно, чтобы передать приглашение британского, французского и итальян-

[1] Начальник управления военной промышленности.

ского правительств присутствовать на военном совете в Париже. Он сказал, что я буду единственным представителем на совете, не занимающим высокого официального положения, и что на совете будут присутствовать премьер-министры и министры иностранных дел всех союзных наций, кроме России, не имеющей сейчас устойчивого правительства...

Жюссеран обещал послать каблограмму своему правительству с просьбой, чтобы не было никаких официальных или частных приемов, по крайней мере до конца конференции».

«*21 октября 1917 г.* В 9 часов 30 минут прибыл русский посол. Он прибыл, чтобы сказать, что военному совету, собирающемуся в Париже, необходимо рассмотреть как политические, так и военные нужды России. Он думает, что это укрепило бы теперешнее правительство и, возможно, дало бы ему возможность удержаться. Очевидно, русские чувствуют, что они на плохом счету у других союзников...»

«*23 октября 1917 г.* Президент решил сегодня утром, что было бы хорошо для меня взять с собой представителей армии и флота, а также представителей по вопросам снабжения, продовольствия, финансов, торгового флота и эмбарго. Когда он первый раз предлагал мне отправиться в эту поездку, он хотел, чтобы я ехал один. Мне было трудно убедить его, что для меня было бы невозможно обсуждать с главами союзных правительств вопросы политики и вдобавок к тому совещаться по вопросам, касающимся военных и морских дел, финансов, торгового флота, снабжения, продовольствия и эмбарго с министерствами этих правительств. Я провел большую часть дня, делая смотр намеченному штату и объясняя цели поездки. Адмирал Бенсон принял меры для нашего переезда. В нашем распоряжении будут два крейсера и истребитель, а когда мы будем проплывать опасную зону, к ним присоединятся еще четыре истребителя».

«*24 октября 1917 г.* [Запись разговора с Вильсоном.] Он составил мне «письменное полномочие» для того, чтобы я мог предъявить его правительствам Великобритании, Франции и Италии. Ни он, ни я не знали, кому оно должно быть адресовано: представителям верховной власти или премьер-министрам. Было решено тотчас спросить совета у государственного департамента, что я и сделал. Лансинг думает, что так как приглашение о принятии участия в работе военного совета исходило от французского посла, старейшины дипломатического корпуса, то и согласие должно пойти тем же путем. Поэтому президент написал письмо государственному секретарю, поручая ему осведомить французского посла, что он, президент, был рад принять приглашение союзных правительств участвовать в военном совете и что он уполномочил меня представлять его особу в совете. Он решил, что я должен также иметь с собой письмо, составленное им вчера вечером и адресованное премьер-министрам, несмотря даже на то, что это была не обычная процедура...»

6

Американское правительство открыто высказало свое пожелание, что миссия должна заниматься исключительно деловыми вопросами. Рединг послал премьер-министру следующее сообщение:

«Хауз не желает никаких официальных обязанностей. Его приезд должен рассматриваться как посвященный исключительно государственным делам».

«Хауз очень настаивает,—писал Уайзмэн министерству иностранных дел,—чтобы не было публичных банкетов или завтраков, во всяком случае таких, на которых он должен бы был присутствовать лично. Вы знаете, что он не слишком крепок здоровьем и испытывает настоящий ужас перед общественными обязанностями. Я предполагаю, что кто-либо из других членов комиссии может произнести несколько необходимых речей и появиться на завтраках, но вы должны позаботиться о том, чтобы охранить Хауза от чего-либо подобного.

Я позволяю себе напомнить вам, что американцы ненавидят холодные жилища и что важно, чтобы комнаты были хорошо нагреты и они не подумали, что нехватает топлива...»

24 октября Хауз получил от президента то, что он называл «письменным полномочием», для представления союзным правительствам; это был очень интересный документ, так как практически он передавал Хаузу полномочия самого Вильсона. Полномочие вернулось обратно неиспользованным. Положение Хауза основывалось на чем-то гораздо менее реальном, чем писанная грамота, и на чем-то гораздо более действенном: на доверии президента США, который благодаря занимаемой должности был в тот момент наиболее могущественным человеком в мире.

Официальное полномочие

Вашингтон, 24 октября 1917 г.

«Господа!

Я позволил себе назначить моего друга, мистера Эдуарда М. Хауза, предъявителя настоящего документа, представлять мою особу на собирающейся вскоре общей конференции правительств, соучастных с центральными державами по войне, и на некоторых других конференциях, на которые он может быть приглашен и в которых сочтет нужным принять участие с целью содействовать, насколько это в его силах, установлению ясного общего суждения, принятию общих, наилучше выполнимых планов действия и установлению наиболее эффективных методов сотрудничества. Я заранее поручаю его вашему благосклонному вниманию.

С глубоким уважением и с наиболее ревностной надеждой, что наши общие усилия поведут к скорой и решительной победе

Искренне ваш *Вудро Вильсон*».

Премьер-министрам
Великобритании,
Франции
и Италии.

Вильсон заключил прощальное письмо Хаузу следующими словами: «Я ненавижу слово «прощайте!». Огромной поддержкой является для меня видеть вас здесь, рядом со мной, и пользоваться вашим советом и дружбой. Но правильно, что вы должны ехать. Да благословит вас бог и да хранит он вас! Все эти недели мои мысли будут неотступно с вами, и я надеюсь, что только эти недели и разделят нас».

Американская военная миссия покинула 28 октября Галифакс, где она села на борт крейсеров «Хентингтон» и «Сен-Луи». Она включала представителей всех важных работающих для войны учреждений, сотрудничество которых с такими же учреждениями союзников стало существенным. Флот был представлен контр-адмиралом У. С. Бенсоном, начальником морского оперативного отдела, соответствующим по служебному рангу первому морскому лорду британского адмиралтейства, который и своим положением и способностями был как бы предназначен для обсуждения вопросов о морском сотрудничестве с англичанами и французами. Армия была представлена своим высшим после президента начальником, начальником генерального штаба, генералом Таскером X. Блиссом, выдвинувшимся позднее благодаря своей службе в качестве члена верховного военного совета и американской мирной делегации. Оскар Т. Кросби, электро-инженер и финансист, помощник секретаря финансового управления, получил в свое ведение финансовые проблемы, имея помощником знаменитого столичного юриста Поля Крава в качестве юридического консультанта. Вопросы эмбарго и блокады находились в руках Вэнси Мак-Кормика, руководителя управления военной промышленности. Управление торгового флота было представлено Бэйнбриджем Колби, а продовольственное управление Элонзо Э. Тейлором, который как химик-физиолог, как очевидец голодных условий в Европе и как помощник Герберта Гувера, признавался выдающимся авторитетом. Томас Нелсон Перкинс, юридический консультант управления военной промышленности и член управления по приоритету, представлял США при обсуждении вопросов очередности в предоставлении тоннажа. Это была группа выдающихся людей.

«*29 октября 1917 г.* Наш личный вагон,—писал Хауз,—ждал нас на Пенсильванском вокзале вчера вечером часов около десяти. Бэйнбридж Колби и Нелсон Перкинс были уже там. Наш вагон

был прицеплен в четыре часа утра к специальному поезду из Вашингтона, который повез нас в Галифакс...

Никому не разрешалось покидать поезд на пути к Галифаксу. Х. сообщил мне, что его жена не имеет ни малейшего представления о том, куда он отправился. Он только сказал ей, что будет некоторое время в отсутствии, совершая поездку, которую в данный момент нужно хранить в тайне. Он не знает сам, в каком порту сядет на корабль; фактически никто (кроме капитана Картера) не знает этого; знаем мы с адмиралом Бенсоном».

«*3 ноября 1917 г.* (на борту крейсера США «Хентингтон»). Разговор на борту идет почти исключительно о подводных лодках, о методах их действий, о пути, на котором можно с ними встретиться, и о всевозможных подробностях этого вопроса. Каждый вспоминает о том, как люди захватывали суда в былые дни, и никто ничего не делает, ведя бесконечные разговоры о пиратах и о возможности быть атакованным, ограбленным и потопленным ими».

«*4 ноября 1917 г.* На палубах приготовились к бою. Гостиная, расположенная позади нашей столовой, теперь наполнена группами канониров, по четырнадцать человек в каждой, обслуживающими два кормовых орудия этой палубы. Непрестанно ходят взад и вперед ночью и днем».

Миссия благополучно высадилась в Плимуте 7 ноября и была встречена адмиралом Джеллико, первым британским морским лордом, и адмиралом Симсом. Экстренный поезд доставил ее в Лондон, где на платформе Пэддингтонского вокзала, под полуночный бой часов, Бальфур и посол Пэйдж приветствовали первое проявление решимости Америки добиться согласованных усилий в ведении войны.

ГЛАВА VIII

СОВЕЩАНИЯ В ЛОНДОНЕ

«...Генерал Смэтс... один из немногих людей..., которые не кажутся усталыми. Он деятелен, энергичен и полон сил...»

Из дневника Хауза, 13 ноября 1917 г.

1

Миссия Хауза прибыла в Европу в момент катастрофического кризиса военного счастья. В ноябре 1917 г. дело союзников было омрачено двойным бедствием: разгромом итальянской армии под Капоретто и приходом к власти большевиков в России. Положение было, возможно, самым серьезным из всех положений, встречавшихся союзникам со времени 1914 г. Вопрос шел теперь не о том (куда делись весенние расчеты!), как наилучшим способом разбить Германию,—вопрос шел о том, как избегнуть поражения.

В среду 24 октября австрийцы, подкрепленные заботливо подобранными германскими дивизиями, атаковали Кадорну. Покровительствуемый погодой, которая казалась специально предназначенной для германской тактики неожиданностей, генерал Белов сломил итальянскую оборону под Капоретто, и германцы хлынули через прорыв в равнину Фриуля. Вторая итальянская армия, «утомленная осенним наступлением, ослабленная недовольством и предательством, потрясенная невиданной германской тактикой, превратилась в толпу беглецов... Устремляясь в диком беспорядке назад, на равнину Фриуля, она открыла фланг соседней армии герцога Аостского и, казалось, заперла ее между полчищами завоевателей и Адриатикой. Подозрение, что измена в некоторой степени способствовала поражению, повидимому, еще более затруднило отступление, так как некоторые газеты распространяли среди войск лихорадочное возбуждение и подрывали их стойкость. Огромный выступ фронта был прорван у своей верхушки, и каждая миля отступления на запад означала усложнение отступления на севере. На войска, утомленные долгой кампанией, обрушилась черная туча опасности, которая угрожала Италии с тех пор, как она вынула меч из ножен»[1].

---

[1] *John Buchan*, A History of the Great War, v. IV, p. 53, 55.

Италия была спасена от полного поражения отчасти благодаря доблести и быстроте третьей армии, руководимой герцогом Аостским, отчасти благодаря самому врагу, застигнутому врасплох значительностью своей победы и оказавшемуся неподготовленным к ее использованию. Около 10 ноября то, что осталось от итальянских армий, сосредоточилось за рекой Пиаве как единственная и к тому же жалкая защита Венеции. Английские и французские дивизии перебрасывались через Альпы, чтобы укрепить сопротивление. Но итальянцы за месяц борьбы понесли потери, которые фактически достигали устрашающей общей суммы в почти 750 тыс. человек.

Полный объем итальянского поражения был установлен как раз ко времени приезда миссии Хауза в Англию. Двумя днями позже из Петрограда пришли известия о том, что правительство Керенского свергнуто и что 8 ноября Ленин захватил власть. За три недели диктатура большевиков была полностью установлена, и руководители союзников очутились лицом к лицу с опасностью неминуемого выхода России из рядов воюющих. Едва захватив бразды правления, большевики предложили перемирие всем участникам войны и обнародовали замечательный манифест, отмечающий первый официальный шаг советского правительства к «справедливому и демократическому миру». Такой мир был определен как «немедленный мир без аннексий (т. е. без захвата иностранных территорий, без насильственного включения чуждых национальностей) и без контрибуций».

В течение нескольких месяцев руководители союзников наблюдали за разложением военной мощи России и признавали, что возможность рассчитывать на эффективную поддержку со стороны восточного фронта становится все меньше. Но приход к власти большевиков, если бы он привел к сепаратному миру, означал получение Германией полной свободы переброски ее войск, и притом в большом числе, с востока и имел бы следствием установление численного превосходства германцев на западном фронте—превосходства, которого они до того не имели с первых дней войны.

Кризис, наступивший после Капоретто, и опасность, что окончание войны на востоке позволит Германии концентрировать подавляющие силы на западе, побудили Ллойд Джорджа к решению, которое он в свое время обдумывал и которое обсуждал в августе с сэром Генри Вильсоном. Раз союзники были неспособны поддерживать численное превосходство над врагом, то какой же еще шанс оставался им теперь, если они не примут новых методов борьбы? Доверие к стратегии борьбы на истощение, принятой генеральным штабом, доказывал Ллойд Джордж, имело результатом страшные потери людьми и полное отсутствие материальных успехов. Усилия союзников никогда не были согласованы, и каждая армия делала то, что казалось ей правильным, по ее собственному мнению, вследствие чего союзные

армии и терпели поражение одна за другой. Единственная надежда союзников заключалась в том, что они будут рассматривать поля сражений как единый фронт, а также в создании единства командования. Ллойд Джордж в публичной речи, произнесенной 12 ноября в Париже, подтвердил провал военной политики союзников, сделав обзор стратегических ошибок последних трех лет:

«Верно, мы послали свои войска в Салоники на выручку Сербии, но, как обычно, они были посланы слишком поздно... Половина людей, павших при тщетных попытках прорвать западный фронт в сентябре того года, спасла бы Сербию, спасла бы Балканы и довершила бы блокаду Германии... 1915 год был годом сербской трагедии; 1916 год стал годом румынской трагедии... это была та же сербская история, почти без вариаций... Итальянская катастрофа еще может спасти союз... Национальные и профессиональные традиции, престиж и болезненная восприимчивость—все это составило заговор, чтобы сделать недействительными наши лучшие решения... Война затянулась из-за разрозненности, она должна быть ускорена сплоченностью».

Та же мысль была высказана французским премьер-министром Пенлевэ, который утверждал: «Единый фронт, единая армия, единая нация—вот программа грядущей победы!»

В этом настойчивом требовании единого командования не было ничего нового. Еще в самом начале войны ущерб, наносимый отсутствием центрального управления, был очевиден: «Вероятные действия противника недостаточно изучались и не всегда предвиделись, а когда должны были приниматься встречные меры, то торопливые совещания, панические решения, неполные приготовления и столкновения целей—были естественным результатом»[1]. Выдвигались различные схемы, ставившие своей целью достижение стратегической согласованности, но действительное единство казалось невозможным благодаря естественному нежеланию англичан согласиться на генералиссимуса—француза и столь же естественному выводу французов, что союзными армиями, воюющими на французской земле, не может командовать иностранец. Правда, в начале 1917 г. Ллойд Джордж выразил согласие на временное и местное соглашение, которое поставило сэра Дугласа Хэйга под команду генерала Нивелля на время хода весенней операции. Но неудача операции только снова усилила сопротивление английских военных руководителей учреждению единого верховного командования, возглавляемого французом. «Главным результатом,—пишет генерал Блисс,—были взаимные обвинения и убеждение английских войск, что их принесли в жертву безнадежной попытке с целью обеспечить успех их союзников»[2].

---

[1] *William Robertson*, Soldiers and Statesmen, v. I, p. 192.

[2] *Tasker H. Bliss*, The Unified Command, in «Foreign Affairs», 15. XII. 1922, p. 3.

«Необходимость согласованности в организации военных действий была полностью понята,—писал начальник британского штаба,—как министрами, так и военными еще задолго до того времени, когда так называемое единство командования стало политическим лозунгом, т. е. до конца 1917 г. Необходимость признавалась всеми. Трудность состояла в том, чтобы определить метод, которым согласованность могла быть достигнута»[1].

Ллойд Джордж вполне понимал невозможность склонить в то время британское общественное мнение к согласию на учреждение общего верховного командования. Подобное предложение привело бы, весьма вероятно, к падению его правительства. 19 ноября он сказал в палате общин, что назначение генералиссимуса «создало бы настоящие трения и могло бы фактически вызвать их не только между армиями, но и между нациями и правительствами»[2]. Он был также против системы согласования, обеспеченной совместной деятельностью британского и французского начальников штаба, отчасти, возможно, вследствие недостатка доверия к «традиционализму» профессиональных военных.

Судя по мемуарам Пенлевэ, тогдашнего французского премьер-министра, он предложил Ллойд Джорджу тремя месяцами раньше создание межсоюзного штаба во главе с генералом Фошем[3]. Предложение принципиально отличалось от сделанного Ллойд Джорджу сэром Генри Вильсоном, так как план Пенлевэ предлагал включить начальников штаба и сделать Фоша, собственно говоря, генералиссимусом, тогда как план Вильсона предусматривал организацию военного совета, стоящего выше начальников штабов и не включающего их в свой состав. 30 октября, после катастрофы под Капоретто, Ллойд Джордж написал Пенлевэ длинное письмо, набрасывая в общих чертах британское предложение относительно «своего рода межсоюзного штаба», который должен был быть политическим по своей структуре, хотя к нему должны были быть прикомандированы военные, а если возможно, то и морские и экономические эксперты[4]. Письмо Ллойд Джорджа и его план создания военного совета были заботливо изучены французскими экспертами, которые

---

[1] *Robertson*, op. cit., v. I, p. 213.

[2] «*Hansard*», 19. XI. 1917, p. 896.

[3] *Painlevé*, Comment j'ai nommé Foch et Pétain, p. 240 ff.

[4] Текст этого письма, переведенный на французский язык, напечатан у *Mermeix*, Le Commandement unique: Foch et les armées d'Occident, p. 164—168. Пенлевэ ставит себе в заслугу первое выдвижение идеи верховного военного совета и настаивает, что Ллойд Джордж согласился на его предложение за две недели до Капоретто («Comment j'ai nommé Foch et Pétain», p. 256). Он, очевидно, ошибается, так как Ллойд Джордж не мог в то время согласиться на межсоюзный штаб, возглавляемый Фошем, и так как между французской и британской идеями оставалось то же разногласие относительно включения или невключения начальников штаба, как и позднее. Текст письма Ллойд Джорджа от 30 октября делает это вполне очевидным; из этого письма ясно, что он не принял предложений Пенлевэ, а сам изложил новый план.

в конце концов приняли его принципы и выработали на его основе окончательный статут новой организации. 5 ноября британский и французский премьер-министры отправились в Италию, где в Рапалло, в итальянской Ривьере, их ожидал итальянский премьер Орландо и его министр иностранных дел Соннино. После двухдневного обсуждения план этого межсоюзного совета был принят, и новая организация была названа верховным военным советом (Conseil Supérieur de Guerre).

Никто не мог критиковать старание согласовать союзную военную политику. Но другой вопрос, могло ли создание верховного военного совета способствовать достижению единства военного управления. Функции новой организации не получили достаточно ясного определения[1]. Это было главным образом политическое учреждение, составленное «из премьер-министров и членов правительства каждой из великих держав, сражавшихся на западном фронте. Оно не должно было выполнять функции верховного командования, но оно должно было являться своего рода агентством для принятия и утверждения общей политической линии союзников в ведении войны, согласованной со всеми наличными ресурсами и наиболее эффективным распределением этих ресурсов между различными театрами военных действий»[2].

Может быть, придание новому совету политического характера было очень здравой политикой и являлось существенным для того, чтобы найти компромисс между настойчивостью французов, желавших создания единого верховного командования, и нежеланием англичан поставить свои войска под команду иностранца. Но сама природа компромисса и неясность в определении функций верховного военного совета привели к недоразумениям и критике. На Ллойд Джорджа свалилось бремя защиты нового рискованного предприятия, так как французское министерство потерпело 13 ноября поражение, Пенлевэ вышел в отставку, и тремя днями позднее было образовано историческое министерство Клемансо[3].

Тем временем Ллойд Джордж вернулся в Англию, чтобы встретить лицом к лицу парламентский кризис, явившийся следствием его критики методов ведения войны профессиональными военными и угрожавший падением его кабинета. Его задача, заключавшаяся в получении поддержки для создания новой межсоюзной организации, была затруднена критикой со стороны начальника британского штаба и совета британской армии, которые подняли резкие возражения против проекта исключения начальников

---

[1] Текст соглашения, заключенного в Рапалло, помещен в приложении к этой главе.

[2] *Bliss*, The Unified Command, in «Foreign Affairs», 15.XII. 1922, p. 6.

[3] Падение Пенлевэ не являлось результатом его защиты верховного военного совета, учреждение которого было одобрено большинством 250 против 192 голосов. Министерство пало благодаря вотуму недоверия, вынесенному в тот же день по вопросу о процессе Мальви—Кайо.

штабов из верховного военного совета. «Странно сказать,—пишет генерал Блисс,—в свете нашего теперешнего опыта, что больше всего влиял на общественное мнение довод, утверждавший, что был произведен нарочитый опыт отказа от национального командования в пользу межсоюзного. Это не имеет теперь другого значения, кроме разве того, что показывает, насколько мало созрела тогда как военная, так и гражданская мысль для единого командования на фронте»[1].

2

Миссия Хауза встретилась, таким образом, при своем прибытии в Европу с положением, при котором все технические проблемы координации между США и союзниками были отодвинуты на задний план более важным вопросом о союзном единстве в целом. Вопрос должен был найти разрешение, в противном случае сочетание катастроф, грозивших союзникам, могло стать фатальным. Отпадение России и разгром итальянских армий омрачили всю картину. Французское правительство окончило свое существование. Казалось сомнительным, сможет ли сам Ллойд Джордж сохранить свое положение и свою политику объединения.

Вполне естественно, что британский премьер-министр должен был искать поддержки американской миссии, которая занимала в общественном мнении исключительно важное положение, что явствовало из многочисленных газетных статей, подчеркивавших ресурсы США. «Полковник Хауз и его выдающиеся коллеги,—писал лондонский «Спектейтер» 17 ноября,—прибыли в критический момент. Их влияние в до некоторой степени приведенном в смущение совете союзников будет неоценимо». Мистер Грэсти телеграфировал «Нью-Йорк таймс», комментируя превратность судьбы, сделавшую из Хауза «носителя бодрости и успокоения всей цивилизованной Европы... Еще никогда в Европу не приезжал иноземец, встречавший более горячий прием и обладавший большей мощью. За этим «сверхпослом», авторитет и активность которого в своем роде единственны, стоит президент, а за президентом стоит страна, безмерные ресурсы и непоколебимая воля которой могут считаться верным щитом против пока еще удачливого натиска пруссачества»[2].

Вернувшись в Лондон 13 ноября, Ллойд Джордж в тот же вечер пригласил Хауза пообедать с ним наедине. Хауз знал, что Вильсон готов поддержать любой план, обеспечивающий фактическое единство союзной политики. Его согласие на актуальное участие представителей США в верховном военном совете было менее определенным, хотя Хауз считал это участие уместным, поскольку имелась заинтересованность и в военной деятельности совета.

---

[1] *Bliss*, op. cit., p. 7.
[2] «New York Times», 18.XI.1917.

«*13 ноября 1917 г.* Джордж хотел объяснить свою позицию в отношении верховного военного совета,—писал Хауз в своем дневнике,—и убедить меня, что США должны заседать в нем... Я высказал свои доводы в пользу того, что было бы неразумно с нашей стороны иметь представителей, которые все время будут заседать с премьер-министрами и министрами иностранных дел союзников. Я предложил рекомендовать, чтобы генерал Блисс или какой-либо другой военный стал членом военной секции совета. Джордж был удовлетворен этим, но высказал пожелание, чтобы мы согласились на его завтрашнее заявление в палате общин относительно того, что мы одобряем идею и пошлем представителя. Я энергично уклонился от согласия на это до тех пор, пока я не представлю вопрос на рассмотрение Вашингтона.

Он сказал, что Петэн и Кадорна целиком одобрили план, и прибавил, что Петэн не одобряет будущего наступления на западном фронте. Если Джордж добьется своего и если он правильно передает слова Петэна, то новых наступлений союзников во Франции не будет до тех пор, пока США не смогут двинуть свои войска в бой бок о бок с союзниками или пока Россия не сможет оправиться настолько, чтобы быть в состоянии нажать на восточном фронте. Я сказал, что если бы мы окончательно решились на такую политику, то было бы хорошо сделать публичное заявление об этом. Германцы приняли бы без всякого энтузиазма известие о том, что союзники на западном фронте предполагают держаться пассивно и удерживать свои оборонительные линии до конца 1918 или начала 1919 г., когда США смогут выступить во всеоружии против врага. Джордж разделил мой взгляд, но мы отложили вопрос до дальнейшего обсуждения».

Каблограмма Хауза президенту

Лондон, 13 ноября 1917 г.

«Сегодня прибыл первый министр. Я обедал с ним наедине, чтобы можно было говорить вполне свободно.

Положение итальянцев безнадежно. Венеция не удержится. Французские и английские войска спешно перебрасываются на итальянский фронт и должны развернуться там к 20 ноября.

Франция, Англия и Италия согласились образовать верховный военный совет и считают крайне необходимым, чтобы мы были в нем представлены из-за морального эффекта, который это произведет здесь. Я послал вам через департамент каблограмму с копией этого соглашения, подписанного в Рапалло.

Я не советовал бы назначать гражданского представителя, предусмотренного параграфом первым, но должен твердо настаивать на назначении военным представителем генерала Блисса, согласно параграфу пятому. Важно принять немедленное решение, чтобы можно было объявить, что Америка находится в полном согласии с Англией, Францией и Италией.

Необходимо сделать все возможное в настоящее время для придания бодрости нашим друзьям здесь и во Франции.

Мало вероятно, чтобы на западном фронте было предпринято наступление до начала весны, точнее говоря, до того, как американцы сосредоточат достаточные силы для оказания материальной помощи, или до тех пор, пока русские настолько оправятся, что снова начнут военные действия на востоке. Это похоже на карточную игру «с подсидкой». Я еще вернусь к этому вопросу в следующем сообщении.

Эдуард Хауз».

Каблограмма, присланная в ответ Вильсоном, была составлена в энергичных выражениях и выражала готовность полной поддержки верховного военного совета. Перефразированный текст каблограммы Хаузу был таков.

Парафраз каблограммы Вильсона Хаузу

Вашингтон, 16 ноября 1917 г.

«Будьте добры занять позицию, согласно которой мы не только одобряем план военного совета, но настаиваем на нем. Мы не сможем успешно участвовать в войне без подобного совета, как не сможем ссужать союзников деньгами без того, чтобы так называемое совещание, организованное Кросби, не приняло общий характер. Насколько я предполагаю, военный совет должен при известных обстоятельствах занять место совещаний, в которых вы должны принять участие, и я надеюсь, что вы сочтете нужным остаться, чтобы участвовать в нем, во всяком случае на первых заседаниях, и помочь выработке планов. Бэйкер и я согласны, чтобы Блисс был военным представителем...»

Полковник Хауз не вручил этого текста Ллойд Джорджу для использования при дебатах в палате общин, так как опасался, что президент Вильсон может показаться защитником особого плана, стремящегося к достижению единства союзников. Принимая во внимание различие мнений, вызванное соглашением в Рапалло, и оппозицию влиятельных членов палаты общин, включая Асквита, можно было опасаться, что американский президент окажется запутанным в вопрос британской внутренней политики. Поэтому Хауз перефразировал каблограмму Вильсона таким образом, что вместо присоединения президента к какому-либо определенному плану она подчеркивала, что он настаивает на принципе союзного единства.

Опубликованное заявление американской военной миссии

«Полковник Хауз получил от президента каблограмму, подчеркивающую, что правительство США считает, что единство плана и командования между всеми союзниками и США суще-

ственно для достижения справедливого и прочного мира. Президент особенно указывает на тот факт, что если огромные ресурсы США должны быть использованы с наибольшей выгодой, то этому может способствовать только осуществление подобного полного единства. Он поручает полковнику Хаузу вести переговоры с руководителями союзных правительств для достижения возможно более тесного сотрудничества. Президент Вильсон просил полковника Хауза присутствовать на первом собрании верховного военного совета вместе с генералом Блиссом, его военным советником. Можно надеяться, что первое заседание совета состоится в Париже еще до конца этого месяца»[1].

«*17 ноября 1917 г.* Ллойд Джордж заходил ко мне, чтобы узнать наше решение относительно верховного военного совета. Если оно благоприятно, то он хочет объявить о нем в палате общин в понедельник».

«*18 ноября 1917 г.* Из осторожности я не одобрил в сообщении специально план Ллойд Джорджа, а просто одобрил общую идею единства действий и единство контроля над ресурсами. Перед тем как я согласился выпустить официальное сообщение, я заставил Рединга телеграфировать Джорджу и получить от него окончательное обещание, что заседания верховного военного совета откроются немедленно после общей межсоюзной конференции в Париже. Я поступил так, выполняя настоятельное желание президента, чтобы я присутствовал по крайней мере на одной сессии совета. Ллойд Джордж охотно обещал».

«*21 ноября 1917 г.* Вечером я прочел Ллойд Джорджу и Редингу каблограмму, фактически присланную президентом. Ллойд Джордж спросил меня, почему я не опубликовал ее в таком виде, как она прислана, а развел ее водицей. Я ответил, что я считал ее слишком решительной и боялся вместо помощи нанести вред, опубликовывая ее в том виде, в каком она получена».

Эффект, произведенный заявлением президента, поднял надежды всех поддерживавших соглашение в Рапалло. «Таймс» посвятил передовую статью американскому обещанию участвовать в заседаниях совета и писал об одобрительном отношении Вильсона, как о «несравненно более важном развитии схемы союзного совета... Сообщение так же сдержанно по тону, как широко по размаху... Оно должно ясно подчеркнуть главный принцип, за который стоит в настоящий момент Ллойд Джордж: «единство плана и управления», принцип, получивший признание в Рапалло».

Дебаты в палате общин относительно требования Ллойд Джорджа о большем единстве управления, выраженного в его парижской речи и в учреждении верховного военного совета, состоялись в понедельник 19 ноября. Их важность и их отношение к каблограмме Вильсона нашли свое отражение в прессе.

«Уже давно, — писал «Таймс», — парламентские дебаты не

---

[1] «The Times», 19.XI.1917.

бывали так интересны, как дебаты, состоявшиеся сегодня в палате общин и имевшие своим предметом учреждение союзного военного совета и парижскую речь премьер-министра... Проект вотума недоверия, предложенный оппозицией, был отвергнут как неблагоразумный. Тем не менее, правительство пустило в ход настойчивый нажим партийной дисциплины, собрав своих сторонников, и достигло, если судить по другим образцам военного времени, необыкновенно большого числа присутствующих членов парламента».

«Вечерние дебаты по поводу межсозного военного совета,— писала «Пел-мел гэзет»,—имели важную прелюдию в лице активной деятельности американского правительства. Президент Вильсон открыто высказал свое убеждение, что «единство плана и управления» должно соединить США со всеми другими союзниками, и соответственно с этим он уполномочил полковника Хауза принять участие в первой сессии совета вместе с американским начальником штаба. Америка, коротко говоря, требует участия в той концентрации методов и сил, которую некоторые критики британского правительства все еще называют невозможной и неправильной. Этот замечательный шаг со стороны Вашингтона, может быть, убедит протестующих в крайней ограниченности приводимых ими доводов, не говоря уже об узости предрассудков, которые они стараются призвать себе на помощь. Они едва ли смогут не обратить внимания на то, что общественное мнение наших союзников относится с чрезвычайной благосклонностью к реальной и эффективной солидарности, которой требовал Ллойд Джордж в своей парижской речи...»

Парламентские дебаты закончились триумфом премьер-министра. Имелась умеренная критика со стороны оппозиции, но не было серьезной попытки со стороны палаты общин ни добиться прекращения политики координации, поскольку она выражалась в рапалльском соглашении, ни вынудить решение с помощью голосования.

Во время заседания следующего дня был момент, когда казалось, что вопрос должен подняться вновь вследствие слуха, что полковник Хауз преувеличил сочувственное отношение Вильсона к плану Ллойд Джорджа.

Сообщение, выпущенное агентством Рейтер 19 ноября 1917 г.

Вашингтон, понедельник

«Президент Вильсон отрицает, что он послал полковнику Хаузу каблограмму, заявляющую, будто США считают, что единый план и управление, принятые союзниками и США, существенны для достижения прочного мира. Это опровержение сделано мистером Джозефом Тьюмалти, частным секретарем президента».

Строго говоря, опровержение было вполне правильно, так как в своей каблограмме Хаузу президент Вильсон ничего не говорил относительно «прочного мира». Эти слова, однако, подразумевались в каблограмме, и их введение в парафраз Хауза не оказало никакого влияния на основной смысл каблограммы, состоявший в том, что Вильсон «настаивал» на военном совете. Оригинальный текст был фактически энергичнее, чем парафраз Хауза. Было ли опровержение опубликовано вследствие ошибочного понимания фактов мистером Тьюмалти, осталось невыясненным. Если принять во внимание, что президент и полковник Хауз обменивались каблограммами с помощью специального кода, известного только им обоим, то возможно, что из-за недостатка времени и перегруженности работой мистер Тьюмалти не был осведомлен о каблограмме Вильсона.

«*20 ноября 1917 г.* Сегодня был один из наиболее беспокойных дней,—писал Хауз,—выпавших на мою долю с тех пор, как я нахожусь здесь. По необъяснимой причине сегодня утром в газетах помещена радиограмма, будто бы исходящая из Вашингтона, опровергающая некоторую часть сообщения, опубликованного мной в воскресенье...

Подобный инцидент в момент, когда должно быть сделано так много действительно важного, очень меня расстроил».

Каблограмма Хауза президенту

Лондон, 20 ноября 1917 г.

«После того как премьер-министр в своей парижской речи оповестил об образовании верховного военного совета, здесь создалось очень трудное и опасное положение... Заявление, вместе с критикой военных авторитетов, казалось, вызвало политический кризис, угрожавший падением министерства.

Если принять во внимание весьма критическое положение дел в других союзных государствах, это могло повлечь за собой серьезнейшую военную катастрофу. Премьер-министр постоянно настаивал, чтобы я сказал что-либо, могущее улучшить положение. Но я отказывался сделать это до тех пор, пока не получил вашего сообщения. В выпущенном мной официальном сообщении умышленно избегалось одобрение плана премьер-министра, а только устанавливалась необходимость военного единства и сообщалось о ваших инструкциях Блиссу и мне присутствовать на первом заседании совета после парижской межсоюзной конференции.

Положение было совсем улажено, но опровержение Тьюмалти подняло снова всю историю, и правительство будет сегодня после полудня отвечать на вопрос в палате общин.

Я воздерживаюсь от дальнейших заявлений и прошу прессу о том же. Если это будет сделано, то инцидент будет исчерпан.

Эдуард Хауз».

Во вторник после полудня в палате общин был поднят вопрос о том, насколько авторитетным может считаться заявление о согласии Вильсона на вступление в военный совет, если принять во внимание вашингтонское опровержение. Но так как подтверждения опровержения не последовало, а полковник Хауз прочел Ллойд Джорджу и лорду Редингу оригинальную каблограмму Вильсона, то Бонар Лоу мог заявить от имени правительства, что оно имеет официальную гарантию американского одобрения. «Вчера благодаря этому на меня взъелись газеты и правительственный официоз,—писал Хауз Вильсону в среду.—Однако инцидент теперь счастливо исчерпан».

3

В течение этого парламентского кризиса, окончившегося одобрением рапалльской политики Ллойд Джорджа, члены американской миссии, сознавая огромность стоявшей перед ними задачи согласования и стремясь прежде всего изучить сущность проблем, разрешения которых они должны были добиваться, пришли в контакт с соответствующими работниками британских военных управлений[1]. Они принялись вместе с последними за вопросы людских ресурсов, финансов, продовольствия, блокады и военной промышленности.

Благодаря любезности герцога Роксборо британское правительство смогло считать полковника Хауза своим гостем в Честерфильд-хаузе.

Именно здесь, главным образом, занимался полковник Хауз политическими переговорами с британскими руководителями. «Он старался выяснить,—пишет Уайзмэн,—взгляды различных государственных деятелей союзников, чтобы иметь возможность определить, с кем из них может он сотрудничать наиболее продуктивно». Сущность этих совещаний видна по следующим извлечениям из его дневника.

«*8 ноября 1917 г.* Завтрак с Бальфуром. Кроме нас на нем присутствовал только сэр Эрик Друммонд... Мы сделали за завтраком и после него обзор всего лежащего перед нами поля деятельности. Мы говорили с величайшей искренностью. Бальфур выразил большое удовлетворение нашим прибытием как раз в данное время и заявил, что это имеет большое значение не только для самой Великобритании, но и для всего дела Антанты, если принять во внимание «débâcle» (разгром), как он выразился, России и Италии.

Он дал мне почувствовать, что я пользуюсь доверием его правительства в той же мере, как и моего собственного...»

---

[1] Нет нужды говорить о том, что эта глава не должна рассматриваться как попытка дать охватывающий обзор работы, совершенной миссией. Полная история миссии может быть найдена в официальных, еще не опубликованных документах.

«*9 ноября 1917 г.* Друммонд показал мне конфиденциальную депешу, разосланную британским агентам по всей империи. Эта депеша имеет отношение к согласованию разногласий, если они возникнут, между американскими и британскими коммерческими интересами... Он показал мне также последние полученные сообщения, касающиеся положения в России и Италии.

Сэр Джордж Мак-Доноу, начальник военной разведки, был для меня интересным собеседником. Он осторожный шотландец, а я не далеко ушел от него. Я узнал впоследствии, что он держал себя так, боясь как бы Ллойд Джордж не «намылил ему голову», если он расскажет вещи, которые Ллойд Джордж хочет рассказать сам.

Лорд Милнер[1] пришел после Мак-Доноу. Оказалось, что мы с ним согласны почти по всем вопросам, которые мы обсуждали.

Милнер достаточно способный человек и достаточно благоразумный, чтобы видеть, куда эта война завела Европу, и он имеет сильное желание довести ее до конца так, чтобы принесенные жертвы не были напрасными».

«*10 ноября 1917 г.* ...Бэйнбридж Колби обсуждал со мной уместность реквизиции нейтрального торгового флота во всем мире. Моей первой мыслью было, что Великобритания и США не должны создавать прецедента, который когда-нибудь может обернуться против нас самих, и что не нужно участвовать в мероприятии, схожем с тем, которое совершила Германия, нарушив нейтралитет Бельгии.

Еще до ухода Колби доложили о лорде Сесиле. К моему большому удивлению, лорд Сесиль согласился с Колби; у обоих был один и тот же довод, что подобное мероприятие принесет пользу нейтральным странам. Это, может быть, и верно, но тем не менее является предлогом, которым всегда можно оправдать подобную насильственную деятельность мощных наций. Лорд Роберт совещался со мной после ухода Колби; мы подняли вопросы об эмбарго, о торговом флоте и многие другие вопросы, имеющие общий интерес для наших стран.

Завтракал с Бонар Лоу на Даунинг-стрит. Кроме нас и его дочери никто не присутствовал. Лоу угнетен и подавлен. Два его сына убиты, и, говоря об этом, он не может преодолеть душевное волнение... Завтрак был очень прост... Он придерживается умеренности в пище, которую общественные деятели часто проповедуют, но которой редко следуют. После завтрака мы обсудили возможность окончания войны и вероятные ее последствия. Я сказал ему о намерении президента обратиться к конгрессу с посланием по поводу экономической свободы и пригрозить Германии экономической войной в случае, если она откажется принять

---

[1] Член военного кабинета (министр без портфеля) 1916—1918; военный министр 1918—1919; величайший из британских администраторов этого времени.

участие в установлении справедливого и прочного мира. Лоу выразил свое безоговорочное одобрение...

Бальфур и лэди Эссекс обедали с нами. После обеда мы с Бальфуром уединились в библиотеке и совещались больше часа. По его просьбе, я дал ему подробное описание положения в Вашингтоне...

Мы разговаривали о предполагавшемся верховном военном совете. Бальфур следовал вчерашней аргументации Друммонда, высказанной по тому же поводу относительно того, насколько благоразумно для США иметь своих представителей в этом совете. После того как мы проанализировали вопрос, он высказал мысль, что для США не было бы необходимым иметь постоянное представительство в гражданской секции совета, но что мы должны иметь в нем постоянного военного представителя. Я предложил генерала Блисса в качестве подходящего военного представителя».

«*11 ноября 1917 г.* В одиннадцать часов утра мы с Уайзмэном отправились пешком в Букингэмский дворец. У входа была большая толпа, глазевшая на смену гвардейского караула. Я провел с королем почти час... Он был чрезвычайно сердечен. Мы говорили о положении на море, об армии, о снабжении, об аэропланах и о моем участии в новом верховном военном совете».

«*12 ноября 1917 г.* Робертсон прямой, полный сил солдат... без всяких уверток. Я был подготовлен услышать его критику предполагавшегося верховного военного совета, членом которого он не является. Генерал Вильсон, предназначенный в члены совета, не состоит в добрых отношениях с Робертсоном или Хэйгом. Он говорит, что турки получили некоторую поддержку, и было необходимо их «вздуть». После того как это было сделано, ничего подобного не имеется сейчас в виду. Я нашел, что он против разделения союзных сил и отправления их в различные экспедиции, как советуют некоторые. Он хочет сконцентрировать все силы на западном фронте и думает, что британцы должны сами командовать своими собственными силами, не обращая внимания на Францию, так как они в состоянии одни устоять против врага...

Люли и я завтракали с королем и королевой в Букингэмском дворце. Кроме нас присутствовали только принц Альберт и принцесса Мэри. Мы сидели за небольшим столом в угловой комнате, из которой можно было обозревать Грин-парк. Все было неофициально и приветливо, как в семейном кругу. Самый завтрак был прост. Вино не подавалось...

Я вернулся в Честерфилд-хауз, имея в виду принять лорда Керзона.

Виконт Грэй оф Фаллодон оказал мне честь, приехав из Нортумберлэнда, чтобы повидать меня. Он ужинал с нами. После ужина мы имели долгое и интересное совещание...

Мы сделали обзор войны с самого ее начала. Он вспомнил многие наши разговоры и был доволен, когда я напомнил ему его слова о святости договоров, сказанные почти за год до герман-

ского насилия над Бельгией. Поводом для его замечаний был спор о пошлинах Панамского канала, спор, разрешенный президентом к вящей славе правдивой дипломатии».

4

«*13 ноября 1917 г.* Генерал Смэтс был моим первым посетителем после полудня. Почти каждый, с кем я встречался, предлагал мне обязательно повидать Смэтса. Он стал знаменитостью дня. Мои ожидания были огромны; дело было не только в том, что я об нем слышал, я находился под впечатлением его речей и заявлений, которые я читал время от времени. Он только что вернулся из Италии. Он говорил с воодушевлением о плане нового верховного военного совета. Это было для меня ценным, так как я доверяю его мнению. Он один из немногих людей, которых я встречал среди членов правительства, не кажущихся утомленными. Он деятелен, энергичен и полон сил...

Следующим был французский посол Поль Камбон. У нас была длинная и интересная беседа.

Камбон начал с того, что, по его мнению, было бы благоразумно для четырех главных держав, для США, Франции, Великобритании и Италии, собраться на предварительное совещание в Париже перед общим совещанием. Это предварительное совещание должно быть посвящено исключительно обсуждению военных планов союзников. Совещание было первоначально задумано только как беседа, но, после того как его идея стала известна прессе, малые нации пожелали в нем участвовать, и из вежливости их просьба была уважена. Камбон опасается, что на совещании эти малые державы пожелают воспользоваться случаем, чтобы выразить свои политические стремления, и таким образом затушуют главный предмет конференции, т. е. удачное продолжение войны. Русский делегат, вероятно, не будет прислан, но союзникам известно, что Россия желает от союзников новой декларации о целях войны, а это, по мнению Камбона, совершенно излишне, так как целью войны является победа над Германией, а все другие цели могут обсуждаться после достижения этой основной цели.

Затем Камбон сделал обзор условий, создавшихся в Великобритании, Франции и Италии.

Великобритания может уверенно продолжать войну: она пострадала меньше, чем Франция, не подверглась вражескому вторжению и готова принести большие жертвы.

Перспектива потери Венеции (он думает, что она будет потеряна) объединит нацию [Италию], как ничто другое, и, следовательно, сможет вывернуть все наизнанку.

Во Франции имеются элементы, готовые заключить мир на любых условиях. Эти элементы состоят из меньшинства социалистической партии и из небольшого количества финансистов,

финансовые операции которых затруднены продолжением войны. Большая часть нации, однако, особенно армия и крестьянство, отказалась бы вернуться к status quo, существовавшему до войны, после потери двух миллионов людей, не говоря уже об уничтожении собственности на территории, подвергшейся вторжению. Правительство, сказал Камбон, которое попробует начать переговоры о мире плохого сорта, не удержится у власти и двадцати четырех часов.

Принимая во внимание тот факт, что французы и англичане послали в Италию восемь дивизий, не приходится ожидать теперь какого-либо продвижения на западном фронте. Он не видит для народов союзных наций другого исхода, кроме терпеливого ожидания весны, когда прибытие значительных американских сил сделает возможным победоносное наступление, которое, по его мнению, увенчалось бы успехом еще до начала осени, так как у него есть основание думать, что германцам нехватает не столько пищевых припасов, сколько сырья для изготовления военного снаряжения и артиллерии. Камбон закончил свои замечания словами, что нация, которая первая заговорит о перемирии, будет побеждена: так бывало всегда в истории.

Потом пришел лорд Брайс. Он хотел узнать мое мнение относительно плана, представленного им и его коллегами на рассмотрение британского правительства. План предлагает назначить комиссию для выработки технической части мероприятий, обеспечивающих мир после войны. Я с сожалением сообщил ему, что президент находит лучшим не иметь совершенно подготовленного к выполнению соглашения, а предпочитает более гибкую договоренность, чтобы иметь возможность собрать относящийся к вопросу материал и выработать планы, позволяющие справиться с любой неожиданностью. Лорд Брайс согласился, что в пользу этого можно сказать многое. Я предложил ему изложить свои взгляды письменно и дать мне возможность обсудить их с президентом, когда я вернусь в Вашингтон».

«*14 ноября 1917 г.* Следующим посетителем был лорд Френч. Он был чрезвычайно сердечен и предложил мне задавать ему любые вопросы. Я захотел узнать его мнение о предполагавшемся верховном военном совете. Он воодушевленно поддерживал идею совета и высказал надежду, что США введут в совет своего представителя.

Он хорошо отозвался о генерале Вильсоне и о намерении сделать его членом верховного военного совета.

После Френча пришел мой старый друг сэр Уильям Тиррел. Британское правительство поставило перед Тиррелом задачу, до некоторой степени схожую с той, которую я принял на себя в отношении США, а именно, собирание данных и подготовку соответствующего положения на случай мирного конгресса. Тиррел не потерял своей точки зрения. Он сохранил свои довоенные перспективы. Я могу понять, как глубоко такой человек

сожалеет об окружающем нас безумии и о своем бессилии прекратить его...

Нам нет нужды обмениваться взглядами на тему о том, что должен делать мирный конгресс, так как мы имеем по этому вопросу совершенно одинаковое мнение. Он, так же, как и я, смотрит на конгресс, как на удобный случай, который может быть упущен из-за жадности и эгоистических интересов людей, всегда готовых использовать подобные случаи для возвеличения собственной особы или своей страны...

Я нашел Лэнсдауна[1] настроенным особенно миролюбиво. Он проклинает... глупость и безумие некоторых британских руководящих деятелей. Он считает, что пришло время для англичан понять, что в грядущем договоре они не должны надеяться получить то, что он образно назвал «двадцать шиллингов на фунт». Он думает, что необходимо у тановить определенные цели войны, и притом достаточно умеренные, и апеллировать к умеренному общественному мнению во всех странах. Он особенно выдвигает пять или шесть пунктов, которые, по его мнению, обязательно должны быть выполнены, и, что довольно странно, будучи консерватором, он почти во всем сходится со мной. Он защищает более либеральную морскую политику, граничащую со свободой морей, что, правда, как он любезно сказал, он воспринял от меня, когда я приезжал сюда в последний раз. Он считает необходимым дать Германии гарантию, что наша будущая экономическая политика ни в коем случае не ограничит германской торговли. Он был умерен во всех своих мыслях...»

«*16 ноября 1917 г.* Мы обедали с лордом верховным судьей и лэди Рединг. Другими гостями были премьер-министр и миссис Джордж, сэр Уильям и лэди Уайзмэн. После того как женщины встали из-за стола, премьер-министр, Рединг, сэр Уильям и я обсуждали общее положение. Я старался узнать мнение Ллойд Джорджа относительно условий мира... Я нахожу, что будет бесполезным пытаться побудить как французов, так и англичан к определению их условий. Великобритания не может пойти на новые русские условия «мира без аннексий и контрибуций», не может пойти на них и Франция. Великобритания сразу пришла бы в острый конфликт со своими колониями, и они могли бы отказаться продолжать войну, а Франция должна была бы отказаться от своей мечты об Эльзасе и Лотарингии. Я решил не настаивать больше на установлении условий мира, а ждать, пока я вернусь в Вашингтон и посоветую президенту заняться этим. Мы не связаны вожделением, направленным на территориальные захваты или коммерческий выигрыш, поэтому мы находимся в лучшем положении, позволяющем нам набросать условия мира скорее, чем кому-либо из других участников войны».

---

[1] Маркиз Лэнсдаун, ранее английский министр иностранных дел, в эпоху министерства Бальфура заключил соглашение с Францией в 1904 г.

«*18 ноября 1917 г.* Первый лорд адмиралтейства, сэр Эрик Джеддес, совещался со мной часа полтора. Он производит впечатление доброго и энергичного человека. Мы подробно обсуждали морские дела... Я интересовался тем, чтó он может сказать о подводных лодках. Случилось как раз, что они поймали вчера четыре лодки, а может быть, двумя больше. Это самый лучший улов из сделанных ими с начала войны. Он объяснил, как они превозмогают опасность, как много лодок они изловили до сегодняшнего дня, сколько подводных лодок имеет Германия, сколько их в северных водах и сколько в южных, а также сколько их готово в настоящее время к плаванию».

«*19 ноября 1917 г.* был греческий премьер-министр Венизелос. Он приходил вместе с греческим послом и его военным атташе, полковником Францесом. Я позаботился о том, чтобы Кросби и Кравá пришли поговорить с Венизелосом об экономическом положении. Когда они вошли, я как раз просил Венизелоса рассказать о военном положении, и он объяснял, чтò, по его мнению, союзники должны сделать. Кросби спросил его, уверен ли он, что союзники будут продолжать удерживать Салоники, заявив, что у него есть причины задать этот вопрос... Венизелос ответил, что если союзники не удержат Салоник, то ведь и он имеет возможность отказаться от поста премьер-министра, призвать Константина и позволить германцам захватить Грецию...

После этого пришел Брэйлсфорд, а за ним Спендер из «Вестминстер гэзет», за которым тотчас последовал Херст из «Экономист» и лорд Лорберн. Это был, до некоторой степени, послеполуденный слет либералов. Я объяснил позицию, занятую президентом, и его мнение по различным ожидающим разрешения вопросам. Мне всегда доставляет удовольствие разговаривать с Лорберном, так как наши суждения почти одинаковы...»

«*20 ноября 1917 г.* Премьер-министр и лорд верховный судья обедали с нами. После обеда у нас был долгий и сердечный разговор... Я настаивал на том, чтобы Джордж высказался относительно военных целей Великобритании. То, чего хочет Великобритания, это германские колонии в Африке, восточные и западные, независимая Аравия под великобританским протекторатом; Палестина передается сионистам под британским или, если это нам желательно, американским контролем; независимая Армения и интернационализация проливов...

Я сказал Джорджу и Редингу, что, по моему мнению, не вполне достоверно, что Великобритания не добилась бы лучшего и без союзников. Если бы она одна воевала с Германией, то она достигла бы почти всего, чего она достигла теперь, т. е. она владела бы морями, разрушила бы германскую торговлю и захватила бы все германские колонии. Так как не было бы возможности сражаться на суше, то Германия была бы вынуждена дать сражение на море и ее флот был бы, по всей вероятности, уничтожен. Такая война не стоила бы Великобритании и десятой части того,

что стоит ей настоящая война, в которой она была вынуждена создать и содержать огромную армию и кроме того финансировать своих союзников. Она не смогла бы заставить Германию заключить мир, и Германия не смогла бы добиться того же от нее, но она смогла бы выйти из войны в лучшем виде, чем Германия. Однако, если бы так случилось, то симпатии мира были бы скорее на стороне Германии, чем на стороне Великобритании, благодаря тому, что мощь Великобритании, примененная на морях, была бы мощью, о которой каждая нация могла думать, что она будет в один прекрасный день направлена против нее самой».

«*21 ноября 1917 г.* Наиболее интересным из всего того, что случилось со мной за сегодняшний день, был мой визит в адмиралтейство. Джеллико показал мне свои военные карты, морские карты и т. д. Он объяснял мне стратегию морской войны. Он показал мне, где расположены новые минные поля, перегораживающие Дуврский пролив. Он имеет также карту, демонстрирующую систему конвоев. Каждая флотилия отмечена на карте в точном положении, известном каждый день. Джеллико хорошо отзывался о Бенсоне, к которому я тепло отношусь. Именно Бенсон настаивал на еще одной попытке запереть Дуврский пролив...

Джеллико старался объяснить мне, без того, чтобы я задавал ему вопросы, вещи, имевшие, по мнению американцев, огромное значение, вроде ведения более энергичной войны. Он убедил меня, что атака баз подводных лодок в данное время невозможна...[1]

Я отправился из адмиралтейства на Даунинг-стрит 10, где премьер-министр, Бальфур и я совещались полтора часа. На сегодняшнем заседании кабинета они обсуждали два вопроса, которых не смогли разрешить, так как хотели сначала узнать наше мнение. Первый вопрос касался Румынии и России. В кабинете имеется сильная группа, желающая признать Каледина, казачьего атамана в южной России, посоветовав румынам сотрудничать с ним. По-моему, самое большее, что они могут сделать, это посоветовать Румынии сотрудничать с любыми союзными сражающимися силами, территориально наиболее близкими к ней. Я энергично настаивал на том, чтобы не упоминать имен...

Второй вопрос, вставший перед кабинетом, к которому, кажется, в с е его члены относились благоприятно, состоял в том, что Великобритания должна заявить публично, что Восточная Африка никогда снова не должна находиться под властью Германии. Основная мысль та, что если бы подобное заявление было сделано, то туземцы присоединились бы к англичанам в их борьбе против германцев. Они теперь боятся, что Германия будет снова ими править. Известно, что германцы плохо обращаются с туземцами, и последние относятся к ним с ненавистью, но они страшатся проявить какую-либо активность. Кабинет считает, что с помощью этого заявления и посылки экспедиционных сил

[1] *Sims*, How We Nearly Lost the War, «World's Work», III. 1927.

в составе двух дивизий война в Восточной Африке будет закончена за эту зиму.

Я твердо посоветовал не делать этого заявления. Я считаю его несвоевременным, и оно покажет Великобританию в ложном свете. Они спросили, создало ли бы это нам затруднения в США. Я думаю, что создало бы. Я посоветовал ничего не делать в настоящее время и оставить вопрос открытым для дальнейшего обсуждения. Военное значение вопроса не настолько велико, как мне кажется, чтобы впутываться в вопросы морального характера.

После этого мы вернулись к вопросу о целях войны. Были принесены карты, и Бальфур начал выкладывать свои идеи относительно раздела территорий... Я думаю, что то, с чем мы согласились сегодня, может стать совершенно невозможным завтра, и, кажется, более чем бесполезно обсуждать территориальные цели войны в настоящее время.

Я считаю сейчас необходимым и уместным заявление об общих военных целях и образование международной ассоциации для предупреждения будущих войн».

5

Тем временем члены американской миссии закончили свои совещания, касавшиеся проблем согласования. «Они работают спокойно,—писал Хауз Вильсону 9 ноября,—и делают в один день больше, чем подобные корпорации обычно делают в неделю». Но должны были быть возмещены многие недели промедления, и хотя легко было обмениваться информацией, но оказалось трудным разрешить вопросы экономической политики, особенно ввиду политического и военного кризиса, естественно привлекшего к себе наибольшую энергию военного кабинета. Менее важные вопросы могли быть приведены к решению, но отдельные конференции были в значительной степени бесполезны, когда дело доходило до решений по главным политическим стремлениям различных департаментов. «Если бы верховный военный совет уже функционировал,—писал генерал Блисс,—во время прибытия американской миссии, то ее труд оказался бы гораздо более легким. При сложившихся обстоятельствах члены миссии получали потребную информацию постепенно, от различных представителей отдельных правительств, сочетали ее вместе и примиряли противоречивые взгляды, насколько умели»[1]. Хауз писал 19 ноября: «Генерал Блисс неспособен дать удовлетворительный ответ на задаваемые ему вопросы о переброске наших войск до тех пор, пока он не знает, какое количество тоннажа должно быть предоставлено для американских военных целей». Для выяснения таких крупных вопросов не имелось технического аппарата и не было назначено какого-либо общего совещания.

---

[1] *Bliss*, op. cit., p. 7.

Точно так же американцы не получили информации относительно приоритета союзных нужд, в которой они нуждались.

Несмотря на то, что его внимание было главным образом занято парламентским кризисом, премьер-министр согласился продвинуть работу согласования так, чтобы англичане и американцы смогли добиться полного взаимопонимания до начала заседаний межсоюзной конференции в Париже. Нортклиф и Рединг, которые прибыли из США, были всецело согласны с Хаузом, что главная цель американской миссии не должна быть забыта из-за общего военного и политического кризиса.

«*13 ноября 1917 г.* (Запись совещания с Ллойд Джорджем.) Я подчеркнул недостаток согласованности, существующий в настоящее время, и настаивал, что должно быть что-либо сделано для осуществления согласованности. Джордж согласился с этим, и завтра будут приняты некоторые меры... в этом направлении.

Нортклиф прибыл из США и тотчас пришел меня повидать. Он пессимистично смотрит на условия здесь и оптимистично на условия в Америке... Довольно странно, что Рединг, как он и хотел сделать, когда я видел обоих в Нью-Йорке, последовал за Нортклифом. Я видел его только на минуту, но просил его помочь любым возможным способом достичь лучшей согласованности. Влияние Рединга на Ллойд Джорджа, пожалуй, больше, чем влияние какого-нибудь другого человека в Англии».

«*15 ноября 1917 г.* Теперь и Рединг и Нортклиф, ближайшие друзья Ллойд Джорджа, работают, помогая премьер-министру согласовать работу, за которую мы взялись. Нортклиф восхищен этим. Он нетерпелив, как собака, идущая по следу.

Ллойд Джордж будет председательствовать на заседании, которое произойдет на Даунинг-стрит 10. Оно будет происходить в том самом помещении, в котором британский кабинет объявил, в эпоху правления лорда Норта, войну США».

Каблограмма Хауза президенту

Лондон, 15 ноября 1917 г.

«После совещания решено отложить Парижскую конференцию до следующей недели. Необходимо знать, выдержит ли Италия или падет, а также позволить французам образовать новое министерство и немного разобраться в делах до нашей встречи. В противном случае конференция была бы бесполезна.

Поэтому я останусь здесь приблизительно до конца ближайшей недели...

В общем положение критическое.

Эдуард Хауз».

Письмо Хауза президенту

Лондон, 16 ноября 1917 г.

«Дорогой начальник!

Нортклиф был великолепен... Премьер-министр повторно предлагал ему занять в кабинете место, от которого он отказался. Он этого не сделал, намереваясь оставить за собой право критиковать, когда он найдет это нужным... С помощью совместной деятельности Уайзмэна, Рединга и Нортклифа дела могут теперь осуществляться с большей быстротой, чем обычно, судя по моему постоянному здешнему опыту.

Премьер-министр заходил вчера ко мне, чтобы добиться моего согласия на отсрочку Парижской конференции.

Отсрочка не изменит срока нашего возвращения домой. Я предполагаю, что мы выедем из какого-либо французского порта 5, 6 или 7 декабря. Я нахожу, что было бы невозможно окончить все необходимые дела и работу комиссии до этого времени.

Я не могу не сказать вам о том, как великолепно и дружно проходит совместная работа комиссии и какое превосходное впечатление она здесь произвела.

Любящий вас *Э. М. Хауз*».

Не последняя из услуг, оказанных Нортклифом, исходила от его газет, опубликовавших статьи Тардье и самого Нортклифа относительно условий в США, причем эти статьи требовали «быстрого усовершенствования методов управления военными действиями и подчеркивали необходимость полного сотрудничества».

«Межсоюзная организация... необходима,—писал Тардье.— Если каждое из союзных государств пошлет свою миссию, чтобы просить американцев о помощи, то у США создастся впечатление, что европейские дела находятся в хаотическом состоянии. Должен быть тотчас создан союзный совет, который с полным знанием положения и после тщательного изучения всех обстоятельств, военных и политических, должен передать американскому правительству en bloc (как одно целое) требования различных наций, процеженные, взаимно сопоставленные, оправданные неоспоримыми доводами и соответствующие объему производства в США и флоту, который может быть предоставлен для морского транспорта. Только тогда США, вполне уверенные в полном согласии между союзниками, смогут формулировать эти требования для представления конгрессу».

Лорд Нортклиф говорил даже с большей откровенностью и энергией. Он ухватился за благоприятный случай, предоставленный ему просьбой Ллойд Джорджа о принятии на себя звания министра авиации, для публичной атаки того, что он рассматривал как выражение неспособности британского военного управления, а также для того, чтобы потребовать тесного сотрудничества с Америкой, энергию которой он хвалил в теплых выражениях.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Создание верховного военного совета

I

«Решения совещания представителей британского, французского и итальянского правительств

Представители британского, французского и итальянского правительств, собравшиеся в Рапалло 7 ноября 1917 г., вошли в соглашение относительно плана организации верховного военного совета с постоянным военным представительством от каждой державы, содержащего следующие параграфы.

II

План организации верховного военного совета

1. Для лучшего согласования военных действий на западном фронте настоящее постановление создает верховный военный совет, состоящий из премьер-министра и члена правительства каждой из великих держав, армии которых сражаются на этом фронте. Распространение сферы деятельности совета на другие фронты откладывается впредь до обсуждения вопроса с другими великими державами.

2. Верховный военный совет уполномочен наблюдать за общим ведением войны...

3. Генеральные штабы и военное командование армий каждой из договаривающихся держав, которым поручено ведение военных операций, продолжают нести ответственность перед соответствующими правительствами.

4. Общие планы войны, составленные компетентными военными командованиями, представляются на рассмотрение верховного военного совета, который на основе высоких полномочий правительств обеспечивает их согласование.

5. Каждая держава делегирует в верховный военный совет постоянного военного представителя, единственное предназначение которого служить совету в качестве технического советника.

6. Военные представители получают от правительства и компетентных военных командований своих стран все предположения, информацию и документы, касающиеся ведения войны.

7. Военные представители следят изо дня в день за состоянием военных сил и средств всех видов, которыми располагают союзные армии и армии врагов.

8. Верховный военный совет обычно собирается в Версале, где находится штаб-квартира постоянных военных представителей и их штабов.

III

Постоянными военными представителями будут:

Для Франции . . . . генерал Фош
Для Великобритании . . . . . генерал Вильсон
Для Италии . . . . генерал Кадорна

Рапалло, 7 ноября 1917 г.»

ГЛАВА IX

ВЕРХОВНЫЙ ВОЕННЫЙ СОВЕТ

«Единство управления при ведении военных операций на данном театре является главным элементом успеха».

Из меморандума генерала Блисса от 25 ноября 1917 г.

1

Беседы между американской военной миссией и представителями британского военого кабинета, происходившие в историческом помещении на Даунинг-стрит 20 ноября, могут рассматриваться согласно статье «Обсервер» как «действенное средоточие мирового размаха энергии народов, говорящих на английском языке». Но они являлись только предварительными беседами для более важных переговоров между всеми союзниками, которые должны были состояться в столице Франции. «Пока мы пишем это, сцена переместилась в Париж. Там, при полном соучастии США, начинается союзная конференция, наиболее важная из всех имевших место... В результате разъединенности западные союзники теряли шанс за шансом, но, наконец, можно сделать благоприятное предсказание».

Историк имеет право поставить вопрос, соответствовало ли это журналистское обещание непосредственным, определенным результатам парижских совещаний, но можно сказать с уверенностью, что руководители союзников превосходно понимали, что только тесное согласование усилий может спасти от поражения. Это понимание являлось поворотным пунктом войны, и если ноябрь 1917 г. может с полным правом считаться самым темным временем войны, то рассвет был недалек. Единение союзников не было в это время полным ни в экономическом, ни в военном отношении, но было намечено много мероприятий, которые в конечном результате привели к необходимой согласованности.

Были созваны два главных совещания: одно в Париже, другое в Версале. Первое из них было общей межсоюзной конференцией, участие в которой собственно и являлось целью миссии Хауза. Оно состояло из представителей всех союзников и открыло свою сессию в четверг 29 ноября в гостиной «Орлож» («Часовая»), в зда-

нии французского министерства иностранных дел на Кэ д'Орсэй. Это было то самое помещение, в котором четырнадцатью месяцами позже открылись пленарные заседания мирной конференции.

По числу и по званию делегатов, так же как по чистой формальности двух своих заседаний, межсоюзная конференция многим напоминала мирную конференцию, хотя последнее, более величественное собрание никогда не было в состоянии соперничать с суровой краткостью, характерной для первого собрания. Личный состав был большей частью тем же самым, так как правительства великих держав остались неизменными до конца войны, и сама мирная конференция вряд ли могла похвастать более выдающимся списком делегатов. Восемнадцать наций были представлены на конференции от Бельгии до Сиама, целая плеяда премьер-министров, министров иностранных дел, главнокомандующих и начальников штабов, адмиралов, послов, экспертов по торговому флоту и инспекторов по продовольствию.

Как подтвердила впоследствии и мирная конференция, пленарные заседания межсоюзной конференции были главным образом декоративными. Настоящая работа выполнялась на немноголюдных собраниях комитетов экспертов, на которых набрасывались в общих чертах принципы и механизм сотрудничества.

По мнению мистера Грэсти, корреспондента нью-йоркского «Таймс», важным вложением со стороны американских делегатов было их увенчавшееся успехом настояние, чтобы межсоюзная конференция не превратилась в дискуссионное общество для великих ораторов союзников, а немедленно разделилась на ряд небольших, работоспособных и работающих комиссий.

Вторым из общих совещаний был верховный военный совет, который собрался на свое первое заседание 1 декабря в Версале при участии Франции, Великобритании, Италии и США. Если целью общей межсоюзной конференции являлось прежде всего принятие мер согласования в отношении финансов, снабжения, торгового флота и эмбарго, то целью верховного военного совета было создание организации, способной координировать военные усилия с точки зрения общей политики. Должны были быть разрешены два вопроса. Первый касался структуры и объема власти совета, который в том виде, в каком он был предположен по соглашению, заключенному в Рапалло, не удовлетворял ни американцев, ни французов и рассматривался с подозрением значительной группой британских военных специалистов. Второй вопрос касался плана войны следующего года: какие меры должны быть приняты, чтобы встретить грозящее германское наступление на западном фронте; какие силы должны быть затрачены на помощь Италии и Греции; сколь большое значение должно быть придано операциям Алленби против турок и, наконец, что должно быть предпринято, чтобы вернуть Россию в ряды союзников?

2

Американская миссия пересекла канал 22 ноября и в течение следующей недели, даже до первого официального заседания межсоюзной конференции, она вместе со своими французскими коллегами продвинулась далеко вперед в установлении основ экономического сотрудничества. Для полковника Хауза наиболее важной непосредственной проблемой являлось образование и функции верховного военного совета. Он установил, едва достигнув Франции, что критика соглашения в Рапалло носила весьма резкий характер, и он боялся, как бы разногласия, грозившие развиться между французским и британским правительствами, не пришли в столкновение с планами сотрудничества. Хауз сочувствовал французскому требованию единого военного командования. В то же самое время он проницательно оценивал политические затруднения Ллойд Джорджа.

Британский премьер-министр настаивал на том, что верховный военный совет должен находиться под политическим контролем, так как невозможно отделить проблемы общей политики от проблем военной стратегии; именно это отделение, утверждал он, оставлявшее военные силы под управлением командующих, имевших национальную, а не общесоюзную точку зрения, и явилось причиной потерь и неудач предшествовавших лет. Отныне, по соглашению в Рапалло,совет был возглавлен премьер-министрами и министрами иностранных дел, и военные представители были подчинены политическим.

Ллойд Джордж, кроме того, настаивал на отделении верховного военного совета от начальников штабов отчасти вследствие его нежелания назначить военным представителем Великобритании в совете британского начальника штаба, которого он считал более всех ответственным за стратегию, стоившую британской армии ужасающих потерь в двух больших битвах 1917 г. Он выбрал сэра Генри Вильсона, «замечательные природные способности которого не имели равных в британской армии; его опыт был обширен; он обладал живым и находчивым умом, его мужество обращало на себя внимание; к тому же он был близким другом Фоша и пользовался большим доверием французского штаба—хорошее предзнаменование для предстоявшего сотрудничества. Премьер-министр и сэр Уильям Робертсон были людьми противоположных темпераментов, и их совместной работе постоянно препятствовало взаимное подозрение. Сэр Генри Вильсон, наоборот, был человеком, которого Ллойд Джордж понимал и ценил, так как он имел много качеств сродни его собственным: неослабный оптимизм в отношении какого-либо дела и талант давать точное объяснение, редкий среди скупых на разговоры военных»[1].

---

[1] *Buchan*, A History of the Great War, v. IV, p. 173.

Нетрудно понять мотивы, руководившие Ллойд Джорджем, когда он настоял на подчиненном положении военной верхушки верховного военного совета и отказался от назначения британским представителем в совете начальника британского штаба. Однако французы настаивали, что совет в том виде, который был ему придан в результате соглашения в Рапалло, неспособен к осуществлению эффективного военного согласования, так как он оставляет в стороне начальников штабов; в то же время положение военных советников совета анормально, поскольку они не соединены со своими собственными штабами, подчинены политическим членам совета и лишены какой-либо исполнительной власти. Французы, естественно, хотели бы иметь единое командование, возглавляемое французским генералом. Но англичане не согласились бы на такое предложение. «На всех совещаниях того времени,—писал генерал Блисс,—и вплоть до великой катастрофы, происшедшей четырьмя месяцами позже, любое предложение относительно назначения верховного главнокомандующего только укрепляло убеждение, что это совершенно невозможно[1].

Если назначение генералиссимуса лежало вне круга практических возможностей того времени, то американцы, тем не менее, страстно желали добиться фактического единства военного командования. Ни генерал Першинг, ни генерал Блисс, согласно официальному донесению Хауза, не предполагали, что это единство может быть обеспечено планом Рапалло, если он не будет улучшен.

Письмо Хауза президенту

Париж, 23 ноября 1917 г.

«Дорогой начальник!

Я предвижу неполадки в деятельности верховного военного совета. В Англии имеется большая оппозиция, направленная против назначения Ллойд Джорджем генерала Вильсона. Ни сэр Уильям Робертсон, начальник штаба, ни сэр Дуглас Хэйг не имеют к нему доверия, и они и их друзья смотрят на это назначение, как на шаг к тому, чтобы передать в руки Вильсона верховное командование.

Враги Ллойд Джорджа и друзья Робертсона и Хэйга думают, что Джордж хочет избавиться от этих генералов и заменить их Вильсоном. Они упирают на то, что Вильсон не является выдаю-

[1] «Foreign Affairs», 15.XII.1922, p. 9. Автор «Исторических отрывков», обычно хорошо информированный, утверждает («Le Commandement unique: Foch et les armées d'occident», p. 188), что полковник Хауз определенно требовал назначения генералиссимусом маршала Жоффра. Достоверно известно, что Хауз не скрывал своего личного предпочтения единого командования, но настолько же достоверно, что он хорошо понимал бесполезность требований подобного командования в то время, и в его архиве не имеется ничего, что показывало бы, что он когда-либо предлагал Жоффра на пост генералиссимуса.

щимся генералом, что он политик и что это будет Джорджу по вкусу[1].

Французы хотят генералиссимуса, но обязательно француза. Это тоже встретит такую большую оппозицию в Англии, что не приходится об этом и думать. Правительство, которое это предложит, будет свергнуто.

Я долго совещался с Блиссом и Першингом по этому поводу, и мне кажется, что они видят опасность так же, как и я. Я пробую предлагать все, что будет способствовать единству командования, и притом объединить всех связанных с этим делом, не создавая разлада.

Я только что имел совещание с глазу на глаз с Клемансо. Не зная моего мнения, он фактически повторил то, что я сказал выше относительно верховного военного совета. Он серьезно расположен в пользу единства плана и действий, но думает, как и я, что план Ллойд Джорджа неприменим по причинам почти одинаковым с теми, на которые указывал я.

Он ничего не придумал и говорит, что не отваживается формулировать план, так как его встретят недоверием. Он хочет, чтобы мы взяли на себя инициативу, и обещает, что мы можем рассчитывать на его поддержку в доведении до конца какого-либо разумного предложения, сделанного нами...

Он предоставил свое время в мое распоряжение и просит меня приходить, когда мне вздумается, не оповещая, говоря, что дверь будет мне всегда открыта.

Любящий вас *Э. М. Хауз*».

Генерал Блисс, казалось, соглашался с Ллойд Джорджем, что план Рапалло имел смысл, поскольку он оставлял общее наблюдение над ведением войны за политическими лидерами и был «в согласии с военным принципом, что война является только продолжением государственной политики в новой форме»[2]. Но как и генерал Першинг, он был убежден, что на данном театре военных действий, например на западном фронте, единство военного командования является непременным условием успеха и при отсутствии генералиссимуса это единство может быть достигнуто только посредством чисто военного совета, обладающего исполнительной властью. План, набросанный им вместе с Хаузом и представленный фран-

---

[1] Хауз только передает мнение. Его собственное суждение о сэре Генри Вильсоне состояло в том, что из всех британских офицеров он более всего подходил к службе в качестве военного представителя в совете как благодаря своим способностям, так и благодаря его сердечным личным отношениям с французами. Письмо Хауза не является судом над точкой зрения сэра Генри Вильсона, дневник которого показывает, что планы его и Ллойд Джорджа основывались не на желании вытеснить сэра Уильяма Робертсона, а на убеждении, что только с помощью организации, поставленной выше начальников штабов, война может быть выиграна. Насколько этот взгляд правилен, мнения разделяются и, вероятно, всегда будут разделяться.

[2] Слова Клаузевица.

цузам, исключал политических членов верховного военного совета и давал его военным членам не только совещательную, но и исполнительную власть.

Меморандум относительно единства командования

Париж, 25 ноября 1917 г.

«1. Единство командования при ведении военных операций на данном театре войны является непременным условием успеха.

2. Для обеспечения действительной эффективности это единство командования должно осуществляться посредством чисто военного совета, поскольку предполагается, что одна или несколько из великих союзных держав могут выразить свое несогласие на подчинение своих военных сил одному верховному главнокомандующему.

3. Считается, что верховный военный совет должен быть образован из главнокомандующих национальными армиями великих держав, находящимися в действии на фронте, для которого единство командования признано необходимым, вместе с начальниками штабов вышеупомянутых национальных армий или офицерами, командированными этими начальниками штабов в качестве своих представителей.

4. Для обеспечения быстрого выполнения воли этого верховного военного совета должно иметься лицо, приводящее решения совета в исполнение. Этим лицом должен быть председатель верховного военного совета, избранный остальными членами и имеющий власть приводить волю совета в исполнение».

Мы можем поставить себе вопрос, не была ли бы избегнута или уменьшена военная катастрофа 1918 г., если бы этот план был приведен в действие и генерал Фош был бы избран председателем верховного военного совета. Интересно во всяком случае отметить, что функции, которые были присвоены генералу Фошу в апреле 1918 г. для «согласования действий союзных армий на западном фронте», были почти тождественны с теми, которые Блисс и Хауз предлагали присвоить в ноябре председателю верховного военного совета.

Десятью годами позже, 14 июня 1928 г., в Вашингтоне генерал Блисс комментировал меморандум, представленный им и Хаузом французам, следующим образом:

«Это был один из тех «нащупывающих» меморандумов, которые мы писали, стараясь разведать наш путь, скрывавшийся в густом тумане, и несомненно, что несколько позже меморандум вообще не был бы написан.

Американская миссия высадилась в Англии 7 ноября 1917 г., в тот самый день, когда в Рапалло Ллойд Джордж, Пенлевэ и Орландо создали верховный военный совет. Никто не понимал вполне ясно, что представляет собой этот совет, даже сами создатели его. Военные и многие другие, о нем размышлявшие, пред-

полагали, что это будет своего рода «королевский» совет, составляющий и направляющий военные планы—коротко говоря, следующая ступень к бедствию. Кроме того, французы думали, что это британский проект, имеющий целью захватить контроль над французскими армиями, а британцы думали то же самое о французах... Правительство Пенлевэ пало; Ллойд Джордж говорил, что его правительство было спасено только присоединением президента Вильсона к соглашению в Рапалло в самый последний момент британского кризиса. Я находился под влиянием общего мнения военных. В моем докладе президенту от 17 декабря 1917 г. я упорно настаивал, чтобы он обусловил свое согласие на участие американцев в верховном военном совете назначением союзного верховного главнокомандующего. Я предполагал, что наряду с таким союзным главнокомандующим верховный военный совет фактически перестал бы действовать. Я тогда не вполне ясно понимал (да, думаю, и никто не понимал), что верховный военный совет не будет вмешиваться в дела военного управления, а будет только приводить в гармонию правительственную политику союзников, чего не могли делать боевые командиры. Никто из нас не представлял себе ясно, каковы должны быть фактически функции верховного военного совета, до первого важного его собрания в январе. До того времени (во всяком случае в пору составления меморандума об единстве командования) я пытался найти способ, который мог бы свести до минимума возможный вред от такого верховного военного совета. Это показывает параграф 2 упомянутого меморандума. Моя общая идея состояла в том, что если союзники не могут сойтись на одном верховном главнокомандующем, то единственное, что остается,—это совет главнокомандующих армиями различных наций; пусть совет договаривается относительно каждой операции, в которой армии двух или более национальностей должны оказывать одна другой взаимную поддержку, но пусть только один имеет власть осуществлять волю совета. Это был способ, благодаря которому «и овцы были бы целы, и волки сыты», так как очевидно, что этот «имеющий власть» был бы для всех практических потребностей частной военной кампании верховным главнокомандующим».

Американцы понимали, конечно, что их предложение встретит резкую оппозицию. Британские военные руководители, естественно, возражали бы против исполнительной власти председателя верховного военного совета, который фактически стал бы верховным главнокомандующим союзных армий. Предложение требовало также включения в совет начальников штабов, против чего неизменно возражал Ллойд Джордж. Тем не менее, казалось в то время ценным продвинуть этот проект вперед, особенно потому, что помощь США союзникам живой силой была, вероятно, более важной, чем кто-либо предполагал. Как англичане, так и французы заявляли совершенно откровенно, что без такой помощи военная опасность

приняла бы весной серьезный характер. В Лондоне генерал Блисс обсуждал вопрос с сэром Уильямом Робертсоном и сообщил полковнику Хаузу об этом разговоре в следующих словах.

«Я показал ему,—говорил Блисс,—что к маю мы сможем с помощью средств, находящихся сейчас в нашем распоряжении, транспортировать не более 525 тыс. человек, в том числе обслуживающие силы, включая в эту цифру войска, уже находящиеся во Франции, и что без добавочного тоннажа мы не сможем обеспечить снабжение даже и этого количества людей... Робертсон выразил мне в ответ серьезные опасения.

Он сказал мне, что сомневается, сможет ли Италия удержаться в рядах воюющих этой зимой, и что для того, чтобы она удержалась, необходимо наличие значительных английских и французских войск, снятых с западного фронта... Робертсон сказал, что численность французской армии падает... Он прибавил, что положение в России таково, что нужно смотреть в лицо возможности переброски в любой момент с восточного фронта на западный тридцати или сорока дивизий... Общее впечатление, произведенное на меня его сообщением о положении дел, было таково, что приходится бояться военного кризиса, если мы не сможем иметь во Франции к концу ближайшей весны значительно более крупных сил, чем это сейчас кажется возможным»[1].

В разговорах с Хаузом и Блиссом французы высказывались столь же пессимистично, как Робертсон, но более определенно. Они утверждали, что американская армия в миллион человек была бы необходима к лету 1918 г., даже если бы она была использована только для оборонительных операций.

Если США должны были доставить такое огромное пополнение союзным человеческим ресурсам, то они могли по справедливости потребовать своей доли влияния при установлении военной организации союзников. Блисс и Хауз были кроме того ободрены согласием Клемансо и Петэна, которые на совещании 25 ноября дали свое общее одобрение американскому проекту военного исполнительного совета.

Меморандум относительно разговора полковника Хауза и генерала Блисса с м-сье Клемансо и генералом Петэном

Париж, 25 ноября 1917 г.

«... М-сье Клемансо сказал, что он хочет прямо перейти к делу и обсуждать предмет настоящего совещания, т. е. эффективную силу французской армии в ее отношении к долженствующим прибыть американским силам. После этого он предложил генералу Петэну сделать общее сообщение.

[1] Британские офицеры, писал генерал Блисс 14 июня 1923 г., настаивали, что исход войны должен определиться в 1918 г. и что если Америка не сможет по крайней мере удвоить усилие, которое она надеется сделать до конца мая 1918 г., то дело союзников проиграно.

Генерал Петэн начал с того, что сейчас в его распоряжении имеются 108 дивизий боеспособных французских войск, включая все войска, непосредственно находящиеся на фронте, и те, которые держатся в резерве. Он сказал, что французские потери равняются приблизительно 2 600 тыс. человек убитыми, умершими от ран, окончательно выбывшими из строя и пленными. К этому нужно прибавить всех людей, занятых на коммуникационных линиях и вообще обслуживающих тыл. Восемь из этих дивизий в начале нового года или вскоре после этого будут переброшены в северную Италию, так что для службы во Франции останутся 100 дивизий. Эти дивизии имеют не более 11 тыс. человек каждая, что даст в общей сумме не более 1 100 тыс. человек, находящихся в его распоряжении. Он сообщил, что англичане имеют во Франции и в Фландрии 60 дивизий, которые, так как английские дивизии насчитывают приблизительно по 20 тыс. каждая, дадут в сумме примерно 1 200 тыс. человек. Далее он сообщил, что англичане со своими войсками численностью в 1 200 тыс. занимают фронт протяжением около 150 километров, а м-сье Клемансо тогда добавил, что французы, имея 1 100 тыс. человек, занимают около 500 километров фронта.

По мнению генерала Петэна, на германской стороне фронта имеется одинаковое количество войск, но нет средства определить с точностью, сколько боеспособных сил находится в тылу врага. Он считает возможным, что германцы окажутся в состоянии перебросить с русского фронта не менее сорока дивизий, если им не помешают активные действия со стороны русских или румын.

Генерал Петэн в ответ на вопрос, какое количество американских войск желает он иметь в полной готовности к определенному сроку, сказал, что он желает иметь возможно больше американских войск и возможно скорее, но что это должны быть солдаты, а не просто люди. Пришлось объяснить ему, сколь желательно было бы для нас иметь приблизительно установленное число, вместе с определенной датой, чтобы договориться с теми, кто должен позаботиться о необходимом тоннаже. Он установил, что мы должны иметь 1 млн. человек, подготовленных к ранней кампании 1919 г., и 1 млн. в резерве, готовых заменить и усилить первых. Когда его спросили, сколько войск должны мы иметь во Франции для кампании 1918 г., он сказал, что на этот вопрос уже отвечено фиксированием числа войск, потребных для кампании 1919 г., так как, чтобы иметь названное для этого года число войск, придется перевозить их определенными количествами, начиная с данного момента, в течение всего 1918 г. Количество войск, прибывших к определенному числу 1918 г., и будет тем количеством, которое он потребовал бы для данного периода. Он пояснил, что во время кампании 1918 г. он хотел бы использовать американские войска для удержания тех участков фронта, на которых он не предполагает делать наступление, чтобы, снимая оттуда

французские войска, дать им возможность наступать в другом месте. Для доведения этого плана до конца он считает нужным, чтобы мы перебрасывали войска во Францию в количестве двух дивизий ежемесячно, считая и обслуживающие тыл войска, до начала мая, а с тех пор количество должно быть увеличено до трех дивизий в месяц, причем это количество должно остаться неизменным до конца года.

Нужно отметить, что согласно этому расчету, включая четыре дивизии, уже находящиеся во Франции, мы имели бы здесь в конце года всего-навсего 30 дивизий. Принимая во внимание, что американские дивизии, теперь организуемые, состоят из 27 тыс. человек, эти 30 дивизий были бы эквивалентны 73 французским дивизиям по 11 тыс. человек каждая.

Обсуждение этого вопроса было закончено, и тогда полковник Хауз спросил, насколько м-сье Клемансо и генерал Петэн считают приемлемыми организацию и функции верховного военного совета в том виде, в каком он предложен мистером Ллойд Джорджем. Как тот, так и другой выразили несогласие с идеей Джорджа. Генерал Петэн резко выразил свой взгляд, что совет должен обладать исполнительной властью и правом применять эту власть быстро. Он не думает, что эта власть существует в совете, образованном согласно предложению мистера Ллойд Джорджа, или что она может применяться подобным советом. Спрошенный полковником Хаузом, мог ли быть образован работоспособный верховный военный совет из главнокомандующих армиями западного фронта вместе с начальниками штабов этих армий, причем последние образовали бы стратегический комитет, генерал Петэн ответил, что такой совет мог бы быть создан, если бы не то обстоятельство, что попрежнему не будет никого, кто приводил бы волю этого военного совета в исполнение. Будучи спрошен генералом Блиссом, не сможет ли быть этой исполнительной властью председатель совета, избранный его членами, с властью, которая распространяется только на приведение в исполнение решений совета, генерал Петэн ответил, что это могло бы быть сделано и получило бы в таком случае его одобрение. Он заявил, однако, что в то время как наступление планируется за много дней вперед и найдется время для заботливого обсуждения и выражения воли совета, может встретиться множество внезапных стечений обстоятельств, требующих таких быстрых действий, что этот верховный исполнитель не сможет рассчитывать сделать большее, чем наскоро посоветоваться с другими членами совета, и тогда, в большой поспешности, отдать приказы.

На вопрос, согласны ли они с предложением Хауза и Блисса, м-сье Клемансо и генерал Петэн выразили свое одобрение этому общему плану, ясно учитывая то обстоятельство, что план исключает из состава совета премьер-министров и другое политическое представительство различных союзных стран, и заявили оба, что именно в этом смысле они и поняли предложение...»

Каблограмма Хауза президенту

Париж, 26 ноября 1917 г.

«Вчерашнее совещание с Клемансо и Петэном привело к ясному пониманию военной обстановки. Они информировали нас о числе бойцов, находящихся в боевом строю на французском фронте, а также сообщили о том, что потребуется от нас. Если мы пошлем осенью 1918 г. свыше миллиона строевых бойцов, то союзники используют свои освободившиеся войска для наступательных операций, а наши силы будут использованы в таком случае для оборонительных целей.

Петэн думает, что, какой бы ни был создан верховный военный совет, он должен иметь председателя или верховного военного исполнителя, чтобы приводить в исполнение решения совета. Это, несомненно, встретит оппозицию со стороны англичан. Каково ваше мнение об этом? Англичане приезжают завтра вечером, а в среду Ллойд Джордж, Клемансо и я будем совещаться.

Эдуард Хауз».

Ответ президента Вильсона на просьбу полковника Хауза об инструкциях, касающихся того, какой план должен он защищать, носил общий характер и предоставлял разрешение вопроса на усмотрение Хауза.

27 ноября британские представители прибыли в Париж. Полковник Хауз был немедленно приглашен на свидание с Ллойд Джорджем и приложил усилия, чтобы убедить его принять американский план военного совета с верховным военным исполнителем во главе. Британский премьер-министр был очень искреннен, но не скрывал трудностей, стоявших на пути к принятию этого плана. Не последней из этих трудностей было упорное предубеждение, сложившееся в Великобритании, против того, чтобы британские войска состояли под командой командира-иностранца, что явилось бы практическим выводом из американского предложения. Хауз в конце концов согласился с тем, что если совет может быть сделан чисто военным по своему составу и ему будут предоставлены исполнительные полномочия, то не существенно, будут ли включены в его состав начальники штабов или нет. «Было бы лучше иметь начальников штабов в совете,—писал Хауз,—но так как он [Ллойд Джордж] столь полно доверяет генералу Вильсону и так как назначение Вильсона принесет заботы Ллойд Джорджу, а не нам, то никто не должен выражать недовольство». Премьер-министр согласился, что главное его возражение против американского плана происходило от включения в состав совета начальников штабов, и он обещал рассмотреть компромисс. Но на следующее утро он решил, что он не может согласиться ни на какое изменение соглашения в Рапалло. Было существенно, по его мнению, чтобы верховный военный совет

находился под политическим контролем, а раз начальники штабов будут из него исключены, вручение исполнительной власти военным членам совета было бы бесполезно и повело бы к путанице.

Выдержка из дневника сэра Генри Вильсона, приехавшего из Лондона с Ллойд Джорджем, показывает, что премьер-министр был убежден, что план, принятый в Рапалло, является единственным исполнимым планом и что если он провалится, то не будет и верховного военного совета.

«Ллойд Джордж раздражен,—записал сэр Генри 27 ноября,— и говорит, что он завтра поспорит с Клемансо, и если Клемансо не пойдет ему [Ллойд Джорджу] навстречу, то он немедленно вернется в Лондон. Ллойд Джордж непременно должен показать свои зубы. Нестерпимо, если соглашение, заключенное в Рапалло на одной неделе, может быть нарушено на следующей. Ллойд Джордж понимает вполне ясно, что его собственное будущее основано на успехе верховного совета, и точно так же ему ясно, что, если мы не будем иметь совета, мы проиграем войну. Клемансо завтра уступит. Он не в таком положении, чтобы ссориться с Ллойд Джорджем».

Таким образом, рано утром 28 ноября британский премьер-министр сообщил Хаузу, что он не может согласиться на изменение соглашения в Рапалло, что начальники штабов не должны включаться в совет и политический характер совета должен быть подчеркнут. Он просил Хауза сообщить Клемансо, что если французы не признают себя связанными соглашением в Рапалло, то делать ему здесь нечего и он вернется в Лондон.

Полковник Хауз записал следующее о своем совещании с Клемансо:

«Я просидел с французским премьер-министром до половины девятого... Клемансо согласился уступить Ллойд Джорджу в отношении начальников штабов, но сказал с сардонической усмешкой: «Это портит весь план. Знаете, я предложу вместо Фоша второстепенного или третьестепенного человека, и пускай дела идут, как им угодно».

Я заметил, что нам достаточно трудно одолевать германцев и от того, что мы начнем бороться между собой, лучше не станет. Если Ллойд Джордж настаивает на таком верховном военном совете, какой был предложен... мы должны будем уступить, ввиду трудностей, встречаемых Ллойд Джорджем на родине. Разногласия между Джорджем, Робертсоном и Хэйгом делают невозможным выполнение общего желания о полном единстве военной деятельности.

Я убедил Клемансо, что в настоящее время для нас будет лучше... не делать ничего, что может ухудшить его [Ллойд Джорджа] положение».

Таким образом, состав верховного военного совета и его функции были определены согласно формуле Ллойд Джорджа, и военные представители в совете остались простыми советниками поли-

тического по характеру учреждения. В своих мемуарах Пенлевэ указывает, что если бы он остался у власти, то военный комитет образовал бы постоянный межсоюзный штаб, который мог бы быть возглавлен генералом Фошем в качестве командующего англо-французскими резервами, план, испробованный в следующем феврале. Но архив полковника Хауза, цитированный выше, показывает ясно, что затруднительное положение, в котором находился Ллойд Джордж, не позволяло в то время сделать дальнейший шаг по пути объединения межсоюзного командования. Мало вероятно, что там, где Клемансо и полковнику Хаузу не удалось изменить британскую позицию, Пенлевэ мог иметь успех[1].

Военный комитет, во всяком случае, был сильным по составу, так как Клемансо назначил не «второстепенного или третьестепенного человека», как он угрожал, а начальника штаба Фоша генерала Вейганда, доказавшего во Франции, а позднее в Польше, что он обладает стратегическими способностями высшего порядка. Великобритания была представлена, как и предполагал Ллойд Джордж, сэром Генри Вильсоном до самого февраля, когда, после отставки сэра Уильяма Робертсона, он был назначен начальником штаба. Италию представлял Кадорна, который имел преимущество командовать итальянской армией и несчастье потерять большую часть ее. Представителем США был генерал Блисс. Хотя военный комитет и был лишен возможности согласовать стратегию союзных фронтов, он все же собрал в Версале множество информаций и разработал некоторые планы, которые впоследствии оказали величайшую помощь генералу Фошу, когда он стал верховным главнокомандующим.

3

Тем временем шла подготовка к созыву межсоюзной конференции, важность которой подчеркивалась союзной прессой в несколько экстравагантном тоне.

«*27 ноября 1917 г.* Следующие несколько записей представляют интерес: Клемансо сказал нашему общему другу, что он почти решил открыть конференцию не более чем тремя фразами. Он фактически хочет сказать: «Господа, мы воюем, давайте продолжать работать». Я написал ему, что это было бы наиболее эффектным началом конференции, и я надеюсь, что он будет придерживаться своего намерения.

---

[1] Сэр Уильям Робертсон думает («Soldiers and Statesmen», v. I, p. 221), что «действительная позиция Ллойд Джорджа значительно отличалась от той, которую описывает Пенлевэ». Та версия, которую дает британский премьер-министр, как вполне согласную с желанием Пенлевэ дать генералу Фошу фактическую власть уже в то время, совершенно противоречит впечатлениям полковника Хауза. Нужно заметить, что, лишь только Ллойд Джордж оценил политическое положение как уже созревшее для предложения, он 18 января 1918 г. сам защищал передачу исполнительной власти совета военным представителям под председательством генерала Фоша и передачу в его распоряжение общего резерва, состоявшего из 30 дивизий.

Я сказал Ллойд Джорджу о вероятном намерении Клемансо открыть конференцию речью не более чем из двух или трех фраз и о том, что, может быть, он [Ллойд Джордж] предложит резолюцию, указывающую, что можно обойтись без речей, а нужно назначить комиссии, после чего конференция перейдет к непосредственной работе. Он видит опасность речей на конференции. Если начнут говорить речи, то общественное внимание будет привлечено к русскому вопросу и будет сказано много неосторожных вещей, которые могут превратить конференцию скорее в орудие зла, чем добра. Мы должны сразу приняться за работу, уже имея согласованность относительно комиссий, которые должны быть назначены».

«*28 ноября 1917 г.* (Запись совещания с Клемансо.) Я спросил о межсоюзной конференции. Лицо Клемансо исказилось странной улыбкой, и он пожал плечами. Мы оба сошлись во мнении, что бесцельно приглашать всех экспертов и делегатов, находящихся здесь, на общее собрание...

Я не хочу, чтобы это поняли так, точно я не одобряю общей цели, для которой эта конференция созвана, так как я считаю, что война может быть выиграна только с помощью согласования всех ресурсов союзников.

Клемансо телефонировал Пишону[1], что я на пути к нему, и сказал, что будет упорно придерживаться любого достигнутого нами соглашения.

Пишон считает, что лучше было бы пригласить всех на открытие конференции и тогда разбить членов конференции на секции или комиссии и умело направлять общую дискуссию, чтобы избегнуть трений. Он согласен вдобавок допустить на конференцию всех союзных послов, весь французский кабинет, фактически каждого, кто пожелает присутствовать...

Я пришел в министерство иностранных дел в 6 часов. Ллойд Джордж, Бальфур, Орландо, Соннино, Клемансо и Пишон присутствовали на собрании. Мы обсуждали процедуру завтрашней конференции...

Пишон думает, что комиссии могут быть образованы завтра после полудня. Я ответил, что наши члены комиссий могут быть выбраны через 10 минут после возвращения в отель. Я проводил Бальфура к Крийону, и он свел сэра Эрика Друммонда с Гордоном. Через несколько минут они с Друммондом наметили состав комиссий».

Каблограмма Хауза президенту

Париж, 28 ноября 1917 г.

«У меня бывают частые совещания с французским и английским премьер-министрами, и мы достигли соглашения по многим вопросам.

---

[1] Стефан Пишон, министр иностранных дел.

Сама по себе завтрашняя конференция не будет иметь важного значения, так как там будут представители всех союзных держав и дискуссия должна будет по необходимости носить общий и не слишком искренний характер. Подобная широкая конференция была ошибкой и таит в своих недрах много элементов опасности. Мы больше всего стремимся теперь к тому, чтобы пройти через нее без какой-либо неудачи.

Верховный военный совет соберется, вероятно, в Версале в субботу. Он тоже в значительной степени лишен власти, необходимой для деятельности, благодаря настояниям Ллойд Джорджа, чтобы вместо начальников штабов и главнокомандующих, как согласились Клемансо, Петэн, Блисс и я, в нем заседал генерал Вильсон. Это объясняется его разногласиями с Робертсоном и Хэйгом. Я предполагаю, что он не чувствует себя достаточно сильным, чтобы сместить их, и поэтому использует идею верховного военного совета с целью выжить их другим способом.

Эдуард Хауз».

«*27 ноября 1917 г.* Межсоюзная конференция началась сегодня утром, в 10 часов, в здании министерства иностранных дел. Она идет точно, по расписанию. Это было импозантное собрание. Премьер-министры, министры иностранных дел, послы, начальники генеральных штабов, вожди флотов и т. д. всех союзных сил собрались в первый раз вместе...

После того как Клемансо выступил с коротким обращением в несколько строк, французский министр иностранных дел произнес столь же короткую речь, как мы согласились вчера, и конференция немедленно объявила перерыв, а различные секции отправились на исполнительные заседания. Все это было эффектно и необыкновенно... Я уверен в том, что еще никогда не было столь важной конференции со столь малым количеством болтовни и столь скоро закрытой. Я никогда не видел столь удивленных делегатов. Даже англичане были только частично осведомлены о том, как далеко зайдет урезывание речей. Ровно через восемь минут после того, как Клемансо открыл конференцию, она прервала заседание».

Речь Клемансо была в самом деле образцом краткости.

«Во время этой величайшей из всех войн,—сказал он,—мы сведены здесь вместе чувством высшей солидарности, чтобы добиться на поле битвы права на мир, истинно достойный рода человеческого.

В этом блистательном собрании надежд, обязанностей и намерений мы готовы на каждую жертву, могущую быть потребованной союзом, который никогда не будет сломлен ни интригами, ни слабостью.

Благородный дух, нас воодушевляющий, должен воплотиться в деяние. В порядке дня стоит работа. За работу!».

4

В течение дней, предшествовавших открытию сессии межсоюзной конференции и следовавших за ним, пока эксперты военной миссии сидели за работой в своих технических комиссиях, полковник Хауз занимался множеством бесед, отчасти личных, отчасти политических, причем все они были рассчитаны на то, чтобы дать ему информацию, могущую быть использованной президентом. Он разговаривал с Иосифом Вилардом, испанским послом, пробным шаром мира, посланным Германией через Мадрид. С Тардье и Клемантелем он обсуждал планы пригрозить Германии экономическим эмбарго после войны, рассматривая эту угрозу как средство принудить ее к разумным условиям мира[1]. Он прислушивался к докладу генерала Фоша о военном положении. «Он только что вернулся из Италии и сообщил мне, что итальянский фронт удержится там, где он теперь, до весны. «Фронт теперь опять склеен,—сказал он».

С Клемансо, Петэном и Першингом полковник Хауз обсуждал условия, при которых американские войска во Франции смогут принести наибольшую пользу. Хауз непосредственно знакомился с ловкостью французского премьер-министра.

«Возможно, что, до того как я покину Париж, мое мнение изменится, но теперь мне кажется, что Клемансо один из самых способных людей, которых я встречал в Европе, не только в эту поездку, но и в любую другую. Не может быть никакого сомнения в его большом мужестве и в его необыкновенной ловкости. Он сказал, что если американцы не разрешат французам обучать их, то это сделают германцы, но ценой многих жизней... Генерал Петэн откровенно говорил об американской армии во Франции. Он считает, что войска должны войти ротами и батальонами во французскую армию и таким способом получить обучение. Он составил по поводу этого меморандум, который он хочет обсудить со мною...

Першинг оспаривает французское и британское требование относительно включения наших войск в их ряды для обучения. Он думает, что положение, может быть, и требует этого, но он придерживается того мнения, что если американские войска вступят в ряды союзников, то только очень немногие из вступивших уцелеют, и что было бы глупо надеяться создать большую американскую армию с помощью такого метода».

Тем временем адмирал Бенсон достиг по крайней мере предположительных выводов относительно участия, которое должно

---

[1] «Они были удивлены, когда узнали, — писал Хауз,—что я уже обсуждал вопрос с президентом и предложил тот же самый способ действия несколько недель назад, а также, что президент, вероятно, упомянет об этом в своем предстоящем обращении к конгрессу». 4 декабря Вильсон включил в свое послание следующую фразу: «Вероятно, также, что окажется невозможным при подобных неудачных обстоятельствах позволить Германии свободные экономические сношения, которые неизбежно зависят от других доказательств участия в истинном мире».

было быть принято в войне американским военным флотом в течение ближайшей весны. Он был согласен с тем, что план атаки германских укрепленных портов —«уничтожение осиных гнезд», как называл это Вильсон, был неосуществим, хотя более западные базы подводных лодок, вроде Остендэ и Зеебрюгге, могли подвергнуться нападению. Внесенное американцами предложение об устройстве минного заграждения в Северном море было принято. То, чего союзники желали наиболее горячо, это возможно большего числа истребителей для конвойной службы, так как от обеспеченной переброски большой американской армии зависели все военные планы 1918 г.

5

Все эти обсуждения, как, очевидно, надеялся полковник Хауз, должны были вылиться в окончательный план сессии верховного военного совета, которая открылась в Версале 1 декабря под председательством Клемансо.

«В 9 часов 45 минут генерал Блисс и я,—писал Хауз,—отправились в Версаль. Верховный военный совет поместился в Трианонском дворце, и Клемансо и Орландо уже были там, когда мы приехали. Мы с Клемансо поднялись в верхний этаж посовещаться и набросать программу, пока совет еще не собрался. До самого прихода Ллойд Джорджа Клемансо проявлял значительное недовольство по поводу относительной длины британского и французского фронтов, заявляя, что вопрос должен быть согласован и что он не позволит англичанам уклониться от его разрешения. Он сказал, что откажется от поста министра, если не будет достигнуто удовлетворяющее Францию соглашение. В этот момент прибыл Ллойд Джордж, и мы все трое договорились о программе.

Сначала мы обсуждали длину участков фронта, занимаемых войсками Франции и Великобритании на западе. Я лично не вмешивался в обсуждение вопроса, заявляя, что они должны разрешить его между собой, так как США еще не имеют участка фронта.

Потом обсуждали положение Италии и нашу военную политику там. Затем разговор коснулся Греции и, наконец, Румынии.

После того как это частное совещание окончилось, мы перешли в зал больших размеров, где и началось заседание...

Генерал Блисс и я согласились заранее не принимать активного участия в совещании, а прислушиваться и собирать информацию. Мы чувствовали, что будет нехорошо стараться делать большее в это время, так как мы не имели ни одного человека на линии фронта. Когда наша армия будет здесь, и притом в большом количестве,—тогда другое дело. Мы чувствовали, что мы свободно можем принять активное участие в обсуждении вопросов, касающихся общей политики, финансов, снабжения и всех экономических проблем, а что касается военных планов, не морских, то, кажется, лучше сидеть в уголке и прислушиваться».

Французский премьер-министр открыл заседание речью, сущность которой гораздо больше согласовалась с личными мыслями Ллойд Джорджа, чем самого Клемансо. Согласно намеченному плану, каждое правительство должно было получить мнение своего собственного генерального штаба и передать его без промедлений постоянным военным советникам совета, которые, после изучения военного положения в целом, должны были сделать рекомендации относительно военных операций, долженствующих быть предпринятыми в 1918 г. Он обратил особое внимание на положение в России, в Италии и на Балканах, на ожидаемое сотрудничество американских сил, на вопросы о тоннаже и о судостроении и на их влияние на обеспечение живой силы, в которой нуждаются армии. Он напомнил военным советникам, что нельзя терять из вида тот факт, что война приняла в значительной степени характер войны на истощение и что даже если Россия побеждена, во всяком случае временно, то и Турция и Австрия не слишком далеки от крушения. Затем последовал намек на любимый стратегический план Ллойд Джорджа. Клемансо намекнул, что, может быть, прусский милитаризм скорее будет побежден, если сокрушить сначала германских союзников и отложить сокрушение самой Германии до времени наибольшего напряжения, когда все союзные силы целиком смогут быть сосредоточены против нее. Он подчеркнул также международный характер военного комитета совета, напоминая военным советникам, что их задача состоит в том, чтобы изучить предложенные на их рассмотрение проблемы с точки зрения союзников как целого, а не в качестве представителей отдельных стран, и представить свои рекомендации на рассмотрение в коллективной форме.

В таком охвате создание верховного военного совета было шагом, хотя и нерешительным шагом, на пути к единству военной цели. По крайней мере было обеспечено определенно ценное достижение, когда совет приступил к проведению ряда резолюций, согласно которым каждое отдельное правительство соглашалось снабжать военных советников полной информацией общеполитического и ведомственного характера. Резолюции предусматривали также, что генеральные штабы и военные министерства, министерства морское и торгового мореплавания, министерства иностранных дел, департаменты снабжения, авиации, финансов и т. п. отдельных правительств должны были снабжать совет всей информацией, которая могла помочь военным советникам верховного военного совета изучать соответствующие вопросы. Таким образом, если новая организация и не привела к непосредственному единству военного командования, она по крайней мере обеспечила централизацию и согласованность информации. Остаток сессии был занят несколько несвязной дискуссией относительно размеров помощи, в которой нуждается Италия, и положения в Салониках, о котором Клемансо сказал: «Мы знаем о нем весьма мало, или, во всяком случае, то, что мы знаем, не слишком благопри-

ятно». Венизелос выступил, чтобы объяснить положение в Греции, и, давая делегатам несколько длинное историческое разъяснение в качестве перспективы, был возвращен к реальности выразительным вопросом сэра Уильяма Робертсона: «Сколько дивизий можете вы нам дать?». Все согласились, что Греция не получила помощи, которой она могла ожидать (Ллойд Джордж говорил о «неинтеллигентности» обращения, примененного к ней), и была принята резолюция, обещающая изучение военного положения на Балканах и выдачу продовольствия, военного снабжения и денег. «Я надеюсь,—сказал Ллойд Джордж Венизелосу,—что вы вернетесь в Грецию с облегченным сердцем».

Всего-навсего верховный военный совет принял на этой сессии восемь резолюций. Четыре из них касались обеспечения информации для военных советников, остальные предусматривали исследование военных проблем, связанных с итальянским, бельгийским и балканским фронтами[1]. Являлось совершенно необходимым, чтобы подобные исследования были сделаны до составления набросков рекомендаций военных действий. Тем не менее, полковник Хауз не мог избавиться от чувства разочарования: ему казалось, что союзные конференции имели результатом скорее академическое изучение вопросов, чем определенные планы их решения.

«*1 декабря 1917 г.* Несмотря на то, что перед конференцией было поставлено довольно много вопросов, ни один из них, как мне кажется, не был разрешен. Я вполне могу понять, каким образом Германия оказалась в состоянии столь успешно противостоять союзникам. Она не обладает превосходящими союзников способностями, но она имеет превосходную организацию и метод. Все у союзников расхлябано. Все только разговор, а не согласованная деятельность. Перемены правительства отчасти разумны, но, недостаток согласованности и решимости является главной помехой...

Клемансо, Петэн и Блисс на наших предварительных совещаниях сделали больше, чем сделано верховным военным советом, так как мы по крайней мере определили, сколько американских солдат должно прибыть во Францию, когда они должны прибыть и как доставить их сюда. Мы также выработали план настоящего военного совета...

Ллойд Джордж и Рединг обедали наедине со мной. Мы провели затем приятный вечер. Они были оба в хорошем настроении, и Джордж радовался окончанию конференции. Чему именно он рад, это выше моего понимания, разве только тому, что конференция прервала заседания, и он может вернуться в Англию. Мы не сделали и половины того, что должны были сделать. Верховный военный совет занимался делами, но разрешил только немногие из вопросов, подлежавших рассмотрению. Вместо одного утра он должен бы заседать целую неделю».

---

[1] Текст резолюции дан в приложении к этой главе.

6

Союзные правительства заботливо старались изобразить Парижскую конференцию как строго военный совет, и различные предложения, исходившие от безответственных пацифистов, были решительно отвергнуты. В этом отношении президент Вильсон был вполне согласен с европейскими союзниками. Теперь, когда США вступили в войну, в них не было ни одного человека, который занял бы более резкую, чем он, позицию против компромиссного мира, оставляющего нетронутой мощь императорской Германии. В речи, произнесенной в Буффало вскоре после отъезда миссии Хауза, президент ясно высказал убеждение, что единственным способом окончить войну является победа над Германией.

«Я отношусь враждебно,—говорил Вильсон,—не к чувствам пацифистов, а к их глупости. Мое сердце с ними, но мой разум презирает их. Я хочу мира, но я знаю, как достичь его, а они этого не знают. Вы верно слышали, что я послал в Европу моего друга, полковника Хауза, любящего мир, как никто на земле, но я послал его еще не с мирной миссией. Я послал его, чтобы он принял участие в конференции, посвященной вопросу о том, как выиграть войну, и он знает, как я, что это единственный способ достичь мира, если вы хотите, чтобы этот мир продолжался дольше нескольких минут».

Тем не менее, вопрос о мирных переговорах был поднят в Париже и, как всегда, вращался вокруг возможности отрыва Австрии от союза с Германией. Со времени мирных предложений папы в августе все время шли слухи о тайных мирных переговорах, хотя ни к каким из этих переговоров союзные правительства не относились серьезно. Нота британского посла при Ватикане, показавшая, что Великобритания не может отвечать на предложения папы до тех пор, пока Германия не выяснит своих намерений в отношении Бельгии, была понята в Германии как пробное предложение. Германия приступила к формулированию условий, которые были переданы испанскому послу в Бельгии, а из Мадрида попали в Лондон. Бальфур немедленно послал каблограмму полковнику Хаузу, сообщая суть предложения, и просил его добыть мнение президента, относительно того, как отнестись к предложению. Вильсон одобрил каблограмму, набросанную Хаузом в ответ Бальфуру, смысл которой состоял в том, что англичане не могут обсуждать вопроса, не посоветовавшись с другими союзниками, и, «поскольку много неискренних усилий в пользу мира уже было проявлено полуофициальным путем, вы не можете даже посоветоваться с вашими соучастниками по войне до тех пор, пока не будет сделано более определенное предложение». Ответ, выдержанный в этом смысле, после того как он получил одобрение союзных послов в Лондоне, был отослан по назначению, и дело замерло.

В то же самое время Германия попробовала начать тайные переговоры через барона Ланкена, верховного германского комис-

сара в Бельгии, который создал впечатление, что он ведет сношения не с кем иным, как с Аристидом Брианом, бывшим премьер-министром. Бриан лично был убежден, что начало переговоров исходит из надежного источника, вероятно, от кайзера, и он сообщил французскому правительству, что он готов принять на себя миссию. Он объяснил агенту, доставившему предложение Ланкена, что ни один француз не может даже и думать о начале переговоров без соглашения со всеми союзниками и без того, чтобы знать вполне определенно, что Германия всецело расположена вернуть Эльзас и Лотарингию Франции, и что он оставляет за собой в течение двух недель право думать, что Германия понимает условия обмена мнениями таким же образом.

В письме к Рибо, министру иностранных дел, Бриан приписывал Германии очевидное желание пойти на широкие уступки перед французским правительством. Он был сам настолько убежден в германском стремлении к миру, что предлагал взять на свою ответственность неофициальные переговоры, которые не должны были связать правительство, но которые определили бы окончательно, было ли это серьезное предложение или ловушка. Рибо, однако, был подозрительнее, а представители других союзников, так же как и Лансинг, которому был сообщен смысл письма Бриана, отказались продолжать это дело[1].

Тем временем между одним австрийцем и французом, представителем генерального штаба, успешно шли переговоры, которым просоюзные политики уделяли значительно больший интерес. Продолжая оставаться твердыми в своей решимости не заключать мира с непобежденной Германией, они надеялись на возможность сепаратного мира с Австрией. Эти переговоры Арман—Ревертера начались летом и все еще продолжали развиваться, когда к власти пришло министерство Клемансо. Новый премьер-министр предписал Арману «прислушиваться, но ничего не говорить». Итальянцы были, конечно, против каких-либо разговоров с Австрией, так как именно за счет Австрии надеялись они осуществить свои военные цели.

Ллойд Джорджу мысль об отделении Австрии всегда казалась привлекательной, и он воспользовался удобным случаем, представившимся ему в виде неофициальных совещаний в Париже, чтобы высказать ее своим коллегам. Полковник Хауз выразил умеренное одобрение, хотя и не был особенно воодушевлен. Он всегда был готов исследовать любой метод, который мог привести к окончанию войны, при условии, что он не оставит политической власти в руках германских милитаристов и сделает возможным учреждение международной организации, способной поддерживать справедливое соглашение. Он сходился с Брианом во мнении, что было ошибкой не пойти более основательно навстречу предложению Ланкена. Хауз не слишком доверял, однако, плану отде-

---

[1] *Ribot*, Lettres à un ami. Souvenirs de ma vie politique, p. 289—297.

ления Австрии от Германии и начинал приближаться к взгляду, которого он позже твердо придерживался, что нельзя установить солидного мира до тех пор, пока продолжает существовать империя Габсбургов.

«*29 ноября 1917 г.* После завтрака Ллойд Джордж просил меня повидаться с ним снова. Он предложил, чтобы мы выяснили, какие мирные условия можем мы предложить Австрии. Австрия сделала англичанам несколько предложений, и англичане настаивают, чтобы условия были изложены письменно. Джордж просил моей поддержки, когда он будет настаивать на рассмотрении последнего австрийского предложения. Я всецело обещал свою поддержку... Совещание происходило в кабинете Пишона, и на нем Клемансо, Пишон и де Маржери представляли Францию, Ллойд Джордж, Бальфур и Эдисон—Великобританию, а Орландо и Соннино—Италию...

Джордж открыл прения, выдвинув очень сильные аргументы в пользу более детального ознакомления с австрийским пробным шаром. Соннино это сразу обидело, и один момент казалось, что начнется первоклассная свалка. Я поддержал Ллойд Джорджа, как и обещал... В конце концов мы заставили Соннино и Орландо согласиться на предложение.

Совещание заняло почти два с половиной часа... Джордж хорошо аргументировал, я готов был подписаться под каждым словом, но все было сделано слишком стремительно. Если бы мы сначала повидали Клемансо и привлекли его на свою сторону, а потом поговорили бы с Соннино наедине, то вопрос был бы разрешен в несколько минут, и притом без возбуждения некоторых чувств. Одно время казалось, как будто латинцы сомкнут строй против англо-саксов, но в конце концов Клемансо перешел на нашу сторону, и Соннино и Орландо были побеждены».

Каблограмма Хауза президенту

Париж, 30 ноября 1917 г.

«Вчера после полудня, на совещании премьер-министров и министров иностранных дел Англии, Франции и Италии, в котором я также принимал участие, Англия была уполномочена предписать своим представителям в Швейцарии установление условий, какие может предложить Австрия для заключения сепаратного мира, на что она проявляет желание...

Мы приняли эту меру ввиду возможности скорого заключения сепаратного мира Россией.

Эдуард Хауз».

«*1 декабря 1917 г.* мы с Ллойд Джорджем пошли из министерства иностранных дел прямо в отель Крийон. Ллойд-Джордж был весь захвачен предполагаемым миром с Австрией...

После обеда мы [Хауз, Ллойд Джорджи Рединг] подняли вопрос о поездке Рединга в Швейцарию для встречи с представителем австрийского правительства с целью обсуждения условий мира с Австрией... Рединг думает, что для него это дело не подходит, так как каждый будет удивляться, зачем приехал лорд верховный судья Англии в Швейцарию...»

Все планы мирных переговоров с Австрией были обречены на неудачу, несмотря на ловкость уполномоченных. Вместо лорда Рединга в Швейцарию был послан генерал Смэтс, встретившийся там с бывшим австро-венгерским послом в Великобритании графом Менсдорфом. Их беседы были совершенно неубедительны. Австрийское правительство искренне и страстно желало мира. Двуединая монархия ничего не могла выиграть при продолжении войны, но все могла проиграть. Однако она добивалась общего мира, включая и Германию; она была неспособна, даже если бы хотела, отделить свою судьбу от судьбы Германской империи. Австрия была точно так же не подготовлена к жертвам, которых требовали союзники, особенно Италия. Переговоры в той или другой форме продолжались до весны, но никогда не представляли серьезной возможности счастливого исхода[1].

7

Столь же бесплодным оказалось старание полковника Хауза убедить европейских союзников выпустить совместное заявление относительно целей войны, которое ослабило бы эффект германской пропаганды и помогло бы союзникам сохранить дружественные отношения с Россией. Подобный шаг, утверждал он, был особенно необходим, ввиду большевистских мирных предложений и возрастающих со стороны либеральных и рабочих элементов союзных стран требований обеспечить, чтобы война во имя империалистических целей далее не продолжалась. Письмо лорда Лэнсдауна, опубликованное в газете «Дэйли телеграф» 29 ноября, подводило итог этому настроению[2].

3 декабря полковник Хауз имел с Аристидом Брианом долгий разговор, в котором этот французский государственный деятель развивал тезис, что союзники пропустили удобный случай ослабить моральное состояние Германии, а также установить единственно справедливые условия, на которых можно заключить

---

[1] См. ниже, глава XII.

[2] Лорд Лэнсдаун доказывал, что переговоры с Германией могут быть предприняты на основе определенных гарантий, которые, как он думал, дали бы возможность германским либералам одержать верх над империалистами, а именно, что союзники не добиваются уничтожения Германии как великой державы; что она должна сама выбрать свою форму правления; что союзники не собираются разрушать ее торговое будущее; что они готовы обсудить после войны вопросы, связанные со свободой морей; что они вступят в ассоциацию, чтобы разрешать споры пацифистскими методами. См. выше, разговор Хауза с Лэнсдауном.

мир. Бриан не был пораженцем и всегда был убежден, что война должна кончиться разгромом германской военной мощи. Но он желал использовать рассудок в той же степени, как и силу.

Германия, говорил он полковнику Хаузу, продолжала войну как по военным, так и по идеологическим причинам; что касается последних, то она показала бо́льшую проницательность, чем союзники, постоянно выдвигая перед своим народом одну идею, что она была принуждена воевать, чтобы предупредить свое экономическое удушение и предохранить свою территорию от расчленения. Она не пренебрегала ни одним удобным случаем, чтобы повлиять на свой народ в том смысле, что он принужден продолжать драться, так как если бы успех оказался на стороне союзников, то жизненные условия германского народа снизились бы до уровня рабства вследствие экономического господства над Германией и чудовищного финансового бремени, возложенного на расчлененную Германию, которое народ будет вынужден принять на себя.

Необходимо, говорил Бриан, чтобы союзники формулировали свои военные цели в конкретной форме, доведя о них до сведения Германии: «Вот наши военные цели, вот за что мы боремся; если вы готовы принять наши условия, то мы завтра же заключим мир». Он развивал с некоторыми подробностями свою мысль, что декларация такого рода, должным образом распространенная среди народов центральных империй, привела бы к тому, что эти народы начали бы настаивать перед своими правительствами на открытии мирных переговоров или даже заставили бы начать переговоры.

Полковник Хауз был вполне согласен с принципами предложений Бриана. Только ясной установкой пересмотренных военных целей могла быть ослаблена моральная мощь германской обороны. Для союзных народов было, пожалуй, еще важнее вполне ясно понять, что проблема будущего порядка вещей теперь отличается от того, что имелось в виду в ту пору, когда заключались тайные договоры. «Гарантия будущего мира всего мира менее рассчитывала на фокусничество с границами, чем на сокрушение мощи германской агрессии. Если бы сохранился пагубный порядок вещей в Германии, то никакое согласование территорий не спасло бы цивилизацию; если бы этот порядок вещей был изменен, то это же согласование заняло бы свое настоящее место как средство, ведущее к великим целям, и применялось бы при содействии и доброй воле всего мира»[1]. Хауз уже писал президенту Вильсону из Лондона о своей надежде, что ради таких оснований союзники согласятся на совместное установление либеральных целей войны.

Но Хауз нашел, что Ллойд Джордж слишком связан с британскими консерваторами, чтобы присоединиться с энтузиазмом к плану нового либерального установления целей войны, а в Париже к этому тоже относились несочувственно. Клемансо взялся за свое министерство с девизом «Je fais la guerre» («Я веду войну») и боялся,

[1] *Buchan*, A History of the Great War, v. IV, p. 156.

как бы подобный манифест о целях войны не приняли за намек на пацифизм. Итальянцы не уступали другим союзникам в своей оппозиции и в своих настояниях на незыблемости Лондонского договора. Полковник Хауз, таким образом, обнаружил, что все, на что можно надеяться,—это предупредить провозглашение целей империалистического характера и, возможно, обеспечить умеренное, новое, общее заявление о целях войны, не столь либеральное, как он желал, но такое, которое сможет успокоить русских. Он нашел также возможность предупредить формулирование политики поддержки антибольшевистских клик в России, которой требовали некоторые группы среди французов и англичан. По его соображениям, такая политика только объединила бы истощенную войной Россию вокруг партии, провозглашавшей мир.

Каблограммы Хауза президенту

Париж, 25 ноября 1917 г.

«...Я уклонился от возможности быть втянутым в некоторые их споры, особенно в споры, имеющие территориальный характер. Я считаю, что мы должны придерживаться широких принципов, вами формулированных, и не позволять себя впутать в принципы узкие и эгоистичные[1].

Эдуард Хауз».

Париж, 28 ноября 1917 г.

«Переданы сюда по кабелю и опубликованы здесь заявления, сделанные американскими газетами и ставящие своей целью доказать, что Россия должна рассматриваться как враг. Чрезвычайно важно, чтобы подобная критика была прекращена. Если союзники и мы сами будем высказывать в настоящее время подобные взгляды, то Россия будет брошена в объятия Германии.

Эдуард Хауз».

Париж, 30 ноября 1917 г.

«Я имею в виду представить на одобрение межсоюзной конференции следующую резолюцию:

«Союзные державы и США заявляют, что они ведут войну не с целью агрессии или военной контрибуции. Жертвы, которые они приносят, приносятся ими для того, чтобы милитаризм не бросал в будущем на мир свою тень и чтобы нации имели право устраивать свою жизнь согласно тем принципам, которые кажутся им наилучшими для развития их общего благосостояния».

[1] Комментировано сэром Уильямом Уайзмэном на этой каблограмме: «Если бы только этого придерживались и на мирной конференции!»

Если вы имеете какие-либо возражения, то будьте добры ответить немедленно. Весьма важно, чтобы этой резолюции был дан ход. Англичане согласились голосовать за нее.

Эдуард Хауз».

Президент Вильсон немедленно известил Хауза каблограммой о своем согласии на его предложение. Парафраз его каблограммы гласит так:

Парафраз каблограммы президента Хаузу

Вашингтон, 1 декабря 1917 г.

«Резолюция, вами предлагаемая, всецело совпадает с моими мыслями, и я ее одобряю. Вы должны ясно представить, насколько желательно для конференции обсудить условия мира в духе, согласующемся с моим январским обращением к сенату[1]. Наш народ и конгресс не хотят сражаться ради эгоистических целей кого-либо из участников войны за возможным исключением возвращения Эльзаса и Лотарингии Франции. Территориальные домогательства должны быть представлены на всеобщее заключение на мирной конференции, особенно планы раздела территории, вроде имеющихся в виду в отношении Малой Азии[2]. Я думаю, что всем очевидно, что это было бы роковой ошибкой, охлаждающей рвение в Америке».

Полковник Хауз счел, однако, невозможным убедить конференцию согласиться даже на ту умеренную резолюцию, которую он набросал. Союзники не были склонны отказаться от надежд на территориальные приобретения. Итальянские делегаты, в особенности, рассматривали заявление, выдержанное в самых общих чертах, как опасное, потому что можно было предполагать, что союзники откажутся от обещаний, данных ими Италии в 1915 г.

«*30 ноября 1917 г.* Барон Соннино был так же неподатлив сегодня, как и вчера. Он способный человек, но реакционер... Если бы следовать его советам, то войне никогда не было бы конца, так как он никогда не соглашается на какие-либо вещи, необходимые, чтобы приблизиться к миру...

Сначала шел спор о том, какое заявление должно быть послано России. Бальфур прочел депешу от британского посла в Петрограде, упорно советующего, чтобы союзники освободили Россию от ее обязательства продолжать войну, и приводящего доводы, судя по которым, можно думать, что это было бы хорошей политикой. Депеша вызвала неистовую оппозицию Соннино и отчасти более

---

[1] Речь от 22 января 1917 г.

[2] Эти планы были выражены в тайных договорах от 1915, 1916 и 1917 гг.: договор Сазонова—Палеолога, договор Сайкса—Пико, договор, заключенный в Сен-Жан де Мариенн.

умеренные возражения Клемансо. Наконец, мы послали за здешним русским послом и спросили его мнение. Он высказался против ответа, рекомендуемого британским послом в Петрограде, а советовал фактически то, что предлагал я. В конце концов было решено попросить русского посла набросать меморандум, соответствующий ответу, который, по его мнению, должен быть дан нами, и завтра сообщить его нам.

Завтра или послезавтра я буду настаивать на принятии моего предложения о том, чтобы эта конференция установила союзные военные цели в выражениях, сходных с теми, что намечены мною в моей каблограмме президенту.

Я чувствую глубокую симпатию к солдатам и матросам союзных наций, полагающимся на нас здесь, что мы дадим настоящее направление делу, за которое они сражаются. Мы не сделали всего, что мы могли сделать, и я ясно понимаю это в любой момент нашего пребывания на конференции... Здесь мало думают о том, чтобы помочь военному положению мерами здравомыслящей и полезной дипломатии».

«*1 декабря 1917 г.* Лорд верховный судья долго обсуждал со мной письмо Лэнсдауна и эффект, произведенный этим письмом на политическое положение в Англии. Я думаю, что Ллойд Джордж совершил ошибку, не настаивая на резолюции относительно установления наших военных целей. Он может выбить оружие из рук своих политических противников в Англии, если он будет способствовать принятию конференцией того, что кажется мне столь необходимым в данное время... Я обратил его внимание на отсутствие [дипломатической] программы. Совещания, происходившие у нас с Клемансо и Орландо, не имели плодотворных результатов, причем причиной этого является то обстоятельство, что Джордж и я никогда предварительно не столковывались с Клемансо. Совершенно безнадежное дело стараться побудить Соннино примкнуть к чему-либо, имеющему прогрессивный или созидательный характер...

На нашем сегодняшнем совещании были затронуты различные вопросы. Одним из самых существенных была резолюция, предложенная мной. Присутствовал русский посол, принесший несколько резолюций, любая из которых, как он думает, должна иметь ценность в применении к русскому положению. Ллойд Джордж старался соединить в одно целое часть того, что сказал русский посол, и все то, что предложил я... Это было к лицу Ллойд Джорджу, но не к лицу мне. Затем Соннино сделал попытку приложить к резолюции свою консервативную руку, и вся конференция, кроме меня, одобрила его. Я заявил, что США ни в каком случае не согласятся подписать подобной вещи, что члены конференции могут составить резолюцию, согласиться с ней и подписать ее, но США должны остаться на той же точке зрения, на которой находятся сейчас, т. е. останутся на почве широких прогрессивных и созидательных заявлений, делаемых время от времени прези-

дентом. Благодаря этим моим словам резолюция отправилась в «мусорную яму», так как каждый из присутствующих знал, что без поддержки США она была бы ничем»[1].

Каблограмма Хауза президенту

Париж, 2 декабря 1917 г.

«Имела место долгая и откровенная дискуссия, касающаяся России, но результат ее оказался для меня неудовлетворительным. Я хотел ясной декларации в духе каблограммы, посланной мной вам в пятницу. Англия пассивно соглашалась. Франция была индиферентно против, Италия активно против. Они все были согласны включить в резолюцию то, что я предлагал, если будут сделаны некоторые добавления, на что я не пошел. В конце концов было решено, что каждая держава должна послать свой собственный ответ своему послу в Петрограде. Сущность каждого ответа должна состоять в том, что союзники готовы вновь обсудить свои военные цели вместе с Россией, как только она будет иметь устойчивое правительство, с которым они смогут совместно действовать.

Русский посол в Париже считает весьма важным, чтобы вы послали в Россию обращение через Фрэнсиса[2] или другим путем, извещая ее о том, что у США нет личных побуждений и что они стремятся привести хаотический мир к братству наций ради всеобщего блага, не допуская ничьего возвеличения.

Эдуард Хауз».

Результатом неспособности межсоюзной конференции добиться соглашения о пересмотре военных целей Антанты в либеральном духе явились «четырнадцать пунктов» Вильсона. Полковник Хауз был убежден, что еще до конца войны должно быть достигнуто соглашение об определенных, и притом либеральных, основах мира, как для того, чтобы получить средство, способствующее окончанию войны, так и для обеспечения либерального мира. Если бы союзники и не формулировали подобных основ мира, то Хауз надеялся, что это будет сделано Вильсоном.

1 декабря Хауз послал президенту каблограмму: «Я надеюсь, что вы не найдете необходимым сделать какое-либо заявление, касающееся иностранных дел, до тех пор пока я смогу увидеться с вами. Это кажется мне весьма важным». На копии каблограммы помечено рукой Хауза: «Я послал эту каблограмму президенту, имея в виду заявление о наших военных целях. Я пробовал добиться такого заявления в Париже, но это не удалось. Самое лучшее, что пришло в голову, было, чтобы заявление сделал президент».

---

[1] См. приложенные в этой главе тексты резолюций.
[2] Американский посол в России.

Почти первым предметом, затронутым Хаузом при разговоре с президентом после возвращения в Вашингтон, был именно вопрос о целях войны, и через три недели «четырнадцать пунктов Вильсона» были уже набросаны.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Резолюции, принятые верховным военным советом

1 декабря 1917 г.

«(1) Верховный военный совет предписывает своим постоянным военным советникам исследовать военное положение и довести до сведения верховного совета свои рекомендации относительно плана будущих операций.

(2) Чтобы снабдить верховный военный совет материалом для его исследований, представленные в совете правительства обязуются:

(а) Снабжать верховный военный совет всей информацией общеполитического и министерского характера, пригодной для обсуждения военных вопросов их собственными правительствами и военными комитетами. Подразумеваются решения правительств и военных комитетов относительно предметов, связанных с ведением войны.

(б) Предписать своим военным министерствам и генеральным штабам снабжать постоянных военных советников сведениями об их предположениях и политике с частыми регулярными сообщениями о боевом распорядке и расположении их собственных и союзных сил и с немедленным извещением о переброске крупных боевых частей с одного театра операций на другой; с частыми регулярными сообщениями о боевом распорядке и расположении вражеских сил, с докладами, заключающими в себе выводы касательно общей численности врага и его военных материалов, а также и общих условий, в которых враг находится, с немедленным сообщением о важных перебросках и концентрациях; с регулярными донесениями относительно силы собственных войск и докладными записками о положении дел с людскими запасами и перспективами на них; с регулярными донесениями о существующем и ожидаемом положении в отношении военных материалов и военного транспорта. Командующие силами различных фронтов должны для сбережения времени дублировать свои утренние официальные уведомления непосредственно верховному военному совету.

Их более важные донесения, так же как и донесения глав военных миссий и военных атташе, должны доставляться верховному военному совету через соответствующие генеральные штабы. Вся вышеуказанная информация должна быть доставлена с наивозможной быстротой, чтобы военные советники имели возможность обсуждать вопросы, могущие быть поднятыми на верховном военном совете, с точностью и по последним данным, соответ-

ствующим общему военному положению, и в полном контакте со взглядами их собственных военных авторитетов.

(в) Предписать своим морским министерствам (адмиралтействам) и управлениям торгового флота снабжать верховный военный совет донесениями, докладными записками и оценками, относящимися к общим условиям войны и, в частности, к проблемам, влияющим на перевозку войск и снабжения.

(г) Предписать министерствам иностранных дел снабжать верховный военный совет общей оценкой дипломатического положения в данное время и регулярно снабжать впредь, и притом наиболее быстрым из возможных способом, полной информацией, полученной посредством депеш или телеграмм и касающейся всех дипломатических предметов, каким-либо образом связанных с войной.

(д) Предписать своим министерствам, имеющим дело со снабжением, авиацией, распределением человеческой силы, судостроением, продовольствием (складами, продукцией, распределением) и финансами, снабжать верховный военный совет всей информацией, необходимой ему, чтобы иметь возможность оценивать положение с соответственных точек зрения.

(3—4) Чтобы облегчить прием и распределение информации, о которой сказано выше, каждая секция верховного военного совета включит в себя постоянный секретариат...

Итальянский фронт

(5) Верховный военный совет предписывает своим постоянным военным советникам изучить непосредственное положение на итальянском фронте как с наступательной, так и с оборонительной точек зрения и доложить совету по возможности скоро, во всяком случае, в течение ближайших двух недель. Постоянные военные советники обращаются со своими запросами относительно информации, которая им требуется, к соответствующим правительствам, а представители этих правительств обязаны поставить дело так, что информация будет дана немедленно.

Транспортная проблема: (а) общая; (б) в применении к итальянскому фронту.

(6) Верховный военный совет решает, что желательно, чтобы вопрос о межсоюзном транспорте в целом, как на морях, так и на суше, был исследован одним экспертом, который должен сделать об этом вопросе доклад в возможно скором времени. Достигнуто согласие, что, если британское правительство сможет обойтись без его услуг, сэр Эрик Джеддес должен иметься в виду для выполнения этого исследования и что в первую очередь он должен обследовать проблему транспорта, затрагивающую положение в Италии и в Салониках.

Представители соответствующих правительств обязаны дать предписания своим техническим экспертам и администраторам

работать совместно с сэром Эриком Джеддесом, или, если его услуги не смогут быть обеспечены, с каким-либо другим экспертом, относительно которого будет достигнуто общее согласие.

Бельгийская армия

(7) Верховный военный совет предписывает своим постоянным военным советникам исследовать вопрос об использовании бельгийской армии и уполномачивает их обратиться к бельгийскому правительству для получения доклада о состоянии бельгийских людских резервов.

Военное положение на Балканах. Помощь Греции

(8) Верховный военный совет постановляет:

(а) Рекомендовать соответствующим правительствам, что продовольственные и другие существенные потребности Греции, обещанное военное снаряжение и необходимые средства транспорта должны быть признаны вопросом, имеющим настоятельное военное значение.

(б) Что постоянные военные советники верховного военного совета должны наблюдать за вопросом снабжения и снаряжения греческой армии.

(в) Что постоянные военные советники должны изучить на основе информации, которая будет доставлена заинтересованными правительствами, военное положение на Балканах и доложить о нем.

(г) Что имеющие к этому отношение правительства должны сделать необходимые денежные авансы, чтобы дать Греции возможность мобилизовать не менее 9 дивизий, и что верховный военный совет кроме того просит финансовых представителей Франции, Великобритании и США принять немедленно необходимые мероприятия для снабжения Греции суммой в 700 млн. франков по курсу 1918 г., так же как покрыть задолженность, доходящую до 179 млн. франков, и дать Греции возможность мобилизовать немедленно по крайней мере 9 дивизий.

ГЛАВА X

СОГЛАСОВАНИЕ УСИЛИЙ

«Если эта война должна быть выиграна, то нужно добиться лучшей совместной работы союзников».

Из доклада Хауза президенту Вильсону, 14 декабря 1917 г.

1

Межсоюзная конференция провела свое второе, и последнее, пленарное заседание 3 декабря, причем, как и первое, оно носило чисто формальный характер и было посвящено письменным докладам комитетов экспертов. С индивидуальной стороны оно примечательно для нас тем, что выслушало одну из немногих речей, когда-либо произнесенных полковником Хаузом, которого Клемансо просил закончить таким образом конференцию. Хауз подавил желание произнести публичное защитительное слово в пользу пересмотра целей войны в либеральном духе и ограничил свое обращение двумя короткими абзацами. «Я пишу нечто безобидное,—признавался он в своем дневнике.—Я хочу, и я могу сказать то, что я фактически хотел бы высказать, но я не отваживаюсь сделать это. Можно больше потерять, чем выиграть... Я решил подождать до моего возвращения и попросить президента сказать со всем авторитетом, ему присущим, то, что должно быть высказано в настоящее время».

6 декабря вечером американская миссия тихо ускользнула из Парижа[1], достигла окружным путем, словно спасаясь бегством, Бреста и погрузилась на следующий день на борт «Маунт Вернон», спеша навстречу работе, ожидавшей ее в США.

Совещания, в которых участвовали технические эксперты, привели к гораздо большему, чем только к обмену информацией.

[1] Из всей кротоподобной деятельности полковника Хауза,—писал Грэсти в «Нью-Йорк таймс» от 22 января 1918 г.,—наиболее кульминационным деянием явился его отъезд... Только два лица знали час, назначенный для отъезда, и место, откуда он произойдет,—полковник и командир судна (капитан Эндрью Ф. Картер)... Возможно, что полковник держал тайное пари сам с собой о своей способности вывести группу в пятнадцать или двадцать человек из наиболее обращающего на себя внимание помещения в Париже, без того чтобы кто-либо знал об этом».

Они привели к составлению специальной программы экономического согласования и создали технический аппарат, который должен был проводить эту программу. Трудно преувеличить значение этого достижения. «Нации помнят только позорные пятна войн,—писал верховный уполномоченный по франко-американским делам.—Что привлекло их внимание в трагическом периоде 1917—1918 гг.? Румынская катастрофа, Капоретто, четвертая британская армия, Шмен де Дам. Были ли это решающие события великой борьбы? Нет! Существенными вещами были проблемы перевозок, обращения судов и потопления подводных лодок, финансовая проблема, проблема сотрудничества. Ошибка в согласовании усилий, авария в механизме снабжения могли оставить наших солдат безоружными»[1]. Полковник Хауз оценивал достижения межсоюзной конференции следующими словами:

«То хорошее, что дала конференция,—писал Хауз еще в Париже,—в деле согласования союзных ресурсов, особенно экономических ресурсов, с трудом поддается оценке. Прежде все шло чуть ли не в беспорядке. Теперь можно ждать самое меньшее удвоения усилий. То, что США могут делать лучше, чем Великобритания, Франция, или Италия, то будем делать мы, а то, что они могут делать лучше, останется главным образом за ними. Никто, за исключением посвященных в дело, не знает о размерах приложенных усилий. Эта конференция может, следовательно, рассматриваться как поворотный пункт войны, хотя бы даже военное счастье союзников и казалось стоящим так низко, как никогда».

За подобное согласование военных усилий американские эксперты несли главную ответственность; они считали своей обязанностью оказывать в этом отношении давление на союзников, которым самим по себе до сих пор недоставало, по мнению американцев, умения сосредоточить всю мощь своих ресурсов и бросить ее на борьбу с Германией. Нужды положения были хорошо выражены в следующем письме Поля Д. Крава́, юридического советника военной миссии.

Письмо Крава́ Хаузу

Париж, 6 декабря 1917 г.

«Дорогой полковник Хауз!

...Ужасающий недостаток согласованности между союзниками сказывался решительно во всем как в отношении военной деятельности, так и политической, результатом чего явились неисчислимые потери жизней и усилий. В данное время кажется в общем установленным, что в результате крушения русских военных сил и катастрофы в Италии имеется бо́льшая, чем когда-либо раньше, нужда в тесном и полном сочувствия согласовании усилий Велико-

---

[1] *Tardieu,* France and America, p. 224.

британии, Франции и Италии. Для достижения этого сделано до сих пор фактически весьма мало. Это обусловлено, главным образом, кажется, неискоренимыми взаимными подозрениями и различиями в темпераментах и методах между англичанами и французами. Отношения с Италией осложнены свойственной исключительно ей амбицией в отношении войны, делающей полное сотрудничество между ней, Францией и Англией крайне трудным.

Мои наблюдения заставляют меня думать, что недавняя конференция в Париже имела бы только весьма незначительные достижения в деле создания согласованных усилий, если бы на ней не присутствовала американская делегация, терпеливая, но твердая настойчивость которой, всегда стремившаяся к выводам, достигла определенных результатов. Было бы трудно преувеличить ту пользу, которой вы и ваша миссия таким образом достигли, хотя дело форсированного, эффективного согласования находится только в начале.

Я убежден, что не может быть эффективной организации и согласования усилий и ресурсов США, Великобритании, Франции и Италии для выигрыша войны до тех пор, пока США не будут иметь здесь веских представителей в каждом департаменте, связанном с войной, обладающих правомочием и авторитетом, позволяющими им принимать быстрые решения после совещания с нашим правительством и вынуждать согласие между британцами, французами и итальянцами по важным вопросам как политического и экономического, так и военного характера, которые будут постоянно возникать. Правда, организации должны быть двойные, для Лондона и Парижа, причем каждая должна возглавляться способным человеком, опирающимся на соответствующий штат.

Британцы и французы ясно понимают необходимость активного вмешательства американцев и будут его приветствовать. В самом деле, можно удивляться почти всеобщему среди государственных деятелей обеих стран сознанию, что они должны обратиться к США за руководством и энергией, необходимыми для выигрыша войны. Мы, следовательно, не только обладаем силой добиться принятия наших решений, но встречаем также готовность принять их. Это огромная ответственность, которую взвалило на нас наше вступление в войну, но она должна быть признана нами полностью, если война должна вестись эффективно...

С наилучшими пожеланиями, как всегда, весьма искренне ваш

Поль Д. Крава».

Сами американцы, поскольку дело касалось их национальной организации, уступили необходимости централизации, несмотря на их общее нерасположение к ней, и требовали такой же уступки от союзников в международной организации. Они придали контролю в различных управлениях, руководивших американской промышленной жизнью, железную и неограниченную власть.

«Эти властвующие контролеры экономической и интеллектуальной жизни США,—писал Тардье,—были не по вкусу многим гражданам, но, несмотря на это, они обеспечивали победу. Благодаря их контролю рынок планомерно насыщался товарами, хотя это был тот самый рынок, разнузданная конкуренция которого имела следствием нездоровое возрастание цен. Теперь он был приведен за несколько недель в порядок, причем удалось достигнуть равенства условий для всех закупщиков и общего снижения цен. Любая нужда Америки, любая нужда Европы нашли удовлетворение.

Эта новая Америка распространяла тот же самый закон единообразия на своих соучастников по войне. Когда американцы влюбляются в идею, то, даже если их энтузиазм непродолжителен, он всегда неистов. В 1917 и 1918 гг. они питали страсть к организации межсоюзного военного аппарата, тяжесть которого не всегда радостно выносилась Европой. Мак-Аду, добивавшийся абсолютного финансового единения, не достиг цели, хотя вместе с Нортклифом и со мной он набросал план необходимых мероприятий, и должники, несомненно, теряли больше кредиторов. Но в любой другой области американцы в конце концов добились своего. После вступления Америки в войну межсоюзные управления в Лондоне и Париже, управления, контролирующие сталь, дерево, нефть, пшеницу, пищевые продукты, торговый флот,—приняли окончательную форму и показали свои лучшие результаты. После четырех лет опыта и разбросанности контроль к концу 1918 г. достиг чего-то вроде совершенства»[1].

Историк, склонный к иронии, вероятно, заметил бы, что великая проблема была разрешена не человеческой изобретательностью, а скорее волей случая. Главная забота союзников летом 1917 г. состояла в том, смогут ли США авансировать кредиты, казавшиеся необходимыми; их главным разочарованием была несклонность США обещать желаемые ежемесячные 500 млн. Мак-Аду не дал бы обещаний до тех пор, пока союзные требования не были согласованы. Но уже перед концом осени союзники не смогли дольше использовать кредиты, авансированные США, по той причине, что материалы, которые должны были быть закуплены союзниками в Америке, исчезли с рынка. Как предвидел лорд Рединг, предел союзным займам был положен не неспособностью американцев давать взаймы, а тем, что американский рынок был неспособен удовлетворить огромный спрос на материалы и со стороны Америки, и со стороны союзных армий. Нельзя расходовать деньги, когда на них нечего купить.

Это обстоятельство много потеряло в своем значении благодаря созданию немедленно после Парижской конференции межсоюзного совета военных закупок и финансов. Этот совет приближался, насколько только возможно, к ранее предлагавшемуся американским казначейством разрешению проблемы, возникшей вследствие

---

[1] *Tardieu*, France and America, p. 234.

беспорядочности союзных требований о финансовой помощи. Заседая в Лондоне и Париже под председательством американского представителя Кросби, совет ставил своей целью согласование союзных закупок, а также служил расчетной палатой, информируя о союзных нуждах в фондах, и, наконец, развертывал единую политику в отношении займов, которые могли быть даны союзникам США. Совет работал в сотрудничестве с верховным военным советом и другими межсоюзными советами.

В результате Парижской конференции были также созданы: межсоюзный совет по снабжению, межсоюзное нефтяное совещание, межсоюзный продовольственный совет и союзный совет морского транспорта. Совет по снабжению не получил эффективной организации до следующего лета, другие же приступили к активной деятельности в начале 1918 г. Продовольственный совет, составленный из представителей продовольственных контролеров союзных стран, был предназначен прежде всего для того, чтобы распределять запасы продовольствия и подготовлять транспортные программы. Совет морского транспорта, заседавший в Лондоне, ставил своей целью наблюдение за общим управлением союзным транспортом и достижение наиболее эффективного использования тоннажа, возлагая в то же время на каждую нацию ответственность за управление транспортным флотом под контролем совета. Различные другие органы межсоюзного сотрудничества развивались и в дальнейшем, как только выявлялись какие-либо особые нужды.

Независимо от создания такого нового межсоюзного технического аппарата, Парижская конференция привела к общим соглашениям относительно важных для успеха вопросов блокады, морского сотрудничества, людских резервов и тоннажа. Глава управления военной промышленности Вэнси Мак-Кормик провел целый ряд бесед с лордом Робертом Сесилем, британским министром блокады, а также с французскими и итальянскими представителями.

Что касается морских дел, то Парижская конференция привела к созданию межсоюзного морского совета, имеющего целью «обеспечить теснейший контакт и полное сотрудничество между союзными флотами». Совет включал в себя союзных морских министров и их начальников морских штабов, а также флаг-офицеров, представлявших США и Японию. Это обещало многое в будущем, но беседы адмирала Бенсона привели к решениям, имевшим более непосредственное значение. В своем секретном меморандуме, написанном для полковника Хауза, адмирал Бенсон суммирует эти решения следующим образом:

«Принято решение немедленно послать дивизию линкоров для присоединения к британскому «Grand Fleet» («большому флоту»). Достигнуто условное соглашение: послать весной весь атлантический флот в европейские воды, если только условия оправдают это мероприятие. Принято общее решение: предпринять совместно с англичанами закрытие Северного моря путем постановки и под-

держивания минного заграждения. Получена гарантия британского правительства, что Дуврский пролив будет действительно закрыт и что с этой целью будут проведены немедленные мероприятия. Принято решение относительно определенного плана наступательных операций, в котором наши силы примут в недалеком будущем участие... Заключено соглашение с британским адмиралтейством, позволяющее офицеру, командующему морскими силами США, оперирующими в европейских водах, присутствовать ежедневно на утреннем совещании в адмиралтействе. Заключено соглашение относительно командировки трех наших офицеров для службы в оперативном отделе британского адмиралтейства, чтобы обеспечить более тесное сотрудничество и чтобы мы всегда имели полную и немедленную информацию относительно того, какой план операций может быть принят британским адмиралтейством...»[1].

2

Какие бы надежды на будущее ни были возбуждены программой, набросанной Парижской конференцией, однако отчеты американской военной миссии показывали слишком ясно серьезный характер настоящего положения. Все члены миссии были под впечатлением истощения Европы и необходимости чрезвычайных усилий со стороны США для предотвращения поражения. Полковник Хауз, хваля дело, сделанное миссией, не проявлял оптимизма в отношении планов военной согласованности и открыто заявлял, что «если не настанет перемены к лучшему, то союзники не смогут победить». Адмирал Бенсон и генерал Блисс были солидарны, что наступающей весной можно ожидать великого кризиса, результат которого будет зависеть главным образом от зимних усилий США и от нашего влияния, направленного на укрепление согласованности. Секретные отчеты всех трех были выражены в тонах до некоторой степени серьезных.

Выдержка из отчета полковника Хауза

«...Если эта война должна быть выиграна, то нужно добиться лучшей совместной работы союзников. Вести ее так, как сейчас,

[1] 16 июня 1928 г. адмирал Бенсон сделал следующие замечания: «Мой доклад являлся результатом многочисленных совещаний между должностными лицами британского адмиралтейства и мной. Я не нашел никакого исходящего от англичан предложения относительно этих важных пунктов. Было абсолютно необходимо прежде постановки проектированного минного заграждения поперек Северного моря закрыть Дуврский пролив. Я предложил, чтобы они погрузили большие тяжелые блоки бетона с длинными, острыми костылями, проходящими насквозь и вниз; эти костыли должны будут тогда вонзиться в дно и держать блоки, к которым могут быть прикреплены канаты, держащие мины. К моему немалому удивлению, до моего приезда в ноябре 1917 г. германские подводные лодки все еще выходили и входили через Дуврский пролив. Это было прекращено, и заграждение, 82% которого мы проектировали поставить в Северном море, фактически сдерживало германские подводные лодки».

значит терять зря много энергии и ресурсов. Кое-где силы удваиваются, кое-где люди и деньги расточены.

Центральные державы не осилены благодаря тому, что их ресурсы полностью мобилизованы и находятся под единым управлением. Отдельный германский солдат, возможно, не так хорош, как английский, но германская военная машина превосходит как английскую, так и французскую. Трудности, при которых должны сражаться англичане и американцы, ложатся на них большим добавочным бременем. Они не только имеют дело с огромными расстояниями, которые необходимо преодолевать, чтобы собрать свои силы и содержать их, но эти трудности еще чрезвычайно увеличены необходимостью создать и содержать огромную армию в чужой стране, среди народа с несходными привычками, обычаями и предрассудками.

Дипломатическая сторона подобного предприятия почти столь же важна, как военная, и генерал Першинг начинает ясно понимать это.

Если не будет перемены к лучшему, то союзники не смогут победить, а Германия сможет. Уже месяцев шесть или больше почва продолжает оставаться скользкой для союзников...

Англичане и французы настаивают, чтобы наши войска были размещены среди их войск, как только они будут переброшены сюда. Довод союзников состоит в том, что это дало бы нашим войскам лучшее и более быстрое обучение, а также помогло бы им [англичанам и французам] противостоять великому германскому натиску, который, по мнению союзников, неизбежен. Натиск, как я думаю, произойдет, и любая возможная помощь должна быть оказана, чтобы его выдержать, так как если он увенчается успехом, то война на суше будет кончена. С другой стороны, они просят нас сделать то, что канадцы и австралийцы отказались сделать. Раз мы только будем поглощены ими, мы, вероятно, никогда не выступим самостоятельно. Роты и батальоны, размещенные среди союзников, станут скоро просто обломками. К тому же, будучи поставлены в такое положение, наши войска не стяжают успехов, равных успехам французов или англичан, и никогда не будут оправданы жертвы, ими принесенные. Мне кажется, можно сказать с уверенностью, что осуществление этого плана было бы наиболее эффективной помощью, которую мы можем оказать французам и англичанам, но оно стоило бы нам дороже всего другого.

Мы нашли моральное состояние английского народа высоким. Чем больше счастье обращается против них, тем более они стойки и уверены в победе. Моральное состояние Франции тоже хорошо. Признаков слабости не имеется. В Англии народ более умерен, чем в мой последний приезд. Лондон имеет мрачный вид. Там очень слабое оживление, чего я никогда не замечал раньше, и имеются признаки депрессии. Кажется, что каждый понял теперь ясно, чтó значит война, и веселье прежних лет уступило место мрачному унынию. Пищевые продукты, газолин и другие полезные товары

расходуются очень экономно. Во Франции другое дело. Париж по внешнему виду нормален. Улицы оживлены, народ весел, а пищевые продукты, газолин и т. д. в изобилии.

... Я предсказывал, что если на французский народ будут наложены ограничения, то он взбунтуется, что единственный способ удержать его от бунта в том и состоит, чтобы позволить продолжать жить вне мрака и уныния...

Верховный военный совет в своем теперешнем виде является почти фарсом. Он может стать действенным орудием для выигрыша войны. США могут его сделать таким орудием, и я надеюсь, что они применят свою неоспоримую мощь, чтобы достигнуть этого.

В заключение я хочу упомянуть о моей оценке индивидуальной работы членов этой миссии. Любой успех, достигнутый ею, в качестве благотворной силы, достигнут ими. При всей моей опытности в отношении людей, я никогда не знал более разумной совместной работы. Не было ни путаницы в установках, ни разбросанности в погоне за целями, которые должны были быть достигнуты, не имелось абсолютно никаких разногласий или трений, замедляющих дело. Они принимали и совет, и предложения и создали о себе в Англии и Франции впечатление, как о людях больших способностей и столь же большой скромности. Они имели дело с противниками в звании министров, но ни один из совещавшихся с ними не сомневался ни на момент, что он совещается с равными себе.

Э. М. Хауз».

Корабль США
«Маунт Вернон»,
14 декабря 1917 г.

Выдержка из отчета генерала Блисса

«Военный кризис, который достигнет высшей степени своего развития не позже конца ближайшей весны, может уже сейчас вызывать опасения. В этом кризисе, если США не окажут союзникам большой поддержки, преимущество будет, вероятно, на стороне центральных держав.

Этот кризис обусловлен главным образом крушением России в качестве военного фактора и недавним разгромом Италии. Но он обусловлен в равной степени также и недостатком военной согласованности, отсутствием единого командования на стороне союзных боевых сил.

Наши союзники по войне убеждают нас извлечь выгоду из опыта, накопившегося у них за три с половиной года войны, и принять организацию, типы артиллерии, танков и т. д., удовлетворительность которых испытана на войне. Мы должны пойти дальше. Делая огромное военное усилие, которого от нас сейчас требуют, мы должны в свою очередь потребовать в качестве предварительного условия, чтобы наши союзники по войне также извлекли

выгоду из трех с половиной лет военного опыта в деле абсолютного единства военного командования. Национальная ревность и подозрения, а также впечатлительность национального темперамента должны быть отложены в сторону ради этого объединенного командования, переходящего даже, если необходимо (а я думаю, что это необходимо), в предел единого *верховного командования.* Иначе и их и наши павшие погибли напрасно.

Чтобы встретить вероятный военный кризис, мы должны пойти навстречу единодушному требованию наших соучастников по войне и послать во Францию максимальное количество войск, какое мы сможем послать, и притом в возможно раннюю пору 1918 г. Не может быть кампании 1919 г., если мы не сделаем всего, что мы можем сделать для того, чтобы кампания 1918 г. была последней. Чтобы должным образом снарядить эти войска, т. е. снарядить так, чтобы противопоставить врагу солдат, а не просто людей, мы должны принять любую предложенную помощь от союзников, продолжая развитие наших собственных конструкций для более поздних нужд, но принимая все из того, что может вскоре послужить непосредственным целям войны и что весьма скоро даст нам возможность играть в войне решающую роль. Это должно быть единственным мерилом.

Чтобы перевезти эти войска, пока не поздно, мы должны взять от торгового флота каждое судно, которое можно освободить от торговых перевозок. Не следует терять ни одной тонны, возможной к погрузке, ни одного судна, пребывающего ныне в праздности, не занятого ни в военных, ни в торговых перевозках. Союзные и нейтральные державы должны подтянуть потуже свои пояса и обойтись без предметов роскоши и без многих вещей, которые кажутся им необходимыми, но которые могут быть урезаны до предела. Каждая отрасль строительства, которая может быть посвящена расширению судостроительной программы и не является жизненно необходимой для других целей, должна быть посвящена судостроению, чтобы встретить во всеоружии быстро возрастающие требования на суда в течение 1918 г. Единственной, всепоглощающей потребностью являются теперь солдаты, чтобы побеждать врага на поле сражения, и суда, чтобы перевозить солдат.

Таске Х. Блисс,
начальник штаба».

На борту корабля США
«Маунт Вернон»,
14 декабря 1917 г.

3

Таковы были отчеты, привезенные полковником Хаузом на родину из Парижа. Их сущность заключалась в общем согласии с тем, что США должны поставлять в Европу человеческий материал и недостающее там снабжение; союзники снарядят этот

человеческий материал своим собственным избытком снабжения и найдут суда, чтобы помочь перевозке солдат. Военная миссия высадилась в Нью-Йорке в субботу 15 декабря.

Письмо Хауза президенту

Корабль США «Маунт Вернон».
15 декабря 1917 г.

«Дорогой начальник!

Мы надеемся высадиться сегодня после полудня, и, если вам удобно, я выеду в понедельник утром в 11 час. 8 мин. и прибуду в Вашингтон в 4 часа 40 мин. после полудня.

Всю дорогу миссия работала над отчетами для своих соответственных департаментов и над общим докладом как для вашей информации, так и для государственного департамента. Доклады готовы и пойдут в Вашингтон вместе с моим собственным докладом сегодня ночью. Повезет их Гордон.

Я надеюсь, вы найдете, что миссия была успешна и стоит потраченного времени.

С нетерпением ожидаю встречи с вами.

Ваш преданный *Э. М. Хауз*».

Президент ответил телеграммой: «Радуюсь, что вы невредимо вернулись назад». Он прибавил, что он смотрит вперед «с величайшим удовольствием», ожидая увидеть Хауза на следующий день, и надеется, что он остановится в Белом доме.

Вильсон, несомненно, интересовался главным образом планами единства военного командования и возможным развитием верховного военного совета. Как он впоследствии объяснял Хаузу, он не мог согласиться послать за океан большую американскую армию, которая была там необходима, не имея гарантий, что она будет использована наиболее эффективным из возможных способов, не считаясь с национальными «больными местами».

«*17 декабря 1917 г.* Я приехал в Вашингтон сегодня,—записал Хауз в своем дневнике.—Я отправился сперва в Белый дом, намереваясь оставить там свою сумку и пойти к Джэнет (миссис Гордон Очинклосс), но нашел президента в его кабинете, ожидающим меня. Мы совещались от пяти до семи часов...

Я сделал президенту доклад о моей деятельности в Лондоне и Париже, и он казался глубоко заинтересованным. Я не входил в детали, но я рекомендовал послать за океан генерала Таскера Х. Блисса в возможно скором времени, чтобы он действовал в качестве нашего военного советника в верховном военном совете. Я объяснил, как образовался и как работал совет и насколько несовершенным стал он из-за намеренного исключения из него британских начальника штаба и главнокомандующего.

В ответ на вопрос президента, как можно исправить дело, я сказал, что для этого будет необходимо подождать, пока мы будем иметь на фронте достаточные силы, чтобы дать нам право потребовать голоса в руководстве чисто военной сферой войны».

Тогда президент заговорил об уместности посылки американского политического представителя, который должен будет заседать в совете вместе с премьер-министрами, и высказал свое решение послать за океан через месяц—другой полковника Хауза. Он прибавил, что не может послать никого другого кроме него. Могут потребоваться быстрые решения, и представителем должен быть человек, который не будет обращаться за каждой мелочью к президенту.

Решение Вильсона не было выполнено до следующей осени, когда он послал Хауза в Европу в качестве своего личного представителя в верховном военном совете. С другой стороны, были приняты меры для немедленной посылки генерала Блисса в качестве военного советника, так что он смог поспеть на важное заседание верховного военного совета в конце января.

Президент был, очевидно, очень убежден доводами генерала Блисса относительно необходимости объединенного военного управления, даже если под этим подразумевалось единое верховное командование. Вскоре после того Андре Тардье, вернувшийся из Франции, обсудил вопрос с Вильсоном.

«В январе 1918 г.,—пишет Тардье,—по моем возвращении из Парижа, где, имея в виду продолжать мою работу в Америке, я отказался от портфеля в министерстве Клемансо, я имел следующую беседу с президентом Вильсоном относительно верховного командования. Президент, которому я выяснил трудности, стоящие на пути подобного мероприятия, ответил: «Вы хотите притти именно к тому же самому. Что думает м-сье Клемансо?»—«Он полностью одобряет это»,—сказал я. «Кого он предлагает?»—спросил президент. Я ответил: «Генерала Фоша». С этого времени Вильсон никогда не забывал прокладывать путь для решения, принятого в марте 1918 г.»[1].

Имелся и другой взгляд на вопрос о продуктивности новых планов межсоюзного сотрудничества. Смогут ли США сдержать обещания, которые дала американская военная миссия в отношении людей и снабжения? «Мы и наши союзники знаем,—писала газета «Нью-Йорк ньюс» от 3 января,—что мы должны делать, чтобы сыграть нашу роль в согласованном плане... Теперь дело за нами, демократическими народами, показать, что мы можем быть более продуктивны в добровольном согласовании, чем центральные державы... План ценен только тем, что сделано на его основе. Он является началом, и только началом».

Если США должны были сыграть свою роль действенно, то должно было осуществиться немедленное ускорение и сглажи-

[1] *Tardieu*, France and America, p. 235.

вание работы военных управлений. Как в Европе, так и в Америке проявлялось много пессимизма. Полковник Хауз получал от французов и англичан постоянные напоминания о нужде в человеческой силе и тоннаже. Эти напоминания начались определенной нотой Клемансо, устанавливающей в ясных выражениях соглашение, достигнутое военными руководителями относительно количества войск, которые должны были быть посланы, а также заявлявшей о необходимости строгого ограничения экспорта, чтобы сделать возможной перевозку этих войск. Другие послания подчеркивали нужду в материалах, в судостроении или необходимость включения американских войск в фронтовые армии мелкими единицами, вкрапленными во французские и британские силы.

Письмо Клемансо Хаузу

Париж, 6 декабря 1917 г.

«Дорогой полковник Хауз!

В момент закрытия союзной конференции я прошу вас позволить мне подчеркнуть доминирующую идею, бывшую все время в нашей памяти при составлении программы, идею, заставляющую союзников «ограничить их импорт, чтобы освободить возможно больше тоннажа для перевозки американских войск». Правительство республики чувствует, что непосредственное сотрудничество между союзниками должно энергично применяться с момента создания общей программы импорта и что они должны помнить абсолютную необходимость сбережения тоннажа, потребного для перевозки на западный фронт американских контингентов.

Французское правительство сообщило членам совещания по морскому транспорту, что оно рассчитывает на следующий абсолютный минимум американских войск, которые должны быть доставлены во Францию:

В настоящее время:

Две дивизии в месяц, или 60 тыс. человек.

Начиная с апреля:

Три дивизии в месяц, или 90 тыс. человек.

Не считая армейские части и вспомогательные службы, которые должны быть прибавлены, это составит общее количество прибывающих войск:

от настоящего дня до 1 апреля	240 тыс. человек
от 1 апреля до конца 1918 г.	810 тыс. »
Всего	1 050 тыс. »

Мистер Колби[1] информирован относительно прилагаемого меморандума генерала Блисса, сообщающего об единодушном мнении, высказанном:

генералом Блиссом, начальником штаба американской армии;

[1] Как представитель управления морской торговли.

генералом Першингом, командующим американским экспедиционным корпусом;

генералом Робертсоном, начальником штаба британской армии;

генералом Фошем, начальником штаба французской армии;

согласно которому до конца июня 1918 г. должны быть доставлены во Францию 24 дивизии.

Предоставляя пока экспертам заботу о подсчете тоннажа, необходимого для того, чтобы выполнить перевозку этих контингентов, французское правительство принимает полностью выводы меморандума.

Прошу вас принять, дорогой полковник Хауз, выражение чувств моего глубокого уважения.

Клемансо».

Каблограмма Уайзмэна Хаузу

15 декабря 1917 г.

«Наиболее настоятельной проблемой настоящего времени являются людские резервы, нужные для обеспечения западного фронта против грозных германских атак, которых можно ожидать зимой. Если эти атаки будут неудачны, то военная партия потеряет свой огромный временный престиж, поддерживаемый ею в настоящее время, и можно предвидеть резкую либеральную реакцию. Чрезвычайно необходимо, чтобы США немедленно помогли союзникам своими человеческими резервами; чтобы войска США, находящиеся уже во Франции, включились поротно в ряды наших солдат, как это предлагалось вам в Париже, а также, чтобы подкрепления из Америки спешили сюда, чего бы это ни стоило. Ближайшие месяцы будут критическими.

Уильям Уайзмэн».

Каблограммы Ллойд Джорджа Хаузу

Лондон, 15 декабря 1917 г.

«Принимая во внимание положение в России и тот факт, что как орудия, так и люди с быстротой перебрасываются с восточного фронта на западный, кабинет министров выражает настойчивое желание, чтобы было принято немедленное решение относительно включения в британские боевые единицы полков и рот американских войск—идея, обсуждавшаяся с вами в Париже. В ближайшем будущем и в течение первых месяцев нового года положение на западном фронте может сделаться необычайно серьезным и может случиться, что станет жизненно важным, чтобы американские людские резервы, находящиеся во Франции, были немедленно использованы, особенно потому, что германцы, как кажется, рассчитывают одолеть союзников еще до того, как вполне обученная американская армия будет способна принять участие в боях.

Ллойд Джордж».

Лондон, 17 декабря 1917 г.

«Мы получили информацию из весьма заслуживающего доверия источника о том, что судостроительная программа США на 1918 г., вероятно, не превысит 2 млн. тонн. Вы должны помнить о наших переговорах здесь и в Париже, в основу которых клалось предположение, что США обеспечат строительство судов на 6 млн. тонн—впоследствии цифра была увеличена до 9 млн. тонн,—и поймете, как серьезно отнесся военный кабинет к этому известию. Американская судостроительная программа абсолютно важна для успеха войны. Могу ли я настаивать, чтобы немедленно были приняты меры для выяснения фактического положения в отношении судостроения, как и вообще рассчитывать на поддержку?

Ллойд Джордж».

Каблограмма Тардье—де Бийи[1]

Париж, декабрь 1917 г.

«Объясните американскому правительству, что мы вступаем в крайне трудный период. Грандиозное германское наступление на нашем фронте, поддержанное подкреплениями, переброшенными из России, почти несомненно еще до конца зимы. Наша армия никогда не находилась в лучшем состоянии, никогда еще не был столь высок ее моральный дух. Напирайте на это, это—абсолютная правда. Но для того, чтобы Франция выдержала нападение без риска неожиданностей, мы нуждаемся в людях, хлебе, газолине и стали.

Таким образом, США должны без промедлений сделать большое усилие: 1) ускорить прибытие войск; 2) доставить пшеницу к пристаням и обратиться к военному транспорту за 500 тыс. тонн торговых судов, взятых из числа реквизированных; 3) взять у Стэндард ойл 8 или 9 нефтеналивных пароходов; грузить сталь на все войсковые транспорты. Повидайтесь с полковником Хаузом. Дайте ему эту каблограмму. Скажите ему, что я убежден, что исход войны зависит от ближайших шести месяцев.

Тардье».

4

Беспокойные недели последовали за возвращением американской военной миссии, так как напряжение сверх программы, ставшее необходимым благодаря требованиям союзников, почти разрушило военную организацию США, находившуюся в то время попрежнему в состоянии зарождения. Письмо, адресованное пол-

---

[1] *Tardieu,* France and America, p. 232.

ковнику Хаузу Томасом Нельсоном Перкинсом, представителем управления военной промышленности при военной миссии, показывает напряженность кризиса. Оно типично для многих других.

Письмо Перкинса Хаузу

Вашингтон, 15 января 1917 г.

«Дорогой полковник Хауз!

...Несмотря на тот факт, что много людей говорили и писали в основном то, что я имею в виду, я позволяю себе обеспокоить вас этим письмом, рассматривающим положение с моей точки зрения, в надежде, что вы посмотрите на него так же и будете способны сделать что-либо для его улучшения, чего я, очевидно, не могу сделать.

Я не предполагаю, что знаю или оцениваю, как вы, серьезность теперешнего положения. Я знаю, однако, что положение на западном фронте носит столь критический характер, что серьезно озабочивает людей, знающих его лучше меня. Я знаю также, что ответственные круги Англии и Франции считают существенным, чтобы мы доставили большое число войск во Францию и ввели их в действие в ближайшем будущем. Я знаю, что имеются определенные материалы, которыми мы должны снабжать англичан и французов, чтобы они были в состоянии произвести усилие, необходимое для отражения германской армии.

Мне кажется, что невыполнение того, что ожидает от нас французская армия, может оказать гибельное действие на моральное состояние французов, так что наш провал не только лишит наших союзников физической помощи, в которой они нуждаются, но может также деморализовать, возможно серьезно, их собственные силы.

Вопреки сознанию опасности, подсказанной мне разумом, что Германия может выиграть войну в течение ближайших шести или восьми месяцев, я лично не думаю, что так случится. Я предполагаю, что германцы сделают огромное усилие и будут неспособны довести его до конца и что после того, как они сами будут истощены, война на некоторый период времени снова застынет на мертвой точке, и это будет продолжаться до тех пор, пока мы окажемся в состоянии сосредоточить во Франции силу, достаточную для сокрушительного удара, или произойдет на той или другой стороне гражданский развал, который и приведет войну к концу.

Мне кажется, что кроме опасности победы Германии имеется еще другая опасность, заслуживающая рассмотрения, а именно, что народы некоторых стран, истощенных войной, могут свергнуть свои правительства, так что мир в большей или меньшей степени столкнется лицом к лицу с условиями, создавшимися сейчас в России. Я думаю, что чем долее длится война, тем больше эта опасность. Я не думаю, что эта опасность уже становится фактом, но не считаю также, что она невозможна.

В обоих случаях, мне кажется, является самым существенным, чтобы мы сделали все, что в наших силах, для удачного окончания войны, и притом возможно скорого.

Я считаю, что выступление президента, принимая во внимание, что ни один из вождей наций не высказал принципов, лежащих в основе борьбы, и не призвал к выдвижению этих принципов, было замечательным выступлением. Но этого выступления недостаточно, если оно не поддержано физическим участием людей и материалов. Наши союзники могут быть тогда раздавлены; и даже если они не будут раздавлены, ценность выступления будет умалена, так как может случиться, что его будут рассматривать, как видение мечтателя, ставшего главой нации, мечтателя, который неспособен к эффективной деятельности.

Если мы будем рассматривать здешнее положение с точки зрения практической работы, то результаты окажутся пока неудовлетворительными...

Очевидно, теперь не время для неразборчивой критики. Критика в такое время, как наше, извинительна только для целей созидания, чтобы установить необходимые изменения и потом посмотреть, какие нужды должны быть удовлетворены и как.

Что положение плохо, в этом не может быть сомнения. Мне кажется вероятным, что если бы страна в самом деле узнала, как плохо положение, то могло бы произойти внезапное изменение чувств.

Вопрос теперь в том, что делать?

Мне кажется, что недостает двух главных вещей: 1) организации; 2) понимания серьезности проблемы, с которой мы столкнулись.

В настоящее время нет ни ведомства, ни лица в нашем правительстве, функцией которого было бы решать, что́ является практическим планом правительства...

В добавление к ведомству, определяющему, что́ должно быть сделано, я создал бы также ведомство, работа которого состояла бы в том, чтобы удовлетворять потребности, формулированные первым ведомством. Наиболее действенный в мире департамент снабжения, однако, может не принести реальной пользы, если нет кого-то, кто определял бы, что́ должно быть поставлено.

Весьма искренне ваш *Томас Н. Перкинс.*

[Приписано пером:] Можете вы сделать что-либо в этом отношении? Мы говорим, а время проходит.—Время весьма существенный элемент.—Как я вижу, каждый имеет фактически такой же взгляд... Не может ли дело быть двинуто вперед?».

Процесс централизации ответственности, благодаря которому была, наконец, развернута настоящая организация, не показан полностью архивом полковника Хауза. Его связь с этим процессом состояла главным образом в доведении до сведения пре-

зидента сути писем, подобных вышеприведенному. В конце концов, несмотря на промедления и ошибки, главные нужды союзников были удовлетворены, и Америка оказалась в состоянии внести свою долю в общую победу.

«Пока я живу,—пишет Андре Тардье,—я буду помнить США, какими они были тогда. Громадная военная машина, оживленная патриотизмом; ее дух в огне; сто миллионов мужчин, женщин, детей, каждым напряженным нервом связанных с портами, в которых идет погрузка; дымящиеся трубы; поезда, мчащиеся сквозь теплые ночи; женщины на станциях, предлагающие горячее кофе проезжающим войскам на их пути к фронту; национальный гимн, поднимающийся к небу; митинги, пропагандирующие займы свободы, в каждой церкви, в каждом театре, на углу каждой улицы; огромные плакаты на стенах: «Вы вступили в нее, вы должны ее выиграть». Это было безмерно и неожиданно для подвига, который, несмотря на грозившую нам опасность и правоту нашего дела, потребовал недель и месяцев подготовки. Чтобы понять друг друга, чтобы согласовать принципы и их применение, оказалось необходимым приспособлять, объяснять, координировать. Триумф этого согласования означал успех. Случайные методы означали бы неудачу»[1].

[1] *Tardieu*, France and America, p. 238.

ГЛАВА XI

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ПУНКТОВ ПРЕЗИДЕНТА ВИЛЬСОНА

«Президент высказал пожелание известить премьер-министра или вас о том, что он чувствует себя обязанным сделать в настоящее время определенное заявление, противопоставленное германским мирным предложениям... До сих пор мы играли наруку германской военной партии...»

Из письма Хауза Бальфуру, 5 января 1918 г.

1

Положительное значение американской военной миссии в Европе, как это показывает предшествующая глава, заключалось в ее воздействии на усиление военной помощи со стороны США. Она выяснила необходимость ускорить развертывание американского производства и обучение американских войск; она повела к созданию различных межсоюзных советов, предусматривавших правильное согласование нужд союзников и способность США удовлетворить их.

То отрицательное, что выявилось в деятельности миссии, также имело историческое значение, так как неуспехи миссии привели к четырнадцати пунктам президента Вильсона. Историки часто удивлялись, почему Вильсон выбрал для произнесения речи о четырнадцати пунктах именно тот момент, а не какой-либо другой. Согласно данным, имеющимся в архиве Хауза, это произошло потому, что американская миссия не добилась на конференции поддержки своему манифесту о целях войны, который мог способствовать удержанию России в рядах воюющих и иметь следствием эффективное дипломатическое наступление против центральных держав. Полное дипломатическое единство между союзниками и США выковало бы наиболее полезное оружие для подобной политики. Так как в Париже не удалось достигнуть этого единства, то президент Вильсон был вынужден предпринять дипломатическое наступление за свой страх.

«Чего попрежнему недостает,—писал Хауз при закрытии межсоюзной конференции,—и чего эта конференция не осуществила,—это разумного направления дипломатии. То обстоятельство, что подобное собрание не смогло оценить требований момента,

приводит к разочарованию. Мы должны были формулировать на конференции политику столь же ясную, столь же широкую и столь же эффективную, как установленное нами согласование наших военных, морских и экономических ресурсов. Это должна была быть политика, апеллирующая ко всему миру, политика, которая потрясла бы германский тыл».

Немедленно после своего возвращения из Парижа полковник Хауз обсудил эту тему с президентом. 18 декабря в кабинете Вильсона в Белом доме он подробно рассказал о своей попытке убедить союзников «объединиться для формулирования ясной декларации о целях войны, которая объединила бы весь мир против Германии и не только помогла бы разрешению русской проблемы, но объединила бы вместе с тем вокруг себя лучшие и самые бескорыстные мнения мира. Я не смог их склонить к этому, и теперь это будет сделано президентом».

Президент Вильсон, не теряя времени, решил, что ввиду отсутствия общесоюзного манифеста его собственное энергичное обращение может стать моральным поворотным пунктом войны, так же как согласование военных управлений и политики явилось, вероятно, поворотным пунктом в сфере военной деятельности. «Мы обсуждали этот предмет не более десяти или пятнадцати минут»,—записал Хауз в свой дневник 18 декабря. Большевики уже вели переговоры о сепаратном мире, и было невозможно не дать своего рода ответа на их требование обоснованного заявления, почему война должна продолжаться. Нельзя было позволить Германии разыграть роль жертвы империалистических вожделений союзников. Было важно также склонить, если возможно, союзные правительства к признанию принципов соглашения, которое оправдало бы жертвы войны и поддержало бы энтузиазм либеральных и рабочих кругов Великобритании и Франции. 13 декабря газета «Манчестер гардиен» опубликовала тексты тайных договоров, переданные ей большевиками, разоблачая, таким образом, характер союзных домогательств 1915 г. Некоторый корректив стал необходим.

Президент Вильсон был благодаря своему положению и способностям наиболее подходящим человеком для того, чтобы формулировать моральные проблемы, усложнявшие войну, существенно пойдя навстречу чувству протеста, поднимавшемуся в либеральных и рабочих кругах и активно проявившемуся в России. Президент представлял сторонников мира на всей земле. Он был главой нации, контролировавшей равновесие экономических сил. Его престиж весьма увеличился благодаря посылке американской военной миссии в Европу и американскому требованию большей организованности военных и промышленных усилий.

Своим выступлением перед всеми участниками войны в качестве глашатая либералов и пацифистов Вильсон дал союзникам факторы политического значения, помогшие в конечном итоге победе, хотя размер этой помощи не всегда правильно оценивался теми, которые думали, что войны выигрываются только пушками.

и блокадой. Приближающаяся кампания 1918 г. должна была явиться испытанием моральной стойкости союзных народов, испытанием, равного которому они еще не видели. Не только люди и суда оказались бы нужны для стойкой обороны, но и абсолютное убеждение в правоте общего дела.

Приняв решение относительно необходимости формального установления целей войны, президент попросил Хауза собрать и привести в порядок материалы, потребные для его послания, в сотрудничестве с группой экспертов, уже с сентября собиравшей данные, которые должны были быть использованы на мирной конференции. Ко времени возвращения миссии Хауза из Европы «Инкуайри» представляло собой попрежнему не более, как центральное ядро, пользующееся помощью немногих, хорошо известных авторитетов по географическим, экономическим и юридическим вопросам. Но это ядро всегда оставалось хозяином фактов, им собранных, и сохраняло неизменную объективность при анализе непостоянных и противоречивых спорных вопросов, поставленных этими фактами. Поэтому, когда Хауз вернулся из Вашингтона и сообщил, что Вильсон собирается произнести после рождества речь, которая может оказаться наиболее важной речью в его жизни, «Инкуайри» оказалось в состоянии выработать в течение немногих дней полную территориальную программу. Общие положения получили формулировку, критические территориальные спорные вопросы были выделены, и рекомендации набросаны в соответствии с принципами, одобряемыми Вильсоном. На заседаниях, продолжавшихся целые дни и ночи, в качестве оправдательных документов подготовляемых рекомендаций были собраны и обработаны статистические данные и составлены карты, служащие иллюстрациями.

Некоторые из этих данных взял с собой 23 сентября Хауз, отправлявшийся в Вашингтон, чтобы провести там рождество. Основной доклад «Инкуайри», лежавший перед Вильсоном, когда он составлял свою речь, был привезен Хаузом при втором его приезде, 4 января. Этот доклад подразделялся на две главные части. Первая обрисовывала общее дипломатическое положение и намечала пункты, которые должны были быть особенно подчеркнуты при предположенном дипломатическом наступлении против Германии: Болгария и Австро-Венгрия согласно директиве должны были трактоваться сочувственно, Германия должна была быть поставлена под угрозу экономических кар после окончания войны, если она не согласится и не окажется способной представить гарантии своего отказа от империалистической политики. «Это наше сильнейшее оружие, и германцы прекрасно понимают его опасность. Держась за него, можно добиться неоценимых уступок». Западные союзники должны были быть ободрены: «1) энергичным высказыванием в пользу экономического единства контроля; 2) выступлением США, которое укажет путь либералам в Великобритании и во Франции и тем самым восстановит нацио-

нальное единство цели; эти либералы охотно примут руководство президента, если он предпримет либеральное дипломатическое наступление, так как они найдут в этом наступлении бесценную поддержку для своих внутренних домашних смут, и, наконец, 3) такое мощное либеральное выступление со стороны США безмерно возбудит американскую гордость и интерес к войне и обеспечит правительству поддержку большей части американского народа, который желает идеального решения вопроса. Подобное либеральное наступление поможет больше, чем что-либо другое, создать в нашей стране тот род общественного мнения, в котором президент нуждается, чтобы довести до конца программу, им предначертанную».

Вторая часть доклада «Инкуайри» устанавливала условия разрешения восьми спорных территориальных вопросов, а именно: вопросов о Бельгии, северной Франции, об Эльзасе и Лотарингии, об итальянской границе, о Балканах, Польше, Австро-Венгрии и Турции. Эта часть кончалась параграфом, отмечающим, что из существующего антигерманского союза должна развиться лига наций. «Должна ли эта лига быть вооруженной и не включающей в свой состав теперешних противников или, наоборот, разоруженной и дружественно включающей в себя Германию, зависит от того, будет ли германское правительство фактически представлять германскую демократию».

Источники информации, необходимой для точного понимания политических течений в Европе, были с трудом доступны во время войны; следовательно, в докладе имелось много такого, что обнаруживало неведение европейских условий. Но в главных чертах рекомендации «Инкуайри» были здравы. Во всех случаях они представляли ту политику, которую Вильсон всегда проводил, и включали в себя принципы либералов США и других стран. Эти принципы, в том виде, как они выражены в «четырнадцати пунктах», не были тождественны ни с принципами «Инкуайри», ни с принципами президента Вильсона. «Инкуайри» просто выполнило кропотливую работу собирания мнений и фактов и приведения их в форму, удобную для рассмотрения их президентом, определяя ту тенденцию общественного мнения, которая казалась наиболее ясно подтвержденной фактами. Президент Вильсон оценивал этот материал в свете того, что было, как он думал, практическим идеализмом, и облекал его в убедительную форму. Речь была великой отчасти благодаря изобразительному таланту Вильсона, отчасти благодаря тому, что она уловила направление невыраженного общественного мнения и выразила его со всем авторитетом высокого положения президента. «Слова президента,—писала после речи «Нью-Йорк трибюн»,—были словами ста миллионов».

2

Рекомендации «Инкуайри» были заботливо изучены Вильсоном, особенно те из них, которые относились к установлению

территориальных спорных вопросов. Президент обсудил их с полковником Хаузом и написал на полях доклада стенографические комментарии, некоторые из которых с небольшими изменениями он потом включил в свою речь. Он перечитал также большое количество меморандумов, представленных европейскими представителями и привезенных Хаузом в Вашингтон вечером 4 января.

«Я добрался до Белого дома не раньше девяти часов,—писал Хауз.—Мне оставили обед, но я едва дотронулся до него и отправился немедленно совещаться с президентом относительно предположенного послания конгрессу о наших целях войны...

Мы совещались дольше чем до половины одиннадцатого, обсуждая общие условия, подлежащие применению, и рассматривая данные и карты, привезенные мной с собой и отчасти изготовленные «Инкуайри».

Президент решил, что он будет строить свою речь, имея в виду три специальные цели. Во-первых, ответ на требование большевиков относительно объяснения целей войны, ответ, который сможет убедить Россию стоять рядом с союзниками при защите ими демократических и либеральных принципов, на основе которых, как настаивал Вильсон, должно быть построено здание мира и которые были бы растоптаны ногами в случае победы Германии. Во-вторых, призыв к германским социалистам, которые начали проявлять подозрение, что их правительство фактически ведет не оборонительную войну, а завоевательную, совершенно несозвучную с июльской резолюцией рейхстага. В-третьих, предупреждение Антанте о том, что должна быть осуществлена ревизия в либеральном духе военных целей в том виде, как они выражены в тайных договорах. Президент был особенно взволнован Лондонским договором и мероприятиями, предпринятыми для раздела Турции.

Вильсон был осведомлен о размерах обязательств, принятых на себя Великобританией и Францией по Лондонскому договору[1]. Важно было выяснить, что США отстаивают принципы, приходящие в непосредственное столкновение с этим договором, поскольку он подчиняет итальянскому суверенитету чуждые национальности. Относительно этого вопроса не существовало разногласий между полковником Хаузом и президентом, и последний написал на полях доклада «Инкуайри» фразу, вошедшую впоследствии в пункт 9: «Регулировка итальянских границ, согласно ясно выраженным национальным признакам»[2]. Это было фактическим отрицанием права Италии на контроль над Адриатикой и над говорящей по-немецки частью Тироля, поскольку это право было выражено Лондонским договором.

Отрицательное отношение президента к разделу Турецкой империи, намеченному договорами 1915 г., договором Сайкс—

---

[1] См. выше, глава II.

[2] В речи слово «выраженным» было заменено словом «выражаемым».

Пико и договором Сен-Жан де Мориенн, было столь же несомненно. Заметка в дневнике Хауза, сделанная в августе прошлого года, показывает, что условия этих договоров стали общим достоянием даже еще до опубликования их большевиками. «В Турции знают,— писал Хауз,—о заключенных союзниками между собой тайных договорах , в которых они охотно разделили Турцию на части». Другая заметка, от 13 октября, ссылается на совещание с президентом Вильсоном: «По его мнению, нужно сказать, что Турция должна быть вычеркнута как государство и что распоряжение ее судьбой должно быть возложено на мирную конференцию... Я добавил, что необходимо установить, что Турция не будет разделена между участниками войны, а должна стать в различных своих частях автономной согласно расовым признакам. Он согласился с этим». Кроме того, 1 декабря, во время пребывания Хауза в Париже, президент прислал ему каблограмму, содержавшую протест против мероприятий по разделу Турции. Теперь же он решил, как и в случае с Италией, не делать какой-либо ссылки на договоры, а просто установить общий принцип, который мог быть впоследствии использован для противодействия империалистическим замыслам. Очевидно, он изменил свое мнение о необходимости уничтожения Турции, так как он записал на полях доклада «Инкуайри»: «Турецкая часть современной Турецкой империи должна получить гарантию обеспеченного суверенитета, а другим национальностям, находящимся сейчас под турецким управлением, должна быть обеспечена полная возможность благоприятного развития»[1].

После отметки четырех других территориальных пунктов, содержавшихся в докладе «Инкуайри», президент решил отложить до следующего дня окончательную выработку общих рекомендаций и установление порядка, в котором они должны быть расположены. На следующее утро, в субботу 5 января, как только он покончил по заведенному порядку с корреспонденцией, он позвал Хауза в свой кабинет и начал окончательную разработку речи и установление порядка ее пунктов. Впоследствии он выражал сожаление, что ему не удалось вместить все, казавшееся ему необходимым, в тринадцать пунктов, так как он считал число тринадцать благоприятным для себя.

В дневнике Хауза имеется запись исторически важного совещания между ним и Вильсоном, на котором были выработаны 14 пунктов. Очень жаль, что президент, если имеющаяся информация соответствует действительности, не сделал записи беседы. Вильсон не вел систематического дневника и несомненно не считал беседу имеющей большее значение, чем многие другие, которые он вел с Хаузом. Записи полковника были продиктованы с забот-

[1] В речь президента дополнительно включена статья об обеспечении свободы Дарданелл. Он также еще раз подчеркнул желательную для национальностей автономию заменой слов «absolutely unmolested» словом «full». Далее он изменил «must» (должно) на «should» (необходимо).

ливостью, и точность заметок его дневника в общем удостоверена в каждом пункте, который смог быть проверен; имеется полное основание признать его рассказ точным. Важно вспомнить, однако, что Хауз вел записи дневника, не думая об его опубликовании; читатель не должен быть введен в заблуждение повествовательной формой дневника и притти к предположению, что Хауз руководил беседой[1].

«Суббота была примечательным днем,—писал полковник Хауз.—Я отправился в государственный департамент тотчас после утреннего завтрака, чтобы повидать Полка и других, и вернулся в Белый дом в четверть десятого, собираясь взяться за работу с президентом. Он уже ожидал меня. Мы принялись за дело в половине десятого и кончили переделывать карту мира, как и хотели, в половине двенадцатого[2].

Мы взялись за дело систематически, сначала набросали общие условия вроде явной дипломатии, свободы морей, устранения таможенных барьеров, установления равных условий труда, гарантии снижения национальных вооружений, согласования колониальных требований, общего содружества наций для сохранения мира. Потом мы принялись за Бельгию, Францию и за другие территориальные требования. Когда мы кончили, президент спросил меня, в каком порядке должны стоять выработанные пункты. Я высказал мнение, что сначала нужно поставить общие условия, потом территориальные требования. Он бегло просмотрел мои наметки и сказал, что они совпадают с его собственными предположениями, за исключением пункта, касающегося ассоциации мира, который должен, по его мнению, стоять последним, так как это закруглило бы послание должным образом и позволило бы ему сказать в конце некоторые необходимые вещи.

Обсуждая эти вопросы, я упорно защищал явную дипломатию и привел в ее защиту сильный аргумент. Я сказал, что нет ничего, чем бы он мог так порадовать американский народ и мировую демократию, как этим, что это вполне правильно и будущая дипломатия должна быть именно такой. Я просил его заняться как следует этим пунктом и поставить его первым[3].

[1] Д-р Исайя Боумэн в качестве сотрудника «Инкуайри» знал из первых рук о событиях, постепенно подготовлявших речь относительно «четырнадцати пунктов», и любезно согласился прочесть и подвергнуть критике эту главу. В качестве комментария к беседам Хауза и Вильсона интересен следующий отрывок из письма д-ра Боумэна:

«У меня, однако, создалось мнение, что отчет о совещаниях Хауза и Вильсона на редкость односторонен. Мы имеем дневник Хауза, а не Вильсона. Мы имеем мнение X., насколько он помог Вильсону, но не мнение В. Никто не может сомневаться, что X. (в период мировой войны) был мудрейшим советником, когда-либо бывшим у какого-либо президента».

[2] Конечно, время, использованное на «переделку карты мира», необходимо было только для того, чтобы подобрать выражения для выводов, к которым пришел президент после многих месяцев размышления.

[3] Этот пункт и стоял в речи первым пунктом: «Явные мирные договоры, открыто заключаемые, после которых не должно быть никаких частных международных соглашений какого-либо вида».

Потом я предложил ему требовать, насколько только возможно, устранения препятствий торговле [1]. Он привел доводы в пользу того, что это предложение встретило бы оппозицию, особенно в сенате. Тем не менее я думаю, что так как послание должно служить цели установления нового мирового порядка, то нужно признать, что без отмены таможенных барьеров такого порядка нельзя установить. Двумя основными причинами войны являлись территориальная и торговая жадность, и поэтому справедливо и необходимо, борясь против первой причины, выступать и против второй. Он ничего не возразил против моего аргумента и продолжал отделывать параграф, в котором это высказывалось [2].

Тогда я поставил на обсуждение вопрос о свободе морей. Он спросил о моем определении этого понятия. Я ответил, что я придаю ему более широкий смысл, чем кто-либо другой из тех, кого я знаю, так как я считаю, что как в мирное время, так и в военное, купец должен пересекать моря без всяких опасений. Он согласился с этим, и пункт получил следующую формулировку: «Полная свобода мореплавания вне территориальных вод как в мирное время, так и в военное».

После того как послание было целиком написано и он прочел его три или четыре раза, интересуясь, как примет Англия этот специальный пункт, я предложил, чтобы он прибавил к нему, что «моря могут быть закрыты международным постановлением, дабы вынудить выполнение международных договоров». Президент ухватился за это предложение с жадностью и дополнительно внес

[1] 27 октября 1917 г. Хауз писал президенту: «Я хорошо чувствую, что на мирной конференции, насколько это осуществимо, должно быть что-то сделано против ограничений торговли. Эти ограничения были и будут угровой миру. Если тарифные барьеры будут сломаны, если субсидии будут уничтожены общим соглашением, если будет установлена фактическая свобода морей как в мирное, так и в военное время, то мир сможет с уверенностью смотреть в будущее.

Не должно быть никакой монополии какой-либо нации ни на сырье, ни на существенные виды пищевых продуктов и одежды.

В вашей речи в Мобиле вы провозгласили доктрину, что ни одна территория не должна приобретаться впредь путем насильственного захвата, и эта доктрина признана ныне всем миром. Если бы вы смогли теперь использовать ваше командное положение, чтобы выдвинуть вперед эту вторую доктрину, которая является фундаментом мира, то тем самым вы дали бы роду человеческому больше, чем дал какой-либо другой из когда-либо живших правителей.

Если вы напишете послание, подобное тому, о котором мы разговаривали, то я надеюсь, что вы скажете, что самой худшей вещью, которая может случиться с Германией, был бы мир, заключенный с ее правительством, не ответственным перед страной. Такой мир неминуемо привел бы впоследствии к экономической войне, войне, в которой силой обстоятельств наше правительство было бы вынуждено принять участие».

В своем декабрьском послании конгрессу Вильсон уже близко следовал за предложением, высказанным в последнем разделе письма Хауза.

[2] Это выражено в пункте 3 речи: «Уничтожение, насколько возможно, всех экономических барьеров и установление равенства условий торговли между нациями, приверженными к миру и объединившимися для его поддержания».

его в пункт. Я привел в качестве довода то обстоятельство, что я обсуждал вопрос в мою бытность в Англии и думаю, что с этим добавлением пункт будет приемлем для англичан[1].

Одним из пунктов, обсуждавшихся нами, было сокращение вооружений. Президенту пришлось повозиться с этим пунктом некоторое время, пока он придал ему теперешнюю форму, удовлетворившую нас обоих[2]. Я не углублялся в трудности вопроса, так как они казались очевидными каждому, кто пробовал разрешать их сколько-нибудь удовлетворительно.

С колониальным вопросом мы имели меньше хлопот. Сначала казалось, что, может быть, придется обойти его совершенно, но президент начал прикладывать к нему руку и сейчас принятый пункт оказался приемлемым для нас обоих и, как мы надеялись, должен быть приемлемым и для Великобритании[3].

Мы взялись за Бельгию, и пункт, ее касающийся, был написан без затруднений[4]. Потом последовала длинная дискуссия относительно Франции и относительно того, следует ли касаться вопроса об Эльзасе и Лотарингии. Я стоял за то, чтобы не упоминать о них специально, если есть возможность не делать этого, поэтому сначала президент выразился так: «Вся французская территория должна быть освобождена и часть ее, подвергнувшаяся вторжению, восстановлена». Мы оставили вопрос открытым и перешли к другим территориальным пересогласованиям, но через некоторое время вернулись к вопросу снова. Президент убеждал меня, что необходимо сказать что-нибудь относительно Эльзаса и Лотарингии, так как послание столь определенно в отношении других наций, и я согласился, что он прав. Тогда я предложил сказать так: «Если Эльзас и Лотарингия будут возвращены Франции, то Германии должны быть предоставлены равно благоприят-

---

[1] Этот параграф, окончательно обозначенный в речи пунктом 2, гласил: «Абсолютная свобода мореплавания вне территориальных вод как в мирное, так и в военное время, за исключением случая, когда моря могут быть закрыты полностью или частично международным постановлением для того, чтобы вынудить выполнение международных договоров».

[2] Пункт, поставленный в речи четвертым, гласил: «Должны быть даны и получены равные гарантии, что национальные вооружения будут сокращены до низшего уровня, совместимого с внутренней безопасностью».

[3] Пункт 5 гласит: «Свободное, непринужденное и совершенно беспристрастное согласование колониальных требований, основанное на точном соблюдении того принципа, чтобы при разрешении всех подобных вопросов суверенитета интересы соответствующего населения имели равный вес со справедливыми требованиями правительства, право которого на владение должно быть установлено».

[4] В пункте 7 сказано: «Бельгия, с этим согласится весь мир, должна быть эвакуирована и восстановлена без какого-либо покушения ограничить ее суверенитет, которым она пользуется наравне со всеми другими свободными нациями. Никакое другое деяние не будет способствовать так, как это, восстановлению доверия наций к законам, ими установленным, определяющим отношения между правительствами. Без этого целительного акта целостность структуры международного права и его действенность окажутся навсегда разрушенными».

ные экономические права», так мы написали и так оставили до утра понедельника.

В понедельник после завтрака президент сказал, когда мы шли в его кабинет: «Единственная вещь в послании, которая меня беспокоит, это Эльзас и Лотарингия. Я недоумеваю, каким образом это будет сделано». Я ответил, что фактически это единственный пункт, меня смущающий, и я предлагаю опять за него взяться. В настоящем виде, как я опасаюсь, пункт не удовлетворит ни Францию, ни Германию. Мне кажется, он может выбросить экономическую часть и вставить утверждение, что в течение пятидесяти лет Эльзас и Лотарингия были предметом беспокойства Европы и что справедливое разрешение вопроса настолько же в интересах Германии, насколько оно необходимо для поддержания мирового равновесия.

Тогда президент написал пункт в том виде, в каком он существует сейчас, с тем исключением, что он написал « *must* be righted» («*должна* быть исправлена») вместо «*should* be righted» («*нуждается* в исправлении»), а я считал последнее лучшим[1].

Мы начали спорить относительно того, где должно быть применено «should», а где «must», и он согласился, что там, где нет разногласий относительно справедливости известного разрешения вопроса, должно применяться слово «must», а там, где имеются разногласия, уместно слово «should». Он просмотрел все послание и исправил его в этом смысле. Он пожелал знать, удалось ли нам схватить суть пункта. Я уверенно сказал, что удалось.

Мой довод был таков: американский народ не может согласиться воевать ради нового регулирования европейской территории, а следовательно, не может и поддерживать такое регулирование, за исключением Бельгии, в отношении которой слово «must» и должно быть применено».

Президент Вильсон изучал пункт относительно России с особой заботой, так как положение в России являлось в некотором смысле главным «raison d'être» (целеоправданием) речи. Большевики заключили перемирие с Германией, но еще не выяснилось, смогут ли они согласиться на ее условия мира. Америка и союзники должны были стараться о том, чтобы не укрепить ее призывом к мятежу. Прежде всего было необходимо настаивать на дружественном расположении Америки к России и на отсутствии у Америки эгоистических военных целей. Хауз показал Вильсону телеграмму, полученную им от русского посла, который со времени большевистского переворота не представлял партию, стоявшую

[1] Окончательный текст пункта 8 читается:

«Вся французская территория должна быть очищена и подвергшаяся вторжению территория восстановлена, а несправедливость, причиненная Франции Пруссией в 1871 г. в вопросе об Эльзасе и Лотарингии, несправедливость, нарушавшая покой всего мира в течение почти пятидесяти лет, нуждается в исправлении, чтобы мир раз навсегда был обеспечен в интересах всего человечества».

у власти в Москве. Именно эта телеграмма, полученная Хаузом месяц назад, и заставила его внести первоначальное предложение о пересмотре военных целей союзников.

Каблограмма Бахметьева Хаузу

Нью-Йорк, 30 ноября 1917 г.

«Хотя правительство Ленина, захватившее власть путем насилия, не может рассматриваться как правительство, представляющее волю русской нации, его призыв, обращенный к союзникам и призывающий к перемирию, не может быть оставлен без ответа, так как всякое уклонение союзников от решения вопроса о мире только усилит позицию большевиков и поможет им создать в России атмосферу, враждебную союзникам. Какой-либо формальный протест против политики Ленина или какие-либо угрозы будут иметь тот же самый эффект. Они только ухудшат положение и помогут максималистам дойти до крайности...

Бахметьев».

Имея это в виду, Хауз советовался с Бахметьевым перед отъездом в Вашингтон, и написанное Вильсоном по своей сущности и содержанию близко к наброску посла. Продолжение рассказа полковника о дальнейшем обсуждении вопроса с Вильсоном таково:

«Я прочел ему приготовленное мной предложение, относящееся к России и предварительно рассмотренное русским послом, вполне его одобрившим. Я сказал, что безразлично, сколь велико негодование президента по поводу поступка русских: разум велит нам изолировать Россию, насколько возможно, от Германии, а этого можно достигнуть только открытым и дружественным выражением сочувствия и обещанием более существенной помощи. Президент не возражал, так как наши мысли были вполне одинаковы, и то, что он написал о России, является, по-моему, в некоторых отношениях наиболее красноречивой частью его послания[1].

Он посвятил некоторое время Польше. Я передал ему меморандум, врученный мне польским национальным советом в Париже и содержащий параграф, на принятие которого межсоюзной кон-

[1] Обозначено в речи как пункт 6: «Очищение всей занятой русской территории и разрешение вопросов, затрагивающих Россию, способствующее наилучшему и свободнейшему сотрудничеству других наций мира, с целью помочь России использовать беспрепятственно и без затруднений благоприятные возможности для независимого разрешения вопросов ее собственного политического развития и национальной политики и для гарантирования ей искреннего, радушного приема в содружество свободных наций при условии установления ею формы правления по собственному выбору. И даже не только приема в союз наций, а также и помощи любого рода, в которой она может нуждаться и которой она сама пожелает».

ференцией национальный совет рассчитывал, но который был отклонен ею. Мы перечли этот меморандум со вниманием, и оба пришли к заключению, что он не может быть использован полностью, но составленный пункт приближался к меморандуму настолько близко, насколько это, по мнению президента, было разумно и целесообразно [1].

После того как был написан пункт о Турции, президент высказал мнение, что пункт может быть сделан более определенным и что Армения, Месопотамия, Сирия и другие части могут быть названы по имени. Я не согласился с этим, думая, что сказанное и так достаточно определенно, и в конце концов пункт остался без изменений»[2].

3

После субботнего утреннего совещания с Хаузом президент Вильсон не внес больше никаких существенных изменений в свои четырнадцать пунктов, кроме упомянутого изменения пункта об Эльзасе и Лотарингии.

Единственным, вероятно, пунктом, посторонней критики которого желал президент, был пункт, касающийся устройства Балкан; относительно этого пункта было добыто мнение главы сербской миссии в Вашингтоне. Набрасывая этот пункт, президент избегал определенных рекомендаций, может быть, потому, что он ясно учитывал трудность понимания сложных спорных вопросов в этой области и чувствовал себя вынужденным искать выхода в виде до некоторой степени неопределенных общих мест.

В первоначальной редакции пункт 11 читался так:

«Румыния, Сербия и Черногория должны быть очищены; занятые территории восстановлены; Сербия получает свободный и обеспеченный доступ к морю; взаимоотношения различных балканских государств друг с другом определяются дружественными совещаниями, путеводными линиями которых будут исторически сложившиеся понятия верности и национальности. Должны быть созданы международные гарантии политической и эко-

---

[1] Пункт 13 речи: «Должно быть создано независимое польское государство, включающее в себя территории, населяемые неоспоримо польским населением, которому должен быть гарантирован свободный и обеспеченный доступ к морю и которого политическая и экономическая независимость и территориальная неприкосновенность должны быть гарантированы международным соглашением».

[2] Пункт 12 речи: «Турецкие части теперешней Оттоманской империи должны получить гарантию обеспеченного суверенитета, но другие национальности, находящиеся теперь под турецким управлением, должны получить гарантию полной обеспеченности жизни и абсолютно ничем не омрачаемой благоприятной возможности автономного развития. Дарданеллы должны быть всегда открыты для свободного прохода военных и коммерческих судов всех наций, при условии международной гарантии».

номической независимости и территориальной неприкосновенности балканских государств»[1].

Этот раздел обычно рассматривался людьми, изучавшими балканские проблемы, как самое слабое место во всей речи о четырнадцати пунктах. Производящая сенсацию фраза: «дружественными совещаниями, путеводными нитями которых будут исторически сложившиеся понятия верности и национальности», фактически ничего не имела в виду, так как на Балканах таких путеводных нитей не существовало. Доклад «Инкуайри», покажутся ли его специальные рекомендации разумными или нет, был по крайней мере ближе к реальности[2]. Возможно, что благодаря

---

[1] Президент сделал легкие изменения в фразеологии этого раздела до произнесения своей речи. Окончательная форма была: «Румыния, Сербия и Черногория должны быть очищены; занятые территории восстановлены; Сербия получает свободный и обеспеченный выход к морю; взаимоотношения различных балканских государств определяются дружественными совещаниями, путеводными нитями которых будут исторически сложившиеся понятия верности и национальности; должны быть установлены международные гарантии политической и экономической независимости и территориальной неприкосновенности отдельных балканских государств».

[2] Доклад «Инкуайри» говорил следующее: «Никакое справедливое или прочное решение запутанных проблем, ставящих лицом к лицу глубоко обиженные балканские народы, не может быть основано на произвольном Бухарестском договоре (1913 г.). Договор этот являлся продуктом пагубной дипломатии, с которой народы мира теперь совершенно покончили. Договор нанес ущерб каждой балканской нации, даже тем нациям, которым он как будто благоприятствовал, набросив на них постоянную зловещую тень военной угрозы. Он несомненно способствовал потере болгарским народом естественного чувства верности и былой лояльности. Он отказал Сербии в доступе к морю, являющемся для нее необходимым, так как только выход к морю делает ее независимость полной. Справедливое разрешение вопроса должно начаться, конечно, с очищения армиями центральных держав территорий Румынии, Сербии и Черногории и восстановления Сербии и Черногории. В последнем итоге общность различных балканских народов должна основываться на справедливом равновесии национальных и экономических соображений, примененных в благородном и изобретательном духе после беспристрастного научного исследования. Вмешательство и интриги великих держав должны быть прекращены, а методы достижения национального единства с помощью резни должны быть брошены.

Было бы, очевидно, неразумным пробовать наметить в настоящее время границы балканских государств. Некоторые общие соображения, однако, можно попытаться сохранить в памяти. Эти соображения следующие: 1) площадь, аннексированная Румынией в Добрудже, почти несомненно болгарская по характеру и должна быть возвращена; 2) граница между Болгарией и Турцией должна быть установлена по линии Энос—Мидия, как это установлено на конференции в Лондоне; 3) южной границей Болгарии должно быть побережье Эгейского моря от Эноса до залива Орфано, а устье реки Струмы должно лежать на болгарской территории; 4) лучшим выходом к морю являются для Сербии Салоники; 5) окончательное решение относительно Македонии не может быть принято без дальнейшего исследования; 6) независимая Албания почти наверное является нежелательным политическим фактором.

Мы твердо убеждены, что в вышестоящем анализе экономические соображения перевесят национальные связи на Балканах и что порядок, обеспечивающий экономическое процветание, весьма вероятно, является и прочным порядком».

тому, что Вильсон ясно понимал слабость этого раздела, он искал постороннего совета и получил его непосредственно, и притом в критической форме.

«Раздел, касающийся Румынии, Сербии и Черногории,—писал Хауз,—интересен ввиду того, что президент просил меня представить его на рассмотрение Веснича, главы сербской миссии в нашей стране, и сербского посла в Париже. Он хочет знать отношение Веснича к проекту...

Я просил Веснича встретиться со мной у Гордона, так как я не считал уместным пригласить его притти в Белый дом... Он был совершенно не согласен с тем, что написано, и сказал, что это не удовлетворит Сербию. Он сказал также, что в настоящее время еще рано заключать мир и что нельзя отнестись с одобрением к обсуждению условий мира. Я сказал ему, что так как Россия, Германия, Австрия и Великобритания уже ведут переговоры о мире, то бесцельно обсуждать вопрос, уместны ли такие переговоры или нет; поэтому я предложил ему изложить конкретно то, что он предпочитает предложенному мной на его рассмотрение. Он написал с некоторым трудом внизу раздел, который президент... оформил следующим образом:

«В Европе не будет и не может быть какого-либо прочного мира, если Австро-Венгрия сохранится в своем теперешнем виде. Нации, входящие в состав ее населения, как сербы, кроаты, словены, чехи и словаки, так и румыны и итальянцы, будут продолжать бороться против германо-мадьярского преобладания. Что касается Болгарии, то Сербия крепко держится за Бухарестский договор. Союзные державы гарантировали ей эти границы. Нет ни нравственной, ни физической возможности добиться скорого соглашения между балканскими народами, соглашения, которое, конечно, желательно и когда-либо наступит. Болгария не может и не должна получить вознаграждение за свое предательство. Я искренне думаю, что серьезные переговоры о мире в данный момент войны означали бы полный провал политики союзников и страшное крушение человеческой цивилизации».

Веснич начал рассказывать мне историю Балкан, в особенности Сербии, и я принужден был остановить его, сказав, что у меня назначена встреча с президентом.

Президент был несколько подавлен этой первой и единственной попыткой добыть постороннее мнение относительно послания... Я посоветовал ему нисколько не изменять раздела и итти вперед, как будто никаких возражений не было. Так он и поступил».

Удивляет до некоторой степени, что настояния Веснича на том, что постоянное соглашение не может быть обеспечено, пока продолжает существовать Австро-Венгрия, не повели к дальнейшей дискуссии между президентом и полковником Хаузом. Мнение сербского посла отнюдь не было единичным явлением. Многие авторитеты во Франции и в Великобритании рассматривали проблему австрийских национальностей, как основу и источник зла.

Эти авторитеты думали, что необходимо смотреть обстоятельствам прямо в глаза, причем они делали ударение на моральной и материальной помощи, которую подвластные Австрийской империи национальности, если их должным образом поощрить, могут принести Антанте своей революцией.

Перед президентом Вильсоном стояли две политические альтернативы. Он мог объявить габсбургской монархии войну насмерть и обещать полное освобождение чехословакам, полякам, южным славянам и румынам. Он должен был, таким образом, оказать поддержку революции, которая могла кончиться балканизацией дунайских областей, но которая должна была в то же время в значительной степени подточить силы центральных империй. Или он мог провозгласить право подвластных национальностей на «автономию», причем они должны были остаться своего рода федеральным союзом под короной Габсбургов. Опасность раздробления территорий, экономически зависимых друг от друга, была бы, таким образом, избегнута, в то самое время как самоуправление национальностей было бы обеспечено.

Президент выбрал вторую альтернативу. В согласии с руководящими государственными деятелями Западной Европы он думал, что политический союз народов Австро-Венгрии являлся необходимостью, и он, кажется, чувствовал, что, только освободившись от германского влияния, габсбургская монархия сделается полезной силой. Полковник Хауз был того же мнения[1]. Доклад «Инкуайри» советовал Вильсону придерживаться несколько извилистого курса, угрожающего существующему габсбургскому правительству национальными восстаниями и в то же время показывающему ему средство избегнуть риска, отказавшись от германского контроля во внешней политике[2]. «Австро-Венгрия находится в положении, при котором она должна быть хорошей, чтобы остаться в живых».

Президент Вильсон в своей речи, касавшейся четырнадцати пунктов, не угрожал целостности габсбургской империи. Пункт 10 формулировал просто, что: «Народам Австро-Венгрии, место которых среди других наций мы желаем видеть сохраненным и обеспеченным, должна быть предоставлена наиболее свободная и благоприятная возможность автономного развития». Это было фактически то же самое, чего хотели достигнуть руководители Антанты. Ллойд Джордж именно в то самое время отказался от каких-либо угроз существованию габсбургской империи. «Тем не менее... распад Австро-Венгрии,—сказал он,—не входит

---

[1] См. выше, глава VI, письмо Хауза Вильсону от 15 августа 1917 г. «На основе status quo ante Антанта может помочь Австрии самой освободиться от Пруссии».

[2] «Наша политика должна, следовательно, складываться сначала из возбуждения национального недовольства, а потом из отказа принять крайнюю логику этого недовольства, которая требовала бы отделения от Австро-Венгрии».

в число наших военных целей. Мы чувствуем, что если не будет гарантировано подлинное самоуправление, основанное на истинно демократических принципах, тем из австро-венгерских национальностей, которые долго его желали, то невозможно надеяться на устранение причин беспокойства в части Европы, столь долго угрожавшей всеобщему миру».

Важно помнить, что государственные люди того времени были принуждены основывать свою политику на неравноценных и часто противоречивых источниках информации. Они все еще верили в возможность сохранения союза австро-венгерских народов и освобождения габсбургской империи от германского контроля. Но, как обнаружилось, речи Вильсона и Ллойд Джорджа были совершенно бесполезны. Продолжала ли бы двуединая монархия стоять на стороне Германии при ее поражении или дезертировала бы—она была обречена на гибель. Как признавал сам Чернин: «Часы Австро-Венгрии останавливались—их завод кончился»[1].

«Мы могли бы перейти на сторону врагов,—писал Чернин.— Мы могли бы сражаться против Германии в рядах Антанты на австро-венгерской земле и несомненно ускорили бы крушение Германии, но раны, которые были бы нанесены Австро-Венгрии в борьбе, не были бы менее серьезными, чем те, от которых она теперь страдает; она погибла бы в борьбе против Германии так же, как она погибла, сражаясь в союзе с Германией».

Антанта закончила войну поражением Германии, и, как только это совершилось, развал Австро-Венгрии стал неизбежен. Введение федеральной автономии несколькими годами ранее могло разрешить габсбургскую проблему, но теперь было уже слишком поздно. Расчленение двуединой монархии зашло так далеко, что Австро-Венгрия могла сохранять свое государственное единство только с помощью германских штыков. Ясное понимание этого факта, может быть, ускорило бы окончание войны, так как вместо обсуждения проектов «автономии» и «самоуправления», вводивших в заблуждение и обескураживающих мятежных славян, американцы и руководители союзников могли пустить в ход революцию, которую они не могли предупредить, и получить от нее пользу. Как бы то ни было, работа пропаганды, направляемая Нортклифом и Стидом в сотрудничестве с Масариком и вождями южных славян и окончательно разъедавшая моральную стойкость габсбургской армии, была задержана, и помощь, которая могла оказаться неоценимой для Антанты в момент величайшей опасности весной 1918 г., была потеряна.

4

В тот самый день, когда президент Вильсон произнес свою речь о четырнадцати пунктах, Ллойд Джордж выступил перед конгрессом тред-юнионов со столь же всеобъемлющим, но совершенно

[1] *Czernin*, In the World War, p. 37.

независимым заявлением относительно целей войны[1]. Премьер-министр вскоре после своего возвращения с межсоюзной конференции в Париже понял принудительную для британского правительства необходимость высказаться по поводу положения в России, особенно по поводу меморандума, касавшегося целей войны, изданного британской рабочей конференцией. Полковник Хауз сделал некоторый намек, что Ллойд Джордж может найти уместным пойти навстречу все возрастающим требованиям официального заявления, но он не представлял себе, что Ллойд Джордж предполагает высказаться так скоро. Президент Вильсон согласился, что нужно предупредить британское правительство об его, президента, послании, и в субботу утром полковник Хауз послал Бальфуру следующую каблограмму, набросанную самим президентом.

Каблограмма Хауза Бальфуру

Вашингтон, 5 января 1918 г.

«Президент высказал пожелание, чтобы я сообщил премьер-министру или вам о том, что он чувствует необходимость сделать в настоящее время определенное словесное заявление, противопоставленное германским мирным предложениям, и чувствует, что, для того чтобы сохранить существующую в настоящее время полную энтузиазма и доверия поддержку живой и действенной и в будущем, заявление должно быть повторением его недавнего адреса конгрессу[2], но только в более определенной форме, чем раньше.

Он надеется, что не имеется в виду с вашей стороны никакого словесного выступления, которое старалось бы выразить несхожие взгляды или предъявляло бы требования, не соответствующие тому, что он провозглашает целями США.

Президент считает, что до сих пор мы играли наруку германской военной партии и укрепляли германское общественное мнение, направленное против нас. Он обладает информацией, как будто ясно показывающей способ, с помощью которого можно ослабить значение этой партии и очистить атмосферу от возможных неправильных представлений и недоразумений.

Эдуард Хауз».

---

[1] То, что речь Ллойд Джорджа была независима от речи Вильсона, доказывается следующими ниже документами. Читатель должен помнить, однако, что Ллойд Джордж так же старался избегнуть противоречивого заявления, как и Вильсон. Уайзмэн пишет: «Хауз сказал Ллойд Джорджу в Лондоне, что, вероятно, Вильсон будет говорить». Таким образом был создан базис для совместной декларации союзников о целях войны, если бы только французы и итальянцы выразили свое согласие.

[2] Послание президента от 4 декабря 1917 г. по поводу объявления войны Австрии.

Каблограмма Бальфура Хаузу

Лондон, 5 января 1918 г.

«За последнее время происходили переговоры между премьер-министром и профессиональными союзами. Главным содержанием этих переговоров было желание правительства освободиться от некоторых обязательств, данных рабочим лидерам в начале войны. Это освобождение от обязательств совершенно необходимо с военной точки зрения для увеличения человеческих ресурсов западного фронта. В конце концов переговоры дошли до такой точки, на которой их успешный исход зависел главным образом от немедленного опубликования британским правительством заявления, излагающего его военные цели. Это заявление было сейчас сделано премьер-министром. Оно является результатом совещаний с лидерами рабочих, так же как и с лидерами парламентской оппозиции.

При таких условиях в нашем распоряжении не было времени, чтобы посоветоваться с союзниками относительно условий заявления, одобренного премьер-министром и вышеупомянутыми лицами. При изучении этого заявления было установлено, что оно находится в согласии с декларациями, до сих пор сделанными на подобную же тему президентом.

Если бы президент нашел нужным сделать заявление, выражающее его собственные взгляды на призыв, обращенный большевиками к народам мира, выдержанное в желательном духе, то премьер-министр уверен, что подобное заявление согласовалось бы в общем с линией, которой президент придерживался в своих предшествующих речах, столь тепло встреченных общественным мнением как в Англии, так и в других странах. Такое добавочное заявление было бы несомненно принято со столь же горячим одобрением.

Бальфур».

Судя по тону последнего раздела каблограммы Бальфура и исходя из того обстоятельства, что Хауз послал свою каблограмму не ранее утра 5 января, представляется вероятным, что Бальфур написал свое сообщение до получения извещения полковника Хауза. Во всяком случае, каблограмма Бальфура дошла до Вашингтона не раньше воскресенья, когда она была передана Хаузу послом Спринг-Райсом. В это время субботние вечерние газеты уже принесли известие о выступлении премьер-министра. Был момент, когда президент предполагал отказаться от своей речи.

«Когда в субботу после полудня речь Джорджа была опубликована в Вашингтоне,—писал Хауз,—то президент думал, что условия, высказанные Ллойд Джорджем, так близко подходят к выработанным им, что для него будет невозможно выступить с предположенным посланием перед конгрессом. Я настаивал, что положение изменилось скорее к лучшему, чем к худшему.

По-моему, Ллойд Джордж очистил атмосферу и сделал выступление президента еще более необходимым».

С исторической точки зрения должно подчеркнуть тот факт, что, несмотря на большое сходство в военных целях, установленных Ллойд Джорджем и президентом Вильсоном, оба государственных деятеля выработали их абсолютно независимо. Президент прочел речь Ллойд Джорджа за три дня до произнесения своей, но записи полковника Хауза показывают, что, не считая пункта, касающегося Эльзаса и Лотарингии (в отношении которого он несомненно не находился под воздействием британского заявления), он не сделал никаких изменений в том, что он уже подготовил[1]. Благодаря сходству британского и американского выступлений приходилось еще больше сожалеть, что другие союзники не согласились на объединенное заявление, которое, быть может, повело бы к созданию единого дипломатического фронта.

5

Президент Вильсон, закончив в субботу утром обработку своих четырнадцати пунктов, дополнил вводную и заключительную части своего послания к вечеру следующего дня. Он позвал Хауза в свой кабинет, чтобы обсудить послание целиком.

«В воскресенье после завтрака,—писал Хауз,—я отправился во французское посольство, чтобы повидать Жюссерана. Он хотел задать мне целый ряд вопросов, чтобы переслать ответы на них своему правительству... Когда я вернулся в Белый дом, президент еще не закончил заключительную часть своего послания, и, так как Грегори желал меня повидать, я отправился на авто к его дому и взял его с собой на короткую прогулку. Когда я вернулся, президент уже ждал меня и прочел мне послание целиком. Я снова поздравил его. Я думаю, что это декларация человеческой свободы и в то же время декларация условий, которые должны быть поставлены на мирной конференции. Я чувствовал, что это наиболее важный документ, когда-либо вышедший из-под пера президента, и заметил, что после оглашения этот документ или взнесется на вершину волны, или будет мирно покоиться в глубинах.

Больше всего беспокойства причиняла нам забота о том, как примет страна наше вмешательство в европейские дела ради *территориальных* целей, в значительной степени признанных нами.

Я высказал президенту свое мнение, что возможная критика со стороны Германии будет заключаться в том, что раз США не позволяли европейским нациям вмешиваться каким-либо образом в дела западного полушария, то европейские нации должны

---

[1] Неоднократно высказывалось, что президент Вильсон основал свои пункты на речи Ллойд Джорджа. Ср. особенно статью, вероятно, Джорджа Харвей «Генезис четырнадцати пунктов» в «Норс америкэн ревью», февраль 1919 г.

точно так же настаивать на том, чтобы дела восточного полушария были предоставлены усмотрению наций, на нем обитающих. Президент допускает, что это, вероятно, будет сказано и что его ответ в этом случае был бы тот, что мы вполне готовы править в западном полушарии на тех же самых принципах, какие считаем желательными для восточного полушария.

Он упорно настаивал, что в послании не должно быть ничего, носящего характер доказательств. Раз или два я предлагал привести доводы в защиту некоторых из условий, но он считал это неблагоразумным, так как это только вызвало бы возражения.

Другими пунктами, которых мы опасались, были Эльзас и Лотарингия, свобода морей и уничтожение таможенных барьеров. Однако... он нисколько не колебался высказать эти пункты. Поскольку мне говорят мои наблюдения, президент проявляет в таких вещах чрезвычайную смелость, а также мудрость при их обсуждении, легко ставящую их на надлежащее место. Чем больше я его вижу, тем более твердо я убеждаюсь, что в мире нет государственного деятеля ему равного».

Речь о четырнадцати пунктах была, таким образом, готова в воскресенье после полудня. В понедельник президент внес изменения в пункт, касающийся Эльзаса и Лотарингии, чтобы придать ему положительный и точный характер. После этого он вызвал государственного секретаря и, по его совету, изменил некоторые выражения.

Когда во вторник утром послание было прочитано, оно явилось для всех неожиданностью. Было известно, что Вильсон должен говорить в конгрессе, но лишь немногие лица, даже среди союзных дипломатов и в самом кабинете, понимали ясно, что должно быть предметом послания. «Я был склонен,—писал Хауз,—оповестить через утренние газеты весь мир, что президент пойдет в конгресс, чтобы заявить о военных целях Америки, моя мысль состояла в том, чтобы вызвать ожидание всего мира... Президент возразил мне, что если сделать оповещение, как я предлагаю, то газеты несомненно будут комментировать и делать предположения относительно предмета послания, а такие предсказания часто принимаются публикой за то, что сказано в действительности.

6

Редко в истории встречалось, чтобы речь, имеющая дело со столь запутанными предметами, была встречена такими аплодисментами, как те, что немедленно зазвучали, приветствуя речь о четырнадцати пунктах. Она получила одобрение Рузвельта и Фрэнка Саймондса, так же как и Мориса Хиллкуита и Мейера Лондона. Президент Элдермэн из Виргинии писал Хаузу: «Послание президента... прямо-таки выше всякой похвалы. Я думаю, что с течением времени оно займет свое место среди исторических

документов не только американской, но и мировой истории по своей широте, воображению и силе. Оно усиливает целеустремленность и вливает мощь в оружие каждого лойяльного американца. Это истинное руководство в широчайшем и благороднейшем смысле слова».

Наиболее поразительная оценка послания исходила со стороны «Нью-Йорк трибюн», газеты, которая всегда была щедра на критику президента.

Передовая статья «Нью-Йорк трибюн»

9 января 1918 г.

«Вчерашнее обращение мистера Вильсона к конгрессу будет жить как один из великих документов американской истории и одно из неизменных приношений Америки на алтарь мировой свободы. И по форме и по содержанию заявление президента выше всякой похвалы; он сказал то, что чувствует его страна; он перевел мнение своих сограждан о военных целях с языка неопределенных стремлений на ясный и точный язык фактов. В более глубоком смысле речь мистера Вильсона является вторичным провозглашением эмансипации. Как Линкольн освободил рабов на юге полстолетия назад, так мистер Вильсон обязывает в наши дни свою страну бороться за освобождение бельгийцев и поляков, сербов и румын. Для многострадального населения Эльзаса и Лотарингии и для итальянской ирреденты слова президента США являются обещанием освобождения от рабства, в тысячу раз худшего, чем рабство негров. В некотором смысле президент создал и показал всему миру ту роль, какую играет Америка в эти высокотрагичные дни. Без эгоистического честолюбия, без самоуверенного или скрытого себялюбивого упования США вступили в мировую войну, чтобы восстановить справедливость, честь и свободу в мире, осажденном германским варварством и честолюбием...»

В Европе одобрение, встретившее речь президента, носило более осторожный и менее общий характер. Поскольку эта речь формулировала условия, которые должны были быть предложены Германии, британская пресса была единодушна в их хвале и приветствовала их как «еще один замечательный вклад в работу тяжелой артиллерии, обстреливающей моральную позицию врага». Либеральные газеты говорили относительно «духовного прозрения и прорицания величайшего американского президента со времени Авраама Линкольна». «Величайший дар Вильсона миру,—писала газета «Стар»,—это дар связывания и истолкования одолевающих его видений будущего». Но даже газеты, обычно столь сочувствующие, как «Манчестер гардиен» и «Вестминстер гэзет», говорили с сомнением и подозрением относительно настояний Вильсона на «свободе морей», а консервативное общественное

мнение относилось к Лиге наций с определенными оговорками. «Наши основные критические замечания по поводу речи президента,—писал «Таймс»,—состоят в том, что в высоком полете своих идеалов она, кажется, не принимает во внимание некоторые суровые истины действительности. Мы все были рады видеть некоторые из блистательных видений, представших перед президентом, воплощенными в плоть и кровь, и мы все работаем для этого, согласно нашему разумению, но некоторые из предложений, выдвинутых мистером Вильсоном, предполагают, что господство справедливости на земле уже почти достигнуто нами».

Нечто подобное этому скептицизму появлялось и в французских отзывах, хотя заявление президента относительно Эльзаса и Лотарингии было встречено с облегчением. «Слова президента Вильсона,—говорила «Либертэ»,—сделают его имя популярным в самых отдаленных селениях Франции». Но в Италии речь, поскольку она вообще привлекла внимание, возбудила недовольство. В пункте 9 речи Вильсон призывал к «регулировке итальянских границ согласно ясно выраженным национальным признакам». Это не шло навстречу популярным национальным стремлениям и стояло в заметном противоречии с условиями Лондонского договора.

Объединенные Антантой союзники не проявили желания к официальному принятию программы Вильсона, и, поскольку речь была рассчитана на то, чтобы добиться их отказа от духа договоров, она не имела немедленного эффекта. Только следующей осенью, и то лишь с величайшими затруднениями, удалось убедить союзников принять четырнадцать пунктов за основу мирного соглашения.

Четырнадцать пунктов не оказали также немедленного воздействия и на положение в Германии и России, как рассчитывал полковник Хауз. Большевики были совершенно так же не затронуты идеалистическими обобщениями Вильсона, как и его определенной программой. Они оставались недоверчивыми и не обращающими внимания, подозрительными в отношении антантовского империализма и неизменно враждебными к американскому капитализму. В Германии правительство, оскорбленное требованием Вильсона об отказе от Эльзаса и Лотарингии, твердо стояло за продолжение войны и поддерживалось всеми, кроме социалистической прессы. Даже «Форвертс» подвергал сомнению искренность Вильсона и намекал, что его целью являлось только «ввести в заблуждение Россию приманкой общего мира и завлечь ее снова в кровавую трясину мировой войны». Элементы смуты проявлялись среди трудящихся классов, но они были недостаточны, чтобы помешать приготовлениям к великой императорской битве, планы которой составлял Людендорф.

Непосредственная цель речи о четырнадцати пунктах, т. е. оглашение своего рода политического манифеста, также не была достигнута. Осталось только ее конечное значение. Последующие

события придали ей даже первенствующее значение и сделали из нее формальную основу мирного соглашения. Не столько благодаря определенным условиям, выставленным в ней Вильсоном (то же относится, впрочем, и к условиям, выставленным Ллойд Джорджем), сколько благодаря духу, вдохновлявшему речь, она стала для либералов всего мира чем-то вроде Magna Charta (великая хартия вольностей) международных отношений будущего.

«Через всю программу, развернутую мной,—сказал Вильсон в заключительном разделе речи,—проходит один очевидный для всех принцип. Это принцип справедливости ко всем народам и национальностям, принцип, провозглашающий их право на жизнь в одинаковых условиях свободы и безопасности, бок о бок друг с другом, вне зависимости от того, сильны они или слабы. Если этот принцип не будет положен в основу здания международной справедливости, то никакая часть этого великого здания не сможет устоять. Народ США может действовать только на основе этого принципа, и ради его установления американский народ готов отдать свою жизнь, свою честь, готов отдать все, чем он обладает. Величайшая и последняя война за свободу человечества довела нравственный подъем до высшей его точки, и наш народ готов подвергнуть испытанию свою собственную силу, свою высшую целеустремленность, свою собственную цельность и преданность».

Именно дух этого раздела убедил либералов стран Антанты рассматривать президента Вильсона как апостола нового политического порядка и заставил малые нации приветствовать его как своего защитника. Это был тот самый дух, который заставил германцев поставить вопрос о том, не лучше ли принять гарантии безопасности, предложенные Вильсоном, чем продолжать опустошительную борьбу. В конце концов мы обязаны именно Вильсону тем, что германское правительство склонилось к переговорам о мире, и многие думают, что именно принципы Вильсона заставили германцев сложить оружие.

Речь о четырнадцати пунктах была важна также теми условиями, в которые она ставила вопрос о Лиге наций. Ллойд Джордж в своем заявлении одобрил проект Лиги, но без особого энтузиазма, необходимого для того, чтобы убедить слушателей, что британское правительство поддержит всей своей мощью этот проект. Мистер Вильсон, глава правительства США, сделал проект Лиги наций существенным условием любого соглашения и посредством этого придал определенную форму надеждам тех, которые смотрели на победу союзников не как на конец войны, а лишь как на средство к ее концу. Писатель, практичность которого известна и который имел, как никто другой, благоприятную возможность для наблюдения событий и мнений, обрисовал итоги положения таким образом:

«Наблюдательные умы всех союзных стран были склонны

выразить цель войны приблизительно следующим образом: противообщественный и противонациональный дух пруссачества должен быть сломлен на поле сражения и тем самым унижен и изгнан со света. Однако гарантия свободного развития не может быть усмотрена только в уничтожении врага, а также не может быть достигнута аннексиями и урегулированиями, которые влекут за собой постоянную вооруженную готовность к войне. Эта гарантия может быть найдена только в положении, предусматривающем новые международные санкции для обеспечения комбинированными усилиями цивилизации права каждого отдельного государства. Тогда всем будет очевидно, что центр тяжести значительно передвинулся со времени тайных договоров 1915 г.

Лига наций была, следовательно, фундаментальной целью войны; остальное было только техникой, обеспечивающей совершенное осуществление этой цели. К несчастью, ни одно союзное правительство, исключая Америку, вполне ясно не понимало этого в то время, и Клемансо держался в стороне, чтобы заявить в дальнейшем, что замысел неуравновешен и непрактичен. Несмотря на это, то был единственный практический идеал, стоявший перед миром, в том смысле, что он шел навстречу всем нуждам положения. Раз заявление о целях войны имело целью укрепить союз и вогнать клин между пруссачеством и германским народом, здоровый интернационализм должен был быть первым пунктом программы. Он открывал союзникам возможность прочного объединения, основанного не на соперничестве, а на сотрудничестве; он открывал германскому народу возможность обеспечения его прав владения и развития, как только он отречется от своих ложных богов; он открывал всему миру, утомленному распрей, некоторую надежду продолжительного мира»[1].

Людям, чувствовавшим таким образом, ударение, сделанное Вильсоном на «общей ассоциации наций» в его речи о четырнадцати пунктах, было обеспечено руководство, которого они ждали. Речь наметила путь, ведший к великому положительному достижению Парижской мирной конференции. Потому и стоит в Женеве доска, на которой написано: «A la mémoire de Woodrow Wilson, Fondateur de la Société des Nations» («Памяти Вудро Вильсона, основателя Лиги наций»).

---

[1] *Buchan*, A History of the Great War, v. IV, p. 156—157.

ГЛАВА XII

СЛУХИ О МИРЕ

«Справедливый мир—дело каждого человека».

Из речи президента Вильсона от 8 февраля 1918 г.

1

За все время войны дипломатическое положение не было таким запутанным и трудным, как за первые три месяца 1918 г. Если даже историку нелегко распутать различные противоречия и вытекавшие из них следствия, то насколько труднее было политическим вождям того времени, лишенным возможности оглянуться назад и получавшим ежедневно противоречивую информацию, формулировать последовательную политику и следовать ей. В Германии и Австрии, как и в союзных странах, создалась путаница из всевозможных совещаний, надежд на ведение переговоров о мире и жалоб трудящихся классов, смешанная с приготовлениями к великой весенней битве.

Существенным событием военного характера являлся выход России из войны и представившийся вследствие этого Людендорфу благоприятный случай для переброски германских дивизий с восточного фронта, благодаря чему впервые с 1914 г. он мог надеяться получить численный перевес над союзниками. Он обещал, что если Германия сможет заключить мир с Россией, то весеннее наступление принесет победу над французами и англичанами еще до прибытия американской армии. Проблема увеличения человеческих ресурсов, разрешение которой одно только и могло сдержать жестокую атаку немцев на западном фронте, стала чрезвычайно важной для союзников проблемой.

Политические вожди обеих воюющих сторон интересовались тем временем дипломатическими факторами, которые могли способствовать изменению хода военных событий. Пока Вильсон и союзники с помощью различных методов старались ослабить моральную стойкость немцев, германские дипломаты прилагали серьезные усилия, чтобы заключить мир с Россией. Большевики согласились на перемирие в декабре, но мирные переговоры в Брест-Литовске протекали негладко. Германия приняла фор-

мулу мира «без аннексий и контрибуций», но когда этот принцип был переведен на язык конкретных требований, то стало ясным, что германцы предполагают отделить от России ее окраинные области, чтобы образовать из них пояс зависимых государств под верховенством Германии. В Петрограде, куда вернулась русская делегация для десятидневного совещания с большевистским правительством, царило негодование. Русская делегация отказалась поставить свою подпись под условиями, которые были поставлены правительствами Германии и Австро-Венгрии.

Русская делегация покинула Брест-Литовск с театральным и бесполезным жестом; этот жест был бесполезен хотя бы потому, что военное положение осталось неизменным, и вследствие разрыва перемирия, объявленного немцами, русские были вскоре вынуждены подписать мир и принять еще более обременительные условия.

В то же время брест-литовские переговоры нашли значительный отзвук как в Австрии, так и в Германии и, сочетавшись с отголосками речей президента Вильсона и продовольственными затруднениями, вылились в одну из наиболее серьезных рабочих и пацифистских манифестаций военного времени. Движение приняло форму всеобщей забастовки протеста против провала мира с Россией. В Германии в забастовке, начавшейся 28 января, участвовало не менее миллиона человек, и она охватила не только Берлин, но и Гамбург, Кельн, Киль, Маннгейм, Хемниц и многие другие промышленные города.

Австрийский министр иностранных дел Чернин и германский канцлер Гертлинг были вынуждены дать специальный ответ на речь Вильсона. Они выступили в один и тот же день 24 января, и сравнение их заявлений наводит на мысль, что последние были предварительно согласованы. Оба приняли с большей или меньшей степенью энтузиазма общие пункты речи Вильсона вроде явной дипломатии, свободы морей, уничтожения экономических барьеров, ограничения вооружений и создания Лиги наций. В отношении России и Польши Гертлинг выдвинул тезис, что предполагаемое соглашение касается только государств Центральной и Восточной Европы[1]. Вопросы, непосредственно затрагивающие Германию, как, например, о Бельгии и возвращении германских колоний, Чернин предоставил Гертлингу, который относительно Бельгии высказался двусмысленно и потребовал «перераспределения мировых колониальных владений». Гертлинг утверждал также, что не может быть и вопроса о расчленении территории империи (намек на Эльзас), а Чернин обещал, что австрийцы будут защищать германскую довоенную территорию, «как свою собственную». В отношении территориальных вопросов, затрагивающих Австрию, вроде итальянских, румынских и серб-

[1] Речь Ллойд Джорджа от 5 января дала ему благоприятный случай сделать это.

ских претензий, автономии для подвластных народов и деталей балканского устройства, Гертлинг предоставил ответ Чернину, который отказался принять какой-либо совет, относящийся к австро-венгерскому правительству, и не хотел даже обещать эвакуацию территорий, оккупированных армиями Австро-Венгрии.

Все это вместе взятое представляло лишь незначительную базу для мирных переговоров обеих сторон, не согласных с конкретными предложениями Вильсона и условно принимавших его общие принципы; брест-литовские переговоры показали, что придание им более общего характера не увеличило бы их ценности. Было, однако, что-то в положении дел центральных империй, что заставляло как Чернина, так и Гертлинга рассматривать четырнадцать пунктов Вильсона в качестве основы для дискуссии. В речи Чернина, кроме того, была теплота тона, показывающая неподдельную решимость заключить мир, если бы это только было возможно, что отличало его речь от до некоторой степени очевидного старания Гертлинга избежать выводов и, как указывала газета «Арбейтер цейтунг», отыскать алиби, служащее оправданием отказа от обсуждения условий мира на основе речи Вильсона.

Гертлинг, подобно Чернину, ясно понимал необходимость мира с Россией, так как от этого зависела возможность переброски германских дивизий на запад. Но об общем мире он и не думал. Общий мир должен был быть выигран на полях сражений, и Германия должна была продиктовать его. Если бы победа была менее сокрушительной, чем обещал Людендорф, то Германия извлекла бы свою пользу на Востоке. Между тем, забастовки подавлялись бы силой, а моральная стойкость народа поддерживалась бы речами.

Чернин, со своей стороны, добивался общего мира в возможно скором времени, так как при продолжении войны Австрия могла выиграть только немногое, проиграть же она могла все. 5 февраля на совещании в Берлине Чернин имел несколько страстных стычек с Людендорфом. Чернин был готов изложить письменно, что Австро-Венгрия обязана сражаться только за довоенные владения Германии. Людендорф был озлоблен: «Если Германия заключит мир, не получив от него пользы,—сказал он,—тогда Германия проиграла войну». «Спор становился все более и более горячим,—отметил Чернин,—когда Гертлинг толкнул меня и прошептал: «Оставьте его в покое; мы вдвоем управимся с этим и без него»[1]. Эта стычка относилась к обсуждению наброска Брестского договора, но она показала трещину между пацифистски настроенным Черниным и германской военной партией.

2

Президент Вильсон следил с интересом за любыми признаками ослабевания «воли к победе» в Германии и Австрии. В целом

[1] *Czernin*, In the World War, p. 275.

тон его речи о четырнадцати пунктах вполне совпадал с политикой провозглашения безжалостной войны военным руководителям Германии и обеспечивал германскому народу то положение, которое президент намечал для него в своих речах, произнесенных минувшим летом. Как и летом 1917 г., он поручил Хаузу следить за событиями в центральных империях по донесениям, получаемым им из Берна, Копенгагена, Парижа и Лондона.

Письмо Аккермана Хаузу

Берн, Швейцария, 4 февраля 1918 г.

«Дорогой полковник Хауз!

Это письмо должно служить отчетом о политическом положении в Германии и в центральных державах. 28 января я просил посольство послать вам длинную телеграмму на эту тему, но вследствие того, что телеграф был перегружен, она не смогла быть послана в той форме, какую я ей придал, и я не знаю, в каком виде она дошла до вас.

Послание президента, в котором он изложил свои четырнадцать условий мира, оказало большее влияние на политическое положение во вражеских странах, чем какое-либо другое публичное заявление, сделанное с тех пор, как США стали воюющей стороной. Оно было удачно по следующим причинам:

1. Оно вполне и, как я думаю, навсегда отделило народные массы и либералов от аннексионистов, военных лидеров и магнатов военной промышленности.

2. Оно заставило австро-венгерское правительство ясно понять движение в пользу мира, растущее в Австро-Венгрии, и сплотило вместе двуединую монархию и германскую либеральную партию.

3. Оно ускорило развитие революционного движения в Германии в большей степени, чем русская революция.

4. Оно увеличило возможности успеха теперешних тайных переговоров, ведущихся с Болгарией.

5. Оно произвело большое впечатление на малые европейские нейтральные нации.

Нет необходимости входить в подробности, касающиеся этих пунктов, так как вы несомненно получили через департамент полную информацию относительно стачек, споров по поводу ответа графа Гертлинга и диспута между Веной и Берлином.

После того как речь мистера Вильсона была напечатана в швейцарских газетах, д-р Луи Шультес, первый атташе швейцарского посольства в Вашингтоне, [был предназначен] для изучения вопроса о Лиге наций и представления доклада о том, какое участие может принять Швейцария в образовании подобной организации.

В моей телеграмме от 28 января я предлагал, чтобы президент ответил графу Гертлингу и графу Чернину с целью вынудить заключение мира на наших условиях, являющихся в своих суще-

ственных чертах условиями германского и австрийского народов, или продолжать войну на условиях графа Гертлинга.

Мне кажется, что мы должны занять твердую, определенную и не признающую компромисса позицию против графа Гертлинга по той причине, что он выражает чувства германской военной партии, стремящейся продолжать войну, а также и потому, что он говорит не от имени своего народа.

Я предлагаю, чтобы по отношению к Вене мы заняли другую позицию с целью попробовать увеличить трещину между обеими участницами войны.

Делая эти предложения, я предполагал, что страх революции, больше чем что-либо другое, побуждал графа Чернина высказать свои замечания на речь президента и сказать, что Австро-Венгрия рассматривает условия президента как возможную основу дискуссии. Я думаю, что нашей целью должно быть усиление партии сторонников мира в Вене и в Будапеште, чтобы заставить графа Чернина официально просить США о заключении мира между двуединой монархией и Антантой. Если правительство Австрии не будет иметь успеха в своей попытке добыть продовольствие в России, то нам представится благоприятный случай для переговоров о сепаратном мире с первой из упомянутых стран.

Положение в Германии и Австро-Венгрии, по-моему, следующее.

Если не будет мира или большой победы, то там разразится революция. Может быть, будет осторожнее сказать, что имеются три возможности развития событий: 1) мир, 2) реформы, 3) революция. Я не думаю, чтобы германская армия и флот были способны нанести в этом году решительное поражение США и союзникам.

Искренне преданный и уважающий *Карл В. Аккерман*»

Политика, предложенная Аккерманом, чье знание Германии и германской психологии было основано на пристальном наблюдении, почти точно совпадала с линией политики, предложенной президентом в апреле 1917 г. Война, вступившая теперь в решительную фазу, разыгрывалась не только на полях сражений генералами и солдатами, но также и государственными деятелями, старающимися завоевать вражеские народы. Напрасно Германия старалась подорвать доверие народов Антанты к их руководителям или поколебать веру в справедливость их дела: она могла победить только на поле сражения. Но зато новое предполагаемое наступление германцев в соединении с империалистическими требованиями, предъявленными в Брест-Литовске, могло дать руководителям Антанты возможность отделить германский народ от его вождей посредством усиления убеждения трудящихся классов Германии в том, что военные руководители затянули войну и несут ответственность за их страдания. Если бы Вильсон смог усилить эффект, произведенный его речью о четырнадцати пунктах на германских и австрийских рабочих, он способствовал бы победе союзников больше, чем двадцать свежих дивизий.

Президент Вильсон был полностью информирован относительно опасностей, сопряженных с этой политикой, опасностей, особенно подчеркиваемых официальными представителями французского и итальянского правительств. Решимость союзных народов не должна была охлаждаться смутной болтовней о мире; любое новое определение условий мира могло привести трудящиеся классы к убеждению, что мир уже близок, и притупить энтузиазм, необходимый для того, чтобы выдержать борьбу до тех пор, пока будут обеспечены даже умеренные цели войны. Чувствительность французов шла так далеко, что цензор отказался разрешить опубликование каблограммы, передававшей одну из статей Аккермана, в которой он защищал политику Вильсона.

Письмо Аккермана Хаузу

Лозанна, Швейцария, 12 апреля 1918 г.

«Дорогой полковник Хауз!

...Не могу ли я привлечь вашего внимания к беседе, которую я имел с м-сье Сабатье из министерства иностранных дел относительно статьи, которую я написал из Швейцарии о последних забастовках в Германии. Целью этой статьи, предназначенной для «Сэтеди ивнинг пост», было показать действие, которое произвели речи президента на внутренние дела в Германии. Я старался выяснить, что все эти забастовки являлись организованными демонстрациями в пользу демократического мира. Министерство иностранных дел после тщательного рассмотрения отказалось разрешить опубликование статьи, так как Сабатье сказал:

«Мы считаем, что президент Вильсон и американский народ совершают большую ошибку, уделяя внимание так называемому демократическому движению в Германии. Мы не могли пропустить вашу статью, так как мы думаем, что она ослабила бы моральную стойкость американского народа, что она дала бы ему надежду на то, что внутренние неурядицы в Германии приведут к концу войны, тогда как войну можно кончить только с помощью военных операций».

В ответ я выразил мое согласие с тем, что военные операции являются абсолютно необходимыми, но сказал, что, по-моему, союзники должны разыгрывать против Германии любую возможную карту и речи президента были такими политическими картами, давшими важные политические результаты. Он не хотел согласиться с этим утверждением и сказал, что министерство иностранных дел не могло пропустить мою статью (копия этой статьи, озаглавленная «Уличные парламенты», передана мистеру Грю)...

Преданный вам и уважающий вас *Карл В. Аккерман*».

Очевидно, между США и союзными правительствами не было единства политики, касающейся позиции, которую нужно занять

в отношении движения германских сторонников реформы. Вильсон хотел одобрить социал-демократов и ослабить германскую волю к победе обещанием справедливого мира. Как он признался Хаузу, он был смущен письмами, которые приходили из Европы и подчеркивали нежелание руководителей союзников следовать за ним, и заявлением, что это совсем не его дело. «Справедливый мир,—сказал президент Хаузу,—дело каждого человека».

В начале февраля произошел случай, ясно выявивший отсутствие согласованности между дипломатией союзников и США. 4 февраля верховный военный совет, собравшийся на заседание для рассмотрения планов военных действий, выпустил заявление, касающееся речей Чернина и Гертлинга. Сама по себе эта декларация была безвредна и основывалась на фактах. В ней заявлялось, что обе речи не могут служить основой для мира. Но резкость тона декларации и отсутствие в ней чего-либо, рассчитанного на одобрение германских социалистов, создавали впечатление какого-то окрика, могущего при существующих обстоятельствах толкнуть разномыслящие элементы Германии обратно в сторону союза с правительством.

Заявление верховного военного совета

4 февраля 1918 г.

«Верховный военный совет подверг внимательному рассмотрению недавние речи германского канцлера и австро-венгерского министра иностранных дел, но был не в состоянии найти в них что-либо действительно приближающееся к умеренным условиям, предложенным всеми союзными правительствами. Это убеждение было только укреплено впечатлением, произведенным контрастом между открыто провозглашенными идеалистическими целями, с которыми центральные державы вступили в брест-литовские переговоры, и их ныне открыто обнаруженными планами завоеваний и грабежа.

При таких обстоятельствах верховный военный совет решил, что единственная непосредственно стоящая перед ним задача состоит в продолжении с наибольшей энергией и в теснейшем и наиболее действенном сотрудничестве военных усилий союзников до той поры, пока давление этих усилий не заставит правительства и народы враждебных государств изменить свой дух и тем самым оправдать надежду на заключение мира на условиях, включающих в себя, вопреки агрессивному и нераскаявшемуся милитаризму, не только сохранение принципов свободы и справедливости, но также и уважение к международному праву, которое союзники решили восстановить».

Из отчета о дискуссии в верховном военном совете, присланного полковнику Хаузу мистером Фрэйзиром, видно, что декларация была опубликована с некоторым колебанием, особенно со

стороны англичан, ясно понимавших щекотливость положения, которое могло создаться, если бы формальное установление целей войны было осуществлено без участия президента Вильсона. Казалось также, что итальянцы боялись, не предполагается ли чего-либо, что может ослабить их намерение довести до конца свои аннексионистские проекты. Ирония дискуссии заключалась в том факте, что политические члены верховного военного совета заявляли, что декларация имела в виду содействовать политике Вильсона, чтобы «отделить германский народ от военной партии» и служить в качестве «обдуманного приглашения, обращенного к германскому народу и приглашающего его отречься от правящей касты». На одном из последующих заседаний Клемансо в самом деле настаивал на том, что декларация всецело соответствовала политической линии Вильсона.

Письмо Фрэйзира Хаузу

4 февраля 1918 г.

«Заявление, переданное для опубликования, было составлено отчасти Клемансо, отчасти Ллойд Джорджем. Последний сказал, что, по его мнению, лучше не делать нового заявления относительно целей войны, так как это была бы декларация только трех стран, а он сомневается, одобрил ли бы президент Вильсон подобную декларацию, не представленную предварительно на рассмотрение ни ему, ни полковнику Хаузу. Ллойд Джордж поэтому считал лучшим издать сообщение о том, что сделано верховным военным советом в деле подготовки к продолжению войны.

Барон Соннино возражал против фразы в оригинале наброска, которая читалась так: «Умеренные условия, предложенные Ллойд Джорджем, президентом Вильсоном и Пишоном». Он сказал, что такая декларация со стороны Италии была бы равноценна самоотречению: Италия сражается за то, что было ей гарантировано, и будущая обеспеченность Италии явилась самой главной причиной ее вступления в войну. В качестве примера он упомянул, что, хотя союзные флоты в Адриатике в три раза сильнее австрийского флота, они способны выполнить только немногое из того, что должны выполнить для наведения порядка на Далматинском побережье. Из уважения к точке зрения барона Соннино было решено придать фразе такой вид: «Умеренные условия, предложенные всеми союзными правительствами».

Барон Соннино возражал также против фразы, встречавшейся в наброске Клемансо и читавшейся так: «Предсмертное бешенство германского владычества». Барон Соннино протестовал против слов «нераскаявшийся милитаризм», доказывая, что они не соответствуют большей умеренности более ранних заявлений союзников и не отделят германский народ от военной партии, что было их очевидным намерением. Как Клемансо, так и Ллойд Джордж

горячо защищали выражение, заявляя, что это обдуманное приглашение, обращенное к германскому народу, отречься от правящей касты. Фраза была поэтому оставлена.

Фрейзир».

Положение не было лишено элементов юмора. Клемансо и Соннино прилагали все усилия, чтобы не разойтись с политикой Вильсона, к которой они относились неблагоприятно, и тем не менее их наиболее искренние усилия были встречены либералами Великобритании и США только как новая декларация реакционного империализма. Английские либералы еженедельно атаковывали Ллойд Джорджа за его подлаживания к континентальному империализму; они были несомненно правы в своем предположении, что итальянские претензии делают невозможными какие-либо уступки Австрии, но весьма далеки от истины в своем убеждении, что если бы не Клемансо и Соннино, то имелась бы полная и либеральная новая установка целей войны.

Президент Вильсон был серьезно обеспокоен декларацией верховного военного совета отчасти, может быть, потому, что он находил ее тон неудачным, отчасти потому, что, хотя США не были формально представлены в политической части верховного совета, присутствие генерала Блисса в качестве военного представителя и мистера Фрэйзира из парижского посольства в качестве наблюдателя могло создать впечатление, что верховный военный совет говорит в политических вопросах от лица президента. Президент был также обеспокоен заявлением, касающимся России, выпущенным межсоюзным финансовым управлением, так как можно было подумать, что и оно выражает американскую политику. Он послал Хаузу свой набросок телеграммы мистеру Фрэйзиру, так же как и проект заявления, которое должно было быть передано союзным послам в Вашингтоне и показывало его опасение, что если межсоюзные советы в Европе будут опубликовывать манифесты без предварительного обсуждения с Вашингтоном, то возможны нежелательные осложнения.

Набросок телеграммы Фрэйзиру

Вашингтон, 5 февраля 1918 г.

«...Вы должны полностью разъяснить членам совета, что наше правительство возражает против опубликования верховным военным советом каких-либо заявлений политического характера, которые позволяли бы сделать вывод, будто правительство США, если учесть ваше присутствие и присутствие генерала Блисса, было опрошено о подобном заявлении и согласно с ним. Вы должны указать членам совета, что заявления, опубликованные верховным военным советом, в котором США имеют военного представителя, естественно приводят к выводу, что они опубликованы

с одобрения правительства США. Правительство США возражает против опубликования советом таких заявлений, которые могут так или иначе рассматриваться как заявления политические, если или (1) текст их не рассмотрен предварительно президентом и не одобрен им, или (2) если в таком заявлении не выражено ясно, что оно не представлялось на рассмотрение правительства США...»

Проект заявления, сделанного союзным послам в Вашингтоне

19 февраля 1918 г.

«Принимая во внимание недавнюю акцию верховного военного совета, касающуюся условий мира, а также акцию межсоюзного управления, касающуюся признания большевистской власти, я извещаю вас, что президент настаивает с полным уважением, но и с полной серьезностью на том, что, когда он предлагал создание межсоюзного финансового управления и оказывал активную поддержку созданию верховного военного совета, он не имел в виду, что какое-либо из этих учреждений должно проявлять какую-либо деятельность или выражать какие-либо мнения, имеющие политический характер. Сомнительно, чтобы он счел разумным назначить представителей нашего правительства в любое из этих учреждений, если бы предполагал, что они будут разрешать какие-либо вопросы, кроме чисто практических вопросов о снабжении и о согласованном управлении военными действиями, как это было установлено.

Президент был бы весьма удовлетворен, если бы это заявление было вполне ясно понято политическими руководителями правительств, к которым оно обращено, и послужило бы, при наличии расхождений между точками зрения его, президента, и соответствующих правительств, удобным поводом к повторному рассмотрению условий, при которых представители США должны впредь продолжать свою деятельность»[1].

---

[1] Такое или сходное по тексту письмо было передано Лансингом по назначению. Следующая каблограмма Уайзмэна министерству иностранных дел объясняет позицию президента:

«Письмо Лансинга должно рассматриваться на фоне событий последних месяцев.

Президент был всегда против участия представителей США в каком-либо совете союзников по той причине, что эти представители были бы неминуемо рано или поздно вовлечены в рассмотрение политических вопросов, в отношении которых США хотели сохранить свободу.

Президенту было, однако, указано при различных случаях как посредством письма премьер-министра, доставленного лордом Редингом, так и лично Уайзмэном и Хаузом, что США не могут иметь в Европе армию и фактически не могут принять значительного участия в войне, если они не будут полностью представлены в советах, которые определяют, как, где и каким образом должны быть использованы американские войска и ресурсы.

Президент, наконец, согласился на то:

а) чтобы в Европу была послана на время американская миссия для

3

Президент Вильсон уже тогда предполагал дать формальный ответ на речи Чернина и Гертлинга, и его решение было, вероятно, ускорено опасением, что декларация верховного военного совета может укрепить положение Людендорфа в Германии. Намереваясь вбить клин между германскими социалистами и империалистами, он просил Хауза наблюдать за собиранием извлечений из социалистической прессы и речей, произнесенных во вражеских странах. Президент, используя критику, поднятую против германского правительства самими социалистами, употреблял их собственные фразы, чтобы подчеркнуть солидарность, существовавшую между ними и принципами его собственной политики и общую враждебность к германскому империализму[1].

обсуждения всякого рода сотрудничества: политического, военного, финансового и т. д.;

б) чтобы Америка была представлена в межсоюзном совете по снабжению;

в) чтобы США имели военного представителя в верховном военном совете.

Вопрос о политическом представительстве в верховном военном совете был оставлен открытым—второстепенный дипломатический агент должен был присутствовать на заседаниях совета только для доклада о них.

В то же самое время президент всегда благоприятно относился к верховному военному совету, обладающему полной властью при наличии любого военного положения. Согласование союзных и американских военных усилий и, насколько возможно, объединение управления всегда были, по мнению президента, существенными элементами победы.

С другой стороны, он весьма заботливо указывал, что США не связаны какими-либо межсоюзными договорами или соглашениями и что США не имеют нужды присоединяться ко всем военным целям союзников.

Он не возражал бы против объединения вместе с союзниками на платформе одной общей декларации о военной политике, но только после того, как такая декларация была бы заботливо рассмотрена им с точки зрения особой позиции, занимаемой Америкой...

По своем возвращении полковник Хауз доложил президенту, что он не счел практичным для союзников формулировать на конференции в Париже какое-либо общее заявление о целях войны. Речи Ллойд Джорджа и президента, казалось, подтверждали, что эта политика отдельных заявлений заслужила одобрение союзников.

Декларация верховного военного совета на второй его сессии явилась поэтому для Вашингтона неожиданностью и может встретить два главных возражения:

Заявление о политике, совершенно не связанное с военными планами, было дано без совещания с президентом, и притом таким образом, что общественность США несомненно предположила, что США участвовали в заявлении. Второе возражение состояло в том, что декларация не была согласована с точкой зрения президента или его прежними речами.

Президент предпринял два шага, чтобы поправить это: во-первых, он обратился к конгрессу, возражая на германскую и австрийскую речи, а во-вторых, он поручил секретарю Лансингу написать обращение к союзным послам, несомненно, с целью получить оправдательный документ на случай какого-либо сенатского расследования в будущем».

[1] Меморандум, основанный на этом собрании и на анализе материалов германской прессы, экземпляры которой посылались президенту, при его сравнении с германскими мемуарами, опубликованными после войны, показывает удивительную прозорливость со стороны служащего государственного департамента У. К. Буллита, его составившего.

Наряду с апелляцией к германским социалистам имелась возможность применить угрозы. Тезис Гертлинга о том, что положение в Восточной Европе не касается Антанты, мог быть встречен возражением, что в таком случае западные таможенные тарифы не касаются Германии, а не было ничего, чего Германия боялась бы больше, чем тарифной войны, после заключения мира[1]. Хауз обсуждал этот вопрос с французским верховным уполномоченным. Выдержки из его дневника сообщают о подготовке к речи, задуманной президентом, так же как и о политике экономических угроз.

27 января 1918 г. Заходил Андре Тардье, чтобы спросить, не буду ли я поддерживать назначение председателя международного комитета, состоящего из представителей Великобритании, Франции и США и учреждаемого с целью выработки плана экономической войны против Германии, если это окажется необходимым. По его мнению, план должен быть подготовлен... даже если допустить, что ничего не было сказано об образовании комитета. В ответ я высказал мысль, что единственное, что понадобится, это провести через конгресс резолюцию, дающую нашему правительству полномочие налагать эмбарго на сырье в течение пяти лет после окончания войны. Я думаю, что это может быть сделано без дебатов и без особой критики. Этот закон не был бы направлен специально против кого-либо, но Германия получила бы о нем сведения через своих агентов и поняла бы его значение... Тардье согласился с этим предложением, признав его мудрым и простым. Я прибавил, что Англия и Франция могут тоже провести подобные мероприятия без критики и что эти законы не должны проводиться одновременно, а через некоторые промежутки времени, не слишком большие. Он сказал, что свяжется со своим правительством и сообщит ему мои взгляды».

«*29 января 1918 г.* Президент сказал Х., что «мы предположительно решили ответить на речи Гертлинга и Чернина следующим образом: в ответ на утверждение Гертлинга, что несогласия между Россией и Германией должны быть разрешены только между ними, а вопросы, стоящие между Францией и Германией, должны быть разрешены аналогичным образом, мы обратим внимание на тот факт, что подобный образ действий является проявлением методов старой дипломатии, приведшей человечество в столь трудное положение, и что если сделать логичный вывод, то Германия и остальной мир не могут возражать против того, что Англия и США заключат между собой договоры, благодаря которым мировое равновесие будет находиться в исключительной зависимости от их сырья».

---

[1] Президент Вильсон развил эту идею в своей речи от 14 февраля. «Граф фон Гертлинг,—сказал он,—требует, чтобы существенные основы торговой и промышленной жизни были гарантированы общим соглашением, но он не может ждать, что это будет ему позволено, если другие вопросы, определенные пунктами мирных условий, не будут разрешены в том же духе, как заключительные пункты.

Мы обсуждали наилучший способ, с помощью которого можно сделать эти взгляды достоянием общественности. Сегодня утром, когда я сидел с президентом, Лансинг предложил, чтобы он дал интервью... Президент не согласился с этим предложением. Он сказал, что он хочет поступить согласно обычаю и довести то, что он хочет сказать, до общего сведения через посредство конгресса...

Он желал знать, какой повод сможет он найти, чтобы снова выступить перед конгрессом. Я предложил попросить какого-нибудь члена комиссии по иностранным делам написать ему письмо, которое вызвало бы его на обещание выступить перед конгрессом по поводу предмета, о котором желали от него информации. Он возразил, что он не хочет дать конгрессу возможность думать, что члены конгресса могут контролировать его, президента, каким-либо образом или что они могут принимать участие в управлении иностранными делами.

Тогда я предложил, чтобы он заявил, что вопросы, возникающие теперь между нациями, столь важны, что он чувствует, что каждое деяние, которое он совершает или имеет в виду совершить, или даже каждая мысль, возникшая у него по поводу международного положения, должны становиться всеобщим достоянием только через конгресс».

«*7 февраля 1918 г.* [Нью-Йорк] У. был одним из моих посетителей. Я получил от него информацию, касающуюся настроения германцев и того, как наилучшим способом раздуть ссору между либералами и империалистами в Германии. Я особенно жажду подобной информации теперь, ввиду предстоящего выступления президента».

На следующий день Хауз получил через государственный департамент сообщение, что президент предполагает произнести свою речь перед конгрессом 11 февраля и призывает его в Вашингтон для обсуждения написанного им черновика речи. Почти вечером он прибыл в Белый дом, где его встретил президент.

«*8 февраля 1918 г.* Сначала мы приготовились к бою,—писал Хауз, — прочитав все официальные донесения, касающиеся иностранных дел, поступившие за день. Потом мы начали читать послание к конгрессу, которое он приготовил и критику которого он хотел слышать.

После обеда мы опять пошли заниматься и продолжали работать до тех пор, пока отправились спать. Я не прерывал его, пока он читал набросок послания, а запоминал те изменения, которые я считал необходимыми сделать... Я чувствовал, что это замечательный документ, но знал, что многое должно быть из него выкинуто...

Президент говорил, что он отступил от своего обычного правила и не стенографировал предварительно послания, а печатал его на машинке от начала до конца и работал над ним, отрываясь, и по частям. Он обычно посвящал целые часы таким посланиям, но на этот раз ввиду срочности дела он поступил иначе... Я ни-

когда не советовал в каком-либо предыдущем послании и четверти сокращений, предложенных мной в этом послании. Он написал кое-что об Эльзасе и Лотарингии, что я посоветовал ему выбросить... Он сделал это без возражений. Он не спорил со мной ни разу, когда я указывал на необходимость изменений. Это одно показывает, что у него не было уверенности.

Многие сокращения пришлись на конец послания. Я возражал против его заявления, что мы имеем 1 500 тыс. человек, готовых к отправке в Европу, и пошлем еще 10 млн., если это будет необходимо... По-моему, весь мир знает так же хорошо, как он и я, ресурсы США и в отношении людей, и в отношении богатства.

Я возражал против его положительных предложений, касавшихся мнений Чернина. В одном случае я просил его применить выражение «кажется» вместо более определенного, примененного им по отношению к Чернину. Когда он кончил шлифовать послание, мы пошли спать, не начав разговора о других предметах».

«*9 февраля 1918 г.* Мы с президентом опять взялись сегодня за послание и сделали в нем некоторые незначительные изменения. Против своего обыкновения, он целиком переписал послание, после того как мы кончили исправление...

Около двенадцати часов он пригласил Лансинга и прочел ему послание. Лансинг сделал два или три предложения..., которые президент принял».

«*10 февраля 1918 г.* Покинув Гувера, я снова отправился к Грегори. Пока я был там, вошел президент, и я вернулся с ним в Белый дом. Я обрадовался этому, так как получил благоприятный случай выразить свое мнение, что его послание к конгрессу попрежнему имеет некоторый недостаток: ему нехватает заострения мирового внимания на военной партии Германии. Мне кажется, он должен сказать, что все человечество объединилось теперь вокруг идеи справедливого мира, за исключением этой небольшой кучки, которая, повидимому, решила вести миллионы людей на смерть, только бы осуществить свою волю.

Президент... схватил блокнот и карандаш и начал создавать новый параграф. Этот параграф начинается словами: «Общий мир, воздвигнутый на таких основаниях, может стать предметом обсуждения», и кончается сентенцией: «Трагическим обстоятельством является то, что одна только эта партия в Германии, очевидно, готова и способна послать на смерть миллионы людей, чтобы помешать тому, что все человечество считает справедливым»...

Президент не слишком восторгается посланием, но я уверен, что оно будет встречено почти всеобщим одобрением».

Вильсон произнес свою речь на общем заседании конгресса 11 февраля. Он связал ее непосредственно с речью о четырнадцати пунктах с помощью ссылки на ответы Гертлинга и Чернина. Ряд речей принял, таким образом, вид чего-то вроде публичных мирных переговоров, характерных, правда, крайней неконкретностью выдвигаемых положений. Первая часть послания президента была

посвящена критическому анализу ответов Чернина и Гертлинга. Программу меновой торговли и уступок, выдвинутую графом Гертлингом, он признал совершенно несоответственной: «Метод, предложенный германским канцлером,—это метод Венского конгресса. Мы не можем и мы не хотим возвращаться к нему. То, что поставлено теперь на карту,—это мир всего мира. То, за что мы боремся,—это новый международный порядок, основанный на широких и всеобщих принципах права и справедливости, а не просто мир лоскутков и заплат». Всеобъемлющая справедливость окончательного соглашения стала делом всего человеческого рода. Если Германия не могла принять этих принципов, она вряд ли могла надеяться в будущем на справедливое к ней отношение коммерческого мира. В заключительной части президент устанавливал новую форму общих принципов, которые он рассматривал как единственно надежное установление.

«Во-первых, что каждая часть окончательного соглашения должна быть основана на всеобъемлющей справедливости данного отдельного случая и на таком урегулировании вопроса, которое с наибольшей вероятностью приведет к постоянному миру.

Во-вторых, что народы и территории не должны служить меновым товаром, переходящим из-под одного суверенитета под другой, как если бы они были просто движимостью или пешками в игре, даже в большой игре мирового равновесия, ныне навсегда дискредитированной, но что,

В-третьих, каждое территориальное изменение, совершенное во время этой войны, должно быть сделано в интересах и на благо населения, которого оно касается, а не являться просто частью какого-либо соглашения или компромисса, примиряющего требования соперничающих государств, и наконец,

В-четвертых, что все хорошо обоснованные национальные стремления получают наиболее полное удовлетворение, могущее быть полученным ими без выдвижения новых или бесконечных старых элементов разногласий и антагонизма, которые были бы, вероятно, в состоянии со временем нарушить мир Европы, а следовательно, и всего мира».

Полковник Хауз сообщает, что речь была принята конгрессом хорошо, но без энтузиазма, встречавшего прежние послания президента. Целью Вильсона было привлечь внимание либеральных элементов в Германии; по выражению дневника Хауза, президент «раскладывал костер за спиной Людендорфа». Несомненно, что только немногие из членов конгресса понимали эту цель и еще более немногие одобряли ее. Вильсон, очевидно, заметил этот недостаток симпатии.

«По возвращении из Капитолия,—писал Хауз в своем дневнике,—я ехал с президентом. Он был лишь наполовину доволен встреченным им приемом и мало надеялся на успех своей речи...

После завтрака я отправился к лорду Редингу. Он снова занял свою старую квартиру № 2315 на авеню Массачузетс. Я был

сильно обрадован, когда он сказал: «Я отдал бы год моей жизни за то, чтобы произнести последнюю половину речи президента». Я сказал, что президент обязательно захочет знать, почему именно последнюю. Он ответил, что первая половина была только повторением положений Чернина и Гертлинга, но последняя половина была благородна как с ораторской точки зрения, так и с точки зрения государственного деятеля...

Я возвратился в Белый дом, где президент ждал меня, надеясь услышать какие-либо новости от Рединга. Он был очень обрадован, когда я сообщил ему, чтó сказали Рединг, Уайзмэн и Гордон. Я считаю, что речь президента 22 января 1917 г. и его речь 8 января этого года—лучшие из сказанных им. Говоря о речи 8 января, я сказал президенту, что это была великая авантюра. Он мог выиграть или проиграть благодаря ей, в то время как последняя речь была вполне безопасным предложением».

4

Первый прямой результат речи Вильсона проявился 20 февраля, когда Хауз был вызван из Вашингтона по телефону и оповещен о том, что английская разведка (Интеллидженс сервис), находившаяся под руководством адмирала Хэлла, перехватила секретное мирное предложение австрийского императора. Эта новость не была полной неожиданностью. В течение первых недель февраля некий австрийский либерал, д-р Ламмаш, был послан в Швейцарию, где он имел несколько долгих разговоров с д-ром Джорджем Херроном, который предположительно пользовался доверием президента Вильсона. Ламмаш объяснил, что император Карл искренне желает немедленного мира и надеется, что Вильсон предпримет шаги для возможно скорого его осуществления, чтобы спасти Европу от ужасов, которые будут следствием великого германского наступления весной. Император сам был готов, как он утверждал, полностью реформировать Австро-венгерскую империю, учредив род федеральной системы, которая обеспечила бы автономию подвластных ей национальностей и полностью удовлетворила бы их.

Д-р Херрон, естественно, ответил, что он не может говорить от имени президента. Он нашел, что план императора едва ли способен привести к полному разрешению проблемы Юго-восточной Европы и что этот план, по его мнению, имеет скорее в виду преодолеть кризис, угрожавший габсбургской монархии, чем создать прочное основание для миролюбивых отношений между национальностями. Он побуждал Ламмаша убедить императора действовать с большим воображением и либеральностью. У самого Херрона создалось впечатление, что нужда Австрии так велика, что ее просьба о мире будет возобновлена.

Так и случилось: 19 февраля Чернин телеграфировал австрийскому послу в Мадриде для передачи испанскому королю посла-

ния императора, содержавшего в себе обращение, которое по просьбе императора король должен был передать президенту Вильсону. Копия была переслана Хаузу с просьбой высказать мнение о ней[1].

Дело шло о непосредственном предложении мира, базирующемся на искреннем принятии условий, выставленных президентом в его речи 11 февраля. Но это предложение не отзывалось ни на речь о четырнадцати пунктах, ни на более точные условия, в ней содержавшиеся. В отличие от предложений д-ра Ламмаша, который намекал, что император применит принцип самоуправления ко всем народам Австро-Венгрии, император Карл в своей телеграмме королю Испании несомненно предлагал мир, основанный на сохранении status quo. Единственное упоминание об Italia Irredenta показывало нежелание признать хотя бы частичку итальянских требований, что являлось существенной частью общего соглашения, и переговоры не могли начаться без более определенной уверенности, что Австрия принимает условия, выдвинутые четырнадцатью пунктами. Император ничего не говорил о требованиях Германии. Предлагал ли он сепаратный или общий мир и было ли германское правительство согласно на принятие условий Вильсона? Требования, предъявленные России в Бресте, не подтверждали этого факта.

Мысль об опасности переговоров с Австрией была внушена Хаузу Уикхэмом Стидом, редактором иностранного отдела «Таймс» и первым английским авторитетом по габсбургской проблеме. Он был в этот момент вовлечен в весьма важное предприятие оказания помощи революционному движению австрийских славян, которое обещало стать наиболее быстрым средством союзной победы в Юго-восточной Европе и которое подверглось бы опасности при первом намеке на то, что союзники покинут славян, чтобы заключить мир с Австрией на основе status quo. Другой авторитет по габсбургской проблеме Андре Шерадам написал полковнику Хаузу подробное письмо, определяя в нем источники опасности[2].

Президент Вильсон был предупрежден о дипломатических опасностях, связанных с мирными переговорами с Австрией, и сознавал, что эти переговоры ни в коем случае не могут быть открыты без предварительного обсуждения с союзниками. 23 февраля он просил Хауза приехать в Вашингтон. Хауз следующим образом записал в свой дневник суть своих совещаний с президентом.

«*24 февраля 1918 г.* Перед завтраком мы нашли время обсудить ноту австрийского императора президенту, посланную через испанского короля, перехваченную англичанами и благодаря этому уже попавшую в наши руки. Мы согласились, что хорошо

---

[1] См. приложение к этой главе.
[2] Там же.

было бы спросить Бальфура о его мнении, и набросали следующую каблограмму, напечатанную президентом на его пишущей машинке».

Каблограмма Хауза Бальфуру

Вашингтон, 24 февраля 1918 г.

«Принимая во внимание перехваченное обращение австрийского императора к испанскому королю и ваше недавнее обращение к президенту через мое посредство, полученное мной 8-го, президент весьма оценил бы любые замечания или предложения, которые вы были бы столь добры сделать. Оригинал обращения еще не получен нами из Испании. Сколь далеко, по вашему мнению, должны мы пойти в осведомлении правительств Антанты относительно характера обращения, полученного из Австрии?

Эдуард Хауз».

«*26 февраля 1918 г.* Сегодня после полудня испанский посол попросил аудиенции и вручил президенту ноту австрийского императора. Президент сказал, что ему было трудно придать своему лицу выражение удивления. Он написал меморандум в ответ императору Карлу и прочел мне его вчера вечером... Этот меморандум несовершенен и нуждается в дополнительной информации...

Президенту приходится сейчас иметь дело с одним из наиболее щекотливых и затруднительных положений, ему встречавшихся. Вопрос весьма запутан: дело идет не только об австро-германском положении, а касается также Антанты и наших отношений с ней».

28 февраля 1918 г. Президент был очень доволен своим разговором с французским послом. Он ожидал скорее бури, так как он намеревался сообщить послу о своих сношениях с австрийцами. Жюссеран думает, что президент поступил мудро. Он сообщил, что французское правительство добыло некоторую информацию, позволяющую ему думать, что оба императора, Вильгельм и Карл, побудили папского нунция в Мюнхене направить их мирные условия в Рим с целью заставить папу применить свои благие услуги для достижения мира».

Каблограмма Бальфура Хаузу

Лондон, 27 февраля 1918 г.

«Будьте добры выразить президенту мою весьма глубокую благодарность за его доверие.

Мои взгляды относительно обращения к нему австрийского министра иностранных дел, поскольку оно представляет ценность, таковы:

1. Я нахожусь под глубоким впечатлением различия между официальным языком австрийского министра иностранных дел в послании, переданном через испанского короля, и личной политикой австрийского императора, поскольку она выражается беседой между профессором Ламмашем и д-ром Херроном, о которой мы знаем из отчета нашего посла в Берне. Первое не идет дальше предложения о возвращении к status quo ante, за исключением того, что Болгария должна получить значительную территорию, которой она не обладала до войны, тогда как Сербия кое-что получает и кое-что теряет; баланс потерь и выигрыша в целом сложится против нее.

Эти предложения известны германскому императору и несомненно выражают его политику. Они приносят успех центральным державам и едва ли могут быть примирены с публичными декларациями президента по поводу условий мира.

2. Предложения, переданные профессором Ламмашем через д-ра Херрона, имеют весьма несходное содержание и, как я предполагаю, отражают мнения австрийского императора (в его тогдашнем настроении), не поддавшегося германскому влиянию. Профессор Ламмаш формулировал с большой значительностью и вполне недвусмысленным языком право народов выбирать форму правления, причем император, по словам профессора, определенно желал применить эти принципы к своим собственным владениям. Эта схема в том виде, в каком она нам известна, гармонирует с принципами, выставленными президентом, и может поэтому стать отправным пунктом дискуссии. Но она дает повод для двух весьма серьезных возражений. Во-первых, она игнорирует Италию, а во-вторых, если все это дело не будет весьма тщательно направляться, оно сможет оттолкнуть от нас заинтересованные национальности, которым президент желает помочь. Различные славянские народы слишком часто были обмануты фразами о «самоуправлении», так что они будут склонны рассматривать все планы, которые содержат это слово, как дающие им старое рабство под новым наименованием. Они не представляют себе различия между тем, что президент хочет им дать, и тем, что они уже имеют. То, что они уже имеют, оставляет их в полном подчинении в Австрии немецкому меньшинству, в Венгрии—мадьярскому.

Нет нужды настаивать на опасностях как с итальянской, так и с австрийской стороны, неизбежно связанных с переговорами, начатыми на основе предложений Ламмаша. Будущее войны в значительной степени зависит от поддержания энтузиазма итальянцев и антигерманского фанатизма славянского населения Австрии. Как итальянцы, так и славяне весьма легко приходят в уныние и скоро вычитывают из речей иностранцев доказательства, что их интересы забыты и преданы. Я боюсь, что австрийские государственные деятели не преминут использовать любое сообщение для того, чтобы заявить, что президент питает нежность

к Австрийской империи, и убедить славян, что им нечего надеяться на союзников, готовых заключить мир с центральными державами.

3. Некоторый риск все-таки допустим, и если президент на самом деле чувствует, что действительно необходимо не закрывать путь к дальнейшим переговорам, то мне кажется, что в настоящее время было бы важно предпринять некоторые шаги для установления того, являются ли разговоры с Ламмашем фактическим отражением взглядов императора и насколько последний подготовлен к тому, чтобы принять их за основу дискуссии. Австро-германские предложения, переданные через посредство испанского короля, находятся в столь полном противоречии с публичными заявлениями президента, что трудно понять, как было бы возможно примирить эти разногласия на конференции. В ответ на заданный мне президентом вопрос относительно того, насколько должен он почтить своим доверием других союзников, я могу сказать, что это зависит главным образом от политики, которой он предполагает придерживаться. Когда прошлым летом мне были переданы через короля Испании германские предложения о созыве конференции, я пригласил послов главных воюющих стран, включая Японию, в министерство иностранных дел и информировал их обо всем, что случилось. Это, при сложившихся обстоятельствах, было вполне удобно и уничтожило все поводы к подозрению. Теперь это было бы не так удобно. Кроме того, следовать моему совету в отношении данного прецедента должно было бы в том случае, если бы *вопрос шел об австрийском министре иностранных дел*; но если, с другой стороны, президент предполагает следовать линии Ламмаша—Херрона, то я на его месте удовольствовался бы весьма доверительным сообщением союзникам, что я поддерживаю неофициальные переговоры с Австрией и свяжусь с ней в дальнейшем, если представится случай.

Я делаю эти предложения с величайшей неуверенностью и только вследствие прямой просьбы, переданной мне вами от имени президента.

Бальфур».

Каблограмма Хауза Бальфуру

Вашингтон, 1 марта 1918 г.

«Президент просил меня поблагодарить вас за вашу каблограмму. Мы не принимали окончательного решения до ее получения. Президент доволен, что, как он полностью и предвидел, ваш взгляд на дело в существенных чертах сходен с его собственным взглядом. Он ответил на ноту испанского короля таким образом, чтобы не закрыть путь дальнейшим переговорам, но несколько распространенно, стараясь узнать, что император Австрии имеет в виду. Мы считаем, что если это обращение показывает искрен-

нее желание пойти навстречу справедливым требованиям союзников, то не нужно его отвергать, если же оно предназначено для прикрытия планов аннексий, то лучше встретить его обращенным к центральным державам требованием: применить принципы, которые они открыто признают, чтобы придерживаться их в конкретных случаях. Если германцы не искренни в высказанных ими пожеланиях мира, то разве не является делом величайшей важности показать это всему миру: и самому германскому народу, если он хочет слышать, и нейтральным странам, и любому человеку из числа тех людей в союзных странах или в США (особенно в кругах лейбористов и социалистов), которые все еще верят в германские заявления. Если будут вестись какие-либо дальнейшие переговоры, то США, ведя переговоры, удвоят усилия, чтобы снарядить свои собственные силы и содействовать союзникам. Президент хорошо понимает, что сильная армия является в настоящий момент наилучшей гарантией против интриг германского милитаризма. Он не может, конечно, в каком-либо смысле компрометировать союзников этими переговорами, но он хочет заверить вас, что он не имеет намерения позволить и США компрометировать себя какими-нибудь дальнейшими шагами, если центральные державы не готовы вложить в понятия общих принципов искреннего и конкретного содержания—гарантий.

Президент информирует союзных послов, придерживаясь общего смысла развитых выше положений. Он рассмотрел вопрос весьма внимательно и помнит совершенно справедливые замечания, сделанные вами в вашем послании.

Эдуард Хауз».

Тщательное исследование позиции Австрии показало невозможность склонить венское правительство к принятию условий, выставленных Вильсоном, или отделить Австрию от Германии. Возможно, что, если бы это было в его силах, император Карл сделал бы далеко идущие уступки, но он был привязан к колесу германской колесницы. Мир, основанный на status quo, являлся для Австро-Венгрии победой; она сражалась за цельность многоязычной империи. Понятно, что она приняла принцип, высказывавшийся против аннексий. Но мир без аннексий был невозможен для Франции или Италии, так как их целью было устранение условий, которые долго угрожали европейскому миру и смущали бы его в будущем до тех пор, пока Эльзас и Лотарингия, а также Italia Irredenta оставались бы в руках их врагов; они рассматривали аннексию этих областей не как добычу завоевателя, а как существенную и логически правомерную часть общей цели умиротворения мира. Было возможно, правда, итти еще дальше и утверждать, что не может быть постоянного мира в Юго-восточной Европе до тех пор, пока славяне остаются под австрийским господством.

Невозможность достижения какого-либо соглашения с Австрией была доказана, и притом так, что исчезло последнее сомнение, разговорами генерала Смэтса и графа Менсдорфа, которые оба серьезно искали общую платформу для переговоров. Меморандум, составленный графом Черниным или под его наблюдением, показал полную бесполезность тех или других переговоров. Копия меморандума была передана Хаузу.

Меморандум графа Чернина

«Австрийский министр иностранных дел с трудом допускает, что декларации британского агента [генерала Смэтса] действительно ставят своей целью заключение общего мира, основанного на справедливости, так как они проходят мимо единственного затруднения на пути к справедливому и прочному миру, а именно мимо требования аннексий со стороны Франции и Италии.

Центральные державы никогда не признают этого требования, кажущегося им несправедливым. До тех пор пока Италия хочет аннексировать австрийскую территорию, а Франция заявляет, что она не может заключить мир без приобретения Эльзаса и Лотарингии, до тех пор мир с этими державами невозможен. Если, однако, они откажутся от своих завоевательных целей, то австрийский министр иностранных дел не видит препятствий к немедленному заключению мира. До тех пор пока Англия поддерживает своих союзников в их планах аннексий, ни одна из центральных империй не поверит, что она ищет справедливого и прочного мира. Центральные империи не имеют ни малейшего желания вмешиваться во внутренние дела союзных стран; они не хотят, чтобы другие вмешивались в их дела.

Австрийский министр иностранных дел считает, что упрек относительно мира с Румынией несправедлив и доказательством этого является то, что румынский народ ничего так не желает, как образования министерства Марголимана, т. е. такого министерства, которое согласится тесно и выгодным способом примкнуть к центральным державам[1]. Румынский народ чувствует, что блага, которые дарует ему *примирение*, будут бо́льшими, чем жертвы, возлагаемые на него миром.

В отношении послевоенных отношений граф Чернин заявил, что он твердо решил придерживаться программы, которая стремится предупредить будущие войны. Но прежде нужно привести к концу настоящую войну, а это возможно только в том случае,

[1] Ничто не может более возбудить сомнение в искренности Чернина, чем этот параграф. Мир, вынужденный у Румыни в Бухаресте, был крайне «насильственным»; на Румынию были наложены тяжелые экономические кары; а полоса территории, расположенной вдоль старой границы, делала Румынию вполне зависимой от милости Австро-Венгрии. Ссылка Чернина на желание румын добиться «примирения» с центральными империями походит на невольную иронию. Марголиман представлял протевтонские элементы в румынских политических кругах.

если Франция и Италия перестанут говорить о завоеваниях. Тогда станет возможным обсуждать будущее».

Мирные предложения Австрии были несомненно внушены отчасти неопределенной надеждой нарушить дипломатическое единство союзников, отчасти нервной тревогой, заставлявшей выпускать пробные шары, которые могли повести к мирным переговорам до крушения габсбургской империи. Эти переговоры имели только преходящий интерес и не дали результатов.

Иначе обстояло дело с дипломатическими переговорами между центральными державами и Россией, пришедшими к окончательному завершению в начале марта.

Политика Троцкого, выраженная словами «ни мира, ни войны» и приведшая к разрыву брест-литовских переговоров, оказалась пышным жестом и ничем больше. Германские армии спокойно продвигались на восток, и 24 февраля советское правительство по настоянию Ленина приняло несравненно более тяжелые условия, чем те, которые были ранее отвергнуты. Делегация в новом составе отправилась в Брест, и 3 марта был подписан Брест-литовский договор.

Результатом подписания договора явилось как в Германии, так и в Австрии немедленное изменение настроения в пользу правительства. Все партии Германии, за исключением меньшинства социалистов, поддерживали берлинский план о создании цепи буферных вассальных государств вдоль восточной границы Германии и Австро-Венгрии за счет России. Успех правительственной политики в отношении России создал, кроме того, готовность народа принять на себя жертвы весенних сражений, которые, согласно обещаниям военных руководителей, должны были заставить Антанту понять бесцельность дальнейшей борьбы.

Было бесполезно в таком случае для США или для союзников продолжать настаивать на политике Вильсона и вести дружбу с германскими противниками германского империализма. В настоящий момент они были загипнотизированы своим дипломатическим триумфом в Брест-Литовске. «Пройдет немного времени,—писал У. К. Буллит, специально изучавший проблему для полковника Хауза,—до той поры, когда президент сможет снова апеллировать к германским социалистам и либералам. Но сегодня язвительное обвинение германской восточной политики повело бы только к объединению народа вокруг правительства. В настоящее время поэтому нам лучше драться и молчать».

ПРИЛОЖЕНИЕ

Телеграмма императора Карла королю Испании

20 февраля 1918 г.

«Положение Европы в основном выяснено, с одной стороны, речью президента Вильсона, с другой—речью графа Чернина, и выводы сведены до определенного минимума; настало время,

когда непосредственные переговоры между кем-либо из моих представителей и представителей мистера Вильсона могут выяснить положение до такой степени, что на пути к мировой мирной конференции не будет стоять никакого дальнейшего препятствия.

Ваше великодушное желание, так часто выражаемое, высказаться об условиях мира, позволяет мне обратиться к вам с просьбой передать тайным путем президенту Вильсону следующее послание:

«В своей речи, произнесенной 12 февраля, президент Вильсон назвал четыре главных принципа в качестве основы соглашения, на которое можно надеяться. Моя позиция в отношении этих четырех принципов может быть обобщена следующим образом:

В пункте первом президент Вильсон требует, согласно находящемуся в моем распоряжении немецкому тексту, речи: «каждая часть окончательного соглашения должна быть основана на всеобъемлющей справедливости данного отдельного случая и на таком урегулировании вопроса, которое с наибольшей вероятностью приведет к постоянному миру». С этим руководящим принципом я согласен. Каждый человек, имеющий принципы и разум, должен желать такого решения вопроса, которое обеспечивает прочный мир, а только справедливый мир, обеспечивающий жизненные интересы, может принести такое решение.

Пункты второй и третий связаны вместе и говорят, что «народы и территории не должны служить меновым товаром, переходящим из-под одного суверенитета под другой, как если бы они были просто движимостью или пешками в игре, даже в большой игре мирового равновесия, ныне навсегда дискредитированной», а «каждое территориальное изменение, совершенное во время этой войны, должно быть сделано в интересах и на благо населения, которого оно касается, а не являться просто частью какого-либо соглашения или компромисса, примиряющего требования соперничающих государств».

Вопрос о территориях, как мне кажется, разрешится весьма просто, если все правительства ясно заявят, что они отказываются от завоеваний и аннексий. Конечно, все государства должны быть на одинаковом положении. Если президент постарается склонить к такому решению своих союзников, то Австрия сделает все, что в ее силах, чтобы повлиять на своих собственных союзников в том же смысле. Что же касается того, что может быть сделано в отношении возможных изменений границ в интересах и на благо заинтересованных народов, то дружественные переговоры по этому поводу могут вестись между любыми двумя государствами, так как—и это является как будто также мнением президента—прочный мир едва ли может быть достигнут, если, желая избегнуть насильственного перемещения из-под суверенитета одной державы под суверенитет другой, мы захотим предотвратить соответственные соглашения по вопросу о территориях в других частях Европы, где прежде не имелось определенных границ, как, напри-

мер, в местностях, населенных болгарами. Тем не менее, должен быть сохранен принцип, что ни одно государство не должно выигрывать или терять чего-либо и довоенные владения всех государств должны рассматриваться как неприкосновенные.

Пункт четвертый. «Все хорошо обоснованные национальные стремления получают наиболее полное удовлетворение, могущее быть полученным ими без выдвижения новых или бесконечно старых элементов разногласий и антагонизма, которые были бы, вероятно, в состоянии со временем нарушить мир Европы, а следовательно, и всего мира».

Это заявление, столь ясно и соответственно выраженное президентом, также приемлемо в качестве основы. Кроме того, я обращаю особое внимание на то, чтобы какое-либо новое установление европейских условий не увеличило риска будущего конфликта, но скорее уменьшило бы его. Искренность президента, когда он говорит, что «американское правительство вполне склонно признать, что предложенные им установления не являются наилучшими или наиболее прочными», пробуждает в нас большую надежду, что мы сможем также достигнуть и в этом вопросе некоторого соглашения. При этом обмене мнениями мы будем в состоянии доставить убедительные доказательства, что имеются национальные требования, удовлетворение которых не было бы ни хорошим, ни прочным и не могло бы предупредить постоянно возникающих неудовольствий, разрешение которых столкнулось бы с желаниями заинтересованных государств. Мы будем в состоянии установить это в отношении национальных требований Италии, распространяющихся на часть австрийского Тироля, населенную итальянцами, посредством представления неоспоримых доказательств и выражений народной воли этой части нашей страны. Я должен поэтому, со своей стороны, весьма твердо настаивать на том, чтобы мои представители обсуждали с президентом любые возможные средства, предупреждающие новые кризисы. В принципе, уже провозгласившем полный отказ от аннексий, несомненно заключалось и требование о полном отказе от Бельгии. Все вопросы о деталях, вроде расширения Сербии до моря, признания необходимости дать Сербии выход для торговли и мореплавания и многие другие, могут быть, конечно, выяснены при обсуждении и подготовлены для мирной конференции.

Второй основной принцип, уже установленный президентом,— это безусловное предупреждение будущей войны; я вполне согласен с этим принципом.

В отношении третьего пункта, выставленного президентом, главной целью которого является всеобщее разоружение и свобода морей для предупреждения будущих мировых войн, между президентом и мной не имеется разногласий. Принимая во внимание все это, я считаю, что существует такая гармония между принципами, выставленными президентом, с одной стороны, и моими — с другой, что можно ждать результата от настоящей кон-

ференции, а такая конференция сможет значительно приблизить человечество к миру, которого пылко жаждут все государства».

Если вы будете столь добры довести это послание до сведения президента, то мне кажется, что вы окажете делу общего мира и всему человечеству величайшую услугу.

Карл».

Письмо Андре Шерадама Хаузу

Февраль 1918 г.

«Полковник!

Помня о хорошем приеме, который вы были столь любезны оказать мне во время вашего пребывания в Париже, я позволяю себе послать вам вместе с этим письмом вырезку статьи из венской газеты, перепечатанную сегодня утром одной из самых значительных парижских газет. Эта статья содержит в себе весьма важный пункт, на который я обращаю ваше особое внимание. Из текста видно вполне ясно, что недавние реторические манифестации Чернина были только пацифистскими маневрами, являющимися результатом тесной согласованности с Берлином. Это факт, бывший всегда несомненным для тех, кто, подобно мне, изучал Австрию и венское правительство вблизи в течение последних десяти лет.

Как сообщает венская газета, венское правительство провело свое пацифистское наступление «с приметным успехом». Это, к несчастью, справедливо. Недавние декларации государственных деятелей Антанты, которые можно было истолковать как благоприятствующие сохранению Австро-Венгрии, одобрили дерзость наших, не уважающих ничего, кроме силы, противников, уже и так неизмеримое честолюбие которых только раздувается любой уступкой. Кроме того, эти декларации были причиной неоспоримой моральной депрессии на стороне союзников Западной Европы, а также и среди славянских и романских народов, угнетаемых Австро-Венгрией. Было бы весьма желательно, чтобы народ США был уверен, что тот, кто, подобно мне, проповедует, что расчленение Австро-Венгрии необходимо, не мечтает в данный момент о создании взамен Австро-Венгрии роя малых государств, слишком незначительных, чтобы иметь возможность спокойного существования.

...Я был бы особенно счастлив, полковник, если бы вы были так добры ознакомить президента с этими различными точками зрения, поскольку вы найдете полезным это сделать. Я думаю, что эти точки зрения вполне справедливы, так как они оправданы событиями. Я убежден, что правдивость необходима для победы.

Будьте добры, полковник, принять уверения в моем совершенном уважении.

Андре Шерадам».

ГЛАВА XIII

РУССКАЯ ЗАГАДКА[1]

«Вопрос о том, что нужно и возможно делать в России, доводил меня до изнеможения. Эта проблема, как ртуть, ускользала при прикосновении к ней...»

Из письма президента Вильсона Хаузу, 8 июля 1918 г.

1

Приход к власти в России большевиков был, в конце концов, как бы предназначен для того, чтобы принести Германии затруднения, так как зараза социального мятежа вскоре затронула германские войска восточного фронта. Но в данную минуту решение советских руководителей о заключении мира принесло германцам немедленную выгоду в Брест-Литовске и позволило Германии концентрировать ее военные усилия на Западе. Союзникам казалось делом первостепенной важности реконструировать восточный фронт, послав туда экспедиционные силы, которые могли бы послужить основой для мобилизации антигерманских элементов в России. Они имели склонность недооценивать существенные факторы, которые заставили Россию заключить мир, и предполагали, что с помощью союзников боевой фронт может быть вновь восстановлен, а большевистское правительство свергнуто.

Наиболее энергично требовали военной интервенции в России французы. Они неоднократно поднимали вопрос о ней на межсоюзной конференции в Париже в конце 1917 г. 1 декабря Клемансо обсуждал с Хаузом возможности интервенции и настаивал на желательности посылки японских экспедиционных сил. До революции, говорил он, старое русское правительство не хотело просить японской военной помощи. Однако выход России из

---

[1] Эта глава не предназначена для того, чтобы стать очерком американской политики того времени на Дальнем Востоке, а является попыткой показать положение, каким оно представлялось полковнику Хаузу. Среди его бумаг имелась масса документов, относящихся к сибирской экспедиции, но так как к государственным людям и событиям Дальнего Востока он не стоял так близко, как к европейским, то его архив не отражает истории и политики военного периода для Дальнего Востока с той полнотой, как он отражает американские отношения с Европой.

войны после большевистской революции изменил положение. Россия вышла из игры. Для Японии настало время занять ее место.

Полковник Хауз был, как и всегда, против военной интервенции в России. Он не думал, что японская или какая-либо другая экспедиция поможет создать на Востоке новый боевой фронт против Германии. Боевой дух России, утверждал он, догорел, промышленная организация страны, столь необходимая для продолжения войны, расшатана. Большевики очутились у власти благодаря тому, что они удовлетворили единственно актуальное требование русских крестьян: раздел земли. Этот свой довод он основывал на донесениях, полученных от американской миссии Красного креста, подтвержденных донесениями британского консульства в Москве.

Если Россия не желала и не была способна продолжать воевать, то было бесполезно пытаться принудить ее к этому с помощью экспедиционных сил. Такая попытка была бы и очень дорогой, если принять во внимание, что в это время союзники нуждались во всех своих силах для грядущей борьбы на Западе. Любая попытка вмешательства в русские дела, не касаясь моральной стороны, могла оказаться чрезвычайно опасной. Разве возможно было свергнуть большевиков, казавшихся жаждущим мира и земли народным массам России первыми в их истории руководителями, сделавшими искреннее усилие для удовлетворения их нужд? Разве подобное вмешательство не усилило бы только власть большевиков? Кто мог, в самом деле, ручаться, что в случае свержения большевиков их заменит партия, более способная противостоять Германии?

Хауз делал вывод, что, поскольку это касается США, любая попытка интервенции была бы ошибкой, разве только она была бы предпринята по просьбе русского правительства. В этом смысле он и дал совет Вильсону по возвращении из Европы, в декабре, настаивая в то же время, чтобы президент высказал свои дружественные чувства к России и свою готовность на любую помощь, которая может потребоваться русским.

«Андре Тардье и Томас В. Лэмон заходили ко мне,—записал Хауз 2 января 1918 г.—Тардье только что вернулся из Франции и желает снова ознакомиться с положением на западной стороне океана. Лэмон прибыл с докладом о России и о работе, проведенной там Томпсоном[1]. Он нашел, что в вопросах политики, которой следует в настоящее время держаться в отношении России, я частично схожусь с Томпсоном и поэтому нахожусь в разногласии с английским, французским и американским правительствами. Я, по крайней мере, чувствую себя правым, когда советую, что буквально ничто не должно быть сделано, прежде чем мы не

[1] Полковник Уильям В. Томпсон был главой американской миссии Красного креста в России.

выразим нашего сочувствия усилиям России объединиться на почве окрепнувшей демократии и не предложим нашей финансовой, промышленной и моральной поддержки любым возможным способом».

Неделей позже президент произнес свою речь о четырнадцати пунктах, в которую он включил специальное обращение к России, формулированное в самом дружественном духе помощи и не содержавшее никаких упреков ни большевикам, ни русскому народу за их выход из войны против Германии.

Поскольку дело касалось России, результаты речи не оправдали надежд Хауза. Троцкий был влюблен в свой парадоксальный план прекращения войны без заключения мира с Германией и ничем не показывал, что в данный момент он доверяет заявлениям Вильсона о помощи, еще менее показывал это Ленин. Между буржуазной капиталистической республикой Запада и коммунистической революцией Востока не могло быть большой симпатии.

2

Тем временем союзники решили настоять на своих планах японской интервенции в Сибири отчасти по той причине, что некоторые элементы на Дальнем Востоке могли быть организованы против большевиков, а «следовательно, и против Германии», отчасти, чтобы защитить военные склады союзников во Владивостоке.

Сотрудничество правительства США при выполнении этих планов было, очевидно, желательно, и Бальфур прислал полковнику Хаузу для передачи президенту каблограмму, содержащую описание факторов, приведших к решению.

Каблограмма Бальфура Хаузу

Лондон, 30 января 1918 г.

«По телеграфу посланы инструкции Колвиллу Бэрклэю настаивать на том, чтобы Япония получила от союзников приглашение, имеющее характер мандата, оккупировать Сибирскую железную дорогу. Я надеюсь, что проект этот будет подвергнут весьма тщательному рассмотрению, несмотря на многие серьезные трудности, им представляемые... На первый взгляд может казаться, что оккупация Сибирской железной дороги противоречит должному уважению к правам правительства, ныне возглавляющего власть в Петрограде. Мы не хотели ссориться с большевиками. Наоборот, мы смотрели на них с некоторой степенью благожелательности до тех пор, пока они отказывались заключать сепаратный мир. Но их требование быть признанными всероссийским правительством de facto или de jure не имеет фактически основания. Насильственный разгон Учредительного собрания, в особенности, придает их требо-

ванию не больший вес, чем хотя бы таким же требованиям автономных образований в Юго-восточной России, к поддержке которых и направлена оккупация Сибирской железной дороги, в то же время имеется лишь весьма малая вероятность, что большевики помогут обороне румынской армии или отражению турецких атак на Армению и откажутся доставлять снабжение немцам...

Я надеюсь, что вы не будете иметь возражений против того, что я представляю вам эти соображения: кабинет придает вопросу большое военное значение. Вы, конечно, поймете также, что вопрос носит неотложный характер.

Бальфур».

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 2 февраля 1918 г.

«Дорогой начальник!

Я никогда не изменял своего мнения, что посылка японских войск в Сибирь была бы огромной политической ошибкой. Я не могу найти никакой военной выгоды, которая компенсировала бы причиняемый вред. Не говоря о враждебном чувстве, которое оккупация создала бы в большевистском правительстве, она возбудила бы славян повсюду в Европе хотя бы из-за расового вопроса, если не из-за чего-нибудь еще...

Любящий вас *Э. М. Хауз*».

Президент был совершенно так же настроен против предположенной японской экспедиции, как и Хауз. Вероятно, он считал, вместе с государственным департаментом, рассматривавшим вопрос, на основании солидных доказательств, что инициаторами плана вторжения в Сибирь были сами японцы, желавшие, чтобы экспедиция состояла исключительно или преимущественно из японцев, для обеспечения оккупации Приморья.

Президент Вильсон постоянно старался предупредить такое развитие событий, и это его решение лежало в основе американской дальневосточной политики, тепло поддерживавшейся как государственным департаментом, так и военными руководителями. Но европейские союзники твердо настаивали на японской интервенции. В конце февраля Вильсон обсуждал с Хаузом условия, при которых можно согласиться на нее без особой опасности.

«*25 февраля 1918 г.* Мы долго обсуждали,—занес Хауз в свой дневник,—вопрос об японской интервенции в Сибири, но не пришли ни к какому выводу. Имеются доводы как за, так и против нее. Я высказал мысль, что если японцы вступят в русские пределы, не обещав уйти оттуда или, по крайней мере, не обещав подчиниться постановлению мирной конференции, то Антанта, поддерживая японцев, поставила бы себя в такое же точно положение, как германцы, оккупировавшие сейчас западную часть России, хотя

против этой германской оккупации гремят непримиримые возражения со стороны западных держав».

Под непрерывным давлением со стороны французов и англичан президент Вильсон написал меморандум, в котором он взял обратно свои возражения против ноты союзников, просившей японцев о вмешательстве, но не пошел столь далеко, чтобы самому присоединиться к просьбе союзников[1]. Нота не была формально распространена, но ее содержание было известно почти всем союзным послам. Полковник Хауз, возражения которого против японской интервенции, может быть, уменьшились за время его разговоров с президентом в Вашингтоне, продолжал подчеркивать трудности, сопряженные с союзным предложением, особенно после беседы с послом Бахметьевым. «Русский посол,—записал он 2 марта в Нью-Йорке,—старался привлечь мое внимание к опасности появления японских экспедиционных сил в Сибири. Он предполагает, что это бросит русских в объятия германцев, так как не может быть вопроса, какую из двух возможностей они выберут. Относительно этого у нас не было разногласий».

Меморандум Хауза президенту

3 марта 1918 г.

«1. Я считаю необходимым, чтобы при сложившихся обстоятельствах нота японцам была отправлена, но до ее отправления союзные послы должны быть созваны вместе и им должно быть указано, куда может привести эта авантюра.

а) Она может привести к ухудшению или даже к потере нашей моральной позиции, несомненным следствием чего явится падение военного энтузиазма нашего народа в обмен на неопределенную и туманную военную выгоду.

б) Необходимо предложить, чтобы одновременно с передачей этой ноты японцам им было предложено сделать заявление об основаниях их действий и их политики в отношении Сибири. Это заявление должно быть сделано в духе ноты президента, так чтобы позиция японцев могла выгодно отличаться в глазах всего мира от позиции, занятой Германией.

2. Не думает ли президент, что было бы хорошо, если бы я послал Бальфуру каблограмму, вполне выясняя ему трудности и опасности, как они нам представляются?

3. Японцы уже пытались узнать от англичан, не была ли вызвана уклончивость американцев враждой к Японии. Англичане заверили, что нет. Тем не менее, это показывает необходимость осторожности с нашей стороны, и наша пресса должна быть предупреждена, чтобы не появились возбуждающие статьи».

---

[1] Текст ноты напечатан в приложении к этой главе.

Каблограмма Хауза Бальфуру

Нью-Йорк, 4 марта 1918 г.

«Я сообщил президенту, что пошлю вам эту каблограмму, так как я чувствую, что предположенное японское выступление в Сибири может явиться величайшим из несчастий, постигших до сих пор союзников. Я говорю это с самыми добрыми чувствами к Японии и не хочу подвергать сомнению ее позицию в отношении дальневосточных дел. США готовы любым способом содействовать этому плану и никаким образом не возражают против него, но было бы совершенно нечестно не предупредить вас об опасностях этого плана, поскольку дело касается общественного мнения США.

Так как предложения носили наполовину публичный характер, то я имел возможность заметить различные оттенки здешних мнений и нахожу, что они весьма аналогичны в своих выводах; даже такой консервативный государственный деятель, как сенатор Рут, считает план большой ошибкой. Как альтруистичны ни были бы фактически намерения японцев, эти намерения неминуемо будут извращены германской пропагандой. Германцы будут стараться доказать, что союзники через посредство японцев проделывают в Сибири то же самое, что германцы проделывают на западе России, и что сибирский прецедент даже хуже, так как японцы не были приглашены какой-либо русской организацией и японская территория не находилась под угрозой, как территории Германии и Австрии, по их словам.

Я чувствую, что это выступление повлечет за собой серьезное ухудшение, если не фактическую потерю, нашей моральной позиции в глазах нашего собственного народа и всего мира и падение высокого энтузиазма американского народа в отношении правого дела, за которое он борется. Если мы не сохраним нашей моральной позиции, то мы должны ждать образования здесь весьма грозной партии противников войны, общего ослабления военного усилия и раскола в рядах сторонников, на единодушную поддержку которых правительство может теперь рассчитывать.

Президент согласился послать японскому правительству ноту, присоединяясь к нотам союзников[1], но он попрежнему хочет, чтобы вы рассмотрели, не может ли быть сделано все возможное, чтобы до некоторой степени предупредить неверное освещение германской пропагандой ожидаемых последствий.

Союзным послам будет, вероятно, предложено, чтобы японское правительство при получении мандата взяло бы на себя обязательство сделать публичное заявление, что оно посылает свои военные силы в Сибирь только в качестве союзника России с целью спасения Сибири от германского вторжения и интриг и что оно согласно

[1] Первая нота президента не присоединялась формально к нотам союзников; она только устанавливала, что правительство США не имеет возражений против обращения к Японии с просьбой.

предоставить разрешение всех вопросов, касающихся Сибири, мирной конференции.

Эдуард Хауз».

После получения меморандума и письма Хауза президент Вильсон решил взять назад свой первый меморандум и составить другой. В первоначальной ноте, склоняясь формально к просьбе союзников о японской интервенции, он выражал доверие мотивам, положенным в основу подобного вооруженного вмешательства. В окончательной ноте, посланной по назначению, он придавал первенствующее значение самому факту неблагоразумия какой-либо интервенции. Полковник Хауз сделал в своем дневнике следующие замечания по поводу этой ноты.

«*5 марта 1918 г.* Президент послал сегодня утром за Полком и вручил ему новую ноту Японии, являющуюся заменой другой ноты, написанной им на-днях и задержанной отправлением. Я согласен с тем, что президент говорит в этой последней ноте... Мы с Полком долго говорили по телефону об этой ноте после того, как он повидал президента. К несчастью, государственный департамент ознакомил японского и союзных послов с сущностью первой ноты; несмотря на это, мне кажется, что президент поступил разумно, заменив ее нотой, написанной вчера...[1]»

3

Возражения президента Вильсона против японской интервенции в Сибири не изменили мнения руководителей союзников в Европе, что эта интервенция желательна и необходима. Когда 3 марта, под вооруженным давлением Германии большевики подписали Брест-литовский мир, стало очевидным, что их сопротивление Германии пришло к концу. Союзники поэтому настаивали все снова на американском одобрении японской экспедиции, подчеркивая довод, что японцы являются в Сибирь не в качестве завоевателей, а как представители союзных армий, помогающих России сбросить германское господство.

Каблограмма Бальфура Хаузу

Лондон, 6 марта 1918 г.

«Благодарю вас за вашу телеграмму от 4 марта и весьма ценю содержащееся в ней откровенное выражение ваших взглядов.

До того момента, когда большевистское правительство решило принять германские условия мира, я был против японской интервенции, так как я надеялся, что сопротивление большевиков германской агрессии может продолжаться.

Когда большевики безоговорочно сдались, то стало делом величайшей важности спасти богатые запасы снабжения в Сибири

[1] Эта вторая нота помещена в приложении к главе.

от рук германцев и единственным способом, которым это могло быть достигнуто, являлась японская интервенция в значительном масштабе. Полученная нами информация говорила, что японское правительство уже сделало приготовления к активному выступлению в Восточной Сибири и в то же время, благодаря публичному обсуждению вопроса, казалось вероятным, что в Японии пробудилось бы значительное негодование, если бы (японское правительство было готово действовать от имени союзников) мандат не был утвержден. Грозная германофильская партия в Японии утверждала бы, что подобный отказ обусловлен недоверием, и я опасаюсь, что, несмотря на фактическую ошибочность, это мнение явилось бы преобладающим в японском общественном мнении.

Я принужден настоятельно подчеркнуть выгоду, которая должна получиться благодаря тому, что выступление одной Японии, и притом в ее собственных интересах, заменяется выступлением по мандату союзных держав. Я вполне согласен с предложениями, сделанными в последнем разделе вашей телеграммы; я послал нашему послу 4 марта копию телеграммы в том же духе. Эта телеграмма повторена лорду Редингу, и я прошу его немедленно послать копию сэру Уильяму Уайзмэну, чтобы информировать вас.

Хотя мы получили донесения, что вражеские пленные в Сибири вооружаются под руководством большевиков, однако большевистское правительство утверждает, что оно попрежнему организует сопротивление германской агрессии, несмотря на то, что оно уже подписало мирный договор. Поэтому я телеграфировал нашему агенту предложить большевистскому правительству, чтобы оно предложило с этой целью свое сотрудничество румынам и японцам. Я опасаюсь, однако, что на принятие этого предложения имеется мало шансов и кроме того я не знаю, как отнесутся японское и румынское правительства к этому призыву.

Я сделал это таким образом, что мы сможем оправдать себя перед общественным мнением, если когда-либо придется сделать заявление по всему этому вопросу.

Я надеюсь и предполагаю, что выступление, которое должно произойти и которое встретит, я чувствую это, одобрение президента, даст нам возможность полностью оправдать интервенцию, предпринимаемую Японией согласно нашей просьбе.

Оно покажет, что союзники не побуждались ни эгоистическими, ни нечестными мотивами, и если Япония согласится взять на себя обязательство на таких условиях, то разве не сможет это обязательство устранить подозрение, которое существует во многих умах как здесь, так и в США?

Бальфур».

Полковник Хауз оставался тверд в своем убеждении, что высадка японских войск вызовет, как ничто другое, полную вражду большевиков к Антанте и бросит их в объятия Германии. Брест-литовский договор должен был еще быть ратифицирован съездом

Советов, который как раз тогда собрался в Москве. Послание к съезду, выдержанное в дружественном тоне и обещающее поддержку, могло способствовать отказу съезда от ратификации.

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 10 марта 1918 г.

«Дорогой начальник!

Что думаете вы о посылке успокоительного обращения к России в день 12 марта, когда в Москве соберется съезд Советов?

Наше общеизвестное дружественное расположение к России может быть вновь подтверждено, и вы можете заявить о нашей цели помочь ей в ее усилиях объединиться на основе демократии. Она должна быть охранена от дурного или эгоистического влияния, которое может притти в столкновение с развитием событий. Я думаю не столько о России, сколько об использовании благоприятного случая для того, чтобы выяснить положение на Дальнем Востоке, но без какого-либо упоминания об Японии. То, что вы сказали бы о России и против Германии, могло бы быть применено к Японии или к любой другой державе, пытающейся сделать то, что пробует сделать Германия.

Любящий вас *Э. М. Хауз*».

Такое обращение могло оказаться особенно своевременным ввиду того, что Троцкий высказал Рэймонду Робинсу, тогда начальнику американского Красного креста в России, предложение, указывающее на его желание помешать ратификации Брест-литовского договора. Троцкий осведомился о том, смогут ли большевики рассчитывать на помощь союзников, если договор не будет ратифицирован или если Советы возобновят военные действия, а также и о том, какого рода будет эта помощь. Он хотел также знать, какие шаги будут предприняты союзниками и США, чтобы предупредить высадку японцев, если Япония приступит к интервенции в Сибири.

На это предложение, телеграфированное в Лондон британским уполномоченным Локкартом вместе с советом дать на него сердечный ответ, британское правительство не дало немедленного ответа. Обращение президента Вильсона, датированное 11 марта и совпадавшее по содержанию с письмом Хауза от 10 марта, не затрагивало положения[1]. Оно выражало сочувствие России в тот момент, когда «германская армия нанесла ей удар с целью помешать ее борьбе за свободу и отбросить ее к былому». Но обращение признавало, что США не были «теперь в состоянии оказать непосредст-

[1] См. в приложении к этой главе обращение Вильсона и ответ советского правительства.

венную и эффективную помощь, которую они хотели бы оказать». 15 марта съезд Советов ратифицировал Брест-литовский договор.

Сдача большевиков германцам убедила французов в том, что план японской интервенции должен быть осуществлен, и на заседании верховного военного совета в Лондоне 16 марта как Клемансо, так и Пишон приводили резкие доводы в пользу того, что президенту Вильсону должна быть послана объединенная нота, с просьбой об американском сотрудничестве. Бальфур, хорошо знакомый с положением дел в Америке и с американской точкой зрения и всегда сохранявший свободу мнения в отношении внутреннего положения в России, допускал, что известия, полученные его правительством из России, говорили против интервенции. Локкарт, который был в то время близок с Троцким, сообщал, что японская экспедиция бросит всю Россию в объятия Германии; он утверждал, что Троцкий фактически хочет «делового» соглашения с союзниками, и как Бальфур, так и Ллойд Джордж стояли за отсрочку японской интервенции, надеясь, может быть, что приглашение японцев на помощь может последовать в конечном счете со стороны самих большевиков. Но французы и итальянцы требовали немедленных действий, и было решено, что Вильсону должно быть послано новое обращение. 18 марта полковник Хауз, который в это время был болен и находился в Нью-Йорке, отметил в своем дневнике:

«Лорд Рединг получил от своего правительства каблограмму, убеждавшую его снова настаивать на плане японской интервенции. Я послал президенту письмо через Гордона, сообщая, что я не изменил моего мнения об этом предмете. Я спросил Уайзмэна, после того как он прочел отчет Рединга о разговоре с президентом, что сказал ему президент. Он ответил, что президент сказал: «Я не изменил своего мнения».

Каблограмма Хауза Бальфуру

Нью-Йорк, 29 марта 1918 г.

«Я обсуждал вопрос с президентом, и он надеется, что в данный момент ничего не будет сделано, так как положение недостаточно выяснено.

В немедленных действиях нужды, как будто, нет, и положение, возможно, выяснится само собой через некоторое время; тогда мы будем лучше знать, что нам делать.

Эдуард Хауз».

Франция, Великобритания и США имели, таким образом, три мнения относительно того, каким путем нужно итти. Французы, доходившие в своем недоверии к большевикам до открытой враждебности, стояли за немедленную японскую интервенцию. Англичане так же ясно понимали выгоды интервенции, как и перевеши-

вающие их невыгоды, но были готовы работать с Троцким, если бы это было возможно, и надеялись, что, может быть, в конце концов большевики через Локкарта попросят о вмешательстве. Правительство США считало, что интервенция, если она произойдет не по определенному требованию большевиков, окажется бесполезной и, возможно, гибельной. Расхождение между британской и американской точками зрения было не слишком значительно; в конце концов план был выработан, и соглашение достигнуто.

4

Компромисс, предложенный британским министерством иностранных дел, состоял в том, чтобы заменить японскую интервенцию межсоюзной экспедицией, в которой США должны были принять видное участие. 26 марта Уайзмэн получил телеграмму из министерства иностранных дел, предписывающую ему конфиденциально посоветоваться с полковником Хаузом относительно того, вызовет ли подобное предложение затруднения в Вашингтоне. Если нет, то союзники снова поднимут в Токио вопрос о межсоюзной экспедиции, по поводу которой японцы выражали ранее некоторое неудовольствие.

Хауз согласился, что многие невыгоды интервенции были бы устранены, если бы она носила международный характер; они были бы устранены полностью, если бы было обеспечено приглашение со стороны Троцкого, над чем работал Локкарт и над чем, как указал Бальфур в телеграмме от 3 апреля, должен был, получив предписание, работать также и Робинс. По предложению Хауза, Уайзмэн был послан в Европу, чтобы объяснить там точку зрения Вашингтона и сообщить Редингу свои впечатления о европейском положении. В это время план межсоюзной интервенции получил развитие.

«Британский посол,—писал Хауз 24 апреля,—не скоро со мной разделался. Наиболее докучливым предметом была Россия. Английское правительство думает, что теперь возможно побудить Троцкого и его товарищей согласиться на договор, согласно которому союзники смогли бы послать свои силы в Россию и заставить Германию вновь сформировать армию на восточном фронте. Он, кажется, рад был узнать, что я вполне одобряю план, набросанный Бальфуром в очень длинной каблограмме».

Вильсону становилось все труднее придерживаться своего отказа от поддержки интервенции в России вследствие сложившегося во Франции военного положения.

Победоносное германское наступление продолжалось с 21 марта, и являлось делом первостепенной важности, чтобы на западный фронт не перебрасывалось больше никаких подкреплений. Кроме того, не было никакой надежды на полное поражение Германии, даже если бы союзники стойко держались во Франции до тех пор, пока германцы могли эксплоатировать Россию на основе

Брестского договора. Все это лорд Рединг изложил Хаузу вместе с рекомендациями Бальфура относительно необходимости восстановления союзного фронта в России посредством межсоюзной военной экспедиции. Пространные объяснения были добавлены в каблограмме Уайзмэна[1].

Заметки Хауза относительно британского сообщения о России

«Британский военный кабинет только что подробно обсудил общие военные проблемы, стоящие перед союзниками, и пришел к выводу, что необходимо рассматривать Европу и Азию в стратегических целях, если и не в отношении командования, как единый фронт. Переброска германских дивизий с Востока на Запад по-прежнему продолжается и при существующих условиях сможет продолжаться и впредь. Крайне необходимо остановить эту переброску, если это возможно сделать.

Германия может теперь получать продовольствие и сырье из Азии, и при таких условиях, даже если наша оборона будет успешна, имеется очень мало шансов, что мы сможем произвести успешное наступление. При настоящем положении дел мы не можем надеяться на благоприятную для нас перемену внутренних условий в Германии, и по этой причине важно, чтобы на центральные державы было оказано давление также и с Востока.

Необходимо в то же время помнить, что Германия сейчас старается создать беспорядок по всему Востоку и что германские агенты уже пытались создать смуту в Афганистане, Персии и Туркестане.

Это движение может иметь важные последствия, если оно не будет остановлено.

Таким образом, восстановление союзного фронта в России — дело чрезвычайной важности, и единственную надежду на возможность осуществления этого дает, кажется, создание условий для национального возрождения России, подобного тому, которое наблюдалось во времена Наполеона[2]. Россия обладает огромным запасом обученных солдат, имеющих опыт в ведении современной войны, и имеет в числе их способных генералов; если может быть пробужден необходимый дух, то можно в короткое время создать эффективную армию и снабдить ее запасами, находящимися теперь в русских портах. Германцы были бы, таким образом, вынуждены повернуть обратно или даже усилить свои силы в России.

Британское правительство считает, что союзникам необходимо объединиться, чтобы осуществить русское национальное возрождение, и придерживаться политики освобождения России от иностранного господства с помощью союзной интервенции. Союзники

---

[1] См. приложение к этой главе.

[2] Предположение относительно национального возрождения показывает ограниченную осведомленность союзников о фактическом положении дел в России того времени.

должны, конечно, избегать пристрастного отношения к русской политике и не становиться на чью-либо сторону. Если большевистское правительство готово сотрудничать в деле сопротивления Германии, то кажется необходимым вести себя с ним как с фактическим (de facto) русским правительством.

Троцкий, по крайней мере, в течение некоторого времени показывал признаки понимания того обстоятельства, что сотрудничество с союзниками дает единственную надежду на освобождение России от германцев, и, каковы бы ни были его мотивы, он предпринял шаги против антисоюзных газет и просил о сотрудничестве в Мурманске и по другим вопросам. Он теперь определенно просит о заявлении относительно помощи, которую союзники могут оказать, и о гарантии, которую они могут дать, и говорит, что он считает соглашение желательным, если условия его удовлетворительны. Британское правительство придерживается того мнения, что союзники должны воспользоваться этим благоприятным случаем, чтобы начать союзную интервенцию против Германии, сопроводив ее соответствующей декларацией относительно незаинтересованности и подходящими к случаю гарантиями, касающимися эвакуации русской территории. Если бы такое предложение было бы принято, то положение в целом могло бы измениться до неузнаваемости, а если бы оно было отклонено, то позиция большевистского правительства была бы по крайней мере определена.

Япония, очевидно, поставила бы большую часть значительных вооруженных сил, которые смогут быть использованы, но желательно, чтобы все союзники приняли участие.

Интервенция, осуществляемая одной Японией, ясно могла бы толкнуть относительно большое число русских на сторону Германии, и мы можем поэтому предложить только интервенцию всех союзников; Япония подготовляет очень большие военные силы. Британское правительство было бы готово произвести в Мурманске и где-нибудь в другом месте морскую демонстрацию, которая обеспечила бы опорные пункты для антигерманских сил и удерживала бы порты в качестве баз. Британцы могли бы также оказать помощь русским силам в Закавказье, если бы возможно было установить сообщение через Персию, что будет, вероятно, зависеть главным образом от сотрудничества с большевиками в той области. Еще более важным шагом было бы, однако, продвижение через Сибирь сил, состоящих преимущественно из японцев и американцев. Общесоюзный характер этих сил был бы им придан главным образом США, хотя британские и, вероятно, также французские и итальянские отряды могли бы сопровождать их. Американский контингент мог бы состоять главным образом из технических частей, особенно механического транспорта, единиц связи, железнодорожных войск, а также одной полной дивизии. Этим силам пришлось бы, вероятно, только немного сражаться или совсем не сражаться в течение некоторого времени после высадки, и американская дивизия, если она будет послана, могла бы закончить свое обуче-

ние в Сибири. Большое количество военных материалов, находящихся сейчас в портах, должно быть использовано, чтобы снарядить заново русскую армию.

Британский военный кабинет хочет знать, будет ли президент склонен согласиться на следующий образ действий:

1. Великобритания и США делают одновременное представление большевистскому правительству относительно интервенции союзников в вышеуказанном духе, причем должен быть обусловлен отзыв всех союзных сил по окончании военных действий.

2. Американские войска в составе, указанном выше, должны быть посланы на Дальний Восток.

Если эта общая политика приемлема, то остается вопрос относительно привлечения японского правительства. Согласно этому плану Япония принимала бы участие в сибирской интервенции как часть объединенных сил союзников. Предположенная декларация не может прийтись Японии слишком по вкусу, и, вероятно, ей придется использовать свои войска в сочетании с русскими и союзными войсками в Европейской России, так же как и в Азии. Британское правительство считает, что Япония должна в виде компенсации за это получить военное командование над экспедицией, хотя к этому командованию будут прикомандированы миссии от всех союзных стран, включающие в себя сильные отделы пропаганды. Кажется также желательным, чтобы предложение было сделано японцам в скором времени и было настойчивым, так как предложенный образ действий необходим для победы союзного дела...

Предложенный план является настоятельной необходимостью, но ни в коем случае не имеет характера альтернативы по отношению к посылке американской пехоты в Европу, где нужда в ней постоянно увеличивается. Русская проблема является спешной и настоятельной: при настоящем положении необходимо безотлагательно оказать на германцев давление с Востока. Если этого нельзя будет сделать, то трудно уяснить себе, каким образом блокада сможет стать эффективной и каким образом можно добиться мира, посредством окончательного поражения неприятельских сил.

Британское правительство считает, что наиболее важным шагом еще до совещания с другими союзными державами было бы удостовериться, будет ли президент содействовать этим предложениям, так как без его содействия британское правительство не стало бы больше заботиться об их осуществлении».

Подобные рекомендации подкреплялись посещениями многочисленных иностранцев, которые приходили с целью внушить президенту Вильсону точку зрения союзников и которые почти всегда останавливались сначала в Магнолии для совещания с Хаузом. Их доводы были в общем одинаковы: германское давление на Западе может быть уменьшено только посредством воссоздания боевого фронта на Востоке. Они просили также о помощи

чехословацким дивизиям, боровшимся по всей Азии, время от времени сталкиваясь с безответственными русскими, мадьярами, немцами, время от времени с большевиками. Их доблестное наступление вызвало восхищение всех союзников, и требование о том, чтобы были приняты меры, предупреждающие их истребление, было всеобщим.

11 июня Марсель Деланэ, французский посол в Японии, навестил Хауза. «Мы обсуждали японскую и союзную интервенцию в России и Сибири в каждой ее фазе». Деланэ привез личное обращение Клемансо к Вильсону, суть которого была в том, что французский премьер-министр «считал интервенцию крайне необходимой не только потому, что он полагал, что она сделает свое дело, но и потому, что, по его мнению, она поднимет настроение французского народа больше, чем что-либо другое, и что этот народ нуждается в моральной поддержке в час испытания. Он [Деланэ] заявляет, что положение носит критический характер. Германцы находятся в сорока милях от Парижа в двух различных направлениях, продвигаясь вдоль двух долин. Чем ближе они подходят к Парижу, тем больше угрожают городу воздушные атаки, тем труднее поддерживать моральное состояние народа».

На следующий день завтракал с Хаузом, чтобы переговорить с ним о России, Томаш Г. Масарик, президент чехословацкого комитета, в будущем первый президент Чехословацкой республики. «Масарик говорил с бо́льшим пониманием, чем большинство людей, с которыми я обсуждал предмет, и он лучше знает Россию». Несколькими днями позже Масарика сменил Анри Бергсон, остановившийся на пути в Вашингтон, куда он ехал, чтобы разъяснить президенту вопрос об интервенции.

Хауз был убежден, что невозможно дольше относиться только отрицательно к союзным требованиям об интервенции, и он обдумывал методы, с помощью которых союзные силы смогут быть введены в Россию, не возбуждая подозрения об империалистических мотивах этой меры. После долгого обсуждения он решил, что единственным возможным разрешением проблемы было создание комиссии экономической помощи, которая более чем что-либо другое могла бы снискать радушный прием со стороны самих русских[1]. Было возможно, что благодаря такому подчинению военных видов интервенции экономическим доверие русских может быть обеспечено. Хауз еще больше склонился к этому плану благодаря возможности убедить Гувера взять на себя его выполнение. 13 июня он занес в свой дневник:

«Гордон телефонировал вчера вечером, предлагая, чтобы Гувер возглавил «Комиссию помощи русским», задуманную как часть плана интервенции. Мысль показалась мне сразу подхо-

---

[1] Полковник Рэймонд Робинс, вернувшийся в мае в США, являлся сторонником экономической комиссии и выработал вместе с советскими руководителями план развития экономических отношений.

дящей. Сегодня утром..., мы решили, что он должен отправиться к Гуверу и спросить его, согласится ли он работать в этой должности...

Гувер сказал Гордону, что он готов работать всюду, где президент считает его на месте. Он пришел в энтузиазм от нашего предложения и считает его наилучшим разрешением русской проблемы. После этого мы сообщили о плане Лансингу, приветствовавшему его с восторгом.

Сэр Уильям относится к плану с одобрением, и мы условились, что он должен перехватить Рединга в Принстоуне, куда тот отправляется завтра для получения почетной ученой степени, сообщить ему суть дела и побудить его сотрудничать с нами.

Письмо Хауза президенту

Магнолия, Массачузетс, 13 июня 1918 г.

«Дорогой начальник!

Я надеюсь, что план вам понравится... Русские знают Гувера, а Гувер знает Восток. Если он возглавит «Комиссию помощи русским», то все предприятие покажется русскому общественному мнению тем же, что производилось в Бельгии, и я сомневаюсь, чтобы какое-либо правительство в России, дружественное или недружественное, отважилось протестовать против его прибытия...

Гувер имеет организационные способности, его имя будет придавать ему вес в желательном смысле, а его назначение приведет русский вопрос, для данного момента, к решению, насколько он вообще может быть решен вами в настоящее время.

Некоторые люди здесь почти каждый день со времени моего приезда говорили об этой досадной проблеме, чтобы попытаться заставить меня передать вам их взгляды. Я не делал этого, так как ничего хорошего не было мне представлено. Этот план, однако, кажется выполнимым, и я искренне надеюсь, что таково будет и ваше мнение.

Любящий вас *Э. М. Хауз*».

Через четыре дня Гувер приехал из Вашингтона в Магнолию, чтобы обсудить перспективы своей будущей поездки в Россию в качестве руководителя «Комиссии помощи русским». Убеждение Хауза в необходимости предпринять какие-либо действия подобного рода было в дальнейшем усилено посещением британского посла. Лорд Рединг передал ему содержание новой каблограммы из Европы, анализирующей военное положение. По заметкам полковника Хауза, сущность каблограммы была в следующем:

«1. Если союзная интервенция не будет предпринята в Сибири немедленно, то мы не имеем ни одного шанса добиться окончательной победы и подвергнемся в то же время серьезному риску поражения.

2. Около 1 июня 1919 г. истощение британских и французских резервов человеческой силы сделает необходимым весьма значительное снижение числа дивизий, которые они могут содержать на фронте. Прирост американской армии, даже при наиболее благоприятных условиях, не будет достаточным, чтобы снарядить, обучить и доставить на фронт количество дивизий, необходимое для восстановления первоначального баланса в нашу пользу. Таким образом, германцы, если мы посчитаем убитых и раненых в сражениях в одинаковом размере как на их стороне, так и на стороне союзников, будут попрежнему иметь в первой половине 1919 г. на западном фронте грозную армию, даже без переброски каких-либо дополнительных дивизий с Востока.

3. Но если центральные державы не будут стоять под угрозой выступления военных сил на Востоке, то они окажутся тем временем в состоянии перебросить оттуда значительно больше дивизий, непрерывно увеличивая и в дальнейшем свое численное превосходство. Ввиду неблагоприятного стратегического положения союзных армий во Франции является возможным, что германцы смогут с таким превосходством сил добиться решения войны на Западе в свою пользу.

4. С другой стороны, если интервенция будет теперь начата, то вычислено, что весной 1919 г. значительные союзные силы смогут быть развернуты западнее Урала, чтобы сплотить в борьбе за дело союзников все сочувствующие им русские элементы.

5. Большая часть этих сил должна в течение некоторого времени состоять из японцев, так как было бы неразумно со стратегической точки зрения отвлекать силы, которые могут быть использованы на западном театре, за исключением небольших отрядов других союзных стран, необходимых, чтобы придать операции международный характер.

Таким образом, кроме всего прочего, германские войска были бы удержаны союзными силами, использовать которые другим способом не было бы возможности.

В конце концов может найтись излишек американских сил кроме того количества, которое может содержаться во Франции, и этот излишек должен быть использован для поддержки или замены японцев.

6. Непосредственным результатом выступления этих сил было бы, во-первых, предупреждение переброски каких-либо еще германских войск с Востока; во-вторых, германцы были бы вынуждены перебрасывать дивизии с западного фронта и таким образом дали бы союзникам реальный шанс добиться военного успеха на Западе даже в 1919 г.

7. Наконец, нельзя полагать, что военный успех, добиться которого на западном фронте союзники в силах, может быть достаточно решительным, чтобы заставить центральные державы порвать Брест-литовский договор или чтобы предохранить Россию и большую часть Азии от превращения в германскую колонию.

Необъятные пространства, имеющиеся в распоряжении врага для маневрирования на Западе, и его превосходные средства сообщения позволят ему сражаться неограниченное время без достижения существенных результатов. Даже если очистить полностью Францию, Бельгию и Италию, то и тогда центральные державы будут попрежнему непобежденными. Если Россия, следовательно, не сможет восстановить себя в качестве военной державы Востока к тому времени, когда союзные армии будут отозваны, то ничто не сможет предупредить поглощения ее ресурсов центральными державами, что предположительно привело бы к мировому господству Германии. Единственным средством, с помощью которого возможно осуществить воскрешение России, является немедленная военная союзная интервенция на восточном театре войны.

8. *Подводим итог.* Никакое военное решение в пользу союзников не может когда-либо быть достигнуто в результате операций на одном западном фронте; точно так же нельзя ожидать, что какое-либо равное мероприятие на этом фронте сможет каким-либо путем обеспечить достижение целей, за которые сражаются союзники, если оно не будет комбинировано с максимальным военным усилием, которое может быть сделано на Востоке.

9. Разрешение вопроса не терпит отлагательств не только по политическим причинам, но также и вследствие того, что необходимо использовать выгоды, предоставленные летом, которое быстро проходит, и вследствие того, что сельскохозяйственные районы должны быть в безопасности, пока в них не собран урожай».

Письмо Хауза президенту

Магнолия, Массачузетс, 21 июня 1918 г.

«Дорогой начальник!

Лорд Рединг, который был в Кэмбридже, чтобы получить там ученую степень, провел добрую половину дня со мной. Будучи у меня, он получил каблограмму Бальфура о русской интервенции. Я предложил, чтобы он послал вам копию для вашей информации еще до того, как он с вами увидится, что он предполагает сделать в понедельник...

Ни Рединг, ни я не согласны с утверждением, что решение войны на западном фронте невозможно... Приложенный меморандум составлен английским представителем в России вместе с тамошним французским послом и заслуживает внимания.

Мне кажется, что в отношении России нужно что-нибудь делать немедленно, в противном случае она сделается добычей Германии. Это стало теперь вопросом дней, а не месяцев. Я могу предложить и рекомендовать следующее:

Обратиться с адресом к конгрессу, излагая продовольственное положение в нашей стране; сообщить о преуспевании нашей пищевой продукции в течение года до такой степени, при которой

после августа у союзников уже не будет необходимости продолжать выдачу рационов, за исключением говядины и сахара. Это заявление само по себе чрезвычайно поднимет нравственный дух во Франции, Англии и Италии и соответственно снизит его в центральных державах.

Гувер предполагал сделать это заявление сам в Лондоне около середины июля.

Затем изложить ваш план отправления «Комиссии помощи русским», возглавляемой Гувером, с целью помочь России поднять ее продовольственную продукцию теми самыми методами, которые применялись нами. Одновременно с этим комиссия должна, согласно инструкциям, согласовать деятельность всех подобных организаций помощи, вроде Красного креста, ассоциации христианской молодежи и т. п., и снабжать русский народ сельскохозяйственными орудиями, необходимыми для того, чтобы сделать его потенциально пахотные земли столь же продуктивными, как наши, и с равно благодетельным результатом.

Для выполнения этого «Комиссии помощи» и ее помощникам необходимо будет иметь обеспеченное и упорядоченное поле деятельности в стране, и вы поэтому просили сотрудничества и помощи у Англии, Франции, Италии и Японии, которые великодушно ее обещали. Они дали также США гарантию, что они ни теперь, ни в будущем не будут вмешиваться в русские политические дела или действовать каким-либо образом в ущерб ее территориальной целостности.

Эта программа передаст в ваши руки ключ от русского и вообще восточного положения, удовлетворит союзников и, может быть, примирит бо́льшую часть России с этого рода интервенцией.

Лорд Рединг в восторге от такого плана, и я просил его обсудить вопрос с вами, когда вы его примете...

Любящий вас *Э. М. Хауз*».

Каблограмма Сесиля Хаузу

8 июля 1918 г.

«Вы были настолько добры, что позволили мне, когда вы были здесь в прошлом году, обращаться к вам, если встретится что-либо, о чем вы, по моему мнению, должны знать. Могу ли я поэтому принять на себя смелость высказаться?

Я убежден, что нашей страной овладевает весьма сильное волнение по поводу того, что союзная интервенция в Сибири откладывается без всяких оснований. До сих пор публичное выражение мнения по этому вопросу старательно сдерживалось правительством. До недавнего времени газеты предостерегались от обсуждения этого вопроса, и даже теперь их просят затрагивать его с большой сдержанностью. Попытки поднять вопрос в парламенте были пре-

дупреждены. Но я опасаюсь, что рано или поздно волнение станет слишком сильным, чтобы подавить его, и может последовать опасный взрыв, который, возможно, вызовет нежелательные результаты, став источником международной критики и взаимных обвинений. До известной степени мы имеем дело с вопросами, которые вас, если сказать по правде, не касаются. Но зная, как близко вы принимаете к сердцу поддержание и развитие сердечной дружбы между обеими нашими странами, вы, я думаю, простите мне, если я сообщу вам, как поражает создавшееся положение человека, частью обязанностей которого является следить за общественным мнением и который уделял весьма близкое личное внимание этому частному вопросу за последние шесть месяцев.

Роберт Сесиль».

5

Президент Вильсон, явно против своей склонности и мнения, был принужден размышлять о том, как может быть доведен до конца план интервенции; он настаивал, поскольку Россия отказалась просить об интервенции, на том, что не нужно наносить оскорбление суверенным правам России. «Вопрос о том, что нужно и возможно делать в России, доводит меня до изнеможения, — писал он Хаузу 8 июля.—Эта проблема, как ртуть, ускользала при прикосновении к ней, но я надеюсь, я замечаю и могу даже в настоящее время отметить некоторый прогресс по двум направлениям: в направлении экономической помощи и помощи чехословакам». Если Хауз был более упорен, чем обычно, в своих настояниях на решении, то было очевидно, что президент не чувствовал себя обиженным этим, так как он писал в то же самое время: «Я приветствую ваши письма с глубоким удовлетворением, и невыразимая благодарность к вам является следствием каждого из ваших писем, пишу ли я вам об этом или нет, а вместе с благодарностью и наиболее любовное уважение за все, что вы для меня делаете».

Президент Вильсон боялся, очевидно, одного—как бы японские войска, раз они уже попали в Сибирь, не остались там; он опасался, что трудно будет убедить их уйти оттуда. Их военные руководители, вероятно, не придавали бы интервенции большого значения, если бы они не рассчитывали, что ее результатом будет их контроль над Восточной Сибирью, чему президент Вильсон упорно противился. Президент добивался любым способом ограничить размер японской интервенционной армии и установить условия ее отозвания. Хауз отметил в своем дневнике 25 июля, что Вильсон был «раздражен японской позицией».

«Трудность, как мне кажется,—прибавлял Хауз,—заключается в том, что в Японии имеются две партии. Гражданское правительство хочет сотрудничать с нами и видит необходимость такого сотрудничества. Военная клика не видит ничего выгодного для

Японии в таком «гражданском» вмешательстве. Им не приходит в голову, что, в конце концов, для японцев было бы лучше совершить альтруистический поступок. Это старая история, которая встречается везде, с тех пор как стоит мир: «Какая в этом выгода для меня?» Я надеюсь, что еще до конца войны мы сможем довести до сознания каждого отдельного человека, как и до сознания наций, что с чисто эгоистической точки зрения лучше придерживаться широкой и ясной перспективы, что то, что лучше всего для всех, лучше всего и для одного».

В конце июля президент Вильсон достиг с японцами соглашения, имевшего результатом высадку во Владивостоке незначительных американских сил и некоторого количества японской армии. Цель экспедиции была публично определена с детальной заботливостью государственным департаментом в декларации, к которой полностью присоединилось японское правительство[1].

Декларация государственного департамента

3 августа 1918 г.

«...Военная акция допустима теперь в России только для того, чтобы оказать возможную помощь и защиту чехословакам против вооруженных австрийских и германских пленных, их атаковавших, и чтобы придать стойкость любым попыткам самоуправления и самообороны, при которых сами русские могут согласиться принять поддержку.

Правительство США хочет довести до сведения русского народа наиболее гласно и торжественно, что оно не намеревается затрагивать политический суверенитет России, не желает вмешиваться в ее внутренние дела, даже в местные дела ограниченных областей, занять которые военные силы, возможно, будут вынуждены, и не хочет никакого нарушения территориальной целостности России ни теперь, ни когда-либо позже. Наоборот, правительство США собирается оказывать исключительно такую помощь, которая покажется приемлемой самому русскому народу при его попытках приобрести снова контроль и власть над своими собственными делами, над собственной территорией и над своей собственной судьбой. Японское правительство согласно с этим и готово дать такие же гарантии».

В это время ничего не было сказано или сделано в отношении создания экономического комитета помощи, который, как надеялся

[1] Сибирская экспедиция повела к недоразумениям и затруднениям. Американцы предполагали, что каждая нация пошлет отряд в 7 тыс. человек, и были удивлены, узнав, что японские силы значительно превосходят это количество. Обнаружилось, что японцы утверждают, будто американцы нарушили соглашение посылкой 2 тыс. нестроевых вдобавок к 7 тыс. строевых солдат. Точное число отправленных японских войск было неизвестно, но американские власти считали, что их было более 60 тыс.

полковник Хауз, должен был получить особое значение и которому президент Вильсон, судя по его письму от 8 июля, придавал большую ценность. 17 августа президент посетил Хауза на Северном побережье. Полковник записал в свой дневник:

«После завтрака мы совещались, как обычно, час или больше. Мы говорили о России и экономической миссии. Я был удивлен, узнав, что у него нет кого-либо в виду в качестве главы миссии; он просил меня предложить кого-либо. Он думает, что торопиться особенно нечего, так как, по его мнению, военные силы должны отправиться раньше экономической миссии... Я демонстрировал бы сначала экономическую часть интервенции и послал бы ее раньше военной или, во всяком случае, в контакте с ней»[1].

Ни надежды, ни страхи, возбужденные долгими спорами, касающимися интервенции в Сибири, не оправдались. Большевистское правительство резко протестовало, правда, против нее, особенно когда Япония продолжала увеличивать свои экспедиционные силы. Но сомнительно, чтобы враждебность большевиков к союзникам стала от этого больше, чем она была бы в любом случае. Экспедиция не бросила Россию в объятия Германии, как опасались, потому что осенью Германия потерпела крах и Брест-Литовский договор был расторгнут. С другой стороны, интервенция в том виде, в каком она была в конце концов проведена, не оказала влияния на военное положение на Западе и даже не усилила позицию союзников против большевиков в следующем году.

Планы сосредоточения в Сибири эффективных экспедиционных сил, способных восстановить военное равновесие в Европе, нуждались бы в чем-то вроде чуда, чтобы привести к успеху. Возражения США против большой и чисто японской армии в Сибири были непреклонны, даже если бы такая армия могла быть транспортирована через весь величайший континент, чтобы восстановить восточный фронт против Германии[2]. Никаким иным путем цель сибирской интервенции не могла быть осуществлена. Было практически невозможно послать большую американскую армию через Тихий океан и далее в глубь Сибири вдоль единственной коммуникационной линии, начинавшейся во Владивостоке. Не было транспортных судов для перевозки снабжения, потребного для таких сил. Весной 1918 г. все годные американские войска и каждый американский корабль были нужны для подкрепления Франции. Все американские военные руководители, от первого до последнего, протестовали против сверхпрограммной сибирской экспедиции.

Легко критиковать медлительность, колебания и перемену

[1] План помощи русским в том виде, в каком он был, наконец, осуществлен, был весьма отличен от предложений Хауза относительно экспедиции помощи 1918 г.

[2] В 1928 г. полковник Хауз писал: «Японцы говорили мне, что для того, чтобы держать Сибирскую железную дорогу открытой, потребовалась бы вся их армия».

мнений, характеризующие решения, принятые в отношении сибирской политики. Более трудно установить толковую политику, которая при данных условиях могла бы оказаться практически ценной. Не нужно забывать, что в то время, когда союзные руководители встретились с проблемами, порожденными сдачей большевиков Германии, они столкнулись также с военным кризисом на западном фронте. Дело шло о выигрыше или проигрыше войны.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Первая нота президента Вильсона союзным послам относительно японской экспедиции

[*Написана около 28 февраля 1918 г. Не послана*]

«Правительство США при каждом повороте событий постоянно высказывает мысль, что желанием народа США является, чтобы, сотрудничая со всей энергией с соучастными по войне державами в любом непосредственном военном предприятии, в котором возможно для США принять участие, они должны сами сохранять дипломатическую свободу везде, где возможно так поступить, не будучи несправедливыми *к соучастным* по войне державам. Именно по этой причине правительство США не считает разумным объединиться с правительствами Антанты в просьбе к японскому правительству выступить в Сибири. Оно не имеет возражений против того, чтобы просьба эта была принесена, и оно готово уверить японское правительство, что оно вполне доверяет ему в том отношении, что, вводя вооруженные силы в Сибирь, Япония действует в качестве союзника России, не имея никакой иной цели, кроме спасения Сибири от вторжения армий Германии и от германских интриг, и с полным желанием предоставить разрешение всех вопросов, которые могут воздействовать на неизменные судьбы Сибири, мирной конференции».

Вторая нота президента Вильсона союзным послам относительно японской экспедиции

5 марта 1918 г.

«Правительство США рассмотрело возможно более тщательно и внимательно условия, в настоящее время преобладающие в Сибири, и возможное их изменение к лучшему. Оно ясно понимает крайнюю опасность анархии, которой подвергаются сибирские области, а также неминуемый риск германского вторжения и установления германского господства.

Оно разделяет вместе с правительствами Антанты взгляд, что если интервенция считается разумной, то японское правительство находится в наилучшем положении, чтобы предпринять ее, и может осуществить ее наиболее действенно. Правительство США имеет,

кроме того, величайшее доверие к японскому правительству и было бы всецело готово, поскольку дело касается его собственных чувств по отношению к японскому правительству, поручить предприятие именно ему. Но оно чувствует себя обязанным открыто заявить, что разумность интервенции находится, как ему кажется, под большим сомнением. Если бы она была предпринята, то правительство США предполагает, что будут даны наиболее определенные гарантии, что Япония предпримет интервенцию в качестве союзника России, в русских интересах, с единственным намерением защитить ее против Германии и с полным подчинением решениям заключительной мирной конференции. В противном случае центральным державам может показаться и покажется, что Япония поступает на Востоке совершенно так же, как Германия поступает на Западе, и они будут иметь основание бросить союзникам обвинение, подобное тому, которое весь мир должен был поднять против германского вторжения в Россию, хотя Германия оправдывала его под предлогом восстановления порядка.

Мнение правительства США, выраженное с наибольшим уважением, состоит в том, что даже с такими гарантиями Япония может быть подобным же способом дискредитирована теми, в чьих интересах будет лежать ее дискредитирование, так как чувство негодования будет всеобщим в самой России, а также тем, что все выступление может дать оружие в руки врагов России и особенно в руки врагов русской революции, к которой правительство США проявляет величайшую симпатию, вопреки всем неудачам и несчастьям, явившимся некоторое время назад ее результатом. Правительство США просит еще раз выразить японскому правительству чувства его горячей дружбы и доверия и еще раз просит его принять выраженные в этой ноте суждения как высказанные только из искренней дружбы».

Обращение президента Вильсона к съезду Советов

11 марта 1918 г.

«Я не могу не воспользоваться заседанием съезда Советов, чтобы высказать искреннюю симпатию, которую чувствует народ США к русскому народу в тот момент, когда германская мощь нанесла ему удар с целью помешать его борьбе за свободу и отбросить его к былому, заменив цели русского народа приказами Германии.

Хотя правительство США, к несчастью, не в состоянии сейчас оказать непосредственную и эффективную помощь, которую оно желало бы оказать, я прошу через посредство Съезда заверить русский народ, что США воспользуются каждым благоприятным случаем, чтобы обеспечить России снова полный суверенитет и независимость в ее внутренних делах и полное восстановление ее великой роли в жизни Европы и современного мира.

Все чувства народа США находятся на стороне русского народа в момент его попытки освободиться навсегда от самодержавного режима и стать хозяином своей собственной жизни».

Ответ съезда Советов

15 марта 1918 г.

«...Российская советская республика пользуется обращением к ней президента Вильсона, чтобы выразить всем народам, гибнущим и страдающим от ужасов империалистической войны, свое горячее сочувствие и твердую уверенность, что недалеко то счастливое время, когда трудящиеся массы всех буржуазных стран свергнут иго капитала и установят социалистическое устройство общества, единственно способное обеспечить прочный и справедливый мир, а равно культуру и благосостояние всех трудящихся».

Каблограмма Уайзмэна Хаузу

Лондон, 1 мая 1918 г.

«Союзникам открыты четыре пути:

1. Не предпринимать ничего и ждать развития событий. Во-первых, это позволит немцам перебросить больше войск и орудий с восточного фронта; во-вторых, это позволит германцам организовать Россию политически и экономически для собственной выгоды и даст им бесспорный доступ к зерну, нефти, богатым запасам Сибири и к ценным залежам металлов на Урале. Это позволит им также поддержать нравственный дух австрийцев, говоря им, что война на Востоке кончена и что им остается только помочь Германии на Западе, чтобы обеспечить полную победу немцев.

2. Союзная интервенция по приглашению большевиков. Это, вероятно, было бы наиболее желательным путем: различные союзные миссии могут прибыть через Архангельск и южную Россию, придавая всему предприятию характер межсоюзного движения, а не только японского. Из Владивостока прибудут главные военные силы, состоящие в первую очередь из пяти японских дивизий, сопровождаемых союзными миссиями и некоторым количеством союзных войск, за которыми последуют значительно бо́льшие японские силы. Они встретят большевистские войска, которые они помогут организовать, и смогут, что вполне мыслимо, легко проникнуть к Челябинску в качестве первого этапа операции. Это закрыло бы немцам все сибирские ресурсы и грозило бы воссозданием грозного восточного фронта.

Подобная программа, однако, зависит от приглашения со стороны Троцкого, а я начинаю сомневаться, осуществимо ли это. Если бы Троцкий призвал союзных интервентов, то германцы сочли

бы это враждебным актом и, вероятно, заставили бы правительство покинуть Москву и Петроград. С потерей этих центров, как можно вполне предполагать, большевистское влияние в России было бы полностью разрушено. Никто не знает этого лучше, чем Троцкий, и по этой причине, он, вероятно, и колеблется. Единственным шансом было бы, если бы Троцкий был подготовлен отказаться от Москвы и отступить вдоль Сибирской железной дороги, чтобы встретить союзные силы, призывая всех лойяльных русских примкнуть к нему и спасти революцию от реакционных германских интриг.

3. Если мы решим, что Троцкий не хочет или не может пригласить нас, то мы можем призвать Керенского и других деятелей первоначальной республиканской революции, побудить их образовать правительственный комитет в Манчжурии и делать то, чего Троцкий не пожелал бы сделать. Многие думают, что это было бы сигналом для восстания всех элементов, составляющих лучшую часть России[1]. Это имело бы то преимущество, что Керенский хорошо известен правительству, и мы могли бы иметь с ним дело через посредство его послов как в Вашингтоне, так и везде.

4. Единственной другой схемой является схема союзной интервенции без приглашения от какой-либо русской партии и, возможно, против желания большевиков. Она упорно защищается нашими и французскими военными, но, конечно, имеет свои отрицательные стороны.

Несомненно, что ничего не может быть сделано без чистосердечного сотрудничества президента. Мне кажется, что японцы находятся под влиянием двух соображений: во-первых, они искренне опасаются германского преобладания в Сибири, действительно угрожающего их положению на Дальнем Востоке. Точно так же сильная партия в Японии фактически хочет внести свою долю в дело помощи союзникам и видит в японском продвижении в направлении восточного фронта благоприятный для Японии случай принять славное участие в мировой войне. Далеко смотрящие японские государственные деятели предвидят также благоприятный случай для дружественного сотрудничества с Америкой, которое может далеко повести в направлении разрешения японо-американской проблемы».

[1] Это мнение ни в коем случае не было всеобщим среди американских наблюдателей. Артур Булэр телеграфировал Хаузу: «Носится слух, что Керенский тренируется для роли Венизелоса. Я надеюсь, что нет. Оппозиция против человека, который уже обманул великие надежды, несомненно сильна. Слепой конь лучше дохлого».

ГЛАВА XIV

СИЛА БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЯ, БЕЗ ПРЕДЕЛА!

«Существует большая опасность, что война будет проиграна, если численное превосходство союзников не сможет быть восстановлено возможно скорее прибытием американских войск».

Из телеграммы Клемансо, Ллойд Джорджа и Орландо от 1 июня 1918 г.

1

В течение всей весны 1918 г. успех, как политический, так и военный, перешел, казалось, на сторону центральных держав. Они сделали ясным положение на восточном фронте, принудив к сдаче Россию и Румынию, и установили свою власть в их пограничных областях. Австро-Венгрия признала германское господство в новом военном договоре, существенная статья которого предусматривала использование войск «согласно общему принципу, инициатива применения которого будет предоставлена Германии». Правительства Берлина и Вены, престиж которых был восстановлен успехом на Востоке, подавляли недовольные элементы внутри своих стран и готовились к величайшему напряжению на Западе.

Чтобы выдержать эту неминуемую и грозную атаку, союзные державы Антанты нуждались в дипломатическом и военном единстве. До сих пор, как обнаружил полковник Хауз во время межсоюзной конференции прошлой осенью, они не имели фактической согласованности политики в отношении врага. Правительства Франции и Италии, а в меньшей степени и Великобритании питали в глубине сердца некоторое подозрение к плану президента Вильсона относительно апелляции к германскому народу против его собственного правительства. Они считали трудным сделать самим какое-либо различие и опасались, как бы выражение дружественных чувств к германскому народу не ослабило боевой дух союзников. Успех зависел от создания фактического единства цели между США и Антантой. Телеграмма Аккермана полковнику Хаузу, посланная в начале марта, подчеркивала важность такого единства.

Каблограмма Аккермана Хаузу

Берн, 9 марта 1918 г.

«Есть серьезные данные, что Германия сосредоточивает все усилия своей дипломатии на кризисе, который, как она ожидает, разразится вслед за предстоящим наступлением. В прошлом военная партия достигала цели, избавляясь от наций Антанты посредством великих битв, и основная ее политика состояла в предупреждении единства союзников. Теперь Германия работает через посредство Гартлинга публично, а некоторые другие трудятся частным образом, стремясь вызвать несогласие в Англии, Франции, Италии и Бельгии и надеясь заключить сепаратный мир с одной или несколькими из этих стран после приближающейся кампании. Поэтому наша ближайшая политическая деятельность состоит не только в том, чтобы перебросить мост через пропасть теперешнего кризиса, но и в том, чтобы заложить крепкий фундамент, на котором союзники смогут стоять после наступления.

Германия страшится нравственного влияния Америки не только на союзников, но и внутри Германии и Австрии. Наибольшей надеждой врага является подрыв этого влияния, чего, по мнению Германии, можно лучше всего достигнуть предупреждением политического единства союзников. Поэтому США и союзники должны объединиться политически и дипломатически ради морального воздействия на вражеские народы и ради необходимости единства в дни кризиса приближающихся летних наступлений. Мне кажется, что политическое и моральное наступление союзников должно быть общесоюзным, а не только американским, как было до сих пор.

Я думаю, мы должны убедить союзников, что это объединенное моральное воздействие является единственной вещью, которую германское военное наступление не может разрушить, поэтому я снова подчеркиваю вывод моей последней телеграммы, что политические и дипломатические дела США и союзников должны быть приведены в совершенный порядок.

Аккерман.

Желательное единство цели США и союзников было достигнуто, по крайней мере временно, благодаря перемене политики Вильсона, последовавшей после германских военных и дипломатических весенних успехов. Сущностью речей Вильсона была «война против германских империалистов, мир с германскими либералами», и до сих пор он упирал главным образом на ту пользу, которую извлекут либералы, отделив свою судьбу от судьбы Людендорфа и приняв условия, которые он предлагал. Но в марте 1918 г. было, очевидно, бесполезно обращаться в примирительном тоне к германским социал-демократам, когда Людендорф, уже одержавший успех на Востоке, мог обещать им победой на Западе даже еще бо́льшие выгоды. Союзники должны были убе-

дить их, что Людендорф ошибается, а единственный метод убеждения, при данном положении дел, состоял в том, чтобы нанести Людендорфу поражение на поле сражения. Как телеграфировал Аккерман из Берна полковнику Хаузу: «Начиная с сегодняшнего дня наибольший упор должен быть сделан на нашу решительность. Чем бо́льшую силу показываем мы и наши союзники, тем больше будет реагировать народ Германии на потери от наступления, на недостаток продовольствия, на политические несогласия. Если мы покажемся утомленными или склонными к миру, то хотя бы Германия и была тоже истощена, она не будет реагировать на свою нужду».

Таково же было и неподдельное убеждение руководителей союзников, и, как только Вильсон принял подобный тон, он оказался в полном созвучии с ними, как и с большинством людей, изучающих психологию германской политики. Его прежние заявления относительно благоприятных условий мира для Германии, готовой отречься от Людендорфа и всего того, символом чего он являлся, не были забыты и должны были в дальнейшем принести плоды. Но весной 1918 г. наиболее здоровой политической стратегией было повторять все снова о невозможности мира с правительством, вынудившим подписание Брест-литовского договора.

Президент Вильсон решил, очевидно, принять эту стратегию немедленно после подписания мирного договора русскими. Его решение было подкреплено известиями о мартовских германских победах на западном фронте. Это был момент, когда моральная помощь Америки была важна в той же степени, как и материальная. Полковник Хауз провел в Вашингтоне неделю, в течение которой Вильсон готовил речь, предназначавшуюся для того, чтобы показать союзникам, так же как и Германии, твердую решимость Америки поддержать союзников и сражаться до победного конца. Дневник Хауза сообщает вкратце о составлении речи:

«*28 марта 1918 г.* Главной работой, сделанной нами вечером, был набросок речи, которую он [Вильсон] решил произнести вскоре. Благоприятный случай для этого дает ему смотр войск лагеря Мид в Балтиморе 6 апреля, в день годовщины нашего вступления в войну. В этот день открывается также подписка на третий заем свободы».

«*9 апреля 1918 г.* Президент писал по частям свою речь почти каждый вечер, и после мы должны были обсуждать написанное. Именно ради обсуждения он и писал отрывками. Он производил сокращения, казавшиеся безусловно уместными. Сокращений было немного. Он набросал речь сначала в виде параграфов, и она была великолепно сделана. Каждый параграф был после расширен. Он соглашался, что речь должна быть короткой, оставлять дверь к миру открытой и все же звучать нотой, которая была бы ясно понята германской военной партией. Мы оба надеялись, что все, сказанное им относительно противопоставления силы силе, несколько успокоит панику в Англии и во Франции...»

Речь Вильсона от 6 апреля, несмотря на ее краткость, была наиболее действенным обвинительным актом против германских военных руководителей за все время войны. Их обращение с Россией доказало окончательно лживость открыто высказанного ими желания заключить справедливый мир и дать народам, с судьбами которых они имели дело, право выбирать свою государственную принадлежность.

«Настало действительное испытание их справедливости и честности их игры,—сказал Вильсон.—По Брестскому миру мы можем судить об остальном. Их прекрасные заявления забыты. Они нигде не создали справедливых условий, они везде наложили ярмо своей власти и готовы эксплоатировать все, что возможно, для своей собственной пользы и возвышения, а сами приглашают народы завоеванных областей быть свободными под таким владычеством...

Я не хочу, даже в этот момент крайнего разочарования, судить жестоко и несправедливо. Я осуждаю только то, что германское оружие уже совершило с беспощадной основательностью во всех прекрасных областях, затронутых германским нашествием.

Что же должны мы в таком случае делать? Что касается меня, то я готов, попрежнему готов, готов даже сейчас, обсуждать справедливый и честный мир, если он искренне предложен, обсуждать мир, при котором и сильный и слабый будут равны. Но, когда я предложил такой мир, мне ответили германские командиры в России, и я не могу ошибиться в значении их ответа.

Я принимаю вызов... Германия еще раз сказала, что сила, и только сила, решит вопрос о том, будут ли справедливость и мир управлять делами людей, будет ли право, в том смысле, в котором представляет его себе Америка, или владычество, в том смысле, как его понимает Германия, определять судьбы человеческого рода. Мы имеем, следовательно, только один возможный ответ: сила, сила, до крайних возможностей, сила без ограничения, без предела, справедливая и торжественная сила, которая сделает право законом мира и повергнет в прах любое себялюбивое господство!»

2

Между Америкой и союзниками существовало единодушие. Они хотели противопоставить силе силу, и, как только человеческие ресурсы Америки были подготовлены, не было сомнения в исходе войны. Но до тех пор имелась серьезная опасность, как бы Германия, собрав на западном фронте превосходные силы, не истощила союзные резервы, не разделила французскую и английскую армии и не нанесла им порознь подавляющее поражение. Между Людендорфом и войсками США возникло состязание.

Нужда в американских человеческих ресурсах была подчеркнута на межсоюзной конференции в Париже в ноябре 1917 г. Военные руководители Антанты предложили тогда Хаузу, что,

вместо того чтобы ждать образования вполне организованной и независимой американской армии, генерал Першинг должен разрешить своим солдатам вступать в индивидуальном порядке или небольшими единицами в британскую и французскую армии. Хауз напомнил об этом плане Вильсону, который внимательно обсуждал с ним характер просьб, высказанных союзниками во время ноябрьской конференции. Президент был готов сделать все, что в его власти, чтобы пойти навстречу желаниям союзников, но в то же самое время он никогда не колебался в своем решении, что командующий американскими экспедиционными силами должен иметь полную свободу действий и поступать согласно своему собственному военному суждению. Продолжая свои разговоры с Хаузом о военной политике, президент послал каблограмму с инструкциями, первый набросок которой он составил с Хаузом. Это была в существенных чертах та самая каблограмма, которая в конце концов была послана военным секретарем и весьма ясно выражала точку зрения Вильсона.

Набросок каблограммы командующему американскими экспедиционными силами

Вашингтон, 18 декабря 1917 г.

«Как англичане, так и французы настаивают перед президентом на своем желании, чтобы наши войска были смешаны с их войсками путем включения в их войска наших полков и рот, и выражают уверенность в неминуемом бурном натиске немцев где-нибудь на линии западного фронта. Мы не желаем терять индивидуальности наших войск, но все же сочтем чем-то второстепенным, если вы, столкнувшись с критическим положением, используете войска, находящиеся под вашей командой, наиболее полезным из возможных способом... Президент, однако, хочет, чтобы вы имели полную власть использовать войска, состоящие под вашей командой, так, как вы считаете разумным их использовать, поддерживая контакт с французским и британским главнокомандующими. Мы предлагаем вам рассмотреть вопрос о том, чтобы места расположения ваших войск были выбраны возможно ближе к стыку британских и французских линий, что позволило бы вам бросать ваши силы в том направлении, в каком это покажется наиболее необходимым. Мы не навязываем вам, однако, издали наших предложений, как бы вы их ни оценили: единственной целью президента является познакомить вас с представлениями, сделанными нам, и уполномочить вас действовать с полной свободой для отдачи наилучших распоряжений и для использования ваших войск так, чтобы не терять из виду выполнение главной цели.

Можно надеяться, что полное единство и согласованность действий могут быть обеспечены посредством ваших совещаний с французскими и британскими командирами...»

Различие точек зрения между французским и британским главнокомандующими и американским главнокомандующим во Франции имели существенный характер. Первые хотели использовать американские войска в качестве резервуара, пополняя оттуда свои потери и давая, таким образом, американцам непосредственный опыт на боевом фронте в окружении ветеранов, причем они смотрели на это, как на быстрейший и наиболее действенный способ обучения. Подобный метод помешал бы созданию американской армии во Франции, но, по мнению военных руководителей Антанты, это был метод, посредством которого США могли оказать самую большую и притом самую скорую помощь. Доклад, посланный Фрэйзиром полковнику Хаузу с заседания верховного военного совета в Версале 30 января, не оставляет сомнения относительно взглядов союзников.

«Генерал Фош, генерал Петэн и генерал Хэйг,—писал Фрэйзир,—согласны, что американские вооруженные силы, если взять их как автономную единицу, не могут учитываться в течение этого года в качестве эффективной помощи и что единственный метод, с помощью которого можно их сделать полезными возможно скорее, состоял бы в том, чтобы включить американские полки или батальоны во французские и британские дивизии. Генерал Петэн был особенно откровенен по этому вопросу. Итальянский премьер-министр заявил, что, по его мнению, совет должен просить генерала Блисса узнать, будет ли американское правительство согласно или не согласно принять такую систему перемешивания».

Командующий американскими экспедиционными силами, естественно, занял противоположную позицию. Он указывал, что национальное чувство США было против службы под иностранным знаменем. Предложенный метод имел бы также и неблагоприятные моральные последствия в США, где он вызвал бы критику правительства и сыграл бы наруку германским пропагандистам, которые объявляли бы, что американские войска используются союзниками для их собственных целей. Более того, боевой энтузиазм американских войск зависит, очевидно, в значительной степени от того, что они служат под своими знаменами.

Тремя неделями ранее, 8 января, Андре Тардье весьма определенно телеграфировал французскому правительству:

«Если вашей целью является фактическое перемешивание, т. е. вкрапливание американской армии небольшими единицами в наш фронт, то вы ошибаетесь. Против такой политики будет протестовать не только американское верховное командование, но и правительство, и общественное мнение, и события. Вы не смогли бы заставить англичан согласиться на подобную вещь, когда их армия была совсем мала, и вы не заставите американцев согласиться на это. Если же, наоборот, вы имеете это в виду только как временное мероприятие, для того чтобы завершить их обучение, то мы будем стараться добиться включения амери-

канских дивизий и бригад, может быть, даже полков. Во время моего пребывания во Франции я имел несколько разговоров об этом предмете с генералом Першингом, который, если принять за основу такое временное включение, не скажет «нет!». Но если мы будем просить большего и попробуем рассредоточить будущую американскую армию, то мы ничего не достигнем, даже и того, о чем я пишу выше»[1].

Компромисс, упоминаемый Тардье в этой каблограмме, был в принципе предложен верховному военному совету американцами и по необходимости принят Антантой. Согласно достигнутому тогда соглашению, пехота шести американских дивизий должна была быть немедленно переброшена и соединена побригадно с британскими или французскими войсками; соглашение ясно устанавливало, что принцип самостоятельной американской армии оставался в силе.

«Президент пожелал видеть Уайзмэна,—записал Хауз 3 февраля в свой дневник,—для того чтобы поднять вопрос об использовании наших войск во французской и британской армиях. Бальфур сам по себе прислал каблограмму относительно этого предмета, и Першинг поступил так же. Каблограмма сэра Уильяма мистеру Бальфуру, прилагаемая в копии, объяснит позицию Бальфуру».

Каблограмма Уайзмэна Бальфуру

Вашингтон, 3 февраля 1918 г.

«Я завтракал сегодня с президентом и военным секретарем. Президент просил меня послать вам каблограмму, объясняющую его взгляды на распоряжение американскими войсками во Франции. Нижеследующее является сущностью его доводов.

Прежде всего президент убежден, что вы поверите ему, что его побуждением является исключительно то, что он считает лучшей политикой, стремящейся к общему благу. Президент говорит, что американские войска будут включены во фронт батальонами, в перемешку с французами и англичанами, если это станет абсолютно необходимым, но он хочет откровенно высказать вам весьма веские возражения, которые он видит на пути к такому решению вопроса.

Оставляя в стороне серьезную опасность трений, которые могут возникнуть благодаря различным методам, необходимо создать американскую армию под американским руководством и под американским знаменем, чтобы американский народ стал твердой и надежной опорой войны. Размещение американских войск небольшими отрядами под иностранной командой было бы принято как доказательство того, что недавняя критика военного департамента имела оправдание и что американская военная

[1] *Tardieu*, Franceand America, p. 219.

машина провалилась на экзамене. Президент боится, что американский народ не понял бы военных оснований мероприятия, а необходимая в таких случаях тайна помешала бы дать достаточно полное объяснение.

Чувство народного негодования еще более увеличилось бы, если бы соглашение о таком применении американских войск было заключено между американским и британским правительствами еще до того, как войска оставили родину. Дело обстояло бы лучше, если бы Першинг в качестве американского главнокомандующего решил после прибытия войск во Францию, что необходимо передать их подобным образом в распоряжение англичан. Поэтому президент надеется, что вы обеспечите перевозку шести американских дивизий в настоящее время, продолжая обсуждение вопроса, но не заключая какой-либо сделки, и если дивизии эти используются для подкрепления британского фронта, то вы согласитесь, чтобы они были использованы Першингом, как он считает наилучшим.

В то же самое время президент повторяет самым серьезным образом, что ради выигрыша войны он готов рискнуть на какую-либо неблагоприятную публичную критику, и он сообщил Першингу, что он может включать американские войска побатальонно в британский фронт или использовать их каким-либо другим способом, который, по его, Першинга, мнению, может быть продиктован потребностями военного положения...

Уильям Уайзмэн».

Каблограмма Бальфура Хаузу

Лондон, 7 февраля 1918 г.

«Разрешите выразить президенту мою благодарность за изложение его взглядов относительно распоряжения американскими войсками на фронте. Я высоко ценю откровенность этого сообщения, и я ни одну минуту не сомневался, что побуждениями являются как в этом, так и во всех других случаях исключительно соображения об общем благе.

Если говорить обо мне, то я придаю величайший вес его доводам. Американские солдаты должны чувствовать, что они принадлежат к американской армии, сражающейся под американским знаменем. Только при таких условиях смогут получиться наилучшие результаты, и лишь при них солдаты могут рассчитывать на восторженную поддержку американского народа. Я знаю, что на этих взглядах твердо настаивал генерал Першинг в Версале, но я понимал так, что там были сделаны предложения, которые, по его мнению, дали бы небольшим американским единицам возможность обучаться и, если бы нужда приняла значительные размеры, сражаться в ближайшем будущем вместе с британскими и французскими войсками без того, чтобы это препятствовало

созданию большой американской армии или замедляло бы его. Таким образом скорая и весьма необходимая помощь была бы оказана нам на западном фронте без того, чтобы были созданы помехи осуществлению вполне правильных американских идеалов.

Надеюсь, что я прав. Я должен прибавить, что я всецело к услугам президента, если могу сделать что-либо, могущее помочь улучшению сложившегося положения.

Бальфур».

Французские и британские командиры ни в коем случае не были удовлетворены компромиссом, предложенным американцами, но они приняли его, не показывая никакого неудовольствия.

Каблограмма Фрэйзира Хаузу

Париж, 29 января 1918 г.

Во время разговора между генералом Блиссом и президентом, при котором я присутствовал в качестве переводчика, м-сье Пуанкарэ заявил, что генерал Петэн и генерал Першинг находятся в полном согласии. Генерал Блисс в ответ спросил, может ли он сообщить об этом президенту Вильсону. Прежде чем ответить, Пуанкарэ вызвал адъютанта, который телеграфировал в Компьен, чтобы удостовериться, не произошло ли какой-либо перемены в положении со времени последнего разговора между французским и американским гланокомандующими. Из Компьена ответили по телефону, что никаких перемен не произошло и что соглашение было полным и удовлетворительным.

Фрэйзир».

3

Наиболее интересным результатом январского заседания верховного военного совета был план управления общим резервом; он воплощал в себе усилие сделать верховный военный совет реальным фактором согласования военных действий на западном фронте. Нужно вспомнить, что во время Парижской конференции Хауз договорился с Клемансо о том, что военные советники должны образовать комитет по согласованию военных действий и что председатель этого комитета должен обладать исполнительной властью. Англичане стали против этого возражать, так как это было нарушением соглашения в Рапалло и было близко к тому, чтобы сделать из председателя совета генералиссимуса.

В январе генералом Фошем и сэром Генри Вильсоном был развит новый план, предусматривавший больший объем согласованности. Принимая во внимание, что союзники решили придерживаться обороны до тех пор, пока американские войска не сосредоточат свои силы, генералы Фош и Вильсон планировали созда-

ние общего резерва, извлеченного из состава всех союзных армий, под командой военных советников верховного военного совета. Последний должен был образовать для этой цели исполнительный военный комитет, который мог бы бросать подкрепления к любому пункту, атакованному Людендорфом. Если бы германцы отбросили назад британцев или французов, то, совершая это, они подставили бы свой открытый и неохраняемый фланг, против которого и могли быть брошены резервы союзников. Это была, в сущности говоря, стратегия, примененная Фошем в его июльской контратаке, в этом первом шаге к победе. План оставлял британскому и французскому главнокомандующим верховное командование над их армиями боевого фронта, но создавал власть выше главнокомандующего, чтобы распоряжаться резервом. План был уязвим для критики в том отношении, что он разделял силы и передавал распоряжение резервом в руки комитета. Но комитет в том виде, который был ему придан, выражал военные способности Фоша и был свободен от опасной заботы каждого главнокомандующего, как спасти его собственную армию, когда она атакована.

План был одобрен верховным военным советом на его январском заседании и получил восторженное одобрение как Першинга, так и Блисса, который считал его лучшей пригодной заменой генералиссимуса. Французский и британский главнокомандующие присутствовали на заседании совета, на котором был создан исполнительный военный комитет и общий резерв, и, казалось, были согласны с этими мероприятими. Тем не менее, когда их попросили внести свою долю в общий резерв, сэр Дуглас Хэйг по прошествии почти месяца ответил, что в его распоряжении нет свободных дивизий. Им и генералом Петэном был набросан новый план сопротивления германским атакам. Резерв не был образован, власть исполнительного военного комитета исчезла (ее некому было осуществлять), и план обороны Фоша был разбит вдребезги.

Дело военных экспертов решать, был ли Хэйг недостаточно снабжен войсками, принимая во внимание длину его оборонительных линий, и был ли оправдан этим обстоятельством его отказ от сотрудничества с планом Фоша. Является также вопросом, оправдал ли бы этот план, если бы он был действительно выполнен, надежды военных членов верховного военного совета. Несомненно, однако, что план Хэйга и Петэна не соответствовал данным обстоятельствам, так как, когда германцы атаковали 21 марта (и вдобавок в пункте, указанном исполнительным военным комитетом), они прорвали фронт союзников и уничтожили пятую британскую армию. Менее чем через неделю они угрожали взятием Амьена и окончательным разделением британской и французской армий.

Ужас, охвативший армии Антанты, привел их к спасению. Стало ясным, что если военное единство союзников не будет установле-

но немедленно, то Германия сможет победить союзников каждого в отдельности. Германская победа была главным образом результатом необъединенных действий и такого же сосредоточения сил. В течение недели, следовавшей за 21 марта, 100 германских дивизий действовали против 35 английских и только 15 французских дивизий. Вывод был ясен: союзники должны были обеспечить единство командования.

Андре Тардье, стоявший близко к Клемансо, рисует французского премьер-министра так, точно он всегда работал над созданием верховного командования и никогда не сомневался в том, кому его поручить.

«Как только он взял бразды правления, в ноябре 1917 г., Клемансо начал работать, чтобы добиться большего и лучшего [чем верховный военный совет]. Я информировал его, что он может рассчитывать на помощь президента Вильсона. С другой стороны, оппозиция в Лондоне проявлялась попрежнему, и когда, во время краткого пребывания в Париже в конце 1917 г., я публично заявил, что американское и французское правительства согласны относительно необходимости единого командования, то многие английские газеты протестовали. Накануне моего отъезда в Нью-Йорк, 30 декабря 1917 г., я имел последний разговор с Клемансо. Я сказал ему:

«Американцы начнут со мной разговор относительно единства командования. Я не сомневаюсь, что они спросят меня: «Кого назначить?» «Кого должен я назвать?»

Клемансо ответил: «Фоша»[1].

26 марта в Дулансе новый английский военный министр лорд Милнер, представлявший Англию, сопровождаемый высшими генералами английской армии, встретился с Пуанкарэ, Клемансо и руководителями французской армии[2]. Было решено, что «генералу Фошу поручается британским и французским правительствами согласование действий союзных армий на западном фронте». В течение почти месяца он был принужден разрешать задачу «более переговорами, чем командой», но начиная с этого момента власть над всеми силами Запада была в его руках. Началась новая эра[3].

Тем временем мистер Бальфур прислал Хаузу каблограмму, прося его убедить президента в необходимости посылки американских войск. Не было ли бы возможным для США увеличить количество погрузок и отправлять в течение четырех месяцев

---

[1] *Tardieu*, Truth about the Treaty, p. 37.

[2] Фельдмаршал Хэйг согласился, что он был бы рад получить совет генерала Фоша.

[3] В Бовэ 3 апреля Фошу была дана грамота на фактическое командование: «стратегическое направление военных операций». Но главнокомандующим армиями было оставлено управление «тактическим руководством их армий» с правом апелляции к их соответствующим правительствам. Не ранее 24 апреля Фош получил «верховное командование армиями союзников».

по 120 тыс. человек в месяц? Лорд Рединг также представил Хаузу содержание длинной каблограммы, полученной им от британского премьер-министра и подчеркивавшей непосредственную важность американских человеческих ресурсов. Полковник Хауз отметил из сообщения лорда Рединга следующее:

Сообщение Рединга относительно военного положения

29 марта 1918 г.

«Несмотря на то, что имеются сильные надежды, что нынешний натиск врага может быть остановлен, все же возможно, что Амьен будет потерян, и ближайшие события покажут, сможет ли враг достигнуть этого пункта или нет. Если Амьен падет, то нам придется считаться с весьма серьезным военным положением. В любом случае враг определенно показал свою способность прорываться через франко-британский фронт на широкую арену, и вполне очевидно, что если германское верховное командование не сможет обеспечить все свои цели в настоящем сражении, то оно сразу начнет приготовлять свои силы для нанесения нового удара в возможно скором времени. Пункт, в котором будет нанесен этот новый удар, должен зависеть в значительной степени от окончательного результата ныне происходящих операций. Общее военное положение в будущем будет обусловлено тем, сможем ли мы переустроить и подкрепить наши армии в такой срок, чтобы успеть встретить ближайший удар. В свете боев последней недели ясно, что проблема человеческих ресурсов является основным вопросом, с которым сталкиваются союзники...

Наши потери до сих пор достигают 120 тыс. человек. Мы можем пополнить эти потери только посредством введения в строй всех наших ресурсов в лице частично или полностью обученных войск, и, поступая так, мы будем вынуждены использовать все наши обученные резервы. При таких обстоятельствах мы немедленно занялись увеличением количества наших войск с помощью призыва восемнадцатилетних юношей и повышения предельного возраста до 50 лет, и мы стоим теперь также перед фактом «вычесывания» значительного числа рабочих наших промышленных предприятий, что повлечет за собой тяжкие потери и сдвиги в нашей промышленности. Кроме того, мы ждем серьезных затруднений в Ирландии, не говоря о том, что мы считаем абсолютно необходимым быть в состоянии показать себя в течение лета этого года более мощными, чем немцы. Эти энергичные мероприятия дадут нам, как мы надеемся, 400—500 тыс. войск для подкрепления, но их нельзя будет обучить в достаточной степени, чтобы получить возможность использовать их во Франции по крайней мере через 4 месяца. Имеется, следовательно, риск нехватки войск в течение периода от мая до ближайшего июля, а это именно и есть то время, в течение которого предвидится ближайшее наступление немцев.

Таким образом, чтобы иметь уверенность в возможности отражения врага в течение этих месяцев и сделать для него невозможным достижение решения войны на западном фронте, будет необходимо пополнить недостаток в этот период с помощью использования американских войск. Только этим способом возможно обеспечить положение союзников.

Эксперты по торговому судоходству в Лондоне вычислили, что транспортный флот, который может быть заготовлен при тяжелых жертвах, в других отношениях будет способен погрузить в США в течение апреля 60 тыс. и, кроме того, согласно расчету адмирала Симса, американский транспортный флот может перевезти 52 тыс. человек в месяц. Имеется также некоторое количество голландского торгового флота, которое США смогут использовать, а использование дальнейшего итальянского тоннажа обеспечено нами. Мы думаем, что в общем возможно в апреле погрузить 120 тыс. человек из США—число, которое может быть до некоторой степени увеличено в следующие месяцы...

Если мы проиграем настоящую кампанию без использования этих войск, то возможно, что война кончится и будет проиграно дело, которое так красноречиво защищал президент, и притом проиграно без всякого шанса для США использовать что-либо, кроме незначительной части своих сил.

Все будущее войны зависит, по нашему мнению, от того, кто, враг или союзники, сможет первым пополнить потери, понесенные в этой великой борьбе, и очевидно, что на стороне немцев не будет даже минутной задержки. Они обладают значительными человеческими ресурсами, чтобы покрывать свои потери, имеется также австрийская армия, 250 тыс. человек которой, согласно сообщениям, помещенным в германских газетах, находятся уже на Западе. Если мы не сможем организовать войска заново так скоро, как враги, то это даст им благоприятный случай добиться окончательного военного решения, посредством которого германские руководители надеются закончить войну германской победой».

Каблограмма Бальфура Хаузу

Лондон, 26 марта 1918 г.

«Премьер-министр и я видели сегодня утром мистера Бэйкера[1] и старались серьезно воздействовать на него, настаивая на получении от соответствующих властей согласия в отношении следующих предложений:

Первое. Четыре американские дивизии должны быть немедленно использованы для удержания наших укрепленных линий и оказания кроме того помощи французским дивизиям.

[1] Секретарь Бэйкер провел несколько недель во Франции и Англии, инспектируя войска.

Второе. Мы согласились, что имеется транспорт для перевозки сюда шести полных американских дивизий. Мы твердо настаивали, чтобы при настоящем кризисе этот тоннаж был использован более продуктивно, с тем чтобы он не расходовался на перевозку полных дивизий со всем комплектом их артиллерии и т. д., а главным образом для перевозки пехоты, в которой мы в данный момент больше всего нуждаемся.

Третье. Так как временно командированные американские инженерные бригады во Франции заняты теперь подготовкой базы и путей сообщения для будущей американской армии и имеют в своем составе много искусных инженеров, то они должны быть отвлечены от их теперешнего занятия и использованы в качестве импровизированных инженерных бригад для конструкции укреплений и т. д. в тылу наших армий.

Четвертое. Каждая из перевезенных американских дивизий, об окончании перевозки которой будет донесено, должна также использоваться на фронте или как отдельная дивизия, или для увеличения пехотного состава сражающихся дивизий.

Бальфур».

Каблограммы Хауза Бальфуру

Нью-Йорк, 26 марта 1918 г.

«Ваш № 68 получен и вручен президенту с моей настоятельной рекомендацией, чтобы предложенные распоряжения были немедленно сделаны.

Хотя мы обеспокоены, но мы имеем такое доверие к мужеству и упорству британских войск, что чувствуем полную уверенность в конечном исходе.

Эдуард Хауз».

Нью-Йорк, 27 марта 1918 г.

«Президент соглашается фактически с каждым предложением, сделанным вами в отношении распоряжения силами нашей армии.

Я счастлив сообщить вам, что секретарь Бэйкер после совещания с генералами Блиссом и Першингом отдал распоряжения, осуществляющие рекомендации, изложенные в вашей каблограмме.

Эдуард Хауз».

Каблограмма Бальфура Хаузу

Лондон, 3 апреля 1918 г.

«Я позволяю себе лично выразить вам мою огромную благодарность за великодушный ответ, данный президентом на наши настоятельные просьбы об американской помощи для преодоления

этого кризиса. Я чувствую, что многое должно быть отнесено за счет вашей энергии. Я хочу, чтобы вы знали о том, что здесь прекрасно понимают, как велика жертва, которую принесла Америка, согласившись на включение ее батальонов в ряды британских дивизий. Я считаю своим долгом уверить вас, что я сделаю все, что в моей власти, чтобы облегчить положение насколько возможно.

Бальфур».

4

Мартовский кризис побудил генерала Першинга отправиться без промедления в главную квартиру генерала Фоша и предоставить в его распоряжение все американские войска, готовые к сражению. Приблизительно 300 тыс. человек достигли к этому времени Франции. Принятие этого предложения означало рассеивание этих войск вдоль союзного фронта и вытекающую отсюда отсрочку в деле создания собственной американской армии в Лотарингии, если бы даже Першинг предполагал держать свои дивизии объединенными.

Кроме того, 27 марта верховный военный совет принял, с одобрения американцев, следующую резолюцию, предусматривавшую временное сведение американских войск в бригады вместе с союзными единицами, хотя резолюция подчеркивала также принцип независимой американской армии. Она была принята Першингом.

Резолюция верховного военного совета

«Военные представители придерживаются мнения, что весьма желательно, чтобы американское правительство оказало союзным армиям помощь в возможно скором времени, разрешая принципиально временную службу американских единиц в союзных армейских корпусах и дивизиях. Такие подкрепления должны быть, однако, взяты из других единиц, а не из тех американских дивизий, которые сейчас оперируют вместе с французами, и, кроме того, единицы, временно таким образом используемые, должны быть в соответствующем случае возвращены американской армии.

Военные представители придерживаются того мнения, что во исполнение вышестоящего решения, начиная с настоящего времени и до тех пор, пока не последует других указаний со стороны верховного военного совета, во Францию должна доставляться только американская пехота и пулеметные отделения, организованные так, как решит правительство, и что все соглашения или конвенции, до сих пор заключенные и противоречащие этому решению, должны быть изменены и приведены в согласие с ним».

В связи с обещанием президента Вильсона, что США будут грузить по 120 тыс. солдат в месяц в течение четырех месяцев, руководители союзников придавали этой резолюции такое зна-

чение, как будто все американские войска, перевозимые в течение ближайших четырех месяцев, должны состоять из пехоты и пулеметчиков и должны сводиться побригадно с союзными войсками. Генерал Першинг, однако, не соглашался с этим. Он был всегда тверд в своих настояниях на необходимости создания в возможно скором времени американской армии, и в то же время он считал, что 60 тыс. человек, для которых англичане обещали найти средства перевозки, могут быть сведены побригадно. По его мнению, соглашение позволяло ему использовать излишний тоннаж сверх 60 тыс. для комплектных американских дивизий. 9 апреля лорд Рединг, только что получивший длинную каблограмму от своего правительства, сообщил полковнику Хаузу ее содержание и просил его о совете относительно того, каким образом разрешить недоразумение с американским правительством.

«Ясно,—сказал он Хаузу,—что взгляды, которых придерживается генерал Першинг, ни в коем случае не соответствуют широким задачам политики, установленной, насколько мы понимаем, президентом. Главным пунктом несогласия является то обстоятельство, что, по нашему мнению, нам обещано, что в течение четырех месяцев: апреля, мая, июня и июля, должны быть сведены побригадно с британскими и французскими войсками 480 тыс. человек пехоты и пулеметчиков. Это обязательство не признается генералом Першингом, который не одобряет принятия такой политики.

Следующее, и меньшее, несогласие состоит в том, что британское правительство, до сих пор вполне согласное с генералом Першингом относительно конечного отозвания войск, сведенных в бригады с британцами и французами, необходимых для образования американской армии, теперь полагает, что этот процесс не может и не должен начаться ранее октября или ноября, около конца сезона активных военных операций этого года.

Президент показал, что он столь надежно владеет положением, что мы не имеем охоты создавать ему какое-либо возможное затруднение... Весьма существенно, однако, чтобы вопрос был выяснен, так как повторные указания на различие между точкой зрения генерала Першинга и тем, что мы считаем политикой, установленной президентом, показывают, что эти различия коренной важности и оказывают непосредственное влияние на исход всей войны».

«Я посоветовал Редингу,—писал Хауз в своем дневнике,—не просить свидания с президентом до завтра и не встречаться с ним до тех пор, пока он не получит от меня письма, которое будет сегодня мной написано». Хауз сочувствовал и руководителям союзников, и Першингу. Чувство Першинга,—писал он президенту,—что американская армия под его командой должна быть создана и сделана возможно более грозной, вполне понятно. Тем не менее, дело идет сейчас о том, чтобы остановить германцев, а чтобы остановить их, мы должны, очевидно, ввести в бой каждого пригодного солдата». Единственный способ удовлетворить обе

стороны состоял в том, чтобы увеличить количество погружаемых войск даже выше предположенных 120 тыс. Прежде чем притти к решению, необходимо было дождаться прибытия секретаря Бэйкера, который находился во Франции и мог авторитетно доложить о тамошних условиях. Пока же все приготовления к перевозке американских войск должны были ускориться.

19 апреля посол Рединг вручил другой меморандум. Меморандум снова повторял обещание о перевозке 120 тыс. и подразумевал, что они будут состоять из пехоты и пулеметчиков. Он заявлял, однако, что эти войска «предназначены для обучения под управлением и по усмотрению генерала Першинга и будут использоваться вместе с британскими, французскими и американскими дивизиями, когда этого будут время от времени требовать трудности положения».

Командующему американскими экспедиционными силами предоставлялась, таким образом, свобода распоряжаться своими войсками так, как он считал лучшим. Если бы предоставляемый тоннаж мог быть увеличен и в Европу было бы перевезено большее количество войск, то тогда было бы возможно для него предоставить 120 тыс. человек для создания сводных бригад и использовать излишек для образования самостоятельной американской армии. Это была именно та возможность, которая, по мнению полковника Хауза, должна была привести к разрешению проблемы.

Ни британцы, ни французы не были удовлетворены, однако, и дальнейшие переговоры и попытки соглашения между их военными руководителями и Першингом не могли убедить их в справедливости его позиции. На конференции в Аббевиле в начале мая он предложил шесть дивизий пехоты и пулеметчиков в месяц при условии, что количество транспортных судов будет увеличено, но он настаивал, что излишек тоннажа должен быть предоставлен для перевозки артиллерии и вспомогательных родов оружия, необходимых для укомплектования американских дивизий. Кроме того, он соглашался оставить свои шесть дивизий у фельдмаршала Хэйга только до тех пор, «пока продолжаются чрезвычайные обстоятельства». Это позволило бы ему позднее отозвать дивизии, когда он сочтет, что чрезвычайных обстоятельств больше нет[1].

Генерал Фош и военные представители верховного военного совета, конечно, не одобряли этого соглашения. Они были убеждены, что для предупреждения угрожающей опасности истощения германцами союзных резервов и чтобы иметь эти резервы в своем распоряжении в июле и августе, весь возможный тоннаж торгового флота вплоть до последней тонны должен быть использован для перевозки американской пехоты и пулеметчиков.

---

[1] Как оказалось, генерал Першинг уже в начале августа попросил о возвращении американских дивизий, чтобы образовать первую американскую армию.

Каблограмма Фрэйзира Хаузу

Париж, 6 мая 1918 г.

«...Различие в результатах между двумя этими планами не незначительно; предполагая, что может быть найден тоннаж для перевозки 200 тыс. человек в мае и июне и что будет посылаться только пехота, союзники могут рассчитывать на 400 тыс. человек для пополнения своих расшатанных дивизий, а главное они не будут вынуждены уменьшить число этих дивизий. Согласно плану генерала Першинга, можно было бы воспользоваться только половиной этого количества пехоты.

Фрэйзир».

Но Першинг готов был держать пари, что немцы могут быть остановлены и при его плане и что создание самостоятельной американской армии повлечет за собой такое увеличение боевой мощи американских войск, сражающихся под своим знаменем, что конец войны будет ускорен. Он твердо настаивал на сделанных им предложениях, и союзники по необходимости приняли их. Каково бы ни было мнение в Вашингтоне относительно правильности его суждения, правительство поддержало командующего генерала.

В середине мая пришло предложение о том, что, может быть, Вильсон послал бы в Европу полковника Хауза, чтобы представлять США в политической части верховного военного совета. Предложение было принесено лордом Редингом полковнику до того, как передать его президенту. Он показал ему каблограмму от Ллойд Джорджа, которая изложена в дневнике полковника Хауза следующим образом:

«По моему мнению, имеет большое значение, чтобы полковник Хауз прибыл в Европу на следующее заседание верховного военного совета. Это заседание будет одним из самых важных и должно будет принять ряд решений по весьма жизненным вопросам, особенно в связи с использованием американских войск.

Мне кажется невозможным достичь на этом заседании удовлетворительных результатов, если на нем не будет присутствовать авторитетный политический представитель правительства США, с которым мы будем иметь возможность вести переговоры на равных условиях и который будет в состоянии принимать свои решения сразу...

В результате переговоров по телеграфу возникают неминуемо промедления и нерешительность, которые наносят делу вред. Французский премьер-министр настаивает, чтобы ближайшее заседание состоялось 1 июня, и как он, так и генерал Фош весьма желают, чтобы мы пришли к окончательному решению безотлагательно.

Мы вполне разделяем взгляд относительно настоятельной необходимости заседания. Конечно, намечаемая дата заседания вряд ли позволила бы Хаузу прибыть до его открытия, даже при условии, что он выедет в начале ближайшей недели. Но если

он может приехать, то я просил бы об отсрочке заседания на несколько дней, несмотря на глубокое сожаление, причиняемое мне отсрочкой, исключительно из-за весьма большой важности, которую я придаю присутствию полковника. Будьте так добры упорно настаивать на этом перед президентом и, если президент согласится с вами, принять все меры, чтобы побудить Хауза выехать возможно скорее. Будьте любезны передать ему мои извинения за слишком незадолго сделанное предупреждение. Я вполне сознаю, что эти внезапные поездки весьма затруднительны, но, к несчастию, враг не заботится ни о чьих удобствах..»

Полковник Хауз нисколько не сомневался в том, что ни он сам, ни кто-либо другой не должен отправляться за океан на заседание верховного военного совета при создавшемся положении дел. Было ясно, что руководители союзников собираются апеллировать к американскому политическому представителю, чтобы он побудил Першинга отложить его план создания отдельной американской армии, и столь же ясно было, что командующему американской армией должна была быть предоставлена свобода действий. Президент Вильсон дал себе обещание, что впервые в истории страны не должно быть никакого политического вмешательства в военное руководство войной.

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 20 мая 1918 г.

«Дорогой начальник!

Сегодня утром Рединг завтракал со мной. Он только что вернулся из Оттавы. Он получил каблограмму от премьер-минстра с предложением повидать вас и просить, чтобы вы послали меня или кого-нибудь другого представлять гражданскую часть нашего правительства на ближайшем заседании верховного военного совета.

Это заседание должно состояться 1 июня, но он думает, что оно может быть отложено на несколько дней, если я смогу выехать через день или два... Ллойд Джордж добивается чего-то вроде отмены решения Першинга. Они, вероятно, намереваются снова поднять тот же старый вопрос...

Мы оба думаем, что все, что предполагается проделать на этом ближайшем заседании, займет достаточно времени, чтобы успеть получить каблограмму непосредственно от вас, в случае если будет необходимо разрешить какое-либо несогласие, могущее возникнуть между ними и Першингом. Будьте уверены, что я вполне готов отправиться сейчас или в любое другое время, когда я, по-вашему мнению, должен отправиться. Мы думаем, однако, что было бы гораздо лучше для меня отправиться позднее, возможно в сентябре или октябре, если вы считаете, что мне вообще нужно ехать.

Любящий вас *Э. М. Хауз*».

22 мая лорд Рединг испросил аудиенцию у президента Вильсона, на которой он представил предложение Ллойд Джорджа относительно посылки в Европу американского политического представителя для участия в заседании верховного военного совета, и, получив разрешение говорить с полной искренностью, сказал, что британцы и французы хотели бы видеть представителем полковника Хауза. Президент ответил, что если бы он послал представителя, то это был бы Хауз, но что он согласен с Хаузом, что было бы неуместно посылать его в настоящее время.

5

Под натиском необходимости средства находятся. Если союзники хотели иметь американскую пехоту и пулеметчиков, они должны были найти потребный для этого транспортный флот, так же как и для перевозки единиц, необходимых для укомплектования американских дивизий и для создания отдельной американской армии. 5 июня Першинг, Фош и Милнер достигли соглашения.

Было предположено, что не менее 250 тыс. американских солдат в месяц должны перевозиться в июне и в июле. В июне 170 тыс. из них должны быть строевыми войсками (что составляло 6 дивизий, за вычетом артиллерии, амуниционных парков и обозных частей). В июле, как сказано, должен был иметься абсолютный приоритет 140 тыс. строевых войск. Остальные из каждых 250 тыс. должны были составлять войска, принадлежащие к категориям, указанным американским командующим генералом во Франции. Если бы соглашение было осуществлено, то союзники должны были иметь в своем распоряжении количество пехоты и пулеметчиков, далеко превосходящее то, о котором они просили и на которое они надеялись в марте, после германского наступления, и, кроме того, генерал Першинг был бы в состоянии приступить к созданию американской армии.

Премьер-министры Франции, Великобритании и Италии утверждали, что только с помощью таким образом осуществленных мероприятий возможно было с некоторой уверенностью предотвратить германскую победу до конца лета, и они телеграфировали непосредственно Вильсону, чтобы удостовериться, что обещание Першинга понято в Вашингтоне и что правительство готово выполнить его до конца. Вильсон ответил обещанием полной поддержки, окончательно соглашаясь довести армию во Франции до 100 дивизий.

Каблограмма трех премьер-министров

Версаль, 1 июня 1918 г.

«Мы желаем высказать президенту нашу самую теплую благодарность за примечательную быстроту, с которой американская помощь, превышающая помощь, казавшуюся возможной некоторое

время назад, была оказана союзникам в течение последнего месяца, чтобы отразить великую опасность. Кризис, однако, попрежнему продолжается. Генерал Фош представил нам доклад величайшей важности, который подчеркивает, что численное превосходство врага во Франции, где 162 союзным дивизиям противостоят теперь 200 германских дивизий, весьма велико и что так как у британцев и французов не имеется возможности увеличить число своих дивизий (наоборот, они прилагают все усилия, чтобы поддержать их число), существует большая опасность, что война будет проиграна, если численное превосходство союзников не сможет быть восстановлено возможно скорее прибытием американских войск. Генерал Фош настаивает поэтому с крайней категоричностью на том, чтобы максимально возможное количество пехоты и пулеметов, недостаток в которых на стороне союзников наиболее заметен, беспрерывно погружалось в Америке в июне и в июле для предотвращения непосредственной опасности поражения союзников в настоящей кампании, вследствие того, что резервы союзников будут истощены ранее резервов врага.

В добавление к этому, заглядывая в будущее, генерал Фош указывает, что невозможно предвидеть окончательную победу в этой войне, если Америка окажется не в состоянии обеспечить создание такой армии, которая даст союзникам возможность окончательно установить необходимое численное превосходство. Он считает, что в общем потребные для этого американские силы должны составлять не менее 100 дивизий, и настаивает на непрерывном увеличении новых американских наборов, которые, по его мнению, должны достигать не менее 300 тыс. человек в месяц, имея в виду доведение общей численности американской армии до 100 дивизий, и притом в кратчайший срок.

Мы удовлетворены тем, что генерал Фош, который руководит настоящей кампанией с присущим ему талантом, к военному суждению которого мы продолжаем питать абсолютное доверие, не переоценивает нужд положения, и мы уверены, что правительство США сделает все, что может быть сделано как для того, чтобы пополнить недостаток в настоящее время, так и для того, чтобы продолжать беспрерывно новые наборы в расчете обеспечить в возможно скором времени численное превосходство, которое верховный главнокомандующий союзными силами считает существенным для одержания окончательной победы.

Клемансо, Ллойд Джордж, Орландо».

«*5 июня 1918 г.* Я имел сегодня утром, — писал Хауз, — важный разговор с Уайзмэном. Ллойд Джордж прислал лорду Редингу каблограмму, подписанную премьер-министрами Англии, Франции и Италии и убеждающую президента послать в Европу определенное количество войск в течение июня и июля: 170 тыс. строевых в июне и 140 тыс. в июле. Каблограмма бьет тревогу... Президент

готов посылать войска, не ставя ограничений ни в количестве, ни во времени... Это показывает, что сейчас они пришли к некоторому соглашению с Першингом.

Я попросил сэра Уильяма составить каблограмму Ллойд Джорджу, в которой он должен заявить, что она составлена после совещания со мной... Жюсседан посетит президента в два часа и представит ему каблограмму [от премьер-министров]. Уайзмэн телефонирует мне после о результатах...

Уайзмэн только что телефонировал, что Жюсседан видел президента и тот обещал послать 100 дивизий наших войск в Европу так скоро, как только возможно. Это составит 2 700 тыс. человек».

Таким образом, американские человеческие ресурсы перебрасывались на боевой фронт. Количество американских войск, принявших действенное участие в оборонительной борьбе в июне и июле было не так велико, но прибытие этих войск во Францию давало союзникам гарантию, что их резервы не будут истощены, как опасались военные руководители Антанты. Американцы обещали в марте послать 480 тыс. в течение четырех последующих месяцев. Как оказалось, почти миллион был послан за время этих четырех месяцев[1]. Июньское соглашение, которое устанавливало 250 тыс. в месяц, было превзойдено: среднее месячное количество от июня до сентября включительно составляло 280 тыс.[2]

Общим мнением военных кругов было, что потребуется по крайней мере еще один год борьбы, чтобы победить Германию. Действительно, некоторые думали, что конечная кампания не может быть ранее 1920 г. Были дни, когда казалось более разумным не быть оптимистом, так как военное положение требовало отчаянного мужества. Правда, брешь между британскими и французскими армиями около Амьена была закрыта, и британцы стойко держались во Фландрии. Но германцы прорвались в конце мая от Шмен де Дам, и в июне враг снова угрожал Парижу.

Тем не менее, Хауз надеялся, что победа союзников может притти скорее, чем осмеливались думать военные руководители. С назначением Фоша генералиссимусом и с американскими войсками, пересекающими Атлантику в огромных количествах, наихудший кризис казался ему миновавшим. Он рассчитывал, кроме того, на крушение моральной стойкости Германии, как только станет ясным, что наступление остановлено, а также на действие речей президента Вильсона, которые посеяли недоверие между германским народом и его правительством и стимулировали процесс самоопределения в Австрии. Он даже отважился пред-

[1]

Апрель	118 642
Май	245 945
Июнь	278 664
Июль	306 350
	949 601

(*Ayres*, The War with Germany, p. 37).

[2] Ibid., p. 37.

сказать ниспровержение германских военных руководителей осенью.

Письмо Хауза президенту

Магнолия, Массачузетс, 23 июня 1918 г.

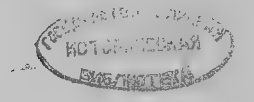
«Дорогой начальник!

...Я получил уведомление, что немцы утверждают, что настанет 1920 год, прежде чем мы сможем иметь миллион солдат во Франции. Мы уже имеем этот миллион, и германский народ должен знать об этом. У меня было впечатление, и Рединг подкрепил его, что мы перевезли наших людей через Атлантику скорее, чем англичане перевезли своих через канал[1], и транспортные возможности союзников растут так быстро, что мы скоро сможем работать даже еще лучше.

Англия, Франция и Италия нуждаются теперь в постоянном поощрении, и никто не может осуществлять его лучше вас. Если их нравственный дух сможет поддерживаться до осени, то, по моему мнению, наша борьба против Германии будет в основном выиграна.

Мне кажется, что Австрия дошла уже до состояния излома, и я думаю также, что германский народ возьмет осенью верховную власть из рук военных экстремистов, если они не одержат до тех пор решительной победы на западном фронте.

Любящий вас *Э. М. Хауз*».



[1] Но более половины перевезено на британских судах.



